



СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316:378.4(470.44-25)

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА В СГУ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Г.В. Дыльнов

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье рассматриваются основные этапы становления и развития социологического образования в СГУ. Особое внимание уделено состоянию преподавания социологии в современных условиях, путям повышения его качества.

Ключевые слова: история, становление социологии в СГУ, этапы развития социологии в СГУ, социологическое образование в СГУ, эффективность социологического образования.

Sociology in Saratov State University: Achievements and Perspectives

G.V. Dylnov

The article analyses the main stages of foundation and evolution of sociology in Saratov State University. Special attention is paid to the condition of sociological education in modern environment and improvement of its quality.

Key words: history, foundation of sociology in Saratov State University, stages of development of sociology in Saratov State University, sociological education in Saratov State University, the efficiency of sociological education.

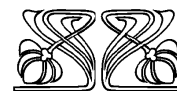
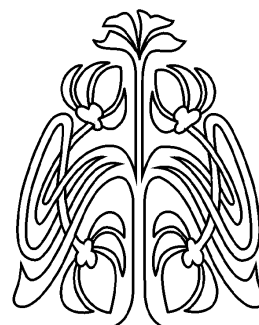
Саратовский государственный университет, отмечающий в 2009 г. свой 100-летний юбилей, является динамично развивающимся вузом, продвинувшимся далеко вперед по всем направлениям своей жизнедеятельности. В течение двух лет (2007–2008 гг.) СГУ был участником федерального проекта «Образование», выиграв грант на осуществление инновационной образовательной программы. В результате ее реализации в университете удалось укрепить материально-техническую базу учебного процесса, обновить его методическое и программное обеспечение, повысить квалификацию многих преподавателей. Изменения в жизни университета последних лет выдвигают его на ведущую роль в Саратовском регионе как центра инновационных исследований и образования в области естественных и гуманитарных наук¹.

Не является исключением и социологическое образование в университете. Следует особо подчеркнуть, что оно имеет давние и славные традиции. Преподавание, а затем и широкое развитие научных исследований в социальной области начинается с 1918 г., сразу после открытия в СГУ новых факультетов, в том числе историко-филологического с историческим и филологическим отделениями и юридического факультета².

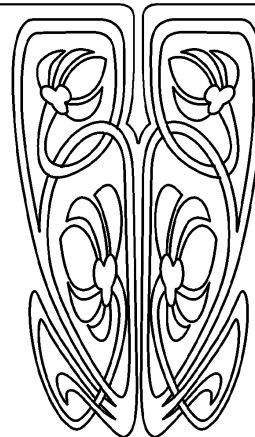
В Саратовском университете курс социологии наряду с другими курсами читался первоначально на юридическом факультете в 1918–1919 годах.

В апреле 1919 г. в университете по решению Наркомпроса РСФСР был создан факультет общественных наук (ФОН) в составе трех отделений: политико-юридического, экономического и исторического. В этот период курс теоретических основ социологии читался для студентов юридического, экономического и исторического отделений.

По курсу социологии проводились не только лекционные, но и семинарские занятия. При этом все семинарские и практические занятия,



НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ





как по социологии, так и по другим гуманитарным наукам, проходили достаточно активно.

Кроме посещения лекций и практических занятий студентами факультета общественных наук была проявлена значительная активность и самостоятельность в плане научных исследований, что способствовало организации научного кружка, подразделившегося на ряд секций, в том числе историко-юридическую, экономическую, философско-историческую, государственного права и социологии. Одним из наиболее крупных исследователей того времени, занимавшихся социологией и читавших лекции по курсу общей социологии, был профессор Степан Федорович Кечекьян. Он не только читал лекции по социологии на факультете общественных наук, но и заведовал кабинетом социологии, заботился о его пополнении необходимой новейшей литературой, оказывал помощь студентам.

В 1920 г. на заседании совета факультета был утвержден список кафедр политико-юридического отделения ФОНа. Среди них были кафедры социологии и истории социально-политических учений, уголовной социологии, истории международных отношений, истории русского права, гражданского права и социализма и ряда других.

Среди тех, кто непосредственно занимался социологической наукой, помимо уже упомянутого С.Ф. Кечекьяна, необходимо назвать И.П. Разумовского, С.З. Каценбогена, Г.Ю. Маннса, М.П. Коваленкова. Затем в структуре университета произошли новые изменения, факультет общественных наук был реорганизован; на педагогическом факультете была создана кафедра социологии.

Далее наступил новый период реорганизации системы преподавания социально-гуманитарных дисциплин в университете (как и в стране в целом), в СГУ были созданы общеуниверситетские кафедры диалектического и исторического материализма, политической экономии и ленинизма, кафедра социологии была закрыта. С этого времени преподавание социологии в университете практически прекращается, социология заменяется комплексом партийно-идеологических дисциплин, просуществовавших вплоть до конца 80-х годов.

Возобновление преподавания социологии в СГУ началось лишь с 1990 года. Однако заметим, что социология как наука и учебная дисциплина, конечно, не могла быть уничтожена полностью. Как и в стране в целом, в Саратовском университете социологические проблемы «присутствовали» и изучались в системе существовавших тогда общественных дисциплин. В той или иной мере и степени социологическими проблемами занимались и философы, и историки КПСС, и политэкономы, и преподаватели научного коммунизма СГУ.

Так, доцент кафедры философии О.С. Зелькина одной из первых в стране обратилась к изучению проблем системы, системного подхода

в научных исследованиях, имеющего большое значение и в социологии. К отдельным аспектам экономической социологии обращался, в частности, политэконом СГУ А.П. Швецов.

Особенно плодотворно в социологическом русле работали историки КПСС во главе с заведующим кафедрой В.Б. Островским, позднее возглавившим Институт социально-экономических проблем аграрно-промышленного комплекса АН СССР, ныне Институт аграрных проблем РАН. В течение многих лет кафедра истории КПСС СГУ занималась изучением крестьянства Поволжья, организовывались социологические экспедиции на село, проводились широкомасштабные исследования труда, быта, досуга крестьян. По существу были заложены основы саратовской школы аграрной социологии³.

Кафедра научного коммунизма СГУ, созданная в 1964 г., свою научную деятельность строила с применением различных социологических методов. Еще в 1971 г. появилась книга первого заведующего кафедрой И.Н. Чихичина и доцента той же кафедры Ю.А. Макарова, которая была написана в плане политической социологии⁴.

В.И. Осипов, бывший в свое время заведующим кафедрой, активно занимался социологическими проблемами и в течение нескольких лет читал студентам истфака СГУ большой спецкурс по методике социологических исследований. Ни одна диссертация, подготавливаемая на кафедре, не принималась к защите без данных конкретно-социологических исследований. В 1973–1974 гг. доцент Г.В. Дыльнов в составе группы ученых университета принимал непосредственное участие в разработке модных тогда планов социального развития, в частности планов развития Кировского района города Саратова и двух колхозов области. Многие сделал для становления социологии в университете С.И. Барзилов.

Все это подготавливало почву для воссоздания социологического образования в СГУ. В конце 1980-х гг. социология была официально признана в нашей стране; в 1989 г. были открыты социологические факультеты в Московском и Ленинградском университетах; стали создаваться кафедры и отделения социологии в других вузах страны. Приказом ректора Саратовского университета от 21 февраля 1990 г. была организована кафедра социологии при одновременной ликвидации кафедры научного коммунизма. Кафедру возглавил доцент Г.В. Дыльнов. Началась большая работа по формированию коллектива кафедры и созданию учебно-методических пособий.

Значительной вехой в истории кафедры явилось открытие в 1994 г. при кафедре специальности «Социология». Заметим, что кафедра социологии тогда была университетской и не могла осуществлять набор студентов и поэтому набор студентов на социологическую специальность осуществлялся на историческом факультете, что можно рассматривать своеобразной традицией



социологического образования в университете 20-х гг. В 1994 г. на первый курс было зачислено 29 абитуриентов, 28 из которых стали в 1999 г. первыми выпускниками по специальности «Социология».

17 июля 2000 г. на базе существовавшей ранее кафедры социологии и массовой коммуникации был создан социологический факультет.

Ныне в своем составе факультет объединяет 6 кафедр: теории и истории социологии, социологии коммуникаций, прикладной социологии, регионоведения, социологии молодежи, социальной информатики. Наряду с кафедрами при факультете работают Саратовский центр Института социологии РАН, Центр региональных социологических исследований (ЦРСИ), Центр востоковедения, созданный при поддержке Посольства Исламской Республики Иран, научно-методический центр по работе с молодежью, а также представительства в Александровом Гае, Ершове, Красноармейске, Красном Куте, Петровске, Пугачеве, райцентре Лысые Горы и посёлке Степное.

В настоящее время на социологическом факультете обучаются около 1,5 тыс. студентов дневной и заочной форм обучения на бюджетной и коммерческой основе по пяти специальностям. Учебный процесс на факультете осуществляют 15 докторов наук, профессоров, 36 кандидатов наук, доцентов, а также пять ассистентов. Важно при этом отметить, что все доктора социологических наук на факультете – его преподаватели, защитившие диссертации в последние годы (О.Г. Антонова, Л.С. Аникин, А.М. Викулов, З.М. Дыльнова, С.Г. Ивченков, М.В. Калининкова, Т.А. Калугина, Е.Е. Немерюк, Н.В. Шахматова и др.).

Факультет пополнили 10 его выпускников, став кандидатами наук. Однако проблема притока молодых социологов на преподавательскую работу на факультет является весьма актуальной и ныне⁵.

Научно-исследовательская деятельность факультета включает ряд направлений. Прежде всего, это исследование проблем социально-политического развития современного российского общества. По этому направлению ежегодно проводятся конференции, и по их итогам издается сборник «Некоторые проблемы социально-политического развития современного российского общества». Наряду с этим ежегодно выходит сборник научных трудов «Российское общество в зеркале социологии». Факультет отвечает за выпуск журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология».

В 2001 г. социологический факультет принял активное участие в создании Саратовского отделения МИОН (Межрегионального института общественных наук), где он курирует направление «Власть и социальные патологии современного общества». Под эгидой МИОНа прошло несколь-

ко конференций, научных семинаров, издан ряд сборников и монографий.

Большие возможности для улучшения качества кадрового потенциала возникли в связи с созданием Института дополнительного профессионального образования (ИДПО), включающего и такое направление, как «Социология». На его базе проходят переподготовку преподаватели социологического факультета СГУ, других вузов Саратова и Российской Федерации. Работу данного направления обеспечивает социологический факультет.

Деканат факультета уделяет пристальное внимание организации учебной, научной, воспитательной и культурной деятельности студентов, используя инновационные технологии и методики. Факультет в последние годы неизменно занимает высокие места по качеству образования. В 2008 г. шесть студентов социологического факультета стали стипендиатами Оксфордского университета.

Студенты факультета активно занимаются научно-исследовательской деятельностью, организуют ежегодные научные конференции, по результатам которых издается сборник студенческих работ «Регион глазами студентов». Кроме того, студенты принимают участие в научных конференциях других вузов города и страны. Работает студенческий научный кружок, а также студенческий совет факультета, который является помощником деканата в работе со студентами. Студенты факультета принимают активное участие в художественной самодеятельности университета и в спортивных мероприятиях.

Достаточно динамично развиваются международные связи факультета. В 2000 г. социологи университета ознакомились с постановкой социологического образования в университете штата Северная Каролина. Была достигнута договоренность о развитии конкретных социологических исследований по повышению эффективности социальной работы среди населения. В 2002 г. был реализован грант «Сравнительная социология» совместно с университетом штата Вайоминг. В соответствии с достигнутыми договоренностями в Саратовском университете был создан Центр региональных социологических исследований (ЦРСИ). В учебно-методические задачи центра входит проведение практических и семинарских занятий по таким дисциплинам, как методика и технология проведения социологических исследований, теория измерений в социологии, анализ данных в социологии, методика и техника социологического опроса, анкетирование аудитории.

В научно-исследовательском плане в задачи ЦРСИ входит проведение социологических исследований по изучению социальных проблем образа жизни и активного участия в образовательном процессе студентов СГУ. В качестве приоритетных задач центра выступает также разработка рекомендаций по оптимизации и повышению



эффективности процесса обучения в вузе, по социальной защите студентов и по оптимизации культурно-воспитательной работы.

На факультете с 1995 г. функционируют диссертационный совет, аспирантура и докторантура по социологическим специальностям. За эти годы было защищено более 30 докторских и свыше 100 кандидатских диссертаций.

В настоящее время коллектив факультета работает над одной из главных задач всего процесса реформирования высшего образования в стране – проблемой перехода на двухуровневую систему образования. В этой связи факультет принимает непосредственное участие в дальнейшей реализации инновационной образовательной программы университета: разработаны план мероприятий по переходу на двухуровневую систему образования, рабочие планы и программы по бакалавриату и магистратуре, ведется работа с молодыми преподавателями по освоению данных программ. На факультете уже началась подготовка бакалавров и в 2009 г. осуществлен их первый выпуск по направлениям «Социология» и «Регионоведение».

Большую работу осуществляет научно-методический совет факультета, в который входят наиболее авторитетные преподаватели, в направлении реализации системы менеджмента качества в образовательном процессе на факультете. СГУ сотрудничает с Европейской ассоциацией организаций гарантии качества в сфере высшего образования. В 2009 г. ряд сотрудников университета получили сертификаты данной ассоциации, среди

которых и доцент социологического факультета Д.В. Покатов.

В связи с расширением учебных площадей социологического факультета СГУ каждое его структурное подразделение получило отдельные помещения, был открыт компьютерный класс, идет процесс обновления технического оборудования на факультете, создание гардероба и буфета, большой лекционной аудитории и т.д.

Но все это лишь начало большой работы по внедрению инновационных образовательных программ в жизнедеятельности факультета, и в данном направлении предстоит еще многое сделать, с тем чтобы позиции социологического факультета в регионе стали еще более прочными.

Примечания

- 1 См.: Инновационная образовательная программа Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского: итоги и перспективы. Саратов, 2009.
- 2 См. подробнее: Саратовский университет (1909–1959). Саратов, 1959. С. 19.
- 3 См.: *Островский В.Б.* Колхозное крестьянство СССР. Саратов, 1967; *Островский В.Б., Веник Б.Л.* По старым саратовским трактам. Саратов, 1974.
- 4 См.: *Чихичин И.Н., Макаров Ю.А.* Система общественных объединений трудящихся в политической организации советского общества. Саратов, 1971.
- 5 См. подробнее: Социология в Саратовском университете. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов, 2005. Разд. 2.

УДК 316.3:316.252(470)+929[Звоницкая+Тахтарев]

НЕОПОЗИТИВИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ (ВЗГЛЯДЫ А.С. ЗВЕНИЦКОЙ И К.М. ТАХТАРЕВА)

С.А. Ровнова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

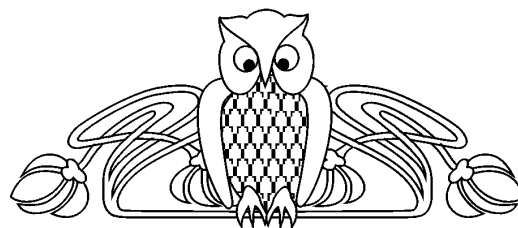
Статья посвящена анализу взглядов виднейших представителей русского неопозитивизма А.С. Звоницкой и К.М. Тахтарева на проблему общественного развития.

Ключевые слова: неопозитивизм, общественное развитие, прогресс, эволюция, личность.

Neopositivist Concept of Social Development (A.S. Zvonitskaya and K.M. Tahtareva's Views)

S.A. Rovnova

The article analyses the ideas of outstanding representatives of Russian neopositivism A.S. Zvonitskaya and K.M. Tahtarev about the problem of social development.



Key words: neopositivism, social development, progress, evolution, individual.

В начале XX в. ведущей школой в развитии русской социологии становится неопозитивизм, имеющий свои взгляды и представления об историческом процессе, законах общественного развития. Наиболее яркими представителями этой школы были А.С. Звоницкая, К.М. Тахтарев и П.А. Сорокин. Остановимся на взглядах А.С. Звоницкой и К.М. Тахтарева на проблему детерминированности общественного развития.

Агнесса Соломоновна Звоницкая – первая женщина, выступившая на русском социологическом поприще. Ее работа «Опыт теоретической социологии» (1914) написана под сильнейшим влиянием Тарда, Гиддингса, Болдуина и Де Роберти. Книга



эффективности процесса обучения в вузе, по социальной защите студентов и по оптимизации культурно-воспитательной работы.

На факультете с 1995 г. функционируют диссертационный совет, аспирантура и докторантура по социологическим специальностям. За эти годы было защищено более 30 докторских и свыше 100 кандидатских диссертаций.

В настоящее время коллектив факультета работает над одной из главных задач всего процесса реформирования высшего образования в стране – проблемой перехода на двухуровневую систему образования. В этой связи факультет принимает непосредственное участие в дальнейшей реализации инновационной образовательной программы университета: разработаны план мероприятий по переходу на двухуровневую систему образования, рабочие планы и программы по бакалавриату и магистратуре, ведется работа с молодыми преподавателями по освоению данных программ. На факультете уже началась подготовка бакалавров и в 2009 г. осуществлен их первый выпуск по направлениям «Социология» и «Регионоведение».

Большую работу осуществляет научно-методический совет факультета, в который входят наиболее авторитетные преподаватели, в направлении реализации системы менеджмента качества в образовательном процессе на факультете. СГУ сотрудничает с Европейской ассоциацией организаций гарантии качества в сфере высшего образования. В 2009 г. ряд сотрудников университета получили сертификаты данной ассоциации, среди

которых и доцент социологического факультета Д.В. Покатов.

В связи с расширением учебных площадей социологического факультета СГУ каждое его структурное подразделение получило отдельные помещения, был открыт компьютерный класс, идет процесс обновления технического оборудования на факультете, создание гардероба и буфета, большой лекционной аудитории и т.д.

Но все это лишь начало большой работы по внедрению инновационных образовательных программ в жизнедеятельности факультета, и в данном направлении предстоит еще многое сделать, с тем чтобы позиции социологического факультета в регионе стали еще более прочными.

Примечания

- 1 См.: Инновационная образовательная программа Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского: итоги и перспективы. Саратов, 2009.
- 2 См. подробнее: Саратовский университет (1909–1959). Саратов, 1959. С. 19.
- 3 См.: *Островский В.Б.* Колхозное крестьянство СССР. Саратов, 1967; *Островский В.Б., Веник Б.Л.* По старым саратовским трактам. Саратов, 1974.
- 4 См.: *Чихичин И.Н., Макаров Ю.А.* Система общественных объединений трудящихся в политической организации советского общества. Саратов, 1971.
- 5 См. подробнее: Социология в Саратовском университете. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов, 2005. Разд. 2.

УДК 316.3:316.252(470)+929[Звоницкая+Тахтарев]

НЕОПОЗИТИВИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ (ВЗГЛЯДЫ А.С. ЗВЕНИЦКОЙ И К.М. ТАХТАРЕВА)

С.А. Ровнова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

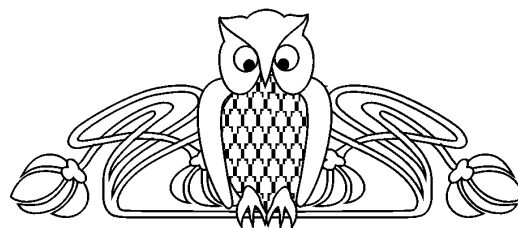
Статья посвящена анализу взглядов виднейших представителей русского неопозитивизма А.С. Звоницкой и К.М. Тахтарева на проблему общественного развития.

Ключевые слова: неопозитивизм, общественное развитие, прогресс, эволюция, личность.

Neopositivist Concept of Social Development (A.S. Zvonitskaya and K.M. Tahtareva's Views)

S.A. Rovnova

The article analyses the ideas of outstanding representatives of Russian neopositivism A.S. Zvonitskaya and K.M. Tahtarev about the problem of social development.



Key words: neopositivism, social development, progress, evolution, individual.

В начале XX в. ведущей школой в развитии русской социологии становится неопозитивизм, имеющий свои взгляды и представления об историческом процессе, законах общественного развития. Наиболее яркими представителями этой школы были А.С. Звоницкая, К.М. Тахтарев и П.А. Сорокин. Остановимся на взглядах А.С. Звоницкой и К.М. Тахтарева на проблему детерминированности общественного развития.

Агнеса Соломоновна Звоницкая – первая женщина, выступившая на русском социологическом поприще. Ее работа «Опыт теоретической социологии» (1914) написана под сильнейшим влиянием Тарда, Гиддингса, Болдуина и Де Роберти. Книга



была задумана в виде четырехтомного трактата, но свет увидел только первый том, где автор изложила свое понимание «социальной связи».

Звоницкая считала, что подлинная задача социологии сводится к разработке «классификационного видового признака» общества, который может служить методологически адекватной основой рассмотрения любых общественных явлений. Таковой она считает явление социальной связи, изучение которой составляет «краеугольный камень всякой теоретической социологии».

Между индивидами в процессе общения возникают специфические отношения в виде «общности сознания и деятельности». Вслед за Тардом и Болдуином Звоницкая определяет это общение как передачу «содержания одного сознания другому сознанию», т.е. подражание.

Эта тенденция развивается и приходит к апогею в человеческом обществе – высшем типе общения и подражания, так как здесь появляется даже форма, специфическим образом фиксирующая сходство, – самосознание. Звоницкая на этом основании выступала против включения в область социологии изучение «животных стад», что защищали многие социологи (Гроппали, Вагнер, Эпинас, Филиппов, Ковалевский и мн. др.). В последнем случае игнорируется специфика человеческого общения и подражания².

При этом Звоницкая полагает, что старые концепции «социального подражания» (Тард, Болдуин) были лишь первой заявкой на проблему, но далеко не окончательным ее решением. Оба исследователя игнорировали факты биологического подражания, не сумели строго дифференцировать виды социального подражания. В частности, по ее мнению, они оказались бессильны объяснить подражание, которое совершается без всякого непосредственного контакта между индивидами. Их теории требовали априорных понятий общества, группы, коллективного сознания, т.е. последние брались как данные без всяких объяснений.

Основное положение концепции А.С. Звоницкой состоит в том, что нельзя понять формирование личности в отрыве от социальной группы (или групп), наше «я» всегда есть «я» социальное, ибо, мысля себя, мы вольно или невольно непременно мыслим и других. Поэтому абстрактное противопоставление «я» и общества порочно, они неразделимы, и их единство имеет психологическое основание.

Согласно Звоницкой, в процессе развития личности имеют место три существенных момента: 1) приобретение личностью сведений об окружающей психологической среде («проективный момент», социализация, на современном языке); 2) обобщение, типологизация полученных сведений (самосознание как таковое); 3) предположение о наличии сходных обобщений у других личностей, т.е. согласование совместной деятельности («эктивный момент», или система социальных ожиданий).

Центральным понятием социологии Звоницкая считает «эктивацию» (ожидание, термин заимствован у Болдуина). Именно эктивация, предполагая у других индивидов наличие сходных реакций и размыкая тем самым мое «я», составляет необходимую основу кооперации и общения и заключает в себе искомую природу социальной связи. Отсюда главный теоретико-методологический вывод исследования Звоницкой: сознание себя и сознание другого, личность и социальная связь не только в онтогенезе, но и в филогенезе возникают одновременно; личность и общество не разделимы ни в логическом, ни в генетическом порядке. При этом наиболее распространенная форма эктивации – подражание, анализ которого позволяет нам понять внутреннюю структуру общества.

Анализируя систему социальных ожиданий, Звоницкая обращается к теории социального конфликта. Подтверждение ожиданий составляет норму деятельности людей. Соответственно, нарушение эктивации воспринимается как «преступление». Если нарушение совершается изолированно, то мы имеем конфликт между личностью и обществом. Если же «преступной» оказывается целая группа, то налицо социальный кризис.

После кризиса и его разрешения начинается процесс медленного выздоровления общества, восстановления его нормативной системы. Решающую роль в этом процессе, согласно Звоницкой, играет симпатия, без которой, собственно, вообще не обходится ни один момент социальной связи. Симпатия есть сходное отношение к себе и другим. Уровень ее прямо пропорционален степени сознания сродства.

В результате социального кризиса и борьбы сфера симпатии резко сужается, люди оказываются в гнетущей социально-психологической ситуации. Но одновременно сознание бессилия, тоски вызывает и рост симпатии, ибо только за нее люди могут зацепиться, чтобы выжить. Именно здесь проходит вектор исторического прогресса.

Человек живет в обществе не столько неподвижными биологическими инстинктами, сколько пластической психикой социального характера. При этом «проективный» и «эктивный» моменты составляют своеобразные полюса личного самосознания, беспрестанное обращение к ним, повторение их и переход «я» от одного к другому составляют общий закон развития личности.

«Эктивный момент», или «эктивация», характеризует социальное, так как здесь «есть активная реакция, а не пассивное усвоение и самозамыкание», как в двух других моментах. Наконец, «эктивация», по мнению Звоницкой, составляет необходимую основу всякой совместной согласованной деятельности, ибо предполагает правильный расчет в отношении друг друга. Согласованная деятельность и есть «организованное отношение», или отношение социальное.



Итак, «эктивация», или социальная связь, объявляется центральным элементом социальной действительности, а все остальные образования – группы, нормы, институты и социальная структура в целом – рассматриваются как функционирование социальной связи.

Все устойчивые и длительные типы «эктивации», полагает Звоницкая, создают особые «линии социальности», или формы социального общения. Когда «эктивация» связана с одним главным моментом и носит односторонний характер, она оформляется в широкие «социальные круги» – экономические, политические, религиозные и т.п. Многосторонняя «эктивация» невольно сужает состав в количественном отношении и демонстрирует нам мелкие социальные группы – секты, учреждения, профессиональные союзы и т.п. Эти группы отличаются от первых кругов большой однородностью, сплоченностью. Социальная связь здесь наиболее тесная и адекватная.

Следовательно, делает вывод Звоницкая, пересечение и функционирование социальных связей и создает структуру общества, а сознание индивидов «является логически неизбежной предпосылкой закона социальной структуры». Звоницкая рассматривает формы разрыва преемственности, социальной связи и общения в виде социальных конфликтов и кризисов. В русской, как и в западной, социологии этот вопрос усиленно обсуждался.

Звоницкая описывает несколько вариантов конфликта и его возможных социопсихических последствий. Здесь много абстрактного, несколько исторических иллюстраций не меняют картины в целом, и она опять обращается к испытанному позитивистскому рецепту – учению о «консенсусе».

Итак, в основе воззрений А.С. Звоницкой лежало несколько постулатов: общество создается только «общением между индивидами»; это общение носит закономерный характер и эволюционизирует; личность и социокультурная среда находятся в неразрывном единстве или связи; «социальная связь» (или «эктивация») означает одновременно состояние самосознания личности и деятельность на этой основе.

Социальная связь, по ее мнению, характеризуется прежде всего не пространственно-временной аспектом взаимодействия и не материальную или духовную ценность, ради которой оно имеет место, а изменения в сознании людей, вступающих в конфликты; социальная связь и есть главный элемент социальной действительности, а все остальные образования – группы, нормы, институты и социальная структура в целом – есть функционирование социальной связи.

Еще один представитель неопозитивизма – К.М. Тахтарев. Он полагал, что научные средства для выяснения вопроса о закономерности социальных явлений даются, с одной стороны, сравнительной историей общества, с другой – сравнительной статистикой. Наряду с эволюци-

онным методом он начинает использовать метод «численного измерения». Вся дальнейшая исследовательская деятельность Тахтарева была в целом посвящена пересмотру основных вопросов социологической теории на этой посылке.

Специфика любой социальной науки, в том числе и социологии, полагал Тахтарев, определяется двойко – через ее предмет и ее историю. Изучение и систематизация современных проблем социологии немыслимы без предварительного знакомства с их эволюцией. Поэтому он интенсивно занимается историей социологии.

Изложение своей системы социологии Тахтарев начинает с методологических вопросов. «Без естествознания... правильное понимание общественной жизни вряд ли возможно», их объединяет и характер протекания изучаемых вопросов, и характер приемов исследования явления»². Речь идет не о превращении социологии в физику, биологию или психологию, а о методологическом сходстве, ибо социология призвана быть особой естественной наукой об общественной жизни, изучающей особый класс социальных явлений, впрочем, таких же естественных явлений, как и все другие явления мировой жизни. Сходные суждения в это же время и несколько раньше высказывали и другие социологи: П.А. Сорокин, В. Парето и В. Томас.

Если понятия «совместное сотрудничество», «сожитие» выражают сущность общественной жизни, то последняя, писал Тахтарев, совершается в формах «общения», особенно «трудового общения». «Общество есть самодостаточное сожитие людей, находящихся во всевозможных формах общения друг с другом с целью всестороннего обеспечения жизни и сознающих свое общественное единство»³.

Совершенно очевидно, что здесь различие между обществом и межличностным общением прежде всего в наборе прилагательных «самодостаточное», «всевозможные», «всестороннее». Так как абстрактная сила его понимания общества в последних словах, то подробная расшифровка их и составила содержание книги.

Термин «самодостаточность», заимствованный у Аристотеля, был довольно неопределенным. У Тахтарева он означал «сотрудничество индивидов..., достаточное для обеспечения всех их жизненных потребностей и стремлений к более совершенной жизни». Но что такое потребности и «стремления к более совершенной жизни»? И разве их качество и количество являются величиной постоянной? Чьи именно стремления принимаются во внимание в указанном определении? Ответа в его концепции мы не обнаруживаем.

Больше оригинальности Тахтарев проявил в вопросах расслоения общества и его строения. Общение, пишет он, неизбежно объединяет людей в каких-либо отношениях и этим противопоставляет другим, т.е. разъединяет. Оба эффекта, считал он, подкрепляются фактическим биопсихическим



неравенством людей, и на их совместном действии вырастает вся групповая дифференциация общества. Социальному различию, антагонизму и борьбе противостоят сходство, соглашение, солидарность, которые лежат в основе любого социального института, учреждения.

В толковании проблем структуры общественной жизни Тахтарев в целом следовал за современными ему американскими социологами. Он различал группы стабильные, действующие долгое время в рамках одного или даже нескольких типов социальных структур, и группы временные, переходящие. Особое внимание он уделяет на этом основании роли каждой группы, которая, как он полагал, зависит от людского состава – количества и качества, степени организованности, набора групповых материальных средств и символов, способов действия, имеющихся в распоряжении групп.

В особый тип он выделял те группы, которые оказывают давление на общественную власть, хотя бы в форме общественного мнения, через «политические машины» или экономическую борьбу. При этом он выступал против марксистского понимания классовой борьбы, противопоставляя ему идею межклассового сотрудничества и солидарности. Таким образом, многочисленные социальные группы и институты составляют социальную структуру общества, т.е. часть систем общения.

Последний раздел его системы связан с темой «Общение – закономерность общественной жизни». Между закономерностью «естественной» и «общественной», писал Тахтарев, нет принципиального различия, обе имеют ряд главных и совпадающих элементов в виде повторяемости, зависимости и необходимого соотношения. Общественная закономерность не есть производное от широких мировых законов природы, она специфична, так как стремится вскрыть отношения особого социального разряда явлений. Но в чем конкретно заключается специфика социальных явлений?

Само по себе признание, что общественная жизнь протекает закономерно, – похвально, но это происходит во всем мире явлений. Суть дела в том, какие именно это законы? Уже со времени О. Конта в социологии утверждались поиски двух типов законов: во-первых, законов генетической смены, определенной последовательности, эволюции и, во-вторых, законов функциональных.

В последние годы ряд социологов, пишет Тахтарев, справедливо выступили против того, чтобы так называемые эволюционные законы возводились в ранг научных обобщений. Установление их нередко бывает весьма трудной и щекотливой задачей, не в достаточной мере обоснованной даже фактически, несмотря на кажущееся изобилие и достоверность фактов. И лишь функцио-

нальные законы оказываются социологическими законами в наиболее полном и истинном смысле этого слова.

Они фиксируют необходимое соотношение равновесия между различными социальными явлениями (разделением труда, производством, политикой, культурой, классами, численным составом группы и т.п.), которое чаще всего непосредственно открывается сравнительно-статистическими методами. Правда, хотя «заветная мечта каждого социолога» выразить изучаемые общественные явления «точным языком чисел», Тахтарев подчеркивает, что при всей принципиальной «важности числа» для социологии она, тем не менее, остается именно социологией, а не математикой и статистикой. Иными словами, речь идет о служебной роли статистики в социологии. Эту точку зрения в русской литературе активно защищали А.А. Чупров, А.А. Кауфман и др.

По мнению Тахтарева, только усваивая точные научные приемы массового наблюдения и исследования социальных явлений, численного их измерения и статистико-социологического выяснения их необходимых соотношений, социология может стать действительно точной общественной наукой, – таким выводом он заключает свою главную книгу.

Итак, концепция социологии К.М. Тахтарева весьма оригинальна: социологию он определял как науку, которая изучает общественную жизнь, взятую в целом, выясняет общественные явления в их естественных и необходимых соотношениях и устанавливает выражающиеся в них закономерности. Социология изучает все общественные явления с целью выяснения их соотношения и закономерностей. Важной задачей социологии, по Тахтареву, выступает исследование социального процесса, хода развития общественной жизни и связанных с ним явлений эволюции, прогресса и регресса, расширения форм общения, столкновения и борьбы различных социальных сил и групп.

Поскольку общество есть некоторая взаимосвязанная целостность, постольку важнейшей задачей социологии, считал ученый, является исследование взаимоотношения различных социальных явлений, установления их необходимой закономерности.

Примечания

- 1 См.: *Зволицкая Агн.* Опыт теоретической социологии. Т. 1. Социальная связь. Киев, 1914. С. 6 и след.
- 2 *Тахтарев К.М.* Наука об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности. Опыт изучения общественной жизни и построения социологии. Пг., 1919. С. 29, 55.
- 3 Там же. С. 45, 141.

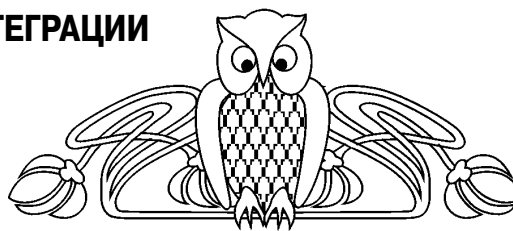


УДК 378 (100)

БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС И ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ СИСТЕМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

И.Г. Малинский

Саратовский государственный университет,
кафедра социальной информатики
E-mail: mig@info.sgu.ru



В статье раскрывается влияние глобализации на систему высшего образования, которая проявляется в разворачивании Болонского процесса. Показаны необходимость, потенциальные возможности и проблемы интеграции российского высшего образования в целом и Саратовского госуниверситета в частности в данный процесс.

Ключевые слова: Болонский процесс, интеграция систем высшего образования, интернационализация университетского образования.

The Bologna Process and the Problems of Integration of Higher Education System

I.G. Malinsky

The article deals with the globalization impact on higher education system resealing in developing the Bologna process. The necessity, potential abilities and integration problems of Russian higher education, in general, in particular, in this process are demonstrated.

Key words: the Bologna process, higher education system integration, university education, internationalization.

Сегодня процессы глобализации проникли в образовательную сферу, способствуя интеграции национальных образовательных систем. К 2010 г. предполагается создание единой европейской системы высшего образования.

Реализация Болонской декларации происходит в несколько этапов. На первом этапе усилия стран-участниц направлены на сближение разноплановых систем высшего образования. Европа планирует перейти на систему бакалавр-магистр: 3 года бакалавриата + 2 года магистратуры. Это будет способствовать автоматическому признанию документов о высшем образовании и любого курса, прослушанного студентом, в любом университете стран-участниц Болонского процесса.

Министерство образования и науки Российской Федерации определило программу реализации принципов Болонской декларации. Практически завершается разработка нового поколения стандартов высшего образования, базирующихся на компетентностной модели и предусматривающих полномасштабный переход на многоуровневую структуру высшего образования. Это предполагает укрупнение (уменьшение числа) специальностей. В вузах вводится модульно-рейтинговая система организации учебного процесса на основе зачетных единиц трудоемкости учебных дисциплин. Методика расчета зачетных

единиц с учетом российской системы образования не сводится к замене числа часов на зачетные единицы (баллы). В ней присутствует нелинейная организация учебного процесса, когда студент сам по определенным правилам выстраивает траекторию набираемых курсов и, соответственно, зачетных единиц на каждую дисциплину.

Начался процесс разработки единого приложения к диплому о высшем образовании. Процесс введения системы зачетных единиц и, соответственно, единого приложения к диплому достаточно длителен. Предполагается, что к 2010 г. появятся первые выпускники наших высших учебных заведений, обучавшиеся по этой системе. В настоящее время в качестве переходного, промежуточного варианта происходит процесс условного перевода часов, выделяемых на освоение дисциплин, в систему зачетных единиц (баллов). Это позволит уже через 1–2 года начать выдавать диплом нового образца, дающего возможность нашим студентам приехать в любой другой вуз Европы, и от них не потребуют никаких дополнительных документов.

Реализация Болонского процесса предполагает создание, в соответствии с общеевропейскими требованиями, общероссийской системы аккредитации и контроля качества, не зависящей от органов управления образованием, с выделением соответствующих региональных структур. Такие аккредитационные службы будут работать по международным стандартам с привлечением зарубежных специалистов, работодателей, выпускников и студентов к оценке деятельности вуза и с использованием методик внешнего аудита (таких, как SWOT и Фонд-анализ, benchmarking и т.д.). Для осуществления своей деятельности аккредитационные службы должны будут получить признание в головной организации по координации решений Болонского процесса – Европейской сети гарантии качества образования (EWQA). Саратовскому университету предстоит завершить работу по созданию внутривузовской системы контроля качества обучения в соответствии с общеевропейскими требованиями.

В соответствии с Болонской декларацией, аспирантура является элементом академической (не научной) многоуровневой структуры образования. Это предполагает иное определение статуса



аспирантуры и докторантуры на федеральном уровне.

К настоящему времени часть европейских вузов, в том числе и российских, приступила к построению общеевропейского пространства высшего образования. Еще до Болонской декларации некоторые российские вузы уже реализовывали ее принципы. Так, например, многоуровневая система образования в России начала создаваться с 1992 г., исходя из российских потребностей рынка труда и рынка образовательных услуг. Интенсификация этого процесса будет способствовать расширению российских образовательных услуг для иностранных студентов. Сегодня из 100 европейских студентов, обучающихся за рубежом, 30 едут в США, 15 – в Великобританию, 10 – во Францию, 8 – в Германию и только 2 – в Россию.

Откликаясь на вызовы нового времени, Саратовский государственный университет проводит интенсивную работу по вхождению в мировое образовательное пространство. СГУ уже несколько лет участвует в совместных программах по интеграции систем высшего образования, сотрудничая в рамках проекта TEMPUS и других. С рядом зарубежных университетов адаптировались некоторые образовательные программы, приводятся в договоренное соответствие системы оценки знаний и трудоемкости различных дисциплин. СГУ имеет сетевые проекты сотрудничества с зарубежными вузами по академической мобильности, взаимопризнанию образовательных программ, по совместной подготовке аспирантов и докторантов.

Одним из важных направлений деятельности Саратовского государственного университета является создание на его базе международных культурно-образовательных центров. Все это расширяет возможности включенного обучения студентов в нескольких европейских и российских университетах на основе совместно разработанных принципов взаимозачетов и взаимопризнания образовательных документов разного уровня. Тесное сотрудничество с зарубежными университетами помогло нам пересмотреть образовательные программы и приступить к постепенной реорганизации учебного процесса. Реализация подобных совместных программ позволит СГУ приблизиться к полномасштабному внедрению основных принципов Болонской декларации. Задачам Болонской декларации соответствуют и программы подготовки управленческих и преподавательских кадров, которые реализуются в рамках Института дополнительного профессионального образования (ИДПО) СГУ. Таким образом, университет вновь обретает свою изначальную интеллектуальную и социальную миссию в обществе в качестве гаранта универсальных ценностей и культурного наследия.

Не случайно в ходе проведенного социологического опроса большинство сотрудников университета (58%) указали, что сегодня интерна-

ционализация является приоритетным направлением развития СГУ. Примерно столько же членов коллектива достаточно высоко оценили процесс реализации этого направления деятельности университета. 57,43% опрошенных охарактеризовали его как активный и очень активный. Причем в ряде подразделений данный процесс был оценен выше, чем в среднем по вузу. К таким подразделениям можно отнести факультет философии и психологии (85,7% опрошенных сотрудников этой структуры), Институт филологии и журналистики, географический факультет (по 75%), механико-математический факультет (73%), Институт истории и международных отношений (70,6%), химический (66,7%), социологический (64,3%), юридический (63,2%) факультеты.

Процессы интеграции России в общеевропейское образовательное пространство вызывают не только удовлетворение от приобщения России к европейской цивилизации, но и ряд проблем, связанных с глобализацией образования. К ним можно отнести опасения по поводу сохранения исторически накопленных позитивных традиций, опыта, самобытности и достижений национальной системы высшего образования с ее фундаментальной составляющей, сомнения в сохранении качества образования во время обучения по облегченным, усредненным программам. Целый ряд проблем видится также в развитии технологической и социальной инфраструктуры, условий жизни и степени безопасности в вузах, что существенно влияет как на качество обучения, так и на привлекательность российского образования для иностранных студентов.

Результаты опроса показали, что, по мнению большинства сотрудников университета, в данном процессе участвует лишь небольшая часть студентов и преподавателей СГУ. Однако только 1% опрошенных указали, что ни разу не были за рубежом в рамках своей профессиональной деятельности. 45% сотрудников побывали на стажировке за границей. Еще столько же участвовали в международных конференциях как по линии программ СГУ, так и по линии иных проектов. 63,94% опрошенных участвовали в различных видах международной деятельности. При этом выявилось расхождение в ответах респондентов, которые, например, не всегда сразу могли вспомнить, сколько раз они принимали участие в международных исследовательских проектах. Речь, видимо, идет о понимании необходимости более интенсивного развития этого направления. Особенно это касается совместной с западными коллегами разработки учебников, учебных пособий, технологий, рецензирования зарубежных изданий и пр. Существенным препятствием является низкий уровень владения иностранными языками. Так, английским языком (в той или иной степени) владеют около 34% опрошенных, немецким – 11,9%, французским – 4,3%. Уровень владения остальными языками практически незначителен.



Специфика именно университетского отношения к интернационализации проявилась в понимании особенной важности этого процесса для развития научно-исследовательской деятельности и для реализации творческого потенциала сотрудников СГУ. Это подтверждается и заявленными индивидуальными целями участия сотрудников СГУ в международных исследовательских проектах, где на первом месте по значимости выступают научные интересы. Такого мнения придерживаются три четверти сотрудников университета. На втором – получение ценного профессионального опыта (почти 61% опрошенных). Меркантильные интересы оказались на порядок менее значительными.

УДК 316.334.3

КАТЕГОРИЯ ИНТЕРЕСА КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

И.А. Бегинина

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии регионов
E-mail: BegininaIA@info.sgu.ru

В статье на основе результатов социологического опроса определяется значение категории интереса для выявления особенностей общественного мнения населения Саратовской области в политической сфере, анализируется влияние социально-демографических, образовательных, экономических факторов, а также СМИ на степень интереса и сформированности потребностей регионального сообщества в социально-политической информации о деятельности российских органов власти.

Ключевые слова: социально-политический интерес, интерес к деятельности органов власти, потребность в политической информации.

Category of the Interest as a Tool of Public Opinion Analyses in Socio-political Sphere

I.A. Beginina

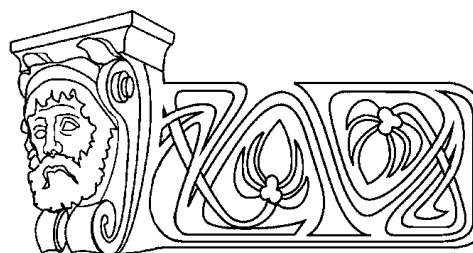
In the article the meaning of the interest category is determined, which is very important for identification peculiarity of the Saratov region population public opinion in the political sphere. The article materials are based on the results of the sociological poll. The author analyses the influence of the mass-media, socio-demographic, educational and economic factors on the degree of the interest, how requirements of the regional community are formed, concerning socio-political information, about the Russian authority's activity.

Key words: socio-political interest, interest to the authority activity, demand in political information.

Начало XXI века характеризуется возрастающей ролью политики. Она охватывает все сферы жизни общества, оказывает глубокое влияние на их функционирование. Политика является обла-

стью общественной жизни, где концентрируются и осмысливаются все важнейшие общественные проблемы, интересы различных классов и социальных слоев, вырабатываются механизмы и способы их решения. В условиях нынешних преобразований в политической сфере проблема власти выдвигается на первое место. С приходом новых политических лидеров видоизменяются власть и направление её влияния¹. Встаёт вопрос о будущем политической и социальной жизни общества. Меняется также роль человека в обществе и функционировании политической системы. Социальная адаптация людей к действительности происходит через коррекцию взглядов, ценностных ориентаций, норм поведения в соответствии со стандартами новых политических взаимоотношений.

По своему содержанию политическое сознание отражает все компоненты политической





Специфика именно университетского отношения к интернационализации проявилась в понимании особенной важности этого процесса для развития научно-исследовательской деятельности и для реализации творческого потенциала сотрудников СГУ. Это подтверждается и заявленными индивидуальными целями участия сотрудников СГУ в международных исследовательских проектах, где на первом месте по значимости выступают научные интересы. Такого мнения придерживаются три четверти сотрудников университета. На втором – получение ценного профессионального опыта (почти 61% опрошенных). Меркантильные интересы оказались на порядок менее значительными.

УДК 316.334.3

КАТЕГОРИЯ ИНТЕРЕСА КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

И.А. Бегинина

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии регионов
E-mail: BegininaIA@info.sgu.ru

В статье на основе результатов социологического опроса определяется значение категории интереса для выявления особенностей общественного мнения населения Саратовской области в политической сфере, анализируется влияние социально-демографических, образовательных, экономических факторов, а также СМИ на степень интереса и сформированности потребностей регионального сообщества в социально-политической информации о деятельности российских органов власти.

Ключевые слова: социально-политический интерес, интерес к деятельности органов власти, потребность в политической информации.

Category of the Interest as a Tool of Public Opinion Analyses in Socio-political Sphere

I.A. Beginina

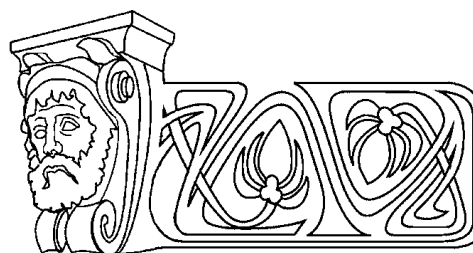
In the article the meaning of the interest category is determined, which is very important for identification peculiarity of the Saratov region population public opinion in the political sphere. The article materials are based on the results of the sociological poll. The author analyses the influence of the mass-media, socio-demographic, educational and economic factors on the degree of the interest, how requirements of the regional community are formed, concerning socio-political information, about the Russian authority's activity.

Key words: socio-political interest, interest to the authority activity, demand in political information.

Начало XXI века характеризуется возрастающей ролью политики. Она охватывает все сферы жизни общества, оказывает глубокое влияние на их функционирование. Политика является обла-

стью общественной жизни, где концентрируются и осмысливаются все важнейшие общественные проблемы, интересы различных классов и социальных слоев, вырабатываются механизмы и способы их решения. В условиях нынешних преобразований в политической сфере проблема власти выдвигается на первое место. С приходом новых политических лидеров видоизменяются власть и направление её влияния¹. Встаёт вопрос о будущем политической и социальной жизни общества. Меняется также роль человека в обществе и функционировании политической системы. Социальная адаптация людей к действительности происходит через коррекцию взглядов, ценностных ориентаций, норм поведения в соответствии со стандартами новых политических взаимоотношений.

По своему содержанию политическое сознание отражает все компоненты политической





сферы общественной жизни. Тем самым оно показывает, что изменения в деятельности органов власти и управления, налаживании межпартийных отношений и других политических процессах, так или иначе, обусловлены субъективными позициями элитарных и неэлитарных слоев.

Одним из важных компонентов политического сознания является интерес к политической информации. Эта категория отражает многоуровневую и неоднородную направленность индивидуальной или массовой ментальности людей, установку на активный поиск, усвоение и активное преобразование информации о политическом явлении или процессе. Интерес имеет ярко выраженную социальную природу, отражая свойства политики, социально-политические потребности социального субъекта (человека, группы, общества).

В ходе проведенного опроса саратовцев выяснилось, что более половины населения периодически интересуются происходящими политическими событиями (54,7%)². Не интересуются, но информацию получают 24,8%. Постоянно

находятся в курсе событий 15,2% опрошенных. У этой категории, видимо, особенно развита потребность в транспарентности власти, так как именно от ее решений во многом зависят и безопасность, и законность, и экономическая стабильность общества. Совсем не заинтересованных оказалось 5,3%. Эта категория населения предельно дистанцировалась от органов власти, видимо, ощущая свою полную отчужденность от ее институтов.

Данные табл. 1 позволяют увидеть, что интерес к политической информации в наибольшей степени присутствует у представителей старшего поколения. Возможно, это связано с традициями, оставшимися с советских времен, когда политическая активность была обязательной для каждого. Однако, думается, что это может быть связано с более сильной зависимостью старшего поколения (пенсионеров) от государственной помощи. Чем моложе население, тем более оно дистанцировано от органов власти и тем менее им ощущается потребность в информации о деятельности властных структур.

Таблица 1

Заинтересованность в деятельности органов государственной власти представителей различных поколений, % по поколениям

Заинтересованность в деятельности органов государственной власти	Поколения			В среднем по выборке
	молодежь	среднее поколение	старшее	
Да, постоянно нахожусь в курсе событий	9,91	10,87	29,00	15,19
Да, периодически интересуюсь происходящим	45,05	66,85	43,00	54,68
Нет, но информацию получаю	36,94	17,93	24,00	24,81
Совсем не интересуюсь	8,11	4,35	4,00	5,32
Итого	100,00	100,00	100,00	100,00

Анализ гендерного среза (табл. 2) демонстрирует, что у мужчин потребность в информации о деятельности властных структур несколько выше,

чем у женщин. Последние в большей степени ощущают свою отчужденность от власти, их потребность носит вынужденный характер.

Таблица 2

Влияние гендера на заинтересованность в деятельности органов государственной власти, % по полу

Заинтересованность в деятельности органов государственной власти	Пол респондента		В среднем по выборке
	мужской	женский	
Да, постоянно нахожусь в курсе событий	16,13	14,35	15,19
Да, периодически интересуюсь происходящим	55,38	54,07	54,68
Нет, но информацию получаю	23,66	25,84	24,81
Совсем не интересуюсь	4,84	5,74	5,32
Итого	100,00	100,00	100,00

Постоянная заинтересованность в информации о деятельности органов власти особенно свойственна людям с высоким уровнем образования (табл. 3). Среди этих категорий населения данная потребность выражена у каждого третьего саратовца. При этом среди тех, у кого интерес к органам власти постоянен, доминируют горожане с высшим образованием (35%). На втором месте – население со средним специальным образованием

(20%), на третьем – со средним образованием (16,7%), на четвертом – люди, окончившие ПТУ (15%). Доля лиц с незаконченным средним образованием здесь составляет 8,3%; людей с незаконченным высшим образованием – 3,3%; тех, кто имеет научную степень или учится в аспирантуре, – 1,7%. Иными словами, степень развитости потребности в транспарентности власти прямо коррелирует с уровнем образования населения.



Таблица 3

Влияние уровня образования на проявление интереса к деятельности органов государственной власти, % по образовательным категориям

Заинтересованность в деятельности органов государственной власти	Уровень образования							В среднем по выборке
	не-полное среднее	среднее общее (10–11 классов)	среднее профессиональное (ФСУ, ПТУ, СПТУ)	среднее техническое (техникум)	незаконченное высшее	высшее	научное	
Да, постоянно нахожусь в курсе событий	38,46	15,87	16,67	16,44	4,65	14,38	33,33	15,19
Да, периодически интересуюсь происходящим	15,38	38,10	59,26	53,42	55,81	63,70	66,67	54,68
Нет, но информацию получаю	38,46	33,33	22,22	26,03	37,21	17,12	0,00	24,81
Совсем не интересуюсь	7,69	12,70	1,85	4,11	2,33	4,79	0,00	5,32
Итого	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

Среди тех, кто деятельностью органов власти интересуется периодически, доминируют саратовцы с высшим образованием (46%), со средним специальным образованием – 18%, окончивших ПТУ – 14,8%, имеющих незаконченное высшее образование и среднее – по 11%. В рамках этой категории населения потребность в транспарентности власти носит неустойчивый характер, хотя также прямо коррелирует с уровнем образования.

В образовательной структуре той категории населения, у которой потребность в информации о деятельности органов власти носит вынужденный характер, доминирует население с высшим образованием (25,5%), на втором месте – люди со средним образованием (21,4%); на третьем – со средним специальным образованием (19,4%), далее – соответственно, те, кто окончил ПТУ (12,2%), и те, кто имеет неполное среднее образование (5,1%).

Среди тех, у кого полностью отсутствует потребность в получении данной информации, доминирует население со средним образованием (38,1%), на втором месте – люди с высшим образованием (33,3%); на третьем – со средним специальным (14,3%). Доли лиц с неполным средним и неполным высшим образованием одинаковы – по 4,8%. Можно предположить, что здесь имеет место наибольшее отчуждение населения от власти, которое меньше зависит от уровня образования.

Вместе с тем, как показал анализ, самый высокий уровень интереса к деятельности властных структур одинаково присущ как самым бедным категориям населения, едва сводящим концы с концами, так и самым богатым, которые ни в чем себе не отказывают – по 33,3%. На втором месте – те, кому денег хватает только на питание (19%). На третьем месте – те, кому денег хватает на одежду и питание, но на крупные вещи приходится брать кредиты (15,1%). Близка по величине

к ним и доля тех, кому затруднительно покупать только действительно дорогие вещи, такие как, например, машина (13,8%).

Самую малую группу среди лиц, стабильно интересующихся политикой, образуют те, кто может без труда покупать вещи длительного пользования (8,8%). Среди всех категорий благосостояния доминирует нестабильный (периодический) интерес к деятельности органов власти. Именно так охарактеризовал свою потребность каждый второй представитель всех имущественных категорий. Каждый четвертый представитель всех этих категорий указал на вынужденный характер получаемой информации. Исключение составили лишь представители самых бедных и самых богатых слоев населения (соответственно 11% и 16,7%). Совсем не интересуются деятельностью органов власти 11% самых бедных, 2% малоимущих, 5,6% околобедных, 10,3% средних, 3,5% богатых слоев населения. Достаточно неопределенный характер различий показывает, что степень развитости потребности в транспарентности власти практически не зависит от уровня материального благосостояния.

52,3% всех опрошенных хотели бы беспрепятственно получать достоверную информацию о деятельности органов государственной власти, треть опрошенных (31,1%) не имеет подобного желания, а 16,7% респондентов затруднились ответить. Таким образом, более половины населения Саратова обладает разной степенью интереса к сведениям такого рода.

Данные опроса показывают (табл. 4), что с интересом к деятельности органов государственной власти напрямую коррелирует желание получить данную информацию. Большинство из тех, кто постоянно или периодически отслеживают политическую ситуацию, выказали желание получить информацию о деятельности органов власти.

Дальнейший анализ данных подтвердил, что чем моложе саратовцы, тем меньше у них



выражена потребность в получении информации о деятельности всех органов государственной власти (табл. 5). Если среди старшего поколения

эта потребность присутствует у 65%, то среди среднего поколения доля таковых – 51%, а среди молодежи – только 43%.

Таблица 4

Влияние заинтересованности в деятельности органов государственной власти на желание получать беспрепятственно и бесплатно любую информацию о деятельности всех органов государственной власти, % по категориям заинтересованности

Заинтересованность в деятельности органов государственной власти	Желание получать информацию			Итого
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	
Да, постоянно нахожусь в курсе событий	75,00	16,67	8,33	100,00
Да, периодически интересуюсь происходящим	54,88	26,51	18,60	100,00
Нет, но информацию получаю	38,78	42,86	18,37	100,00
Совсем не интересуюсь	23,81	66,67	9,52	100,00
По выборке	52,28	31,22	16,50	100,00

Таблица 5

Поколенческие различия в желании получать беспрепятственно и бесплатно любую информацию о деятельности всех органов государственной власти, % по поколениям

Поколения	Желание получать информацию о деятельности всех органов государственной власти				Итого
	Да	Нет	По ситуации	Затрудняюсь ответить	
Молодежь	43,16	37,89	0	18,95	100,00
Среднее	51,16	31,16	0,47	17,21	100,00
Старшее	64,71	22,35	0	12,94	100,00
В среднем по выборке	52,15	30,89	0,25	16,71	100,00

Анализ гендерных различий по критерию желания получать информацию о деятельности всех органов государственной власти (табл. 6)

также подтверждает, что среди мужчин уровень данной потребности несколько выше, чем у женщин.

Таблица 6

Желание получать беспрепятственно и бесплатно любую информацию о деятельности всех органов государственной власти среди мужчин и женщин, % по полу

Пол респондента	Желание получать информацию				Итого
	Да	Нет	По ситуации	Затрудняюсь ответить	
Мужской	52,69	30,65	0,54	16,13	100,00
Женский	51,66	31,28		17,06	100,00
В целом по выборке	52,14	30,98	0,25	16,62	100,00

Средства массовой информации представляют собой один из важных институтов общества и канал информирования населения о деятельности органов власти, государства. Они взаимодействуют с основными социальными институтами, формируют общественное мнение, изменяют отношения между людьми, воздействуют самым непосредственным образом на укрепление государства и процесс его эффективного функционирования. Развитие общества и государства в значительной мере зависит от современных СМИ, той роли, которую они играют в обществе. СМИ позволяют «охватить» информацией практически все на-

селение за очень короткий промежуток времени. СМИ обычно контролируются государством, финансово-промышленными группами, различными компаниями, богатыми собственниками, общественно-политическими организациями и т.п. В демократических государствах средства массовой информации имеют различных собственников, в авторитарных – находятся под полным государственным контролем.

Среди основных источников информации о деятельности властных институтов выделяется телевидение. Именно оно выступает основным инструментом транспарентности власти для большинства населения Саратова (табл. 7).



Таблица 7

Источники получения информации, валидный процент по каждому политическому институту

О деятельности	ТВ	Радио	Газеты	Журнал	Интернет	Собственный опыт	Не получаю	Итого
Президента РФ	86,87	6,06	1,52	0,25	2,02	0,25	3,03	100,00
Правительства и министерств РФ	75,32	11,43	4,94	0,26	3,38	0,26	4,42	100,00
Государственной думы	72,75	10,28	8,23	0,51	3,34	0,51	4,37	100,00
Совета Федерации	70,94	9,16	7,59	0,79	3,66	0,26	7,59	100,00
Губернатора области	58,61	10,28	20,57	0,00	2,06	0,26	8,23	100,00
Областной думы	51,17	12,99	21,04	1,04	3,12	0,52	10,13	100,00
Городской думы	54,31	9,40	23,24	0,26	1,83	0,52	10,44	100,00
Мэра города	51,82	9,11	21,88	0,00	2,60	0,78	13,80	100,00

Однако по мере перехода на региональный и муниципальный уровни власти увеличивается значимость печатных СМИ (газет). Более того, чем ниже уровень властных структур, тем больше доля тех, кто считает, что не получает значимой информации о деятельности политических институтов, и тех, кто полагается только на свой собственный опыт. Слабо выраженный индекс значимости Интернета как источника информации, видимо, объясняется низким уровнем компьютеризации региона.

Еще ниже оцениваются населением журналы как источник политической информации. Можно предположить, что это объясняется тем, что многие такие издания ориентированы не на политику, а на иные сферы жизнедеятельности. Кроме того, их ориентация на размещение рекламы снижает степень доверия к ним со стороны читателей. Молодежь, которая составляет самую значительную часть журнальной аудитории, меньше ориентирована на политику, что предопределяет редакционные стратегии. И, наконец, достаточно высокая стоимость журналов исключает из числа потенциальных читателей лиц с наиболее выраженной потребностью в транспарентности власти – старшее поколение, пенсионеров.

Большинство саратовцев считают информацию, получаемую по телевидению, полностью (7,8%) или в значительной степени достоверной (49,9%). Недостоверной в той или иной степени считают ее 11,9%. Однако каждый третий не смог оценить степень достоверности информации из данного источника. Степень достоверности информации, получаемой по радио, оценивается населением несколько ниже, затруднений при оценке достоверности опрошенные не испытывают.

По отношению к печатным СМИ различия в оценках более значительны. Только каждый третий саратовец (30,7%) полагает, что этой информации можно доверять в той или иной степени, 22,9% – больше склоняются к недоверию. Это в 2 раза больше, чем недоверие к телевидению. Степень доверия к информации, получаемой из Интернета, на занятиях в ходе получения или по-

вышения квалификации, еще ниже. А затруднений с оценкой степени этой достоверности – намного выше. Подобную ситуацию трудно объяснить с позиций возможной ангажированности источников информации. Возможно, рост недоверия населения к ним сопрягается с новизной информации, ее частным характером, спецификой преподнесения материала, а также тем, что эти источники меньше доступны саратовцам.

Только 40% опрошенных полагают, что имеют возможность получить полную и правдивую информацию о деятельности Президента РФ. Еще меньше доля тех, кто считает возможным получить такую информацию о деятельности федерального правительства, министерств и Государственной думы (по 30%), Совета Федерации (28%), губернатора (28,5%), городской администрации (28,7%), областной думы (26%). Противоположной точки зрения придерживается примерно 5–9% опрошенных, и почти каждый второй опрошенный саратовец полагает, что не вполне может получить информацию о деятельности данных структур.

Для развития демократических институтов гражданского общества, устойчивого развития политической системы необходимо, чтобы граждане обладали информацией, могли принимать осмысленные решения на основе имеющихся у них данных, а также доверять органам государственной власти и их решениям. Соккрытие информации под видом ее секретности или затруднение к ней доступа сокращают возможность людей сознательно, полноценно участвовать в жизни общества. Кроме того, информационная прозрачность деятельности органов власти всех уровней, доступность для любого физического или юридического лица получения информации о принимаемых ими решениях, их деятельности являются необходимыми средствами эффективного функционирования органов власти.

Примечания

¹ Аникин Л.С., Бегинин В.И., Дыльнов Г.В., Аракчеева М.Б. Социология власти и авторитета. Саратов, 1994.



² Социологическое исследование «Транспарентность власти и ее эффективности в общественном мнении населения региона» было проведено методом формализованного интервью в 2008 г. в рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 год)» на 2008 г. и междисциплинарного проекта «Трансформации и перспективы институтов власти в сравнительной динамике» Саратовского МИОНа. Объем

вероятностной, квотно-стратифицированной выборки составил 400 респондентов – жителей г. Саратова. В качестве страт использовались такие критерии, как уровень образования, дохода и рода занятий и сферы деятельности. В качестве квот использовались такие маркеры, как пол, возраст, место жительства. Это позволило сформировать выборочную совокупность для получения репрезентативных данных с точностью до $\pm 5\%$.

УДК [316.334.2:316.334.52](470+571)

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: МЕСТО И РОЛЬ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ В ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

А.А. Воронов

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

Статья посвящена характеристике основного содержания, методов и способов реализации социальной политики на региональном уровне. Особое место отводится анализу участия в данном процессе коммерческих банков. Широко использован фактический материал по Саратовской области.

Ключевые слова: коммерческие банки, социальная политика региона, кредиты, ипотека, благотворительность.

Regional Social Policy: the Place and Role of Commercial Banks in This Process

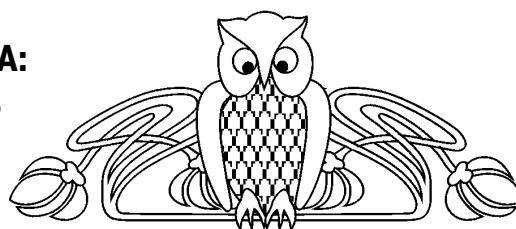
А.А. Voronov

The article covers the characteristics of content, methods and ways of following regional social policy. Special attention is paid to the analysis of commercial banks participating in this process with the widely used facts about Saratov region.

Key words: commercial banks, regional social policy, loans, mortgage, charity.

Социальная политика является одним из направлений внутренней политики государства, поэтому для социологического анализа интересующей нас области политики нам необходимо более конкретное определение политики в целом. На наш взгляд, оно органически связано с социологическим представлением об обществе как структуре, состоящей из разнообразных социальных групп, каждая из которых обладает своими интересами, ценностями и потребностями, а также из институтов – формализованных и неформализованных.

Это позволяет нам сделать вывод о том, что социальная политика представляет совокупность форм и способов воздействия государства на социальную сферу с целью формирования механизмов, регулирующих направление развития социальных процессов в обществе. Данное нами определение



подчеркивает как конкретно обусловленный характер социальной деятельности государства, так и направленность на обеспечение динамичного развития общественной системы в целом.

Содержание современной социальной политики России, специфика задач, стоящих перед ней, приоритетные направления ее деятельности становятся более понятными при анализе функций социальной политики. Именно через функции выражается степень реализации задач, выдвигаемых социальной политикой. Указанная взаимозависимость вытекает из необходимости обеспечения ею двух основных взаимосвязанных тенденций общественного развития: социально гарантирующей и социально стимулирующей. При этом отметим, что под функциями социальной политики понимается реализация тенденций общественного развития, направленных на решение перспективных и текущих социальных задач.

В этой связи социальная политика представляет собой комплекс мероприятий, затрагивающих жизненные интересы каждой отдельной личности. Особое значение в условиях структурирования рыночных отношений принимает адаптационная функция социальной политики, понимаемая как формирование механизмов, способствующих безболезненному включению всех социальных групп населения в условия рыночных отношений.

Региональная политика государства представляет собой одно из направлений общегосударственной политики, связанное с выявлением характерных черт развития регионов и созданием механизма регулирования их взаимоотношений с федеральным центром. Политика региона – это деятельность органов власти субъектов Федерации по разработке и реализации концепций и направлений регионального развития. Региональная социальная политика, являющаяся составной частью политики региона, определяется как деятельность органов власти субъекта Федерации по формированию механизмов регуляции социаль-



² Социологическое исследование «Транспарентность власти и ее эффективности в общественном мнении населения региона» было проведено методом формализованного интервью в 2008 г. в рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 год)» на 2008 г. и междисциплинарного проекта «Трансформации и перспективы институтов власти в сравнительной динамике» Саратовского МИОНа. Объем

вероятностной, квотно-стратифицированной выборки составил 400 респондентов – жителей г. Саратова. В качестве страт использовались такие критерии, как уровень образования, дохода и рода занятий и сферы деятельности. В качестве квот использовались такие маркеры, как пол, возраст, место жительства. Это позволило сформировать выборочную совокупность для получения репрезентативных данных с точностью до $\pm 5\%$.

УДК [316.334.2:316.334.52](470+571)

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: МЕСТО И РОЛЬ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ В ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

А.А. Воронов

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

Статья посвящена характеристике основного содержания, методов и способов реализации социальной политики на региональном уровне. Особое место отводится анализу участия в данном процессе коммерческих банков. Широко использован фактический материал по Саратовской области.

Ключевые слова: коммерческие банки, социальная политика региона, кредиты, ипотека, благотворительность.

Regional Social Policy: the Place and Role of Commercial Banks in This Process

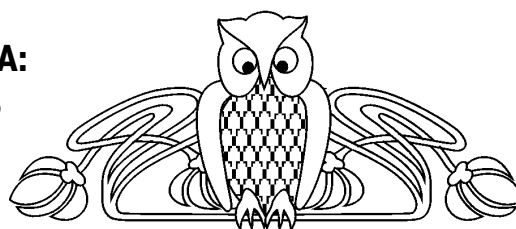
А.А. Voronov

The article covers the characteristics of content, methods and ways of following regional social policy. Special attention is paid to the analysis of commercial banks participating in this process with the widely used facts about Saratov region.

Key words: commercial banks, regional social policy, loans, mortgage, charity.

Социальная политика является одним из направлений внутренней политики государства, поэтому для социологического анализа интересующей нас области политики нам необходимо более конкретное определение политики в целом. На наш взгляд, оно органически связано с социологическим представлением об обществе как структуре, состоящей из разнообразных социальных групп, каждая из которых обладает своими интересами, ценностями и потребностями, а также из институтов – формализованных и неформализованных.

Это позволяет нам сделать вывод о том, что социальная политика представляет совокупность форм и способов воздействия государства на социальную сферу с целью формирования механизмов, регулирующих направление развития социальных процессов в обществе. Данное нами определение



подчеркивает как конкретно обусловленный характер социальной деятельности государства, так и направленность на обеспечение динамичного развития общественной системы в целом.

Содержание современной социальной политики России, специфика задач, стоящих перед ней, приоритетные направления ее деятельности становятся более понятными при анализе функций социальной политики. Именно через функции выражается степень реализации задач, выдвигаемых социальной политикой. Указанная взаимозависимость вытекает из необходимости обеспечения ею двух основных взаимосвязанных тенденций общественного развития: социально гарантирующей и социально стимулирующей. При этом отметим, что под функциями социальной политики понимается реализация тенденций общественного развития, направленных на решение перспективных и текущих социальных задач.

В этой связи социальная политика представляет собой комплекс мероприятий, затрагивающих жизненные интересы каждой отдельной личности. Особое значение в условиях структурирования рыночных отношений принимает адаптационная функция социальной политики, понимаемая как формирование механизмов, способствующих безболезненному включению всех социальных групп населения в условия рыночных отношений.

Региональная политика государства представляет собой одно из направлений общегосударственной политики, связанное с выявлением характерных черт развития регионов и созданием механизма регулирования их взаимоотношений с федеральным центром. Политика региона – это деятельность органов власти субъектов Федерации по разработке и реализации концепций и направлений регионального развития. Региональная социальная политика, являющаяся составной частью политики региона, определяется как деятельность органов власти субъекта Федерации по формированию механизмов регуляции социаль-



ных процессов в регионе в контексте общероссийских тенденций развития.

Данные понятия позволяют выделить следующие различия в задачах собственно социальной политики региона и региональной политики государства. Разрабатываемые в рамках государственной региональной политики прогнозно-программные установки призваны дать регионам необходимые ориентиры в определении их места в обеспечении господствующих тенденций социально-экономического развития. В задачи региональной политики государства входит также определение и корректировка в проектируемой динамике общероссийского и регионального развития собственных регулирующих воздействий на экономические и социальные процессы в обществе.

В рамках региональной политики государства разрабатываются рекомендации по решению социальных проблем на местах с учетом стоящих перед страной текущих и долговременных задач, т.е. как бы указывается направление деятельности региональных властей, а характер конкретных мер определяется на местах с учетом специфики социальной ситуации в регионе.

Исходя из вышеизложенного можно выделить следующие основные задачи региональной социальной политики: снижение социальной напряженности в регионе; обеспечение социальной ориентированности экономики; регулирование межрайонных различий в уровнях развития и уровнях жизни; обеспечение социальной защищенности малообеспеченных групп населения. В силу этого главным результатом осуществления региональной социальной политики должно стать создание в регионе равного доступа к потреблению гарантированного минимума социально значимых услуг и благ всем членам общества независимо от мест проживания, создание таких экономических условий в регионе, которые способствовали бы повышению уровня жизни, степени социального благополучия населения.

Таким образом, выявляется глубокая взаимосвязь региональной политики государства и собственно региональной социальной политики. Она выражается в том, что эффективное разрешение комплекса социально-экономических и социально-политических проблем российского общества невозможно без теснейшего взаимодействия и взаимной поддержки федеральных и региональных органов власти. Фактор огромного экономического и национально-культурного разнообразия Российского государства не только нельзя игнорировать, но и необходимо по возможности разумно использовать с целью установления социального порядка в обществе. Это позволяет значительно повысить функциональные возможности социальной политики в целом.

Формирование самостоятельной социальной политики региона является важным элементом стабильности и социального благополучия госу-

дарства в целом. Однако ее задачи, выделенные нами ранее, конкретизируются и несколько специализируются в зависимости от особенностей территориального положения региона, поскольку каждый из них представляет собой особую социально-территориальную общность.

Это позволяет утверждать, что регион выступает в качестве самостоятельного субъекта социальной политики, обладающего своими характерными особенностями. К числу таковых мы относим рассмотрение региона как самостоятельной социально-территориальной общности, характеризующейся спецификой территориального расположения и, как следствие, социального облика.

Функции современной социальной политики – организационная, прогнозирующая, адаптационная и контролирующая – несут в себе большой потенциал реализации ее задач на всех уровнях общественной системы. Однако функциональные возможности их реализации различны и до конца не используются при разработке программных социальных мероприятий. Сведение российской социальной политики к попыткам решения лишь одной из многих задач, связанных с адаптационной функцией – созданию недостающих противовесов росту маргинализации общества, не только значительно обедняет ее содержание, но, что особенно важно, способствует стагнации многих уродливых форм экономической и социальной жизни России переходного периода¹.

На основе такого понимания социальной политики в регионе, в центре которой стоит человек и удовлетворение его насущных и разнообразных потребностей, можно вести речь о вкладе банков, в частности коммерческих, в ее реализацию. Заметим, что проведенная в России с начала 90-х гг. прошлого века экономическая реформа предопределила новый этап развития банковской системы, которая по замыслу должна была быть способной эффективно накапливать и трансформировать финансовые ресурсы в реальный сектор экономики, в том числе на региональном уровне.

Тем не менее заметим, что до сих пор банковский сектор не играет должной роли в экономическом развитии регионов и России в целом, что характерно для стран с развитой рыночной экономикой. В частности, кредит остается незначительным источником инвестиций для основной массы региональных компаний среднего и малого бизнеса. Размещение средств в долгосрочные кредиты слишком рискованно ввиду отсутствия у многих предприятий ликвидных капитальных активов, которые можно использовать в качестве залога.

Таким образом, низкая активность коммерческих банков в сфере долгосрочного кредитования реального сектора экономики обусловлена, с одной стороны, низкой инвестиционной привлекательностью предприятий, закрытостью информации об их реальном финансовом состоянии и



структуре собственности, с другой – отсутствием должной поддержки со стороны региональных органов власти и управления.

Кроме того, начавшаяся банковская реформа, в основу которой положена идея оздоровления и развития банковской системы за счет консолидации банков, зачастую приводит к усилению позиций крупных инорегиональных банков, представленных филиалами, что в свою очередь негативно отражается на экономике отдельных регионов ввиду неизбежного оттока финансовых ресурсов через филиалы в центральные офисы.

Российские коммерческие банки с момента своего создания ориентировались преимущественно на оказание услуг юридическим лицам, рассматривая их в качестве приоритетных клиентов. В настоящее время рынок корпоративных услуг насыщен, большинство юридических лиц уже охвачено банковскими услугами.

В то же время федеральные и региональные коммерческие банки стали уделять внимание работе с населением. Этой деятельностью стали заниматься даже те кредитные организации, которые традиционно считались корпоративными. Более того, на отечественном рынке произошли серьезные банковские слияния, позволившие типично корпоративным банкам приобрести статус розничных, т.е. предоставляющих банковские услуги населению.

В настоящее время рынок банковских услуг населению находится в стадии формирования и имеет, по оценкам специалистов, огромный потенциал роста. По статистике 50–60% населения практически не пользуются банковскими услугами. Развитие розничных банковских услуг в России сдерживается множеством факторов, в числе которых недостаточная информированность населения, несформированная инфраструктура банковского рынка, несовершенство законодательства.

Развитие потребительского и ипотечного кредитования позволит не только расширить активные операции банков, но и повысить уровень жизни населения, стимулировать развитие сопряженных отраслей экономики, что будет способствовать экономическому росту. Таким образом, развитие сектора розничных банковских услуг имеет большое социально-экономическое значение.

Кроме сказанного выше есть еще несколько направлений оказания реальной помощи со стороны коммерческих банков. Покажем это на примере деятельности ЗАО АКБ «ЭКСПРЕСС-ВОЛГА». Одним из направлений деятельности банка по реализации региональной социальной политики является развитие кредитования населения. Так, в частности, объем предоставленных населению

кредитов в 2008 г. составил более 4,5 млрд руб., в числе которых кредиты на неотложные нужды, автокредиты, кредитные карты и т.д. В условиях мирового финансового кризиса наблюдается определенный спад в сфере кредитования, но по мере выхода из сложной экономической ситуации это направление деятельности банка получит свое дальнейшее развитие.

Определенной поддержкой и помощью населению региона являются регулярно проводимые банком стимулирующие мероприятия. Только за последние несколько лет банк провел десятки лотерей и розыгрышей ценных призов, среди которых – автомобили, квартиры, крупные денежные выигрыши, бытовая техника и др.

Большое внимание также уделяется особой категории клиентов банка – пенсионерам. Для них предусмотрены специальные вклады с выгодными и удобными условиями, а также специальная акция «Ваша 2-я пенсия», по условиям которой вкладчики-пенсионеры получают возможность выиграть дополнительную денежную пенсию от банка на целый год.

Другим социально важным направлением деятельности банка является спонсорская поддержка. Речь, в частности, идет о помощи детским домам, многодетным семьям, молодым родителям, детским спортивным организациям.

Кроме того, банк оказывает поддержку учебным заведениям. Так, например, в 2008 г. банк спонсировал проведение международной научной конференции «Сорокинские чтения», проводимые в Саратовском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского. К предстоящему 100-летию юбилею вуза банк планирует оказать помощь в проведении юбилейных мероприятий. Банк выплачивает специальные стипендии из своего фонда лучшим студентам Саратовского государственного социально-экономического университета².

В заключение отметим, что не только ЗАО АКБ «ЭКСПРЕСС-ВОЛГА», но и другим банкам по мере выхода из финансового кризиса необходимо наращивать свой вклад в решение социальных проблем региона, поскольку подобная деятельность банков способствует экономической и социальной стабильности в регионе, улучшению социально-экономического климата и решению многих запросов и нужд населения региона.

Примечания

¹ См. об этом подробнее: Социальная политика на региональном уровне: взаимодействие власти и общественности. Саратов, 2008. С. 5–10.

² <http://www.sarbc.ru/company/?id=8437040>.



УДК [316.334.2:316.346.2–005.2](470+571)

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ ЖЕНСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ю.А. Семенова

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии молодежи
E-mail: Beginina IA@info.sgu.ru

В статье рассматриваются особенности социологического подхода к анализу сущности женского предпринимательства в современной России. Особое внимание обращается на специфику развития женского предпринимательства в регионах страны.

Ключевые слова: женское предпринимательство, частный бизнес, рыночная экономика.

Special Features of Feminine Entrepreneurship in Present-day Russia

Y.A. Semenova

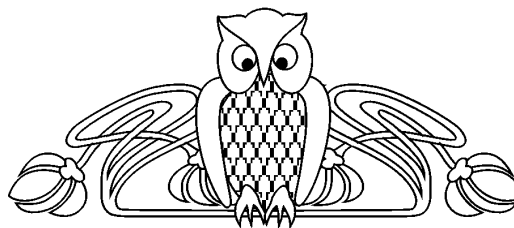
The article examines some special features of sociological approach to the analysis of essence of feminine entrepreneurship in present-day Russia. Attention is primarily paid to the specific character of feminine entrepreneurship development in Russia's regions.

Key words: feminine entrepreneurship, private business, market economy.

Становление малого предпринимательства в современных условиях идет медленно, наталкиваясь на множество социальных, экономических и юридических барьеров. Женщина, как субъект предпринимательской деятельности, сталкивается с особой группой социальных проблем: конфликты ролей, выполняемых в общественной и частной жизни, массовое сознание, деформирование в сторону патриархата и другое¹.

Женское предпринимательство представляет собой особый, выполняемый женщинами вид экономической активности личности, направленный в основном на самореализацию социальных качеств, самоутверждение в обществе, доказательство своих способностей посредством создания новых форм и совершенствования прежних видов производства, путем самостоятельно избранного риска, несмотря на различия в сравнении с мужчинами стартовых позиций и разнообразных предпосылок бизнеса (образование, капитал и власть), а также сохраняющуюся необходимость осуществления специфических женских семейно-бытовых функций.

В условиях рыночной экономики необходимым движущим, стимулирующим элементом бизнеса является конкуренция, только, по мнению опрошенных женщин-предпринимателей, подобное обстоятельство скорее препятствует развитию бизнеса. В отношениях с партнерами женщины



предпочитают не конфликтовать. Большинство женщин, использующих демократический стиль управления, принимают решения, учитывая мнения подчиненных.

Причины, по которым большинство женщин занялись бизнесом, – это тяжелое материальное состояние или случайное обстоятельство. Влияние образовательного уровня на причину, подтолкнувшую женщин заняться бизнесом, проявляется в том, что многие имеющие высшее образование решили строить карьеру не по принудительным причинам (мечта всей жизни, случайное обстоятельство, надоело сидеть дома, знакомые уговорили). Доля участников предпринимательского процесса с высшим образованием уменьшается по мере отягощения моральными и материальными обстоятельствами, такими как: тяжелое материальное положение, осталась одна и нужно было чем-то заняться, нужно воспитывать детей.

Основные факторы развития женского предпринимательства: внешний стимулирующий – налаженные связи в деловом мире; внешний сдерживающий – налоговое бремя; внутренние стимулирующие – общительность и настойчивость в достижении цели; внутренние сдерживающие – законопослушность.

По данным исследований ряда ученых-социологов, вопреки сложившему стереотипу о довлеющей половой дискриминации только 4% опрошенных женщин довелось испытать ее проявления на себе в реальности, 21% на вопрос о ее наличии склоняются скорее к отрицательному ответу².

Особый интерес представляет вопрос о распределении интенсивности дискриминационных проявлений по возрастным группам женщин-бизнесменов. В общем количестве опрошенных максимум дискриминационных проявлений пришлось на группу женщин в возрасте от 31 до 35 лет. Возрастная группа от 46 до 50 лет испытывает на себе дискриминацию в наименьшей степени, женщины-бизнесмены старше 50 на вопрос о ее наличии ответили отрицательно.

Таким образом, приведенные данные подтверждают мысль о том, что возраст от 31 до 45 лет является периодом интенсивного карьерного роста, сопровождаемого вмешательством конкурентов – представителей противоположного пола. Возраст от 45 до 55 лет, напротив, – этап «сохранения» в карьере, когда работа в занятой на рынке нише начинает приносить свои плоды



УДК [316.334.2:316.346.2–005.2](470+571)

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ ЖЕНСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ю.А. Семенова

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии молодежи
E-mail: Beginina IA@info.sgu.ru

В статье рассматриваются особенности социологического подхода к анализу сущности женского предпринимательства в современной России. Особое внимание обращается на специфику развития женского предпринимательства в регионах страны.

Ключевые слова: женское предпринимательство, частный бизнес, рыночная экономика.

Special Features of Feminine Entrepreneurship in Present-day Russia

Y.A. Semenova

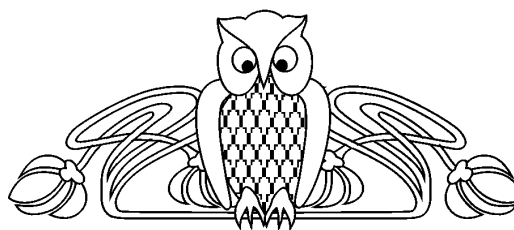
The article examines some special features of sociological approach to the analysis of essence of feminine entrepreneurship in present-day Russia. Attention is primarily paid to the specific character of feminine entrepreneurship development in Russia's regions.

Key words: feminine entrepreneurship, private business, market economy.

Становление малого предпринимательства в современных условиях идет медленно, наталкиваясь на множество социальных, экономических и юридических барьеров. Женщина, как субъект предпринимательской деятельности, сталкивается с особой группой социальных проблем: конфликты ролей, выполняемых в общественной и частной жизни, массовое сознание, деформирование в сторону патриархата и другое¹.

Женское предпринимательство представляет собой особый, выполняемый женщинами вид экономической активности личности, направленный в основном на самореализацию социальных качеств, самоутверждение в обществе, доказательство своих способностей посредством создания новых форм и совершенствования прежних видов производства, путем самостоятельно избранного риска, несмотря на различия в сравнении с мужчинами стартовых позиций и разнообразных предпосылок бизнеса (образование, капитал и власть), а также сохраняющуюся необходимость осуществления специфических женских семейно-бытовых функций.

В условиях рыночной экономики необходимым движущим, стимулирующим элементом бизнеса является конкуренция, только, по мнению опрошенных женщин-предпринимателей, подобное обстоятельство скорее препятствует развитию бизнеса. В отношениях с партнерами женщины



предпочитают не конфликтовать. Большинство женщин, использующих демократический стиль управления, принимают решения, учитывая мнения подчиненных.

Причины, по которым большинство женщин занялись бизнесом, – это тяжелое материальное состояние или случайное обстоятельство. Влияние образовательного уровня на причину, подтолкнувшую женщин заняться бизнесом, проявляется в том, что многие имеющие высшее образование решили строить карьеру не по принудительным причинам (мечта всей жизни, случайное обстоятельство, надоело сидеть дома, знакомые уговорили). Доля участников предпринимательского процесса с высшим образованием уменьшается по мере отягощения моральными и материальными обстоятельствами, такими как: тяжелое материальное положение, осталась одна и нужно было чем-то заняться, нужно воспитывать детей.

Основные факторы развития женского предпринимательства: внешний стимулирующий – налаженные связи в деловом мире; внешний сдерживающий – налоговое бремя; внутренние стимулирующие – общительность и настойчивость в достижении цели; внутренние сдерживающие – законопослушность.

По данным исследований ряда ученых-социологов, вопреки сложившему стереотипу о довлеющей половой дискриминации только 4% опрошенных женщин довелось испытать ее проявления на себе в реальности, 21% на вопрос о ее наличии склоняются скорее к отрицательному ответу².

Особый интерес представляет вопрос о распределении интенсивности дискриминационных проявлений по возрастным группам женщин-бизнесменов. В общем количестве опрошенных максимум дискриминационных проявлений пришлось на группу женщин в возрасте от 31 до 35 лет. Возрастная группа от 46 до 50 лет испытывает на себе дискриминацию в наименьшей степени, женщины-бизнесмены старше 50 на вопрос о ее наличии ответили отрицательно.

Таким образом, приведенные данные подтверждают мысль о том, что возраст от 31 до 45 лет является периодом интенсивного карьерного роста, сопровождаемого вмешательством конкурентов – представителей противоположного пола. Возраст от 45 до 55 лет, напротив, – этап «сохранения» в карьере, когда работа в занятой на рынке нише начинает приносить свои плоды



и обеспечивает уважение и определенный статус в бизнес-кругах.

На общефедеральном уровне ведущими тенденциями в развитии своеобразных предпосылок формирования женского предпринимательства, имеющих в значительной степени негативный характер, являются: вытеснение женщин из сферы занятости в целом, рост безработицы и хронической безработицы женщин, снижение доли «женских», т.е. неиндустриальных форм труда.

Непосредственно в ходе формирования предпринимательства как особого вида экономической деятельности происходило отставание женщин от мужчин по уровню занятия предпринимательством и увеличение доли объемов женской безработицы, распространение среди женщин «хронических» форм безработицы, переход в состояние домохозяйек.

Решающую роль в создании женского предпринимательского слоя сыграли резкое сокращение и вытеснение женщин из сферы управления производством, повлекшие за собой меньшие возможности в приватизации государственных предприятий, а следовательно, для возможности развития женского бизнеса; ориентированность значительной части женщин на работу в государственных учреждениях и крупных акционерных компаниях в качестве наемных рабочих; меньшие показатели реального женского предпринимательства в связи с регистрацией предприятий на женщин, а фактическим руководством ими со стороны мужчин.

Наряду с этими тенденциями возникли и некоторые противоречия, повлиявшие на формирование современного положения женского бизнеса: высокие показатели потенциального развития женского предпринимательства на основе нереализованных установок женщин на бизнес-деятельность; образовательные (женщины-гуманитарии, мужчины-технологи) и отраслевые (женщины – сервис и торговля, мужчины – нефтедобыча, финансы и т.д.) диспропорции, ведущие к соответствующим гендерным предпосылками бизнеса; существенное «старение» за последние 15 лет женского бизнеса как с точки зрения современного состояния, так и с позиции вступления в бизнес; преобладание среди женщин-предпринимателей служащих, работающих по найму, меньшее их число среди совладельцев или владельцев фирм, компаний и товариществ.

Женский бизнес в нашей стране характеризуется следующими проявлениями. У женщин-предпринимателей отмечается больший, чем у других групп женщин, уровень семейного благополучия и обустроенности личной жизни. Прослеживается ориентированность женщин на занятие бизнесом в основном с целью «самовыражения», приобретения независимого от мужчин положения и желания зарекомендовать себя в бизнесе³.

Несмотря на то что бизнесмены обоих полов сталкиваются в своей деятельности с одними и

теми же трудностями, бизнес-леди изначально более демократичны и в большей степени нацелены на кооперацию и обмен информацией и опытом, чем бизнесмены-мужчины, отдающие предпочтение исключительно экономической целесообразности всякого рода взаимодействий.

В качестве примера успешного взаимодействия общественных объединений, власти и общества отметим деятельность женских некоммерческих организаций Волгоградского региона. Анализируя опыт их работы, можно выделить основные модели взаимодействия некоммерческих организаций с региональными органами власти (модели «соединения», «сосуществования», «содействия»), а также обосновать необходимость новых стратегий и методов построения отношений между некоммерческими организациями и органами местного самоуправления, выявить основные барьеры⁴. Кроме того, женщины менее амбициозны и предпочитают менее затратные и масштабные проекты.

Сравнительный анализ женского и мужского малого бизнеса вносит уточняющие нюансы в процесс развития предпринимательства: преобладание в женском бизнесе «выталикивающих» факторов, относительно меньший размер женских предприятий, более слабая ориентация на материальную выгоду, ценность совмещения работы и дома, гибкость партнерской стратегии и пр.

Доля женщин составляет около трети малых предпринимателей в транзитивных странах. Бум женского бизнеса, пришедший в нашей стране на начало 1990-х гг., завершился. По крайней мере, в последние годы темпы роста женского предпринимательства заметно упали даже в самых рыночно-продвинутых экономиках. Отраслевые ориентации женщин тоже мало различаются – торговля и сервис. По обороту и числу занятых женский бизнес уступает мужскому. Дело как в финансовых ограничениях, так и в специфичности цели женского предпринимательства, менее ориентированного на сугубо экономические показатели, более связанного с возможностью гибко сочетать работу и дом.

Мотивы предпринимательства делятся на вынужденные (реакция на безработицу) и добровольные (самореализация, гибкая занятость). И нет прямой зависимости этих факторов от темпов и успешности транзитивного периода. Глубина, кардинальность рыночных преобразований не имеют однозначного влияния на характер женского бизнеса. Но тогда возникает вопрос: можно ли говорить об особенностях женского бизнеса в странах транзитивного типа по сравнению с развитыми рыночными экономиками? Социодемографические характеристики близкие, разве что в транзитивных экономиках уровень образования женщин-предпринимателей выше, отраслевые предпочтения те же, размеры по сравнению с мужскими фирмами скромные, правда, в транзитивных экономиках ярче выраже-



но желание роста, мотивации, разнообразные, но, по сути, всегда производные «вынужденности» и «добровольности». Группы «вынужденных» женщин-предпринимателей как в транзитивных, так и в устойчивых рыночных экономиках схожи. Однако женщины, преодолевая схожие трудности бок о бок с мужчинами-предпринимателями, имеют другие ресурсные ограничения (домашний труд, скудность «полезных» сетевых контактов, реставрация религиозности, ренессанс патриархальности пр.)⁵.

Вместе с тем можно сказать, что женское предпринимательство еще относительно молодо, так как у большинства предпринимателей опыт работы в данной сфере только до 6 лет. При этом стоит учитывать, что рыночная экономическая система России значительно моложе, чем система западных стран.

Основные проблемы предпринимателей в нашей стране находятся за рамками бизнеса. Большинство женщин отмечают, что налоговая политика является основным наболевшим вопросом в деятельности предпринимателей.

Развитие малого предпринимательства в ближайшее время в значительной мере будет зависеть от масштабов его финансовой поддержки со стороны государства; формирования благоприятного предпринимательского климата; скорейшего и резкого уменьшения налоговой нагрузки, прежде всего для начинающих предпринимателей; воз-

можностей концентрации финансовых средств, поступающих на поддержку малых предприятий из федерального и региональных бюджетов; налаживания межведомственной координации и установления контроля в сфере малого предпринимательства на федеральном уровне за реализацией правовых актов РФ в сфере предпринимательства, в частности, Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ», принятого в 2008 г.; активизации потребительского спроса и постепенного преодоления доминирующего консервативного типа потребительского поведения.

Примечания

- ¹ <http://www.a-z.ru/women/text/tonchulr.htm>
- ² См.: *Абриталина А.С.* Факторы формирования профессиональной карьеры российских женщин в сфере предпринимательства // Российское общество в зеркале социологии (взгляд молодых ученых). Саратов, 2006. Вып. 6.
- ³ <http://lib.volsu.ru/gsd/cgi-bin/library.exe>
- ⁴ См.: *Лобызенкова В.А.* Ассоциации в сфере малого бизнеса: их роль в социально-экономическом развитии региона: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2009. С. 19.
- ⁵ См. об этом: *Барсукова С.Ю.* И снова о женском предпринимательстве // СОЦИС. 2008. № 5. С. 148–153.

УДК 316.013

РЕКЛАМА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОДУКТ: ТРЕХУРОВНЕВЫЙ АНАЛИЗ

А.А. Кошелев

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии молодежи
E-mail: koshelev76@mail.ru

В статье затрагиваются вопросы современной рекламы в контексте социально-экономической концепции трехуровневого анализа продукта. В процессе исследования автор рассматривает рекламу как социальный продукт, имеющий три уровня проявления.

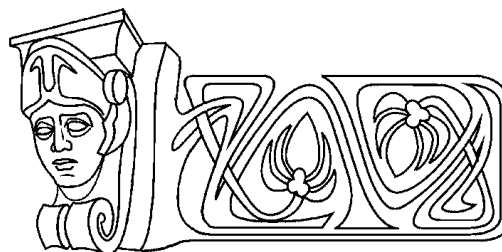
Ключевые слова: социокультурная функция, социализация, образ жизни.

Advertising as a Social Product – Three-step Analysis

A.A. Koshelev

This Article concerns the questions of modern advertising which are revealed with the help of three-step analysis as part social- economic concept. In the research the author presents advertising as a social product which comprehension includes three steps.

Key words: socio-cultural function, socialization, way of life.



В российской и зарубежной социологической науке феномен рекламы всегда был объектом пристального внимания. Одним из первых ученых-социологов, осмысливших рекламу как социальный продукт теоретического социологического знания, стал известный немецкий ученый В. Зомбарт. Вместе с тем классики социологии XIX и начала XX в. не придавали этому факту социальной реальности системообразующего значения. Проявляясь в различных коммуникативных формах, реклама как социальное явление уходит глубоко в историю и трансформируется наряду с изменением социально-экономических идентификаций коммерческих взаимодействий. При этом процесс взаимодействия рекламы с обществом носит двойственный характер. С одной стороны, рекламисты оказывают влияние на общество, формируя нравы и установки, не-



но желание роста, мотивации, разнообразные, но, по сути, всегда производные «вынужденности» и «добровольности». Группы «вынужденных» женщин-предпринимателей как в транзитивных, так и в устойчивых рыночных экономиках схожи. Однако женщины, преодолевая схожие трудности бок о бок с мужчинами-предпринимателями, имеют другие ресурсные ограничения (домашний труд, скудность «полезных» сетевых контактов, реставрация религиозности, ренессанс патриархальности пр.)⁵.

Вместе с тем можно сказать, что женское предпринимательство еще относительно молодо, так как у большинства предпринимателей опыт работы в данной сфере только до 6 лет. При этом стоит учитывать, что рыночная экономическая система России значительно моложе, чем система западных стран.

Основные проблемы предпринимателей в нашей стране находятся за рамками бизнеса. Большинство женщин отмечают, что налоговая политика является основным наболевшим вопросом в деятельности предпринимателей.

Развитие малого предпринимательства в ближайшее время в значительной мере будет зависеть от масштабов его финансовой поддержки со стороны государства; формирования благоприятного предпринимательского климата; скорейшего и резкого уменьшения налоговой нагрузки, прежде всего для начинающих предпринимателей; воз-

можностей концентрации финансовых средств, поступающих на поддержку малых предприятий из федерального и региональных бюджетов; налаживания межведомственной координации и установления контроля в сфере малого предпринимательства на федеральном уровне за реализацией правовых актов РФ в сфере предпринимательства, в частности, Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ», принятого в 2008 г.; активизации потребительского спроса и постепенного преодоления доминирующего консервативного типа потребительского поведения.

Примечания

- ¹ <http://www.a-z.ru/women/text/tonchulr.htm>
- ² См.: *Абриталина А.С.* Факторы формирования профессиональной карьеры российских женщин в сфере предпринимательства // Российское общество в зеркале социологии (взгляд молодых ученых). Саратов, 2006. Вып. 6.
- ³ <http://lib.volsu.ru/gsd/cgi-bin/library.exe>
- ⁴ См.: *Лобызенкова В.А.* Ассоциации в сфере малого бизнеса: их роль в социально-экономическом развитии региона: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2009. С. 19.
- ⁵ См. об этом: *Барсукова С.Ю.* И снова о женском предпринимательстве // СОЦИС. 2008. № 5. С. 148–153.

УДК 316.013

РЕКЛАМА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОДУКТ: ТРЕХУРОВНЕВЫЙ АНАЛИЗ

А.А. Кошелев

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии молодежи
E-mail: koshelev76@mail.ru

В статье затрагиваются вопросы современной рекламы в контексте социально-экономической концепции трехуровневого анализа продукта. В процессе исследования автор рассматривает рекламу как социальный продукт, имеющий три уровня проявления.

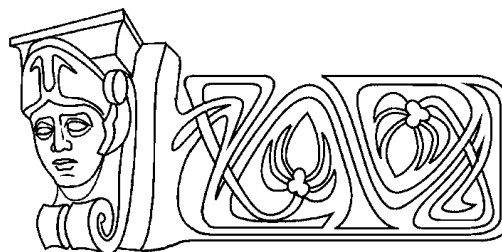
Ключевые слова: социокультурная функция, социализация, образ жизни.

Advertising as a Social Product – Three-step Analysis

A.A. Koshelev

This Article concerns the questions of modern advertising which are revealed with the help of three-step analysis as part social- economic concept. In the research the author presents advertising as a social product which comprehension includes three steps.

Key words: socio-cultural function, socialization, way of life.



В российской и зарубежной социологической науке феномен рекламы всегда был объектом пристального внимания. Одним из первых ученых-социологов, осмысливших рекламу как социальный продукт теоретического социологического знания, стал известный немецкий ученый В. Зомбарт. Вместе с тем классики социологии XIX и начала XX в. не придавали этому факту социальной реальности системообразующего значения. Проявляясь в различных коммуникативных формах, реклама как социальное явление уходит глубоко в историю и трансформируется наряду с изменением социально-экономических идентификаций коммерческих взаимодействий. При этом процесс взаимодействия рекламы с обществом носит двойственный характер. С одной стороны, рекламисты оказывают влияние на общество, формируя нравы и установки, не-



обходимые для успешного продвижения товара-продукта, с другой – эффективная реализация коммерческих рекламных мероприятий возможна лишь в том случае, если покупательское поведение целевых сегментов потребителей детально изучено. Иными словами, реклама – это продукт постоянного социального обмена, обусловленного взаимодействием индивидов, инструмент коммуникации, оказывающий влияние на все сферы жизнедеятельности общества. Наиболее четко многоплановость современной рекламы, ее социальные характеристики можно отразить посредством концепции трехуровневого анализа продукта, представленной в работах английских специалистов в этой области¹. Данная теория предполагает, что первый уровень – это базовая выгода, получаемая от товара либо услуги, второй – отличительные характеристики продукта, и третий уровень – то дополнительное неосознаваемое, что потребитель получает совершенно безвозмездно. Что касается первого уровня, то изначальная (базовая) функция рекламы призвана информировать социальные группы о различных товарах, услугах, идеях, вызывая резонанс в рыночной среде. Второй уровень рекламы, как социального продукта, отражает разновидности современной рекламы, многообразие которой требует тщательного и всестороннего анализа в рамках социально-гуманитарного знания. Классификация рекламы достаточно многообразна, так как критерии и факторы, составляющие основу дифференцирования рекламы, по существу, неисчислимы.

При теоретическом анализе типологизации рекламы вполне обоснованно использовать критерий ее принадлежности к определенным сферам общественной жизни. Если дифференцировать рекламу в соответствии с предложенным критерием, то можно выделить коммерческую, политическую и социальную рекламу. Коммерческая реклама выступает как средство взаимодействия индивидумов в социально-экономической сфере и, в свою очередь, делится на торговую и промышленную. Промышленная реклама – это реклама товаров и услуг, предлагаемых определенной фирмой. Торговую рекламу можно разделить на рекламу оптовиков (дилеров) и рекламу розничную, организованную магазинами². В отличие от рекламы коммерческой, предлагающей товары и услуги, политическая реклама предлагает населению политические платформы и программы кандидатов на государственные посты и преподносит в соответствующем виде их личностные качества. Социальная реклама, с одной стороны, объединяет в себе пропаганду социально значимых для общества идей (борьба с алкоголем, табакокурением, заболеваниями и т.д.), а с другой – распространяет социокультурные ценности, свойственные той или иной общественной системе. В зависимости от аудитории, на которую рассчитана реклама, можно выделить рекламу потребительскую и рекламу

институциональную. Потребительская реклама – это реклама товаров и услуг, как правило, рассчитанная на определенную социальную группу (автолюбителей, молодежь, компьютерщиков) либо на все общество (продукты питания). Институциональная реклама – это реклама самих промышленных корпораций, фирм, государственных учреждений. В зависимости от типа передачи информации реклама может подразделяться на прямую и косвенную. Прямая реклама – это вид коммерческой коммуникации, адресованной, как правило, конкретно избранной аудитории (в зависимости от вида деятельности) посредством определенного канала распространения. Косвенная реклама представляет собой скрытое рекламное сообщение, выполненное в виде статьи, репортажа или иных форм завуалированного обращения, с целью описания проблемной ситуации (потребность в товаре или услуге) и предложения возможного варианта решения данной проблемы (конкретные товар или услуга, способные удовлетворить имеющуюся потребность). По целевой направленности можно выделить следующие виды рекламы: формирующая спрос; стимулирующая сбыт; способствующая позиционированию товара; реклама идей, способствующая созданию широкой известности и формированию определенного общественного мнения по отношению к товару или фирме-производителю; реклама образа товара, способствующая возникновению у потребителя нужных ассоциаций с товаром; имиджевая реклама, формирующая дополнительные социальные ценности товара. По характеру воздействия на аудиторию можно выделить следующие разновидности рекламы: «жесткая» реклама, в основе которой лежит жесткая аргументация о необходимости покупки данного товара; «мягкая» реклама, цель которой заключается в поддержании определенного уровня известности товара, марки фирмы среди потребителей. Как правило, жесткая и мягкая рекламы применяются поэтапно, в зависимости от целей рыночной стратегии фирмы.

Основными каналами распространения рекламы в современном обществе являются: «директ-мэйл», наружная реклама, телевизионная и радиореклама, реклама в прессе и Интернете.

Рекламные средства подвержены динамическим изменениям. И если в настоящее время телевидение, радио, газеты занимают устойчивые лидирующие позиции, то со временем они наверняка будут постепенно терять их, уступая место новым видам СМИ. Одним из наиболее перспективных средств распространения рекламы является Интернет. Основные преимущества данной формы распространения рекламы заключаются в значительном увеличении коммуникационных возможностей. К сожалению, Интернет в современном российском обществе для большинства людей ограничен. В то же время динамика развития этого канала информации позволяет предполагать, что в скором времени газеты и журналы



будут издаваться в компьютерном варианте, а распространяться посредством электронных носителей. Читатели смогут электронным путем сортировать и разыскивать информацию в поисках необходимых рекламных сообщений. Вполне закономерна реклама на основе психологических факторов. Современные специалисты-практики при проведении рекламных кампаний регулярно применяют достижения психологии. На основе психологических факторов можно выделить следующие виды рекламы: рациональная (в основе которой лежат рациональные доводы в пользу конкретного товара); иррациональная (основанная на символике); реклама, обращенная к бессознательному; реклама, построенная на основе негативной и позитивной апелляции³.

В связи с динамичным характером рекламы проблема ее структуры как социальной системы в настоящее время остается открытой. Структура рекламы постоянно усложняется за счет возникновения новых ее видов, обусловленных, с одной стороны, стремительными темпами технического развития, а с другой – необходимостью формирования новых возможностей социально-экономического взаимодействия индивидов в обществе. Третий уровень современной рекламы напрямую связан с постепенным приобретением рекламой статуса социального института, способного влиять на все сферы общественной жизни, транслируя новые ценности поведения индивидов и восприятия ими социальной реальности современного российского социума.

Мнение о социокультурной значимости рекламы в условиях становления новых социально-экономических отношений современного российского социума не является однозначным. Известно, что реклама играет исключительно важную роль в формировании идеологических стереотипов, навязывая определенный образ жизни, определенную систему стереотипов. До недавнего времени именно такой подход доминировал в обосновании роли рекламы в обществе. Реклама рассматривалась как одно из орудий «холодной войны», посредством которого осуществлялось интенсивное давление на общественное мнение противоборствующих сторон. П. Лайнбраджер в подтверждение вышесказанного утверждал, что реклама защищает американцев от воздействия зарубежной идеологии⁴. Советские пропагандисты, в свою очередь, высказывали мнение о том, что реклама может способствовать утверждению социалистических идей. Два этих полярных взгляда, по существу, отождествляли рекламу с пропагандой, а социокультурное назначение рекламы видели в сохранении и упрочении существующей системы. Если подойти к данной проблематике с позиций современности, то можно отметить, что взгляды на рекламу претерпели значительные изменения. «Изначальный термин “reclaim”, – пишет В.И. Пузанов, – обозначает цивилизованность и культуру, способность населения быть обществом,

а не толпой. Реклама предполагает способность к воображению; создание, распространение и восприятие объектов рекламы держатся на мысли и интуиции, способности охватывать и переживать визуальные, звуковые, чувственные состояния и явления. Рекламой пользуются независимо от образования, языка, национальности, рода занятий, положения в обществе»⁵.

Цивилизованное развитие современного общества требует от рекламы активного участия и в процессе социализации личности. В.И. Пузанов подчеркивает, что реклама обеспечивает социализацию многочисленных групп населения, не получивших должного образования и профессиональной подготовки и выключенных из нормального социально-экономического процесса. По официальным данным, в США около 60 млн человек относятся к разряду функционально неграмотных, но благодаря рекламе эти люди могут ориентироваться в общественных структурах, различать экономические перемены, могут самостоятельно удовлетворять первичные нужды⁶.

Следовательно, в результате развития и трансформации реклама приобретает исключительно важную роль в процессе социализации личности. Она призвана вносить дополнения в формирование социальных качеств индивида в соответствии с новым характером социально-экономических отношений, гуманистическими идеалами, общечеловеческими ценностями.

Тем не менее роль рекламы в становлении информационной цивилизации является противоречивой темой обсуждения разных поколений ученых. Общим тезисом в определении социокультурного значения рекламы является присвоение ей двойственного статуса. В.Б. Кучевский в подтверждение этих слов сообщает: «В нашу жизнь реклама вошла в двойственном статусе: как вульгарный трюк (эксплуатирующий интересы и призывающий приобретать ненужные товары) и как самостоятельный культурный жанр (несущий элементы высокой культуры)»⁷. С точки зрения высокого искусства реклама никогда не была чем-то заслуживающим внимания. В лучшем случае она причислялась к феномену цивилизации в широком понимании этого слова. Сегодня культурологи, социологи, экономисты видят в рекламе лишь один из символов упадка нравов, деградации культуры. Вполне очевидно, динамика социокультурной функции рекламы имеет полярный характер. С одной стороны, реклама освобождается от идеологии «холодной войны» и приобретает статус социального института, активно участвующего в процессе социализации личности и становления общечеловеческих ценностей. С другой стороны, реклама приобретает характер некой отрицательной силы, пагубно влияющей на развитие цивилизации, манипулируя общественным сознанием. И, видимо, дальнейшее развитие социокультурной функции рекламы в обществе будет проходить



именно в этих неразрывно связанных направлениях. Основная задача современных ученых и специалистов в области рекламы – сделать так, чтобы первое направление всегда опережало второе. Современная социокультурная ситуация в России, которую, пользуясь терминологией Э. Дюркгейма, можно охарактеризовать как ситуацию социальной аномии, когда прежние нормы и ценности отвергаются, а новые еще не сформированы, обусловила новые задачи и функции в рекламной деятельности⁸. Рекламе отводится чрезвычайно важная роль формирования в России нового рыночного восприятия основ социально-экономических взаимодействий индивидов. На этом пути реклама призвана реализовать важные социально-экономические и социокультурные задачи. Во-первых, необходимо способствовать развитию новых поведенческих установок у тех людей, которые уже задействованы в рыночных структурах, привести их к образу предпринимателя, легально действующего в рамках правовых норм той или иной организации. Во-вторых, что важнее, вовлечь активную часть населения в новую для них действительность, убеждая в правильности выбранного пути. Необходимо осознавать, что процесс формирования нового типа отечественного бизнесмена и покупателя в условиях, когда нет стабильных основ потребления, может вызвать незапланированную реакцию и поставить под вопрос поступательное развитие и самой рекламы в России.

В завершение следует подчеркнуть, что три уровня рекламы взаимосвязаны, дополняя друг друга и формируя системный характер современных маркетинговых коммуникаций, являющихся результатом взаимодействия индивидов в процессе развития общества. Трансформации видов, постепенное приобретение рекламной статуса социального института проходили параллельно с усложнением и совершенствованием системы социально-экономических отношений, что позволяет рассматривать современную рекламу как социальный продукт.

Примечания

- 1 См.: *Dibb S., Smikin L., Pride W. Marketing: Concepts and Strategies. 2nd European. London, 1997. P. 242.*
- 2 См.: *Феофанов О. США: реклама и общество. М., 1974, С. 41.*
- 3 См.: *Старобинский Э.Е. Самоучитель по рекламе. М., 1997. С. 32.*
- 4 См.: *Лайнбраджер П. Психологическая война. М., 1962. С. 7.*
- 5 *Пузанов В.И. Проектная культура Америки. Реклама // США: экономика, политика, идеология. 1993. № 8. С. 14.*
- 6 Там же. С. 14–23.
- 7 *Кучевский В.Б. Психология общения продавца и покупателя. М., 1993. С. 87.*
- 8 См.: *Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 315–326.*

Слово молодым социологам

УДК 316.346.32–053.9(470+571)

АДАПТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О.Л. Березняк

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: anikinaol@rambler.ru

В статье рассматривается адаптивный потенциал такой специфической группы российского общества, как пожилые люди, пенсионеры. Показывается объективная необходимость привлечения к труду этой социальной группы населения.

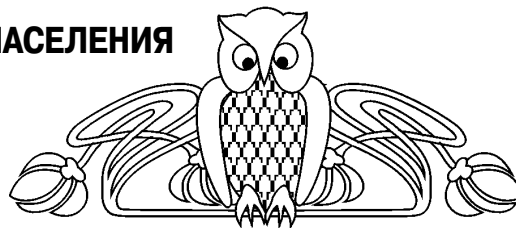
Ключевые слова: пожилые люди, социальная группа, потенциал.

Adaptive Potential of the Elderly Population in Modern Russia

O.L. Bereznyak

It is considered adaptive potential such specific group of the Russian society as elderly person, pensioners. Objective necessity of drawing in work of this social group is shown in this article.

Key words: elderly people, social group, potential.



Актуальность исследуемой проблемы объясняется, прежде всего, увеличением численности пожилого населения. Наступление зрелости и старости – неизбежный биологический процесс, но объективное положение пожилых людей, их опыт, взгляды, ценностные ориентации – словом, субъективные факторы являются продуктами социальной среды, которая претерпела за последние два десятка лет кардинальные изменения.

На наш взгляд, адаптивный потенциал лиц пожилого возраста еще не нашел своего самостоятельного отражения в научной литературе, где по-прежнему преобладают медико-социальные или социально-демографические мотивы и, в из-



именно в этих неразрывно связанных направлениях. Основная задача современных ученых и специалистов в области рекламы – сделать так, чтобы первое направление всегда опережало второе. Современная социокультурная ситуация в России, которую, пользуясь терминологией Э. Дюркгейма, можно охарактеризовать как ситуацию социальной аномии, когда прежние нормы и ценности отвергаются, а новые еще не сформированы, обусловила новые задачи и функции в рекламной деятельности⁸. Рекламе отводится чрезвычайно важная роль формирования в России нового рыночного восприятия основ социально-экономических взаимодействий индивидов. На этом пути реклама призвана реализовать важные социально-экономические и социокультурные задачи. Во-первых, необходимо способствовать развитию новых поведенческих установок у тех людей, которые уже задействованы в рыночных структурах, привести их к образу предпринимателя, легально действующего в рамках правовых норм той или иной организации. Во-вторых, что важнее, вовлечь активную часть населения в новую для них действительность, убеждая в правильности выбранного пути. Необходимо осознавать, что процесс формирования нового типа отечественного бизнесмена и покупателя в условиях, когда нет стабильных основ потребления, может вызвать незапланированную реакцию и поставить под вопрос поступательное развитие и самой рекламы в России.

В завершение следует подчеркнуть, что три уровня рекламы взаимосвязаны, дополняя друг друга и формируя системный характер современных маркетинговых коммуникаций, являющихся результатом взаимодействия индивидов в процессе развития общества. Трансформации видов, постепенное приобретение рекламной статуса социального института проходили параллельно с усложнением и совершенствованием системы социально-экономических отношений, что позволяет рассматривать современную рекламу как социальный продукт.

Примечания

- 1 См.: *Dibb S., Smikin L., Pride W. Marketing: Concepts and Strategies. 2nd European. London, 1997. P. 242.*
- 2 См.: *Феофанов О. США: реклама и общество. М., 1974, С. 41.*
- 3 См.: *Старобинский Э.Е. Самоучитель по рекламе. М., 1997. С. 32.*
- 4 См.: *Лайнбраджер П. Психологическая война. М., 1962. С. 7.*
- 5 *Пузанов В.И. Проектная культура Америки. Реклама // США: экономика, политика, идеология. 1993. № 8. С. 14.*
- 6 Там же. С. 14–23.
- 7 *Кучевский В.Б. Психология общения продавца и покупателя. М., 1993. С. 87.*
- 8 См.: *Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 315–326.*

Слово молодым социологам

УДК 316.346.32–053.9(470+571)

АДАПТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О.Л. Березняк

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: anikinaol@rambler.ru

В статье рассматривается адаптивный потенциал такой специфической группы российского общества, как пожилые люди, пенсионеры. Показывается объективная необходимость привлечения к труду этой социальной группы населения.

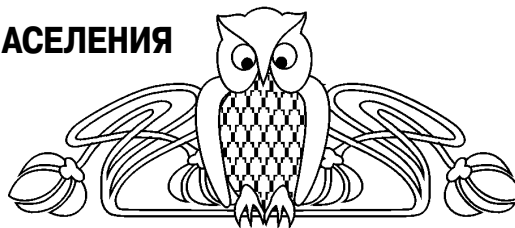
Ключевые слова: пожилые люди, социальная группа, потенциал.

Adaptive Potential of the Elderly Population in Modern Russia

O.L. Bereznyak

It is considered adaptive potential such specific group of the Russian society as elderly person, pensioners. Objective necessity of drawing in work of this social group is shown in this article.

Key words: elderly people, social group, potential.



Актуальность исследуемой проблемы объясняется, прежде всего, увеличением численности пожилого населения. Наступление зрелости и старости – неизбежный биологический процесс, но объективное положение пожилых людей, их опыт, взгляды, ценностные ориентации – словом, субъективные факторы являются продуктами социальной среды, которая претерпела за последние два десятка лет кардинальные изменения.

На наш взгляд, адаптивный потенциал лиц пожилого возраста еще не нашел своего самостоятельного отражения в научной литературе, где по-прежнему преобладают медико-социальные или социально-демографические мотивы и, в из-



вестной мере, социально-экономические проблемы, однако основная масса современной научной литературы носит медико-геронтологический характер.

Традиционно объектом анализа служат здоровье и трудоспособность пожилых, их отношение к труду, долголетие и социальная активность после выхода на пенсию. В системе специальных социологических знаний давно уже отведено место возрастной социологии вообще и социологии поколения в частности. Однако удельный вес исследований пожилых людей неподобающе мал, они как бы оказываются на периферии интересов российского социологического сообщества. Между тем исследование адаптивных возможностей социума в целом и пожилых людей как его важной составной части особенно необходимо в периоды коренных изменений в жизни общества. Сегодня нужны и обобщающие работы, и конкретные социологические исследования, в которых пожилые рассматривались бы не просто как возрастная группа, а как социальный слой, обусловленный исторически определенным характером общественных отношений. Пожилое население России сегодня должно рассматриваться не в контексте иждивения, как это обычно принято, а в качестве самостоятельного активного потенциала граждан современного российского общества.

Человеческий потенциал пожилых вполне может использоваться, по крайней мере, в двух направлениях: в секторе экономики в качестве рабочей силы, базирующейся на остаточном трудовом потенциале, а также значительно шире – в формировании гражданского общества и правового государства, поскольку пожилые люди являются носителями громадного жизненного опыта, устойчивых мировоззренческих позиций. Они способны и реально оценить позитивные изменения, произошедшие в стране за последние более чем двадцать лет, и дать адекватную оценку проблемам, которые еще ждут своего решения, им есть с чем сравнивать достижения и неудачи современной власти.

Конечно, в нынешних российских условиях наблюдается заметное уменьшение ресурсов пожилых¹, их возможностей участвовать в общепризнанном и приемлемом для них образе жизни. Снижается их политическая и экономическая активность, интенсивно формируются социальные механизмы адаптивного поведения. Увеличение численности и доли пожилых людей приводит к неизбежным социальным изменениям. Старение населения вносит радикальные изменения в демографическую и социальную структуры общества, в системы производства, распределения, потребления, в социальную инфраструктуру города, деревни; в конечном счете фактор постарения населения оказывает влияние на положение всех без исключения социальных групп и слоев.

Проблема старости сегодня является продуктом неожиданного роста продолжительности

жизни в сочетании с культурными и социальными изменениями ценностных установок, связанных с возрастом.

Конечно, проблема определения места пожилых людей в социальной структуре современного российского общества довольно сложна и не может быть решена однозначно. Сегодня пожилые работники обеспечиваются государством, т. е. являются пенсионерами. Последние, составляя особую социально-демографическую группу, отличаются от других категорий населения следующими особенностями: возрастными (начало этого периода определяется также социальными условиями); обеспечением (государство берет на себя основное содержание пожилых людей); связями с общественными организациями и объединениями (как по месту прежней работы, так и по месту жительства); ценностными и мировоззренческими ориентациями, положением в семье и т.д.

Вычленение пенсионеров в качестве социальной группы относительно, поскольку эта группа органически связана с работающим населением на различных уровнях общества. Пенсионеры продолжают либо прямым, либо опосредованным образом трудиться. Конечно, возраст обуславливает специфику всех видов деятельности и досуга, форм проявления общественной активности, связанных с положением пожилого человека в семье и в общественной жизни.

Широко распространенный тезис о том, что к моменту достижения пенсионного возраста работники в основном теряют трудоспособность, не подтверждается ни геронтологическими, ни медицинскими исследованиями. В целом оказалось, что продолжение трудовой деятельности – главная ценность в жизни работающих пенсионеров (и мужчин и женщин). Если 20–30 лет назад выход на пенсию рассматривался пожилыми людьми как жизненная драма, то сегодня зачастую это оценивается как дополнительный, пусть и небольшой, доход, при условии что пенсионер продолжает работать.

С позиций объективных требований экономического и социального развития нашей страны привлечение к труду лиц пожилого возраста сейчас стоит довольно остро по следующим причинам. В настоящее время происходит и предполагается в будущем значительное сокращение источников трудовых ресурсов. Имеет место заметное увеличение доли населения пенсионного возраста. И, наконец, в ближайшем будущем состав специалистов пенсионного возраста значительно изменится в сторону повышения его профессионального и общеобразовательного уровня.

Многие социологи, изучающие поведение людей, вышедших на пенсию, отмечают их тяжелые переживания, связанные с утратой прежних социальных связей, которые давала работа, нарушением привычного стиля и образа жизни. Указанная проблема нуждается в решении и с позиций удовлетворения интересов самих пожилых



людей. Здесь необходимо, во-первых, смягчить своеобразный «разрыв» в жизненном цикле человека, преодолеть социальные последствия резкого изменения его социальной роли и стиля жизни; во-вторых, создать условия для формирования индивидуальной и групповой потребностей в продолжении трудовой деятельности в самых различных сферах общественной жизни. И здесь главным источником дополнительной рабочей силы являются пенсионеры, желающие и продолжающие работать после достижения пенсионного возраста без перерыва. Именно эта группа сохраняет наибольшую трудоспособность и может внести значительный вклад в развитие современного российского общества в самых различных его отраслях. Задача заключается в создании условий, продлевающих период их активной трудовой деятельности и удерживающих пенсионеров как можно дольше в общественном производстве.

Социологическое исследование, проведенное автором в 2007 г. по репрезентативной выборке в г. Энгельсе Саратовской области, позволило утверждать, что пожилые россияне в условиях трансформационных процессов хотят участвовать в жизни социума. Более 35% пожилых людей хотели бы работать в активной экономике, непосредственно с детьми и молодежью выразили желание работать 15,7% респондентов, 5% предполагают создать собственный бизнес. Почти каждый третий опрошенный в возрасте 60–64 лет

УДК 324 (470+571+430)

ОСОБЕННОСТИ, СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ ВЫБОРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Н.С. Нефёдова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: taschaNefedova@mail.ru

В статье рассматриваются особенности, сходства и различия выборных технологий России и Германии: основные направления в формировании избирательной стратегии (линия персонификации и партийная линия), время построения стратегии, примеры эффективного использования политконсалтинга.

Ключевые слова: политика, технологии, выборы.

Singularities, Similarities and Differences of Election Technology in Russia and Germany

N.S. Nefedova

The paper analyzes singularities, similarities and differences of election technology in Russia and Germany: main directions in election strategy composition (personification policy or party politics), time to create the strategy and this strategy efficient use examples.

Key words: politics, elections, technologies.

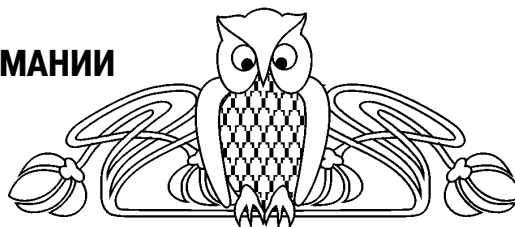
хотел бы научиться работать на компьютере или использовать его каким-либо образом.

Можно сказать определенно, что пожилой возраст – явление не только физиологическое, но и глубоко социальное. В это время происходит отход от активной профессиональной деятельности или изменение ее характера, а также изменение положения в обществе, образа и стиля жизни в целом.

Сегодня как никогда необходима не только активная государственная политика по изучению человеческого потенциала старшего поколения и привлечению его в активную экономику, направленную на преодоление дискриминации по возрасту, но и всемерное развитие социологических исследований проблем людей пожилого возраста. Отсутствие комплексного подхода в изучении этой большой категории населения объясняется как недостаточностью подробных демографических данных о ней, так и практически отсутствием фундаментальных социологических исследований.

Примечания

- ¹ Термины «пожилые», «люди пожилого возраста», «пенсионеры» означают, как правило, определенную возрастную группу (люди старше 60 лет), хотя зачастую они употребляются для обозначения как жизненного цикла, так и конкретной социально-демографической группы.



Политическая карьера, главным образом, вопрос технологии. Однако даже самая лучшая технология поможет не всякому, но если технология налажена, подобрать элемент, к которому можно ее применить, вполне реально. Единственное серьезное препятствие на пути к положительному результату – еще лучшая технология у конкурента.

Политический рынок, как и рынок товаров и услуг, является сферой, в которой применяются методики, существуют традиции и действуют законы. Если для экономического рынка сейчас можно называть определенные методики, которые применяются в процессе взаимодействия субъектов, то для рынка политического пока не все так однозначно. Способы, которые применяются на рынке товаров и услуг, можно объединить в одно понятие «маркетинг». Здесь происходит максимальное использование имеющихся методик, от разработки товаров в соответствии с



людей. Здесь необходимо, во-первых, смягчить своеобразный «разрыв» в жизненном цикле человека, преодолеть социальные последствия резкого изменения его социальной роли и стиля жизни; во-вторых, создать условия для формирования индивидуальной и групповой потребностей в продолжении трудовой деятельности в самых различных сферах общественной жизни. И здесь главным источником дополнительной рабочей силы являются пенсионеры, желающие и продолжающие работать после достижения пенсионного возраста без перерыва. Именно эта группа сохраняет наибольшую трудоспособность и может внести значительный вклад в развитие современного российского общества в самых различных его отраслях. Задача заключается в создании условий, продлевающих период их активной трудовой деятельности и удерживающих пенсионеров как можно дольше в общественном производстве.

Социологическое исследование, проведенное автором в 2007 г. по репрезентативной выборке в г. Энгельсе Саратовской области, позволило утверждать, что пожилые россияне в условиях трансформационных процессов хотят участвовать в жизни социума. Более 35% пожилых людей хотели бы работать в активной экономике, непосредственно с детьми и молодежью выразили желание работать 15,7% респондентов, 5% предполагают создать собственный бизнес. Почти каждый третий опрошенный в возрасте 60–64 лет

УДК 324 (470+571+430)

ОСОБЕННОСТИ, СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ ВЫБОРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Н.С. Нефёдова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: taschaNefedova@mail.ru

В статье рассматриваются особенности, сходства и различия выборных технологий России и Германии: основные направления в формировании избирательной стратегии (линия персонификации и партийная линия), время построения стратегии, примеры эффективного использования политконсалтинга.

Ключевые слова: политика, технологии, выборы.

Singularities, Similarities and Differences of Election Technology in Russia and Germany

N.S. Nefedova

The paper analyzes singularities, similarities and differences of election technology in Russia and Germany: main directions in election strategy composition (personification policy or party politics), time to create the strategy and this strategy efficient use examples.

Key words: politics, elections, technologies.

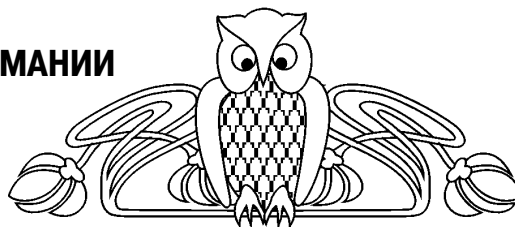
хотел бы научиться работать на компьютере или использовать его каким-либо образом.

Можно сказать определенно, что пожилой возраст – явление не только физиологическое, но и глубоко социальное. В это время происходит отход от активной профессиональной деятельности или изменение ее характера, а также изменение положения в обществе, образа и стиля жизни в целом.

Сегодня как никогда необходима не только активная государственная политика по изучению человеческого потенциала старшего поколения и привлечению его в активную экономику, направленную на преодоление дискриминации по возрасту, но и всемерное развитие социологических исследований проблем людей пожилого возраста. Отсутствие комплексного подхода в изучении этой большой категории населения объясняется как недостаточностью подробных демографических данных о ней, так и практически отсутствием фундаментальных социологических исследований.

Примечания

- ¹ Термины «пожилые», «люди пожилого возраста», «пенсионеры» означают, как правило, определенную возрастную группу (люди старше 60 лет), хотя зачастую они употребляются для обозначения как жизненного цикла, так и конкретной социально-демографической группы.



Политическая карьера, главным образом, вопрос технологии. Однако даже самая лучшая технология поможет не всякому, но если технология налажена, подобрать элемент, к которому можно ее применить, вполне реально. Единственное серьезное препятствие на пути к положительному результату – еще лучшая технология у конкурента.

Политический рынок, как и рынок товаров и услуг, является сферой, в которой применяются методики, существуют традиции и действуют законы. Если для экономического рынка сейчас можно называть определенные методики, которые применяются в процессе взаимодействия субъектов, то для рынка политического пока не все так однозначно. Способы, которые применяются на рынке товаров и услуг, можно объединить в одно понятие «маркетинг». Здесь происходит максимальное использование имеющихся методик, от разработки товаров в соответствии с



выявленными потребностями до использования изоощренных способов психологического воздействия в рекламе.

Понятие политического маркетинга не отрицается и, безусловно, имеет место быть. Он используется в принятии политических решений, функционировании политических институтов и т.д. Наиболее спектрально политический маркетинг проявляется в выборном процессе. Здесь, как правило, нет единых образцов, руководствуясь которыми, можно с уверенностью рассчитывать на нужный положительный результат. Существуют общие позиции, которые принимаются за правила в выборных кампаниях. Однако существуют нюансы, которыми каждый политический технолог может руководствоваться в зависимости от ситуации, которые необходимо систематизировать для дальнейшего их использования и совершенствования. Этому и посвящена данная статья.

Для начала необходимо дать определение понятию «политические технологии». Общим и наиболее полным является следующее определение: «политические технологии (греч. *techne* – искусство, мастерство) – это совокупность методов и систем последовательных действий, направленных на достижение необходимого политического результата¹. В политической практике они появляются как совокупность методов применения объективных законов политики, материализация абстракций политической науки и совершенные решения, документы, нормативы, распоряжения.

Выборные технологии меняются в зависимости от перманентно меняющейся действительности, и конечный результат может быть кардинально противоположен прогнозным оценкам. Примером может служить «эффект Бредли», т.е. ситуация, когда прогнозные оценки (социологические опросы, экзит-пулы и т.д.) расходятся с фактическими результатами.

Явно ошибочным является тот факт, что незначительная модификация технологии сможет в корне изменить ситуацию в пользу кандидата (речь идет о выборном процессе, где политические технологии являются основополагающим фактором положительного результата). Однако после единичного использования «отмирает» целый куст технологий, происходящих от единого корня-сценария. В крайнем случае изменению может быть подвергнута не форма реализации сценария, а заложенная в основу сценария стратегия.

Применение политтехнологических идей на практике предполагает ориентацию на мотив человека, участвующего в политическом процессе. По большей части это два мотива: альтруистичный (усовершенствовать общественную жизнь) и эгоистичный (получить власть, популярность, богатство)². Большинство политиков демонстрируют первый и пытаются скрыть второй мотив, особенно сначала. Мотивы определяют цель и программу политической деятельности. Мотивирующими ее факторами являются по-

требности самовыражения, самореализации, признания, свободы, самообеспечения, власти и тому подобное.

В данном случае речь идет о методах, использующихся в избирательной борьбе Германии и России. Сразу следует оговориться, что на избирательные технологии оказывают влияние ментальность населения страны, политическая идеология, которая, в свою очередь, имеет циклический характер, то есть является не постоянной, что также вносит определенные сложности в работу политтехнолога. Стратегия, которую используют в выборах, должна сочетаться с реалиями сегодняшнего дня и условиями того, что общество находится под влиянием СМИ. Кандидат и его программа должны быть адаптированы под СМИ и соответствовать их требованиям. Выгоднее всего использовать те компоненты СМИ, которые проще использовать: это телевизионные рекламные ролики и радиорекламные ролики партий, газетные статьи, а также предвыборные плакаты. Не секрет, что политические технологии носят манипулятивный характер. С каждым годом все труднее найти новые подходы для реализации в результате того, что электорат находится в процессе деполитизации, в отличие от коммунистического периода в России, где гражданин, по сути, не имел возможности быть аполитичным. В то же время участие граждан в политических процессах было весьма ограниченным. В Германии же население никогда аполитичным не было и всегда проявляло свое участие в политическом процессе.

Строить технологии избирательного процесса можно по двум направлениям: линия персонификации и линия принадлежности к партии. При персонифицированном подходе избирателю «продается» личность кандидата с приданным ему «партийным наследством», не блок идей, а блок вокруг эффективного политика. Это означает, что сущность предлагаемых политических технологий популярна все эти годы – персонификация политики, «соблазнение толпы» кандидатом или развенчание «неудобного» кандидата. Здесь акценты расставляются таким образом, что центральной фигурой на выборах выступает кандидат, а не идеи, выражаемые им, – партии служат лишь сопровождением. Партии и концепции создаются под кандидата, а не кандидат становится выразителем идей партии. Следуя такой тактике, можно довести данную идею до абсурда: выставить одного кандидата от разных партий, а избирателю предоставить право выбрать то, от какой партии и идейного блока он избирает данного кандидата. По большому счету так и получается, ведь независимый кандидат, входивший в некую фракцию, пройдя в парламент, выбирает себе политическую платформу³. Командный подход отличается от персонифицированного. В данном случае упор делается не на личности кандидатов (речь идет о партийных списках), а на идеи, программы и



проекты партий. Здесь большее значение имеет партийный вектор, по которому движется вся партия, в том числе и ее лидеры.

При успешной реализации данного подхода и при голосовании по партийным спискам электорат должен руководствоваться следующей схемой: новые выборы – незнакомые кандидаты – знакомые партии.

Как показали исследования, в России предпочтения избирателей тяготели к персоналиям в конце 90-х – начале 2000 годов. Это произошло после кризиса во всех сферах жизни страны, в том числе и политической. Люди находились в состоянии политической прострации и не могли оценить те партии, которые имелись. В результате ставка делалась на личность. После формирования в стране структурированной партийной системы и появления ведущей партии электорат начинает руководствоваться партийностью кандидата. Здесь для политтехнолога появляются категории, которые отступают при работе по линии персонализации (идеология партии, соратники по партии, партийная программа, вес партии и т.д.).

В выборных предпочтениях граждан Германии также присутствует нестабильность. (Принятие решений непосредственно перед выборами, либо тактическое продумывание своих действий с целью поддержки / не поддержки кандидата). От выборов к выборам меняется партийное предпочтение. Колебания наблюдаются также и во время предвыборной борьбы. Как правило, одна четвертая часть перед выборами еще не определилась. Однако существует часть, которая тактически продумывает свои действия, дабы поддержать какую-то коалицию, либо, напротив, не допустить к власти⁴. Традиционно для Германии важна партийная принадлежность кандидата, однако в некоторых случаях эту склонность можно сломать. Например, кампания Г. Шрёдера 1998 года. Он наглядным образом показал, как выглядит кампания, заостренная на лидере. СДПГ (Социал-демократическая партия Германии) запустила кампанию за год до выборов, когда кандидат на пост канцлера еще не был установлен. Сначала слоганом кампании являлся слоган «мы готовы вступить в борьбу», затем с появлением Г. Шрёдера политтехнологи трансформируют его в слоган «я готов вступить в борьбу»⁵. Такая ставка могла быть сделана только на лидера, который мог бы оправдать возложенную на него ответственность, который готов был «перетянуть» на себя образ «надежного новатора».

В это время в выборных технологиях Германии вырабатываются новые методы в ведении предвыборной борьбы: кандидат рассматривается как личность и большую роль играют такие персональные характеристики, как семья, жена и прочее. Еще более очевидным является показанное влияние личности кандидата на партию. Во время выборной борьбы в 2002 г. Шрёдеру пришлось переносить на партию свою личность,

а именно: необходимо было создавать образ человека, который трудится день и ночь вместе с партийным аппаратом⁶.

В выборной борьбе немецких политтехнологов принято открыто создавать негативный образ конкурента, наравне с созданием своего позитивного образа. Данный процесс считается законным и носит традиционный характер. С точки зрения человеческой психологии это имеет под собой основания: для социальной единицы характерен так называемый поиск врага. В России же не существует публичной и легитимной практики «Я – хороший, а мой конкурент – плохой», она заменена более тонким, но вместе с тем и менее порядочным процессом «черного PR». В Германии же принято сразу обозначать конфронтационные позиции. Так, прямо в начале предвыборной борьбы Г. Шрёдера было заявлено «Я или он»⁷. Персонализация в избирательной кампании доходит до того, что начинает граничить с переходом на личность. Примером может служить кампания Г. Шрёдера, который прибегнул даже к тому, что упрекнул А. Меркель в том, что она не может понять женскую часть электората ввиду отсутствия у нее своих детей⁸. Сделано это было для того, чтобы защитить свою программу по поддержке женщин, которая была под угрозой ввиду пола кандидата-противника.

Поскольку общественные трансформации неизбежны, меняются и стратегии выборной борьбы. Однако беспроигрышными вариантами остаются такие составляющие предвыборных слоганов, как: «новое начало», «доверие в Германии», «свобода», «справедливость» и пр., которые создают общее впечатление компетенции⁹. В России наряду с вышеперечисленными слоганами востребованы в силу различных обстоятельств действительности такие составляющие, как: «закон», «порядок», «правда», «воров к ответу»¹⁰.

Исследования подтверждают, что существует так называемый «набор» компонентов стратегий для партий и для персоналий, который они используют в различных вариациях. Какая конкретная стратегия выходит на первый план – зависит от обстоятельств. При этом большую роль играет то, ведется ли борьба правящей партией или оппозиционной. Оппозиция в данном случае выступает так называемым «обвинителем». Как правило, в любом существующем настоящем можно разобрать очевидные или не слишком оттенки, на озвучивании которых и можно построить свою кампанию.

Важное значение в избирательных технологиях играет время построения стратегии. В политконсалтинге используются различные инструменты и технологии, однако специалисты едины в одном: начинать следующие выборы нужно на следующий день после того, как закончились настоящие (независимо от того, выиграл или проиграл сегодняшний кандидат и будет ли он баллотироваться в дальнейшем). В этом



технологии России и Германии похожи. Если это победившие кандидаты, то представляется действительная программа дальнейших действий (*Organisationsplan*). (Не следует путать с предвыборной программой кандидата в депутаты.) Здесь строятся планы по дальнейшей работе депутата, его взаимодействия с другими членами партии, контакты со СМИ и конкретные мероприятия. Отталкиваясь от реализации данного плана и его результатов, можно будет строить конкретную программу на следующих выборах.

При разработке выборной стратегии необходимо учитывать популярность конкурента, его возможность использовать ресурсы (административные, финансовые и т.д.). Очевидно, что сооружение долгосрочной стратегии возможно только условно и в наиболее общих чертах. Построение же долгосрочной стратегии, с представлением конкретного плана мероприятий, неизбежно приведет к расхождению с предполагаемыми результатами.

Делая выводы из вышесказанного, можно уверенно констатировать, что современные политические технологии переживают кризис развития, их действенность снижена в результате спровоцированной политтехнологиями информационной дезориентации населения. Это в том числе связано и с некоторыми изменениями в избирательном законодательстве. Наметилась тенденция к деполитизации электората, что снижает политический иммунитет общества, делает его беззащитным перед комплексом экстремистских идей.

Главной проблемой политических технологий является то, что они эффективны лишь единожды, а придумывать новые, которые будут действенны в условиях деполитизации электората, все сложнее и сложнее. Очевидно, что пока речь идет лишь о модификации привычных «персоналистических» технологий борьбы, придании им облика, более соответствующего масштабам эффективного политика-менеджера. Однако уже

сейчас ясно, что дальнейшее развитие темы не сможет привести к существенному росту эффективности политических технологий – за счет массовости применения они начинают взаимно компенсироваться. В финале должно произойти генеральное столкновение идей, в противном случае не исключен такой вариант развития событий, при котором избиратель сыграет по правилу «от противного», отдав предпочтение на основе совершенно непредсказуемой логики.

Примечания

- 1 См.: *Бибик В.М.* Базовые принципы политологии: история, теория, методология, практика. Киев, 2000. С. 63.
- 2 См.: *Гаевский Б.* Философия политики. Киев, 1993.
- 3 См.: *Руденко В.Н.* Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты. Екатеринбург, 2003. С. 34–35.
- 4 См.: Vgl. Im Vergleich: Letzte Umfragen und Wahlergebnisse // www.faz.net.de (20.9. 2005).
- 5 См.: *Holtz-Bacha Ch.* Personalisiert und emotional: Strategien des modernen Wahlkampfes // *Aus Politik u. Zeitgeschichte*. Bonn, 2006. № 7. S. 34.
- 6 См.: <http://www.bundestag.de/dasparlament/2006/07/Beilage/002.html>
- 7 См.: <http://www.bundestag.de/dasparlament/2006/07/Beilage/002.html>
- 8 См.: *Trautsc M.* Diesmal weniger Vorliebe für Phrasen // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 2005. Vom 6.9. S. 52.
- 9 См.: *Lessinger Eva-M., Moke M., Holtz-Bacha Ch.* Edmund, Essen ist fertig. Plakatwahlkampf, 2002; *Holtz-Bacha Ch.* Motive und Strategien. Die Massenmedien im Wahlkampf. Die Bundestagswahl 2002. Wiesbaden, 2003. S. 216–242.
- 10 См.: *Мирошниченко А.А.* Конструирование предвыборного лозунга. «Public relations в общественно-политической сфере. Провинциальная практика». М., 2006. С. 62–70.

УДК: 316.77:81

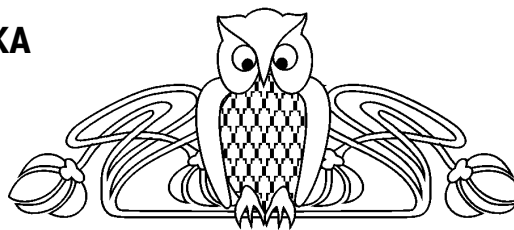
СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

О.А. Лобачева

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии регионов
E-mail: lobachova.81@mail.ru

В статье рассматривается трансформация социальной функции языка в современном информационном обществе в связи с возникновением новых сфер общественной жизни. Происходит либо расширение социальной функции языка, либо сужение социальных функций, если наблюдается исчезновение сфер общественной жизни людей.

Ключевые слова: социальные функции языка, информационное общество.



Social Function of Russian Language at Communicatory Society

О.А. Lobacheva

The article examines the transformation of language social function at the modern communicatory society in connection with the appearance of new spheres of social life. As a result of appearing of



технологии России и Германии похожи. Если это победившие кандидаты, то представляется действительная программа дальнейших действий (*Organisationsplan*). (Не следует путать с предвыборной программой кандидата в депутаты.) Здесь строятся планы по дальнейшей работе депутата, его взаимодействия с другими членами партии, контакты со СМИ и конкретные мероприятия. Отталкиваясь от реализации данного плана и его результатов, можно будет строить конкретную программу на следующих выборах.

При разработке выборной стратегии необходимо учитывать популярность конкурента, его возможность использовать ресурсы (административные, финансовые и т.д.). Очевидно, что сооружение долгосрочной стратегии возможно только условно и в наиболее общих чертах. Построение же долгосрочной стратегии, с представлением конкретного плана мероприятий, неизбежно приведет к расхождению с предполагаемыми результатами.

Делая выводы из вышесказанного, можно уверенно констатировать, что современные политические технологии переживают кризис развития, их действенность снижена в результате спровоцированной политтехнологиями информационной дезориентации населения. Это в том числе связано и с некоторыми изменениями в избирательном законодательстве. Наметилась тенденция к деполитизации электората, что снижает политический иммунитет общества, делает его беззащитным перед комплексом экстремистских идей.

Главной проблемой политических технологий является то, что они эффективны лишь единожды, а придумывать новые, которые будут действенны в условиях деполитизации электората, все сложнее и сложнее. Очевидно, что пока речь идет лишь о модификации привычных «персоналистических» технологий борьбы, придании им облика, более соответствующего масштабам эффективного политика-менеджера. Однако уже

сейчас ясно, что дальнейшее развитие темы не сможет привести к существенному росту эффективности политических технологий – за счет массовости применения они начинают взаимно компенсироваться. В финале должно произойти генеральное столкновение идей, в противном случае не исключен такой вариант развития событий, при котором избиратель сыграет по правилу «от противного», отдав предпочтение на основе совершенно непредсказуемой логики.

Примечания

- 1 См.: *Бибик В.М.* Базовые принципы политологии: история, теория, методология, практика. Киев, 2000. С. 63.
- 2 См.: *Гаевский Б.* Философия политики. Киев, 1993.
- 3 См.: *Руденко В.Н.* Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты. Екатеринбург, 2003. С. 34–35.
- 4 См.: Vgl. Im Vergleich: Letzte Umfragen und Wahlergebnisse // www.faz.net.de (20.9. 2005).
- 5 См.: *Holtz-Bacha Ch.* Personalisiert und emotional: Strategien des modernen Wahlkampfes // *Aus Politik u. Zeitgeschichte*. Bonn, 2006. № 7. S. 34.
- 6 См.: <http://www.bundestag.de/dasparlament/2006/07/Beilage/002.html>
- 7 См.: <http://www.bundestag.de/dasparlament/2006/07/Beilage/002.html>
- 8 См.: *Trautsc M.* Diesmal weniger Vorliebe für Phrasen // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 2005. Vom 6.9. S. 52.
- 9 См.: *Lessinger Eva-M., Moke M., Holtz-Bacha Ch.* Edmund, Essen ist fertig. Plakatwahlkampf, 2002; *Holtz-Bacha Ch.* Motive und Strategien. Die Massenmedien im Wahlkampf. Die Bundestagswahl 2002. Wiesbaden, 2003. S. 216–242.
- 10 См.: *Мирошниченко А.А.* Конструирование предвыборного лозунга. «Public relations в общественно-политической сфере. Провинциальная практика». М., 2006. С. 62–70.

УДК: 316.77:81

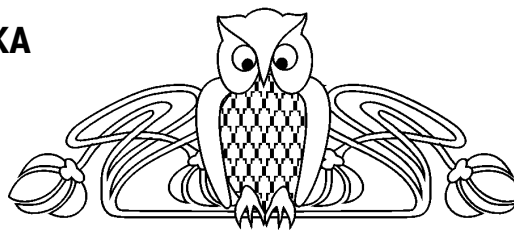
СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

О.А. Лобачева

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии регионов
E-mail: lobachova.81@mail.ru

В статье рассматривается трансформация социальной функции языка в современном информационном обществе в связи с возникновением новых сфер общественной жизни. Происходит либо расширение социальной функции языка, либо сужение социальных функций, если наблюдается исчезновение сфер общественной жизни людей.

Ключевые слова: социальные функции языка, информационное общество.



Social Function of Russian Language at Communicatory Society

O.A. Lobacheva

The article examines the transformation of language social function at the modern communicatory society in connection with the appearance of new spheres of social life. As a result of appearing of



new spheres at the society, there appear new social functions and widening of language social function takes place, and vice versa the contraction of social functions may take place, if the disappearance of spheres of peoples' social happens.

Key words: language social functions, informational society.

Начало XXI в. ознаменовано необратимым процессом вхождения человеческой цивилизации в новую фазу исторического развития – информационное общество. Этот процесс носит планетарный характер и рассматривается как закономерность научно-технического и социального прогресса, открывающая перед цивилизацией новые горизонты развития. Бурное развитие компьютерной техники и информационных технологий послужило толчком к развитию общества, построенного на использовании различной информации и получившего название информационного общества. Проходящая в настоящее время в современном обществе информационная революция реализуется как процесс информатизации общественной жизни, внедрения новых информационных технологий¹. Превращение информации в фактор, определяющий прогресс общества, его экономический рост, движение по интенсивному пути, является существенной социальной закономерностью.

Техническим базисом информационного общества выступает развитие компьютерных технологий и средств коммуникаций. Современные средства хранения, переработки и передачи информации кардинально изменили возможности общения людей. Компьютерные технологии, средства коммуникации и сеть Интернет, являясь новой сферой общества на современном этапе его развития, в условиях глобализации изменяют функцию языка.

Цель данного исследования состоит в изучении трансформации социальной функции языка в современном информационном обществе в связи с возникновением новой сферы общественной жизни – глобальной сети Интернет.

Язык – это самое важное и самое необходимое из всех приобретений человека и человеческого общества, которое является чисто историческим наследием коллектива, продуктом длительного социального употребления. Язык как средство общения возник и развивался только с возникновением и развитием общества. Уже древние ученые отмечали тесную связь языка с человеческим обществом, социальную природу языка, общественный характер его использования. Таким образом, язык – явление социальное, по существу он есть результат социальных связей. В языке все социально в том смысле, что он не может ни функционировать, ни развиваться вне общества. «Язык по своей природе и сущности социален: он возникает и развивается лишь в человеческом коллективе и усваивается каждым человеком в процессе его общения с другими людьми»².

Любой современный язык отражает социальную жизнь его носителей, а главное – «язык обслуживает общество во всех сферах, является отражением общественного сознания, реагирует на изменения во всех сферах общественной жизни и сам создается и формулируется обществом»³.

Все события, которые происходят в общественной жизни, рано или поздно находят свое отражение в языке. Язык, как общественное и социально значимое явление, отражая социальный прогресс, развивается вместе с обществом. «Язык в известном смысле служит барометром общественного развития, поскольку в нем отражаются основные колебания, изменения в жизни общества»⁴.

Поскольку язык постоянно приспосабливается к общественному устройству, то и функции его социально обусловлены, то есть они не могут быть никакими иными, как только социальными, общественными.

Человеческое общество на всех этапах своего развития находится в постоянном движении и развитии. Малейшие изменения в обществе, общественной жизни людей приводят к изменению их сфер деятельности, а изменение сфер деятельности влияет на социальную (общественную) функцию языка. Таким образом, все сферы общественной жизни общества и социальная функция современного языка находятся в тесной связи. Изменения, связанные с расширением сфер деятельности людей, оказывают непосредственное влияние на расширение социальной (общественной) функции языка. Если в обществе возникают новые сферы, такие, например, как Интернет, то это способствует появлению новых социальных функций, расширению социальной функции языка.

Следует добавить, что язык во всем своем разнообразии проявления – это совокупность явлений, которые образуют две линии его развития. Все явления, относящиеся к социальным функциям языка, образуют первую линию, которую можно было бы назвать функциональной, или линией развития функциональной структуры языка, общественных функций языка. Все явления, относящиеся к внутренней структуре языка, образуют вторую линию, которую можно было бы назвать внутрискруктурной линией, или линией развития внутренней структуры языка. Функциональное развитие языка – это «процесс совершенствования языка, функционирования и расширения сфер его использования»⁵.

Русский язык является одним из величайших языков мира. В нем отражаются достижения русского народа во всех областях материальной и духовной культуры. Все достижения отечественной науки, техники и культуры полностью нашли свое отражение в русском языке. Нет такой отрасли народного хозяйства, материальной и духовной культуры, науки, техники, общественно-политической, научной и культурной жизни нашей страны, кото-



рая не получила бы отражения в русском языке. Социальная функция русского языка проявляется в сферах СМИ, радио, телевидения, периодической печати, художественной литературы, театра, искусства и т.д. Сегодня можно также отметить, что русский язык выполняет социальную функцию в сфере Интернет, которая, в свою очередь, во многом обуславливает внутрискруктурное развитие языка, особенно в области лексики. Под влиянием новых информационных технологий – компьютерных и коммуникационных – создаются современные технологии образования на основе погруженности человека в новую интеллектуальную среду. Применение современных информационных технологий в образовании привело к созданию качественно новой формы обучения – дистанционного образования, с возникновением которого появляется новая терминология: дизайнер курсов – разработчик учебных курсов; тьютор – специалист по интерактивному предоставлению учебных курсов; фасилитатор – консультант по методам обучения; инвилитор – специалист по методам контроля над результатами обучения.

Изменения, происходящие в сфере образования в современных условиях, оказывают непосредственное влияние на социальную функцию языка. Здесь большую роль играет гносногенная функция (т.е. совокупность осуществляемых с помощью компьютеров и информационных сетей

процедур и операций, влияющих на познание, содействующая приросту новых знаний), которая в ближайшем будущем станет одним из самых мощных факторов устойчивого развития⁶.

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать вывод, что на современном этапе развития информационного общества, где сеть Интернет является продуктом данного общества, современный русский язык играет новую социальную функцию в сфере Интернет, что приводит к расширению социальной функции языка.

Примечания

- 1 См.: Калугина Т.А. Новые информационные технологии в сфере образования: методические проблемы разработки и внедрения / Под ред. проф. Г.В. Дыльнова. Саратов, 2000. С. 3.
- 2 Головин Б.Н. Введение в языкознание: В 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 23.
- 3 Швейцер А.А., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. М., 1978. С. 11.
- 4 Дешериев Ю.Д. Проблема функционального развития языков и задачи социолингвистики // Язык и общество. М., 1968. С. 56.
- 5 Исаев М.И. К вопросу о понятии «развитие языка» // Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981. С. 138.
- 6 Там же.

УДК 316.346.3

ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО РУКОВОДИТЕЛЯ К РАБОТНИКУ ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА

Ж.В. Петрова

Саратовский государственный технический университет,
кафедра социологии
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

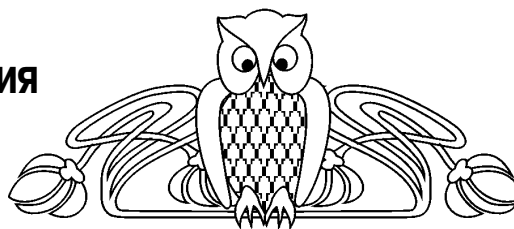
Статья посвящена анализу практик исключения в профессионально-деловой сфере в контексте перехода к пенсионному статусу по возрасту. Исследуются позиции руководителей предприятий различных форм собственности по отношению к трудоустройству и продолжению профессиональной деятельности сотрудников позднего возраста.

Ключевые слова: пожилой возраст, социальный статус, практики исключения в профессионально-деловой сфере.

Interpretation Analysis of Modern Leader Relations with an Old Age Employee

G.V. Petrova

The article is devoted to the analysis of outsider's practices of excluding practices in the transition to pensioners old age status context. Various employers points of view irrespective of their property types concerning giving jobs to old age professionals are studied.



Key words: older age, social status, outsider's practices in the professional sphere.

Молодой возраст, даже без наличия необходимого стажа работы, в настоящее время является весомым аргументом в пользу соискателя вакантной должности. Рынок труда на сегодняшний день полностью направлен на трудоспособную молодежь и людей среднего возраста (до 40–45 лет). В профессионально-трудовой сфере сложилась дискриминационная модель поведения руководителей по отношению не только к пожилым, но и к сотрудникам, перешагнувшим порог своего пятидесятилетия, то есть предпенсионного и пенсионного возраста. Для них оказывается закрытой не только возможность карьерного роста, но и возможность повышения своей квалификации и переквалификации, а порою их, в прямом смысле этого слова, выталкивают с работы. В результате места пожилых людей, желающих продолжать трудовую деятельность, занимают более молодые,



рая не получила бы отражения в русском языке. Социальная функция русского языка проявляется в сферах СМИ, радио, телевидения, периодической печати, художественной литературы, театра, искусства и т.д. Сегодня можно также отметить, что русский язык выполняет социальную функцию в сфере Интернет, которая, в свою очередь, во многом обуславливает внутрискруктурное развитие языка, особенно в области лексики. Под влиянием новых информационных технологий – компьютерных и коммуникационных – создаются современные технологии образования на основе погруженности человека в новую интеллектуальную среду. Применение современных информационных технологий в образовании привело к созданию качественно новой формы обучения – дистанционного образования, с возникновением которого появляется новая терминология: дизайнер курсов – разработчик учебных курсов; тьютор – специалист по интерактивному предоставлению учебных курсов; фасилитатор – консультант по методам обучения; инвилитор – специалист по методам контроля над результатами обучения.

Изменения, происходящие в сфере образования в современных условиях, оказывают непосредственное влияние на социальную функцию языка. Здесь большую роль играет гносногенная функция (т.е. совокупность осуществляемых с помощью компьютеров и информационных сетей

процедур и операций, влияющих на познание, содействующая приросту новых знаний), которая в ближайшем будущем станет одним из самых мощных факторов устойчивого развития⁶.

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать вывод, что на современном этапе развития информационного общества, где сеть Интернет является продуктом данного общества, современный русский язык играет новую социальную функцию в сфере Интернет, что приводит к расширению социальной функции языка.

Примечания

- 1 См.: Калугина Т.А. Новые информационные технологии в сфере образования: методические проблемы разработки и внедрения / Под ред. проф. Г.В. Дыльнова. Саратов, 2000. С. 3.
- 2 Головин Б.Н. Введение в языковедение: В 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 23.
- 3 Швейцер А.А., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. М., 1978. С. 11.
- 4 Дешериев Ю.Д. Проблема функционального развития языков и задачи социолингвистики // Язык и общество. М., 1968. С. 56.
- 5 Исаев М.И. К вопросу о понятии «развитие языка» // Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981. С. 138.
- 6 Там же.

УДК 316.346.3

ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО РУКОВОДИТЕЛЯ К РАБОТНИКУ ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА

Ж.В. Петрова

Саратовский государственный технический университет,
кафедра социологии
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

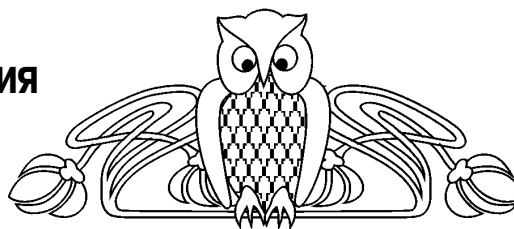
Статья посвящена анализу практик исключения в профессионально-деловой сфере в контексте перехода к пенсионному статусу по возрасту. Исследуются позиции руководителей предприятий различных форм собственности по отношению к трудоустройству и продолжению профессиональной деятельности сотрудников позднего возраста.

Ключевые слова: пожилой возраст, социальный статус, практики исключения в профессионально-деловой сфере.

Interpretation Analysis of Modern Leader Relations with an Old Age Employee

G.V. Petrova

The article is devoted to the analysis of outsider's practices of excluding practices in the transition to pensioners old age status context. Various employers points of view irrespective of their property types concerning giving jobs to old age professionals are studied.



Key words: older age, social status, outsider's practices in the professional sphere.

Молодой возраст, даже без наличия необходимого стажа работы, в настоящее время является весомым аргументом в пользу соискателя вакантной должности. Рынок труда на сегодняшний день полностью направлен на трудоспособную молодежь и людей среднего возраста (до 40–45 лет). В профессионально-трудовой сфере сложилась дискриминационная модель поведения руководителей по отношению не только к пожилым, но и к сотрудникам, перешагнувшим порог своего пятидесятилетия, то есть предпенсионного и пенсионного возраста. Для них оказывается закрытой не только возможность карьерного роста, но и возможность повышения своей квалификации и переквалификации, а порою их, в прямом смысле этого слова, выталкивают с работы. В результате места пожилых людей, желающих продолжать трудовую деятельность, занимают более молодые,



но не имеющие достаточного опыта в профессиональной деятельности сотрудники. Пожилые же соискатели вынуждены довольствоваться вторичным сектором рынка труда, который составляют низкооплачиваемые, временные, нестабильные рабочие вакансии.

Об этом свидетельствуют результаты нашего исследования. В качестве методов сбора данных мы использовали глубинное интервью. Нами были проинтервьюированы 35 руководителей предприятий различных форм собственности г. Саратова. Возраст респондентов варьировал в пределах от 25 до 65 лет. Около 60% опрошенных – мужчины, 40% – женщины. Целью проведенного исследования было выявление позиционирования руководителей предприятий в отношении пожилых работников, их оценок деятельности пожилых сотрудников, их отношение к перспективам карьерного роста лиц указанного возраста, а также выяснение причин согласия или несогласия в предоставлении рабочих мест в их организациях.

Результаты исследования позволяют выделить следующие позиции работодателей в отношении пожилых соискателей вакантных рабочих мест.

1. Негативная позиция. Руководители, придерживающиеся данной позиции, категорично заявляют, что на их предприятиях пожилым сотрудникам нет места, соответственно и карьерный рост для таких работников закрыт.

2. Позиция частичного неприятия. Данную ветвь представляют работодатели, которые допускают возможность работы на их предприятиях пожилых сотрудников лишь в виде исключения, сделанного для конкретных людей, как правило, тех, с кем они рука об руку проработали много лет и теперь их просто неудобно уволить. Тем не менее, перспективу карьерного роста сотрудников третьего возраста они не рассматривают. Очень часто работники указанных возрастов на данных предприятиях, подходя к пенсионному возрасту, теряют занимаемую ими должность, становясь рядовыми служащими.

3. Позиция вынужденной лояльности. Руководители считают, что они вынуждены снисходительно относиться к пожилым сотрудникам в силу ряда жестких обстоятельств. Карьера сотрудников указанного возраста достигает пика к двадцати – двадцати пяти годам профессиональной деятельности, после которой сотрудник лишь сохраняет прежнее рабочее место, а порою принимается новый человек, с перспективой на указанную должность.

4. Позитивная позиция. Руководители, занимающие данную позицию, единогласно одобряют продолжение профессиональной деятельности после наступления пенсионного возраста и считают несомненно ценными для своего предприятия сотрудников третьего возраста. При этом они допускают повышение их квалификации, дальнейший карьерный рост, поручение им ответственных

заданий, помощь и совет таких сотрудников при руководстве предприятием.

Для более тщательного рассмотрения данной проблемы обратимся к каждому обозначенному выше подходу руководителей к вопросу трудовой занятости представителей позднего возраста.

Руководители, занимающие категориальную позицию по отношению к пожилым людям, которые потенциально могли бы стать или являются их сотрудниками, утверждают, что не хотят видеть в своих организациях лиц старше определенного возраста. Пределом возраста, после которого они прекращают рассматривать человека как возможного сотрудника, является возраст от 35 до 45 лет. Приведем пример интервью с одним из респондентов:

«У меня работают только молодые девушки. И я считаю это вполне справедливым. Сейчас мода на различные стрижки и прически меняется каждый сезон. Молодые сотрудницы имеют возможность пройти курсы, переквалифицироваться. Их взгляды соответственно меняются. У представителей более позднего поколения существуют иные взгляды на моду. Срабатывают старые стереотипы о форме причесок и укладок. Я и сама очень часто слышу осуждения в адрес смелых стильных людей от лиц старшего поколения. Сомневаюсь, что женщина пенсионного возраста, даже имея необходимую квалификацию и опыт работы, сумеет у меня работать». (Женщина, 27 лет, директор парикмахерского салона).

Интересным фактом стало то, что руководитель из этой группы обратила внимание на то, что пожилые люди «слишком подвержены стереотипам», хотя само это утверждение является подтверждением стереотипного мышления самого руководителя.

Или параллельный фрагмент следующего интервью:

«Я руковожу швейной фабрикой уже 8 лет. За это время наши “рабочие кадры”, конечно же, менялись. Наши сотрудницы дорабатывали до пенсии, уходили на нее. Мы, конечно же, их достойно провожали. Накрывали столы, дарили ценные подарки... По-моему, все оставались довольны... На их место приходили молодые сотрудницы, что вполне естественно. После пенсии у нас работать никто не оставался. Так уж у нас заведено. Да и потом в этом возрасте у многих людей развиваются различные заболевания, связанные с преклонным возрастом. Люди уже не осиливают работать в той степени, в какой это нам необходимо. Часто берут больничные листы... Я считаю, что в этом возрасте им оптимальнее заниматься внуками, помогать своим детям... Продолжать работу после выхода на пенсию я считаю нерациональным решением». (Женщина, 35 лет, директор швейной фабрики).

Снижение работоспособности и ухудшение здоровья как основной фактор, препятствующий продолжению трудовой деятельности, приводит и



следующий респондент. Обратимся к фрагменту интервью с ним:

«Установка дверей в квартирах и на предприятиях довольно тяжелый труд. Конечно, и оплата за это идет хорошая, но потеть приходится. Но и это еще не все. На доставку и установку выделяется определенное количество времени. Обычно это составляет 40–50 минут, т.е. менее одного часа. В подобных условиях каждое движение рассчитано по секундам. Нагрузка на организм дается огромная. Поэтому и работают у меня в большинстве своем крепкие молодые люди, способные выдерживать подобный напряженный ритм. Ведь за рабочий день им порою приходится доставить и установить до 10 дверей. Люди пенсионного возраста, как мне кажется, не в состоянии будут выполнить подобный объем работ в условиях, когда время настолько ограничено». (Мужчина, 42 года, генеральный директор коммерческой фирмы).

Необходимо заметить, что на настоящий момент позиция отвержения сотрудников третьего возраста имеет большую популярность среди руководителей. Основное направление кадровой политики на их предприятиях – поиск молодых людей «нового типа».

Общим объединяющим звеном для данной группы руководителей является сфера их профессионально-деловых интересов. Большинство организаций, которые они возглавляют, работает в относительно новых сферах деятельности (компьютерные технологии, косметические салоны, фирмы по обустройству территорий и т.д.). В их высказываниях прослеживается уверенность в том, что люди старше определенного возраста не в состоянии обучиться и работать по профессии в современных условиях. Параллельным распространенным объяснением жесткого неприятия пожилых сотрудников является опасение руководителей, что они будут служить «тормозом» любых нововведений, инноваций.

Довольно распространенной является более мягкая позиция руководителей, которые допускают возможность работы на их предприятиях пожилых сотрудников и сотрудниц, но лишь в виде исключения, сделанного для конкретных людей.

«Да, у нас работают женщины предпенсионного возраста. Хотя могу признаться, что их не так уж и много. Да и пенсионеров мы не “провожаем” без их желания на пенсию. Все-таки они проработали у нас много лет, многие из них имеют грамоты, награды, ценные подарки. Бывали времена, когда им и зарплату задерживали, и пайками выдавали. А они все выдержали. Как теперь им откажешь? Хотя более молодые сотрудницы во многом опережают их, они порасторопнее». (Женщина, 46 лет, директор фабрики.)

Данный фрагмент интервью наглядно показывает отношение к пожилым сотрудницам. Их не «провожают» на пенсию, жалея и учитывая при этом бывшие заслуги. Указывается и то, что

таких сотрудниц не так уж и много. И тем не менее предпочтение отдается молодым.

Наиболее популярной позицией руководителей организаций по отношению к пожилым сотрудницам является позиция «вынужденной лояльности». Такую позицию занимают руководители предприятий, которые вынуждены мириться с тем, что у них работают сотрудники пенсионного или предпенсионного возраста, но если бы у них была возможность, то они предпочли бы видеть на этих должностях людей значительно моложе: *«Работают люди предпенсионного и пенсионного возраста. И женщины, и мужчины. Но только потому, что молодежь неохотно идет на заводы. Молодые люди стремятся работать в фирмах, на высоких заработных платах. А мы не можем им этого обеспечить. Вот и приходится принимать на работу пенсионеров. У них запросов меньше».* (Мужчина, 53 года, директор завода.)

При этом в мотивации «вынужденной лояльности» были выявлены некоторые различия. Например, некоторые руководители из данной группы принимают на работу или предоставляют возможность продолжения профессиональной деятельности людям предпенсионного и пенсионного возраста из-за низкой оплаты труда на этих должностях. Чаще всего это работа в бюджетных организациях (школы, поликлиники, заводы, фабрики) или низкоквалифицированный, соответственно малооплачиваемый, труд в коммерческих фирмах и на предприятиях (уборщицы, вахтеры, лифтеры, сторожа и т.д.), то есть такие должности, на которые люди идут сегодня вынужденно, неохотно из-за низкой заработной платы и отсутствия перспективы карьерного роста. Их положение усугубляется еще и тем, что набор работ, предлагаемый пенсионерам на рынке труда, практически лишает их возможности работать сразу в нескольких местах для пополнения своего материального бюджета, так как предполагает нахождение на месте в течение всего рабочего дня (сторож, вахтер, уборщик служебных помещений).

Другая часть респондентов указанной группы более лояльно относится к представителям третьего возраста по той причине, что проработали с ними рука об руку много лет и теперь не могут им отказать. Данные руководители в некоторых случаях даже рассматривают перспективу карьерного роста пожилых сотрудников или же соглашаются оставлять за ними их прежние рабочие места и должности.

Как пример можно привести высказывание следующего респондента:

«Да, у нас работают мужчины предпенсионного возраста. Хотя, как я уже сказал, могу признаться, что их не так уж и много. Да и пенсионеров мы не “провожаем” без их желания на пенсию. Ведь они проработали у нас много лет, а сейчас им необходимо поддерживать семью, обучать внуков ... и руководящие посты они у нас тоже занимают. В пример могу привести моего



заместителя. Ему 63 года ...и тем не менее он на посту. Хотя, конечно, я должен признаться, что последнее время он сдает. Но мы очень давно вместе работаем и когда-то он был моей правой рукой. Как теперь ему откажешь? Хотя более молодые сотрудники оставляют пенсионеров далеко позади». (Мужчина, 56 лет, директор фабрики).

Респонденты, относящиеся к четвертой категории, заявляют о большой значимости для их организации сотрудников позднего возраста. Предприятие, возглавляемое одним из таких руководителей, ведет деятельность в области строительства.

Как преимущество данный респондент рассматривает их опытность, профессионализм и преданность делу. Приведем фрагмент интервью с ним: «Я руковожу строительно-ремонтной фирмой. И, естественно, опыт в строительстве является для меня самым важным критерием приема на работу. У нас работают и женщины предпенсионного возраста. Это женщины до 47 лет. В основном маляриши. Да, технологии в нашем деле меняются, но принцип остается тем же. Поэтому они прекрасно справляются с работой. Мои работницы готовы задерживаться на работе, брать подработки. От молодых в наше время такого не дождеешься». (Мужчина, 35 лет, директор фирмы).

К сожалению, данная точка зрения не является популярной. Результаты исследования доказывают это. И даже данный респондент указал средний возраст (47 лет). Представителей более позднего возраста среди работающих на данном предприятии не оказалось.

Фрагмент интервью со следующим респондентом фиксирует еще более уверенную позицию в опытности, преданности делу, а соответственно и ценности сотрудников третьего возраста. Данный респондент рассматривает карьеру в позднем возрасте как вполне естественное явление и считает, что с годами человек приобретает профессиональный опыт, которого порою так

не хватает молодому поколению. Обратимся к фрагменту интервью с ним: «...Это те люди, за которыми идут остальные. Молодым свойственен экстремизм. Не имея жизненного опыта, они могут нарубить с плеча. Хотя, наверное, именно сочетание опытности и некоторой доли экстремизма и может дать положительный результат. Ведь кто не рискует – тот не пьет шампанского! У руководителя всегда должен слаженно работать коллектив. Молодые сотрудники – это, конечно же, хорошо, но молодость надо направлять. Хотя, бесспорно, к этому вопросу надо подходить очень дифференцированно. Безусловно, есть должности, на которых необходимо присутствие сотрудников более молодого возраста, не все пожилые люди способны справиться с необходимым объемом работы. Но если позволяет здоровье, возможности, то почему бы и нет. Как я уже говорила, многое зависит и от самого человека. Если брать мою общественную деятельность, то можно привести следующий пример: мой заместитель, женщина 85 лет, заслуженный деятель культуры. Она умудряется проводить по два–три мероприятия в год. А это немало. Помимо этого она является руководителем хора ветеранов, где поют ветераны Великой Отечественной войны. Есть и еще один пример. Женщина, 80 лет, всю жизнь проработала в воинской части. Она очень надежный сотрудник, ни за что не подведет, всю работу выполняет очень четко». (Женщина, 54 года, предприниматель).

Необходимо помнить, что каждый человек когда-нибудь станет пожилым, поэтому обеспечение защиты прав людей третьего и четвертого возраста в нашем обществе является одной из важных и наболевших проблем. Помочь решению такой задачи может более детальное рассмотрение на уровне законодательной власти отдельных положений в существующем законодательстве, а также усиление мер по правовой защите и информированию о правах пожилых работников.

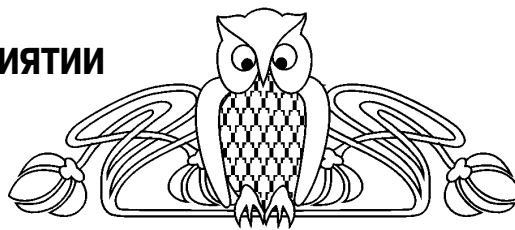
УДК 316.485.6

МЕХАНИЗМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ НА ПРЕДПРИЯТИИ

Е.В. Донцова

Саратовский государственный университет,
кафедра прикладной социологии
E-mail: agafonovadont@mail.ru

Угроза конфликта в коллективе актуальна для всех предприятий и организаций. Конфликты в коллективах возникают между подчиненными и руководителями, между разными отделами предприятия, между группами, сформированными лидерами. Причинами конфликтных ситуаций могут стать



столкновения интересов относительно власти, благ, ресурсов, условий труда, а также ошибки управления организацией.

Ключевые слова: социальный конфликт, коллектив, руководитель.



заместителя. Ему 63 года ...и тем не менее он на посту. Хотя, конечно, я должен признаться, что последнее время он сдает. Но мы очень давно вместе работаем и когда-то он был моей правой рукой. Как теперь ему откажешь? Хотя более молодые сотрудники оставляют пенсионеров далеко позади». (Мужчина, 56 лет, директор фабрики).

Респонденты, относящиеся к четвертой категории, заявляют о большой значимости для их организации сотрудников позднего возраста. Предприятие, возглавляемое одним из таких руководителей, ведет деятельность в области строительства.

Как преимущество данный респондент рассматривает их опытность, профессионализм и преданность делу. Приведем фрагмент интервью с ним: «Я руковожу строительно-ремонтной фирмой. И, естественно, опыт в строительстве является для меня самым важным критерием приема на работу. У нас работают и женщины предпенсионного возраста. Это женщины до 47 лет. В основном маляриши. Да, технологии в нашем деле меняются, но принцип остается тем же. Поэтому они прекрасно справляются с работой. Мои работницы готовы задерживаться на работе, брать подработки. От молодых в наше время такого не дождеешься». (Мужчина, 35 лет, директор фирмы).

К сожалению, данная точка зрения не является популярной. Результаты исследования доказывают это. И даже данный респондент указал средний возраст (47 лет). Представителей более позднего возраста среди работающих на данном предприятии не оказалось.

Фрагмент интервью со следующим респондентом фиксирует еще более уверенную позицию в опытности, преданности делу, а соответственно и ценности сотрудников третьего возраста. Данный респондент рассматривает карьеру в позднем возрасте как вполне естественное явление и считает, что с годами человек приобретает профессиональный опыт, которого порою так

не хватает молодому поколению. Обратимся к фрагменту интервью с ним: «...Это те люди, за которыми идут остальные. Молодым свойственен экстремизм. Не имея жизненного опыта, они могут нарубить с плеча. Хотя, наверное, именно сочетание опытности и некоторой доли экстремизма и может дать положительный результат. Ведь кто не рискует – тот не пьет шампанского! У руководителя всегда должен слаженно работать коллектив. Молодые сотрудники – это, конечно же, хорошо, но молодость надо направлять. Хотя, бесспорно, к этому вопросу надо подходить очень дифференцированно. Безусловно, есть должности, на которых необходимо присутствие сотрудников более молодого возраста, не все пожилые люди способны справиться с необходимым объемом работы. Но если позволяет здоровье, возможности, то почему бы и нет. Как я уже говорила, многое зависит и от самого человека. Если брать мою общественную деятельность, то можно привести следующий пример: мой заместитель, женщина 85 лет, заслуженный деятель культуры. Она умудряется проводить по два–три мероприятия в год. А это немало. Помимо этого она является руководителем хора ветеранов, где поют ветераны Великой Отечественной войны. Есть и еще один пример. Женщина, 80 лет, всю жизнь проработала в воинской части. Она очень надежный сотрудник, ни за что не подведет, всю работу выполняет очень четко». (Женщина, 54 года, предприниматель).

Необходимо помнить, что каждый человек когда-нибудь станет пожилым, поэтому обеспечение защиты прав людей третьего и четвертого возраста в нашем обществе является одной из важных и наболевших проблем. Помочь решению такой задачи может более детальное рассмотрение на уровне законодательной власти отдельных положений в существующем законодательстве, а также усиление мер по правовой защите и информированию о правах пожилых работников.

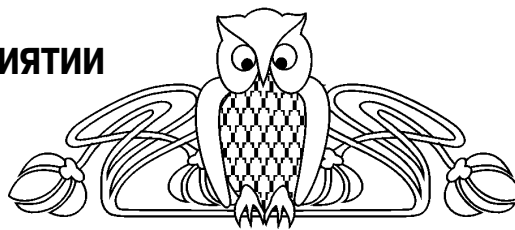
УДК 316.485.6

МЕХАНИЗМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ НА ПРЕДПРИЯТИИ

Е.В. Донцова

Саратовский государственный университет,
кафедра прикладной социологии
E-mail: agafonovadont@mail.ru

Угроза конфликта в коллективе актуальна для всех предприятий и организаций. Конфликты в коллективах возникают между подчиненными и руководителями, между разными отделами предприятия, между группами, сформированными лидерами. Причинами конфликтных ситуаций могут стать



столкновения интересов относительно власти, благ, ресурсов, условий труда, а также ошибки управления организацией.

Ключевые слова: социальный конфликт, коллектив, руководитель.



The Transformations of Social Conflicts at the Enterprises

E.V. Dontsova

The conflicts are present at all enterprises. The conflicts arise between workers and employers, between workers of workshops and commercial departments. In practice many reasons of conflict exist, for example, the dissatisfaction from work, the dissatisfaction from salary or working conditions of the conflict of interests and an incorrect course of management.

Key words: social conflict, group, leader.

Исследование проблем конфликта – одно из традиционных и основных направлений социологической науки. Изучая социальное взаимодействие, социология неизбежно сталкивается с конфликтом как составляющей и неотъемлемой частью оно. «Конфликт нельзя исключить из социальной жизни... “Мир” – это не более чем изменение формы конфликта или смена конфликтующих сторон, или смена предмета конфликта, или, наконец, возможностей выбора»¹.

Существует несколько интерпретаций социального конфликта. В рамках заданной тематики условимся считать, что социальный конфликт – это борьба за власть и ресурсы, за ценности и притязания на статус, за идеи и убеждения, в ходе которой оппоненты стремятся закрепить своё преимущество, нейтрализовать, нанести ущерб или устранить своих соперников. Разновидность социального конфликта – межгрупповой конфликт в коллективе, который можно определить как противоречие в организационно-трудовых отношениях, принимающее характер социальных столкновений между группами работников.

Одним из условий рыночной экономики является конкурентоспособность предприятий. При этом «никакие теория, программа или правительственная политика не могут сделать предприятие успешным; это могут сделать только люди»², – писал японец А. Морита и был прав. Современный менеджмент признаёт, что в организациях с эффективным управлением некоторые конфликты не только возможны, но и желательны. Считается, что во многих ситуациях конфликт помогает увидеть разнообразие точек зрения, большее число проблем, альтернатив их решения и т.д. Важно учитывать, что конфликт не всегда можно однозначно определить как конструктивный или деструктивный. Отсутствие программ по управлению конфликтами, по профилактике и устранению конфликтов, как показывает практика, может привести не только к снижению производительности труда, но и к гибели организации. И напротив, «вложения в человеческие ресурсы и кадровую работу становятся долгосрочным фактором конкурентоспособности и выживания промышленного предприятия»³.

Коллектив предприятия, организации – это сложная социальная структура с многогранной системой взаимодействия отдельных членов и

групп, как между собой, так и с другими элементами общества. Следовательно, конфликт может возникнуть внутри предприятия и, более того, выйти за его рамки, усложнив отношения производитель – поставщик, производитель – посредник, производитель – администрация, производитель – потребитель, производитель – производитель (конкурент).

Рассмотрим историю развития конфликтов в производственном коллективе ОАО Горпищекombината «Энгельский». Наиболее сложным конфликтным периодом в истории предприятия были 1998–2003 гг. Усугубившими атмосферу в коллективе факторами стали дефолт в 1998 г. и смена учредительного состава в 2001 г. Конфликт возник на фоне борьбы за дополнительный доход и лучшие условия труда.

Этот конфликт развивался по трём направлениям: взаимоотношения трудовых групп, взаимоотношения руководителей и подчинённых, взаимоотношения организации и внешней социально-экономической среды. Усугубляющим конфликтную ситуацию фактором было наличие проблем технического характера (структурно-производственные и товаропроизводственные противоречия). Структурно-производственные противоречия заключались в значительном отличии цехов предприятия условиями труда, оснащением, производственной загруженностью. Товаропроизводственные противоречия состояли в несоответствии достаточно высокого качества некоторых видов товара с их неудовлетворительным оформлением. Сосуществование товаров-лидеров (рентабельных, популярных) и товаров-аутсайдеров (нерентабельных или плохо продаваемых) является нормой, если в товарной корзине предприятия товаров-аутсайдеров не более 20%. Ассортимент ГПК «Энгельский» 1995–2001 гг. только на 35% состоял из рентабельных, популярных товаров. Например, цех фруктовых вод, производя квас, минеральную воду, лимонад, горчицу, растительное масло, успешно торговал только квасом.

Усугубившим конфликтную ситуацию фактором стало «консервирование» предприятия на фоне меняющейся внешней социально-экономической среды. Эффект «консервирования» был достигнут несколькими десятилетиями работы с поставщиками сырья и оптовыми покупателями произведённой продукции по принципу родственной и дружеской связи. С одной стороны, это обеспечивало стабильность производству: сырьё приходило вовремя, продукция сбывалась, следовательно, рабочие были обеспечены занятостью и зарплатой, руководство получало дополнительный доход по системе бонуса. Но с другой стороны, подобная искусственная стабильность и девиз работников: «Мы и так всё продадим, что бы ни произвели» – способствовали отставанию от конкурентов и постепенному вытеснению предприятия с рынка.



Социальная напряжённость на предприятии стала возрастать с развитием рыночных отношений и с нарастающей инфляцией. Конфликт между трудовыми группами разделил коллектив по отношению к инновациям на пропагандирующую и тормозящую группы; по принадлежности к структуре коллектива на коммерческую и производственную группы.

Во главе коммерческой группы была женщина-лидер – коммерческий директор, отстаивающая свои интересы и интересы подчинённых ей отделов: снабжение и сбыт с не выделенным ещё отделом маркетинга. Сотрудники коммерческой службы имели прибавку к окладам в виде процентов с продаж, откатов и бонусов от фирм-партнёров. Отсутствие легального повышения заработка и процентных надбавок у производственной группы спровоцировало создание оппозиции к коммерческой службе.

Во главе производственной группы стала другая женщина-лидер – начальник лаборатории. Имея право «вето» на ввозимое сырьё, так как оно должно пройти пробу, она внедрила своего человека сначала в отдел снабжения, затем в отдел технического обслуживания оборудования. Например, при производстве лимонада на 1000 литров списывается 300 литров на разлив, брак и т.д. Оказалось, что в начале линии есть рычаг, ослабляющий цепь, поэтому при проверке фиксировалась большая потеря жидкости, что не соответствовало действительности. В пользу «чёрного» сбыта не только лимонада, но и всей продукции говорят свидетельства работающих в отделе маркетинга (с декабря 2000 г.) торговых представителей. Обращаясь к потенциальным покупателям с предложением приобретения продукции, они сталкивались с подобными ответами: «Я на вашем горпищекомбинате куплю всё, что захочу, и заплачу столько, сколько захочу».

Стадия возникновения конфликта постепенно сменилась стадией возникновения инцидента. Появив необходимость преобразования всей системы производства, коммерческий отдел стал активно работать, выделился отдел маркетинга. На базе отчётов отдела маркетинга коммерческим директором были внесены предложения по упрощению выписки документов, по расширению ассортимента, по переходу на импортные этикетки, по работе с клиентами, по созданию независимого контроля качества и т.д. Осуществление данного плана повлекло бы усиление коммерческой группы, а это противоречило интересам производственников, которые всячески препятствовали инновационной деятельности. Увольнение из отдела снабжения члена производственной группы послужило инцидентом. Производственная группа стала тормозить все идеи коммерческого отдела относительно продукции, усложнилась выписка сертификатов соответствия на продукцию и выдача сертификатов качества клиентам. Конфликт стал переходить

на следующую стадию развития – стадию кризиса в отношениях.

Кризис в отношениях между коммерческой и производственными группами стал отпугивать постоянных клиентов, а новые, сталкиваясь со сложной бюрократической системой, отказывались сотрудничать. Искусственно вызванный кризис спроса, по замыслу производственной группы, должен был повлечь уход с предприятия коммерческого директора и его людей. Расчёт производственников не оправдался, а кризис стал затягиваться и приобретать опасные черты. В первую очередь пострадал бюджет предприятия, планируемый на социальную сферу (льготные путёвки, дополнительная медицинская помощь и т.п.). Во вторую очередь пострадал бюджет на развитие производства и инновации. Далее очередь дошла до сокращения объёмов закупаемого сырья и, как следствие, выпускаемой продукции. Репутация предприятия резко падала. Это всё отразилось и на «чёрном» сбыте, но исправить что-то на практике было крайне сложно, никто не хотел признавать ошибки, да и на их исправление средств не было. Руководство, потеряв контроль над конфликтом, потеряло предприятие, которое пришлось продать холдингу «Вита».

Учредительный и руководящий состав полностью сменился. Зная о конфликте между службами, директор принял решение устранить его путем смены коммерческого отдела. Стали приниматься действия по смягчению конфликтной ситуации: коллективное празднование профессионального праздника, Нового года, выделилась специальная статья в бюджете на подарки к 23 февраля, 8 Марта, к дням рождения и т.д. Была осуществлена переоценка работы всех отделов, особую роль отвели отделу маркетинга – анализировать структуру предприятия, вести исследование рынка сырья и потребительского рынка, прогнозировать тенденцию спроса на продукцию, разрабатывать и реализовывать имиджевую политику предприятия.

Часть социального напряжения в коллективе удалось снять, но проблемы, созданные кризисом отношений двух противоборствующих групп, создавали почву для новых конфликтов. Несмотря на практически полную смену коммерческой группы, конфликт между ней и производственниками не исчерпал себя. Это произошло потому, что субъект конфликта был устранён, а причина осталась и вызвала новую волну возмущения уже с обновлённой группой. За период с октября 2000 по октябрь 2001 г. в коммерческой службе сменилось 5 руководителей. Причиной ухода большинства был конфликт с производственной группой. Вместо совместной работы и принятия мер группы перекладывали вину за вытеснение с рынка друг на друга: «вы не умеете торговать, а вы не умеете производить». Учитывая должностные полномочия, коммерческий директор не мог обязать производственный отдел принимать



инновационные идеи и рычагов давления не имел. Он предлагал генеральному директору уволить большинство производителей, обновив тем самым коллектив (как было сделано в свою очередь с коммерческой группой), аргументируя это предложение тем, что с нуля работать легче, чем с минуса. Данную идею генеральный директор не поддержал, так как массовое увольнение могло негативно сказаться на предстоящей предвыборной кампании (генеральный директор баллотировался в думу).

Отсутствие мер по управлению конфликтной ситуацией, частая смена руководителей коммерческой службы, ухудшение положения предприятия на рынке, снижение заработной платы привели к тому, что конфликт между коммерческой и производственной группами ушёл на второй план относительно конфликта между работниками и работодателями.

Не оправдалось ожидание крупных денежных вложений в производство со стороны «Виты», которая все средства потратила на покупку предприятия, розданные некогда обещания остались невыполненными. Этот факт разочарования подкрепился поставкой с «Вита-принт» на кондитерский цех коробок под торт, пряник и др. продукцию низкого качества. Отсутствие обещанного повышения зарплаты привело к формированию модели поведения: «Я буду работать ровно столько, сколько сочту нужным за те деньги, которые получаю».

После выпуска фирменных буклетов, календарей, оформления торговых точек наблюдался всплеск работоспособности: в этот момент было разработано и произведено 8 новых наименований продукции, но отсутствие дальнейших мер по улучшению ситуации на предприятии привело к медленному снижению показателей.

Поставщики сырья, работавшие с прежним руководством, с новым составом работать отказывались. Это привело к частой смене партнёров, а значит характеристики муки, сахара, солода и т.д. тоже менялись, отражаясь на качестве и вкусовых особенностях производимого продукта. Появи-

лись задержки с поставкой сырья, периодически цеха оставались без работы, а следовательно, рабочие получали меньшую зарплату, чем прежде, не выполнялись обязательства перед заказчиками. После потери половины клиентов возникла необходимость завоёвывать рынок сбыта, который и так перенасыщен подобной продукцией. Был взят курс на производство конкурентоспособного товара и отказ от убыточного.

К 2004 г. предприятие ГПК «Энгельский» справилось с конфликтной ситуацией. Кредитные средства помогли обновить оборудование, улучшить условия труда, финансировать инновации. Производственная загруженность поднялась с 20% до 90%. Изменилась внешняя социально-экономическая ситуация: легализация товародвижения, ужесточение контроля со стороны государства привели к упразднению схемы «чёрного» сбыта.

История конфликта на ГПК «Энгельский» доказывает, что отсутствие внимания к конфликтам со стороны руководства может привести к кризису производства. При разрешении конфликтной ситуации необходимо в первую очередь устранять причины конфликта, а не его субъекты. Неразрешённые конфликты способны порождать новые конфликтные ситуации. Устранение причин конфликта и благоприятные изменения в экономике РФ привели к тому, что на сегодняшний день ГПК «Энгельский» стабильное, развивающееся предприятие, продукция которого награждена медалями министерства сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности. Таким образом, произошла трансформация деструктивного конфликта в конструктивный.

Примечания

- 1 Weber M. The Methodology of the Social Sciences. The Free Press, 1949. P. 26.
- 2 Цит. по: Коротков Э.М. Антикризисное управление. М., 2001. С. 323.
- 3 Айзенк Г. Дж. Узнай свой собственный коэффициент интеллекта. Н. Новгород, 1993. С. 38.

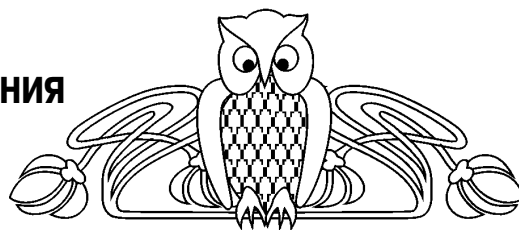
УДК 316.334.2 (470+571)

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ – ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ НАРОДОВ РОССИИ

Н.С. Соболев

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии регионов
E-mail: felobos@mail.ru

В статье речь идет об особенностях обеспечения продовольственной безопасности в России. Рассматриваются разные



точки зрения авторов на термин «продовольственная безопасность». Анализируется проблема нехватки продуктов питания малообеспеченным слоям населения, что приводит к отсутствию в организме необходимых полезных веществ и в дальнейшем к ухудшению здоровья. Уделяется внимание проблеме потребления некачественных продуктов питания.



инновационные идеи и рычагов давления не имел. Он предлагал генеральному директору уволить большинство производителей, обновив тем самым коллектив (как было сделано в свою очередь с коммерческой группой), аргументируя это предложение тем, что с нуля работать легче, чем с минуса. Данную идею генеральный директор не поддержал, так как массовое увольнение могло негативно сказаться на предстоящей предвыборной кампании (генеральный директор баллотировался в думу).

Отсутствие мер по управлению конфликтной ситуацией, частая смена руководителей коммерческой службы, ухудшение положения предприятия на рынке, снижение заработной платы привели к тому, что конфликт между коммерческой и производственной группами ушёл на второй план относительно конфликта между работниками и работодателями.

Не оправдалось ожидание крупных денежных вложений в производство со стороны «Виты», которая все средства потратила на покупку предприятия, розданные некогда обещания остались невыполненными. Этот факт разочарования подкрепился поставкой с «Вита-принт» на кондитерский цех коробок под торт, пряник и др. продукцию низкого качества. Отсутствие обещанного повышения зарплаты привело к формированию модели поведения: «Я буду работать ровно столько, сколько сочту нужным за те деньги, которые получаю».

После выпуска фирменных буклетов, календарей, оформления торговых точек наблюдался всплеск работоспособности: в этот момент было разработано и произведено 8 новых наименований продукции, но отсутствие дальнейших мер по улучшению ситуации на предприятии привело к медленному снижению показателей.

Поставщики сырья, работавшие с прежним руководством, с новым составом работать отказывались. Это привело к частой смене партнёров, а значит характеристики муки, сахара, солода и т.д. тоже менялись, отражаясь на качестве и вкусовых особенностях производимого продукта. Появи-

лись задержки с поставкой сырья, периодически цеха оставались без работы, а следовательно, рабочие получали меньшую зарплату, чем прежде, не выполнялись обязательства перед заказчиками. После потери половины клиентов возникла необходимость завоёвывать рынок сбыта, который и так перенасыщен подобной продукцией. Был взят курс на производство конкурентоспособного товара и отказ от убыточного.

К 2004 г. предприятие ГПК «Энгельский» справилось с конфликтной ситуацией. Кредитные средства помогли обновить оборудование, улучшить условия труда, финансировать инновации. Производственная загруженность поднялась с 20% до 90%. Изменилась внешняя социально-экономическая ситуация: легализация товародвижения, ужесточение контроля со стороны государства привели к упразднению схемы «чёрного» сбыта.

История конфликта на ГПК «Энгельский» доказывает, что отсутствие внимания к конфликтам со стороны руководства может привести к кризису производства. При разрешении конфликтной ситуации необходимо в первую очередь устранять причины конфликта, а не его субъекты. Неразрешённые конфликты способны порождать новые конфликтные ситуации. Устранение причин конфликта и благоприятные изменения в экономике РФ привели к тому, что на сегодняшний день ГПК «Энгельский» стабильное, развивающееся предприятие, продукция которого награждена медалями министерства сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности. Таким образом, произошла трансформация деструктивного конфликта в конструктивный.

Примечания

- 1 Weber M. The Methodology of the Social Sciences. The Free Press, 1949. P. 26.
- 2 Цит. по: Коротков Э.М. Антикризисное управление. М., 2001. С. 323.
- 3 Айзенк Г. Дж. Узнай свой собственный коэффициент интеллекта. Н. Новгород, 1993. С. 38.

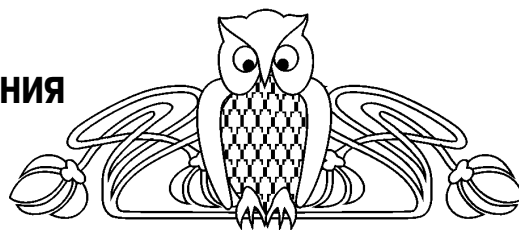
УДК 316.334.2 (470+571)

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ – ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ НАРОДОВ РОССИИ

Н.С. Соболев

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии регионов
E-mail: felobos@mail.ru

В статье речь идет об особенностях обеспечения продовольственной безопасности в России. Рассматриваются разные



точки зрения авторов на термин «продовольственная безопасность». Анализируется проблема нехватки продуктов питания малообеспеченным слоям населения, что приводит к отсутствию в организме необходимых полезных веществ и в дальнейшем к ухудшению здоровья. Уделяется внимание проблеме потребления некачественных продуктов питания.



Ключевые слова: продовольственная безопасность, здоровье, потребление продуктов питания.

Food Security of the Population of the Country – a Basis of Maintenance of Health of the People of Russia

N.S. Sobolev

In article it is a question of features of maintenance of food security in Russia. The different points of view of authors on the term «food security» are considered. The problem of shortage of consumption of a foodstuff is analyzed by lower-income strata that leads to absence in an organism of necessary useful substances and further to health deterioration. The attention to a problem consumption not a qualitative foodstuff is paid.

Key words: food security, health, consumption of a foodstuff.

В научной литературе приводятся разные трактовки понятия продовольственной безопасности. Если их обобщить, то можно выделить, по крайней мере, две точки зрения в этих толкованиях.

Одна группа авторов (П.Т. Бурдуков, Р.З. Саегалиев, А.А. Анфиногентова, А.И. Бирюков) обращает внимание на то, что содержание понятия «продовольственная безопасность» заключается в обеспечении гарантированного потребления населением страны продовольствия в необходимых объемах и условий фактического наличия, т.е. их доступности¹.

Другие (Р.П. Кутенков, С.Н. Семенов) утверждают, что помимо объема потребляемой пищи и обеспечения доступности продуктов питания необходимо еще обеспечить потребление качественной пищи, т.е. обеспечить безопасность питания, а также создать условия экономической доступности потребления продовольствия по рациональным нормам питания, т.е. условия обеспечения соответствующего уровня платежеспособного

спроса у разных слоев населения страны².

«Продовольственная безопасность» – термин, относительно недавно введенный в оборот из лексикона Организации Объединенных Наций. Английский термин «food security» в переводе имеет двойственное толкование: как «безопасность продовольствия» или как «продовольственная обеспеченность». Второй вариант перевода более точно отражает смысл понятия, определяющего обеспечение гарантированной физической и экономической доступности продуктов питания для человека.

Уровень обеспечения продовольственной безопасности напрямую отражается на здоровье человека, населения страны, нации. Прежде всего речь идет об экономической доступности продовольствия населению и безопасности его потребления. Меры по осуществлению продовольственной безопасности должны быть направлены на смягчение социальной дифференциации в уровне потребления продуктов питания. Имеющийся довольно значительный разрыв в уровне доходов населения непосредственно сказывается на количестве и качестве питания. Физиологический аспект обеспечения продовольствием в соответствии физиологическими потребностями человека заключается в необходимости потребления таких пищевых веществ, как белки, жиры, углеводы, витамины, микроэлементы, необходимые для поддержания здоровья человека и его работоспособности. Эти потребности обусловлены возрастом, родом занятий, интенсивностью физической нагрузки, особенностями труда и быта. При разработке физиологических норм потребления учитываются основные принципы рационального питания.

Фактическое потребление продуктов питания населением России в 1990–2006 гг. отражено в табл. 1³.

Таблица 1

Динамика фактического потребления основных продуктов питания населением России, в кг/чел. в год

Виды продуктов	Рекомендуемая норма питания (р.н.п.)	1990	1995	2000	2005	2006	2006 в % к р.н.п.
Хлебопродукты	107	119	121	118	121	121	113,1
Мясо и мясопродукты	70	75	55	41	50	53	75,7
Молоко и молокопродукты	370	386	253	216	235	239	64,6
Яйцо, шт.	274	297	214	229	250	256	93,4
Рыба и рыбопродукты	20	20	9	10,4	12,6	13,1	65
Масла растительные	13	10,2	7,4	10	12,2	12,6	96,7
Сахар	38	47	32	35	38	39	102,6
Картофель	105	106	124	118	133	132	125,7
Овощи и бахчевые	140	89	76	86	103	106	75,7
Фрукты и ягоды	75	35	29	34	48	51	68

В 2006 г. рациональные нормы питания были достигнуты лишь по картофелю, хлебопродуктам и сахару. Приблизилось потребление по этим нормам по растительному маслу и яйцу.

Калорийность пищевого рациона взрослого человека должна соответствовать энергетическим затратам организма. Величины потребления основных пищевых веществ – белков, жиров



и углеводов – должны находиться в пределах физиологически необходимых соотношений между ними. При достаточном содержании в рационе питания человека белка обеспечивается необходимое количество источников незаменимых аминокислот. Норма потребления жиров призвана обеспечивать физиологические пропорции насыщенных и полинасыщенных жирных кислот. Величины потребления витаминов должны покрывать оптимальные потребности в них организма. При этом потребности в витаминах могут максимально удовлетворяться за счёт их содержания в натуральных продуктах.

Очень важно, чтобы питание было полноценным и сбалансированным, так как нехватка того или иного вида продукта может вызвать ухудшения здоровья человека. Обычно проблема нерационального питания затрагивает слои населения с низким уровнем доходов. Возникает проблема недоедания и голода, которая, с одной стороны, сдерживает психическое и физическое развитие в детстве, не только

повышая восприимчивость к болезням, но и нередко приводят к тяжелым последствиям, с другой – отражается на развитии системы здравоохранения, препятствуя ее нормальному функционированию. Плата за недоедание становится очень высокой.

Как показали социологические исследования, в группе семей с доходом на человека до 600 руб. в месяц 60% респондентов потребляют мясо и колбасу эпизодически, рыбу – 58, молочные продукты – 65, фрукты – 83%⁴.

Питание продуктами низкого качества подрастающего поколения является негативной тенденцией, поскольку детей больше, как правило, в малоимущих семьях. В среднем по стране около 70–80% семей, имеющих трех и более детей, относятся к домохозяйствам, где располагаемые ресурсы ниже прожиточного минимума. О степени удовлетворенности малообеспеченных слоев населения можно судить по данным социологических исследований Института социологии РАН (табл. 2)⁵.

Таблица 2

Степень удовлетворенности питанием представителей разных возрастных когорт малообеспеченного населения, %

Степень удовлетворенности (хорошо + / плохо –)											
Возрастные когорты											
16–25		26–35		36–45		46–55		56–65		Всего	
+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–
45	4	37	5	25	6	22	10	13	16	28	8

Исходя из принципов рационального и сбалансированного питания для нормального развития человека, в условиях, когда государство не в состоянии поддерживать продовольственную безопасность страны, нехватка питания ведет к ухудшению здоровья. Особенно остро это отражается на населении с низким уровнем дохода, т.е. на людях, которые не могут приобрести необходимый набор продуктов питания (по рациональным нормам). Если государство не поддержит отечественного производителя, то на продовольственном рынке будет преобладать в основном импортная продукция. Доля импорта продуктов питания уверенно приближается к 50%. По мясу птицы и свинине она составляет 35%, по говядине – 40, маслу – 35, сырам – 45, по огурцам и помидорам – 50%⁶. Человек с низким уровнем дохода откажется от покупки дорогого продукта, приобретая более дешевый, но, возможно, более низкого качества. Отсутствие в рационе необходимых белков и витаминов в течение длительного периода, приводит к ухудшению здоровья.

Если раньше считалось, что здоровье человека на 50% зависит от его генетической основы, 15% – от состояния здравоохранения, а остальное от образа жизни, то сейчас ученые пришли к

выводу, что от генетики человека зависит лишь 15–20%, а остальное – от образа жизни и не в последнюю очередь от питания⁷.

Не решая проблему недоедания и голода на ранней стадии, общество лишает себя полноценного развития в будущем. Чаще всего в семьях с низким уровнем дохода рождаются дети, у которых могут быть проблемы со здоровьем, что в свою очередь приводит к увеличению расходов на здравоохранение. Падает качество населения, демографическая ситуация ухудшается, замедляются темпы развития страны.

Обеспечение продовольственной безопасности населения РФ является приоритетным направлением государственной экономической политики. В настоящее время в Правительство РФ для утверждения представлен проект «Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации», где основными задачами государства являются:

- обеспечение населения за счет отечественного производства основными видами продовольствия, его физической и экономической доступности для каждого гражданина страны в соответствии с рациональными нормами здорового питания в объемах и ассортименте, достаточных для поддержания активной жизни;



– государственная гарантия высокого качества и безопасности потребляемых продуктов питания;

– предотвращение внутренних и внешних угроз нарушения продовольственной безопасности, минимизация их последствий⁸.

На сегодняшний день очень актуальна проблема потребления некачественной пищи. О качестве продуктов питания можно судить по данным Ростехрегулирования, проводящего проверки обязательных требований стандартов. В 2007 г. выявлены нарушения на 64% проверенных предприятий, производящих консервы (в том числе соки), и на 72,3% предприятий молочной и маслосырдельной промышленности⁹. В настоящее время руководство Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии выступило с инициативой и обоснованием необходимости срочного принятия закона «О стандартизации», который позволит, используя мировую практику и российский опыт в вопросах технического регулирования, снять многие проблемы, имеющие место сегодня при реализации Закона РФ «О техническом регулировании».

Зарубежный опыт показывает, что проблема качества продовольствия является злободневной для многих стран мира. Например, в США для контроля над качеством продуктов питания создана система, которая включает в себя разработку стандартов на отдельные технологические процессы, продукты питания и контроль их соблюдения. В рамках решения отдельных задач этого направления осуществляются следующие основные мероприятия:

– санитарно-эпидемиологический контроль производителей пищевой продукции;

– контроль над содержанием в пищевых продуктах вредных химических веществ и различного рода добавок;

– профилактика, лечение и борьба с болезнями растений и животных;

– карантинная инспекция продуктов животноводства и растениеводства, поступающих в страну по импорту¹⁰.

При некоторых различиях в подходах разных стран к достижению продовольственной безопасности общей для всех является необходимость поддерживать на доступном уровне продовольственное обеспечение всех слоев населения по объему доступности и качеству, что создает основу для сбережения населения страны и российской нации.

Примечания

¹ См.: Бурдуков П.Т., Саегалиев Р.З. Россия в системе глобальной продовольственной безопасности. М., 1999. С. 3; Продовольственная безопасность России: проблемы и перспективы. Саратов, 2004. С. 7, 8.

² См.: Там же. С. 35, 90.

³ См.: АПК РОССИИ / Минсельхоз РФ. М., 1999–2001. М., 2000–2006; Росстатежегодник. М., 2007. С. 785.

⁴ См.: Кузнецов Н.И., Решетникова А.Б. Рост платежеспособного спроса населения как фактор обеспечения экономической доступности продовольствия / Проблемы обеспечения продовольственной безопасности России. Саратов, 2006. С. 35.

⁵ См.: Тихонова Н.Е. Российская идентичность в социологическом измерении. М., 2008. С. 7.

⁶ <http://www.AIF.ru/>. Просмотр сайта 10.06.2008.

⁷ См.: Российская газета. 2008. 2 дек. С. 14.

⁸ <http://www.mcx.ru/>. Просмотр сайта 08.11.2008.

⁹ <http://www.AIF.ru/>. Просмотр сайта 10.06.2008.

¹⁰ См.: Овчинников О.Г. Государственное регулирование аграрного сектора США. М., 1999. С. 377.

УДК 316.4.066 (355.01)

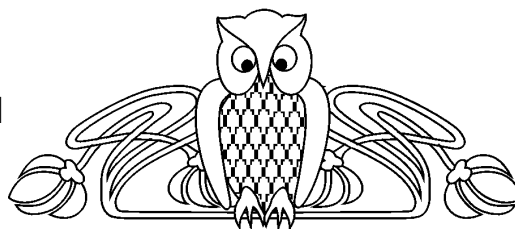
СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АРМИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ

С.В. Бесараб

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии регионов
E-mail: BeginalA@info.sgu.ru

В статье по результатам социологических опросов раскрывается специфика отношения населения к современной Российской армии. Акцент делается на социальных проблемах, которые снижают авторитет Вооруженных сил, и уточняются основные стратификационные критерии, способствующие сохранению неуставных отношений среди военнослужащих срочного призыва.

Ключевые слова: Российская армия, военная реформа, общественное мнение.



The Modern Russian Army in Social Opinion of Population

S.V. Besarab

The specific characteristics of population attitude to the modern Russian Army according to sociological polls are presented. The main stress is made on the social problem contributing to the devaluation of military forces importance.



– государственная гарантия высокого качества и безопасности потребляемых продуктов питания;

– предотвращение внутренних и внешних угроз нарушения продовольственной безопасности, минимизация их последствий⁸.

На сегодняшний день очень актуальна проблема потребления некачественной пищи. О качестве продуктов питания можно судить по данным Ростехрегулирования, проводящего проверки обязательных требований стандартов. В 2007 г. выявлены нарушения на 64% проверенных предприятий, производящих консервы (в том числе соки), и на 72,3% предприятий молочной и маслосырдельной промышленности⁹. В настоящее время руководство Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии выступило с инициативой и обоснованием необходимости срочного принятия закона «О стандартизации», который позволит, используя мировую практику и российский опыт в вопросах технического регулирования, снять многие проблемы, имеющие место сегодня при реализации Закона РФ «О техническом регулировании».

Зарубежный опыт показывает, что проблема качества продовольствия является злободневной для многих стран мира. Например, в США для контроля над качеством продуктов питания создана система, которая включает в себя разработку стандартов на отдельные технологические процессы, продукты питания и контроль их соблюдения. В рамках решения отдельных задач этого направления осуществляются следующие основные мероприятия:

– санитарно-эпидемиологический контроль производителей пищевой продукции;

– контроль над содержанием в пищевых продуктах вредных химических веществ и различного рода добавок;

– профилактика, лечение и борьба с болезнями растений и животных;

– карантинная инспекция продуктов животноводства и растениеводства, поступающих в страну по импорту¹⁰.

При некоторых различиях в подходах разных стран к достижению продовольственной безопасности общей для всех является необходимость поддерживать на доступном уровне продовольственное обеспечение всех слоев населения по объему доступности и качеству, что создает основу для сбережения населения страны и российской нации.

Примечания

¹ См.: Бурдуков П.Т., Саегалиев Р.З. Россия в системе глобальной продовольственной безопасности. М., 1999. С. 3; Продовольственная безопасность России: проблемы и перспективы. Саратов, 2004. С. 7, 8.

² См.: Там же. С. 35, 90.

³ См.: АПК РОССИИ / Минсельхоз РФ. М., 1999–2001. М., 2000–2006; Росстатежегодник. М., 2007. С. 785.

⁴ См.: Кузнецов Н.И., Решетникова А.Б. Рост платежеспособного спроса населения как фактор обеспечения экономической доступности продовольствия / Проблемы обеспечения продовольственной безопасности России. Саратов, 2006. С. 35.

⁵ См.: Тихонова Н.Е. Российская идентичность в социологическом измерении. М., 2008. С. 7.

⁶ <http://www.AIF.ru/>. Просмотр сайта 10.06.2008.

⁷ См.: Российская газета. 2008. 2 дек. С. 14.

⁸ <http://www.mcx.ru/>. Просмотр сайта 08.11.2008.

⁹ <http://www.AIF.ru/>. Просмотр сайта 10.06.2008.

¹⁰ См.: Овчинников О.Г. Государственное регулирование аграрного сектора США. М., 1999. С. 377.

УДК 316.4.066 (355.01)

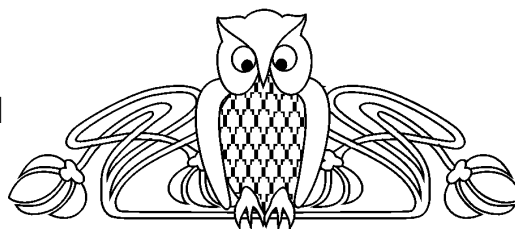
СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АРМИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ

С.В. Бесараб

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии регионов
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье по результатам социологических опросов раскрывается специфика отношения населения к современной Российской армии. Акцент делается на социальных проблемах, которые снижают авторитет Вооруженных сил, и уточняются основные стратификационные критерии, способствующие сохранению неуставных отношений среди военнослужащих срочного призыва.

Ключевые слова: Российская армия, военная реформа, общественное мнение.



The Modern Russian Army in Social Opinion of Population

S.V. Besarab

The specific characteristics of population attitude to the modern Russian Army according to sociological polls are presented. The main stress is made on the social problem contributing to the devaluation of military forces importance.



The main stratification criteria, aimed at presenting informal relations among the service men are specified.

Key words: Russian army, military reform, public opinion.

Реформирование всех сфер жизни общества не обошло стороной и армию. Военную реформу в целом, если не брать отдельные ее аспекты, ждет с надеждой не абсолютное, но все же большинство населения России. В ходе проведенного социологического исследования¹ с участием автора большинство опрошенных саратовцев (75,6%) единодушно выразили острую

потребность в наведении порядка в обществе. Одним из методов усиления эффективности действия власти респонденты считают применение насилия (таблица). 44% опрошенных считают, что это приведет к улучшению социально-политической ситуации в обществе. Особенно это мнение распространено в г. Саратове, где доля таковых составила почти 45%. 29,5% опрошенных считают, что лучше оставить все без изменений, и 26,4% – что применение насилия ухудшит ситуацию. Это мнение доминирует в сельской местности.

Влияние насильственных мер на общественно-политическую ситуацию в регионе, % по месту жительства

Варианты ответов	Место жительства		В среднем по выборке
	город Саратов	село	
Применение насилия только ухудшит ситуацию	24,66	75,00	26,43
Все останется без изменений	30,59	0	29,52
Жизнь улучшится	44,75	25,00	44,05
Итого	100,00	100,00	100,00

Как показывает опыт последних лет, общее ощущение опасности, чувство сопереживания, скорее, заставляют общество сплотиться, поддержать власть в критический для всех момент. Не случайно 52,5% россиян полагают, что положение в стране улучшится в ближайшее время, 26,1% верят в то, что положение не изменится, и только 5% опрошенных респондентов имеют пессимистические настроения. Это проявляется и в отношении населения к армии.

Интересные результаты дало сопоставление итогов проведенного исследования с данными ВЦИОМ по всей России от 18 лет и старше в 83 населенных пунктах 33 регионов страны (150 точек опроса)². Данные двух исследований тесно коррелируют друг с другом. При сравнении можно выявить противоречивую на первый взгляд картину. С одной стороны, среди институтов, которым россияне выражают доверие, армия стоит на четвертом месте. В то же время почти треть россиян не считает свою армию достаточно сильной для защиты Отечества, и менее одной пятой опрошенных вполне на нее полагаются³. Как показывают результаты авторского опроса, менее четверти населения (22%) хотели бы, чтобы их «сын, брат, муж или другой близкий родственник служил сейчас в армии». Иными словами, высокий рейтинг доверия к армии сопровождается противоречивым нежеланием большинства населения ассоциировать себя с таким институтом, служить или посылать своих близких на службу в армию. Как и все институты, на наш взгляд, которые находятся в списке доверия, армия присутствует там не в своем реальном качестве, а как один из символов страны. Доверие к этим символам – это то, чем россияне укрепляют себя в надежде, что в реальной жизни все-таки наступят перемены.

Один из главных недостатков военной организации, по мнению населения, заключается в принудительном характере связи армии с обществом (сохранение воинской повинности). С другой стороны, снижению авторитета армии способствует проблема неуставных отношений («дедовщина»). На этой почве возрастает количество преступлений и суицидов в рядах Вооруженных сил, подрывается физическое и психическое здоровье военнослужащих.

Служба в вооруженных силах является нелегким испытанием для молодых людей. Военнослужащие испытывают как физическое, так и психические нагрузки. 82,4% военнослужащих указывают на наличие оскорблений и насмешек, 34% – отсутствие понимания и уважения со стороны сослуживцев, 60,8% испытывают физическое давление и угрозы. Перед военнослужащими встает проблема невозможности удовлетворения потребностей не только физиологических, но и социальных. На это указали 41,1% респондентов. Военнослужащие сравнивают службу в армии с тюремным заключением.

Во многом эта ситуация в армии провоцируется тем, что статусы и роли военнослужащим приписываются в соответствии с их сроком службы в Вооруженных силах. Именно этот критерий становится основополагающим для их интеграции в неформальные объединения и выстраивания иерархичности взаимоотношений между ними. Такое положение позволяет всем военнослужащим к определенному сроку службы занять доминирующее положение. 42,9% респондентов самых разных родов войск отметили, что старшие по сроку службы являются доминирующими и в отношениях с «молодыми» применяют физическое и психологическое давление. Таким образом, преобладающим проявлением неустав-



ных взаимоотношений является «дедовщина», при котором в качестве доминирующего социального признака (а в соответствии с ним и комплекса «привилегий» или «обязанностей» в неформальной структуре подразделения) выступает срок службы. Все это провоцирует противоречивое отношение населения к Российской армии и не способствует повышению авторитета Вооруженных сил нашей страны. Поэтому представляются правомерными осуществляемые постепенно меры по сокращению сроков срочной службы в армии. Преодоление этих и других трудностей, которые уже себя проявили или еще являются латентными как для практиков, так и для исследователей, позволит решить проблемы, связанные с надеж-

ным обеспечением обороноспособности страны в условиях системной трансформации социума.

Примечания

- ¹ Проведение социологического исследования методом интервьюирования «Российская армия в глазах общественности» проводилось в 2008 году. Объем вероятностной, квотно-стратифицированной, районированной выборки составил 400 респондентов – жителей Саратова и Саратовской области.
- ² См.: Рейтинг доверия общественным институтам. 02.07.08 // <http://wciom.ru/arkhiv>
- ³ См.: *Левинсон А.* Неизбывный атрибут // Еженедельный журн. 2002. 17 сент.



ФИЛОЛОГИЯ

УДК: 801.161.1.0.0.37

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА *ПРЕСТИЖ* В РУССКОМ ДИСКУРСЕ XIX-XXI ВВ.

Н.В. Крючкова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики
E-mail: krutchkovanv@rambler.ru

В статье рассматриваются особенности семантики и дискурсивного функционирования слова *престиж* в период после его заимствования в русский язык и в современную эпоху. Анализируется становление лингвокультурного концепта *престиж*, связанное с вхождением данного заимствованного понятия в русскую лингвокультуру и свойственную ей систему ценностей.

Ключевые слова: концепт, дискурс, лингвокультура, заимствование.

The Formation of the Concept of Prestige in Russian Discourse of the XIX-XXI Centuries

N.V. Kryuchkova

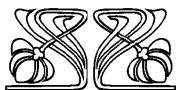
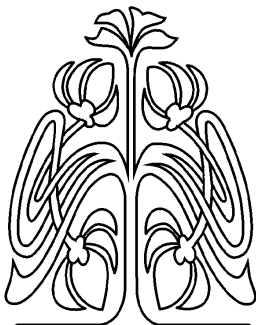
The article deals with the peculiarities of semantics and discourse functioning of the word “*prestizh*” in two different periods: immediately after its borrowing into the Russian language and in the second half of the XX century. This process is viewed as the formation of the cultural concept of “*prestige*” due to assimilation of this adopted notion into the Russian cultural value system.

Key words: concept, discourse, language and culture studies, borrowing.

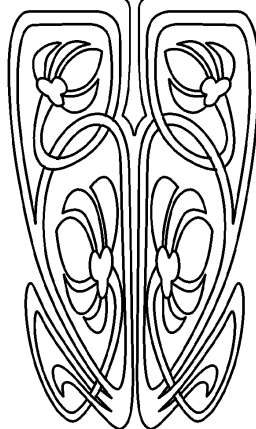
Будучи по своей природе динамическим образованием, содержание которого зависит от множества факторов, концепт проходит стадии становления, развития и редукции как в пределах ментальной сферы отдельно взятого индивида, так и в рамках национальной концептосферы. Анализ исследований последних лет показывает, что динамическая сторона концепта все больше привлекает к себе внимание лингвистов¹. В ряде работ трансформация концептуального содержания в диахроническом аспекте является непосредственным объектом изучения². В данной статье будет рассмотрено формирование концепта *престиж* на материале дискурсивного функционирования лексемы *престиж* в XIX и во второй половине XX – начале XXI в.

Впервые слово *престиж*, пришедшее к нам из французского языка (фр. *prestige*), фиксируется русской лексикографией лишь в начале XX в. – в 3-м (Бодуэновском) издании «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, где для этого слова даются значения ‘авторитет, влияние’ и ‘обаяние, обольщение’³. Эти значения несут на себе отпечаток семантики исходного французского слова: подобные значения фиксируют для лексемы *prestige* толковые словари французского языка и переводные францужско-русские словари; ср., например: ‘*attrait, éclat pouvant séduire et impressionner, influence, ascendant qu’exerce qqn ou qqch.*’ (‘привлекательность, блеск, способные привлекать и обольщать, производить впечатление; авторитет, влияние, оказываемое кем-чем-либо’)⁴; ‘престиж, авторитет’, ‘очарование, обаяние’⁵.

Как видно из текстов, включенных в Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ)⁶, слово *престиж* появляется в русском письменном дискурсе только во второй половине XIX столетия. Первое по времени употребление – в «Философических письмах» П.Я. Чаадаева (1829–1831), однако все остальные встретившиеся нам примеры относятся ко второй половине, а чаще – к последней трети XIX в.



НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ





Очевидно, что еще в 60-е гг. XIX в. слово *престиж* носило оттенок чужеродности, т.е. ощущалось носителями языка как иностранное слово. Так, в этот период А.И. Герцен пишет слово *престиж* то русскими, то латинскими буквами, причем латиница используется при написании русской падежной формы: – ...*весьма вероятно, что ни одна революция не удастся в Европе, пока Франция в том состоянии протрации, в которой мы ее видим. – Так и вы еще находитесь под prestigem Франции? – Под престижем ее географического положения, ее страшного войска и ее естественной опоры на Россию, Австрию и Пруссию* (А.И. Герцен. Былое и думы. Часть шестая. Англия (1864)⁷. Показательно в этом примере и само построение словосочетания – *находиться под престижем*, – не фиксируемое больше НКРЯ и не ставшее впоследствии узуальным. Можно предположить, что именно в этот период происходит вхождение слова *престиж* в русский литературный язык, становление его узуальной сочетаемости.

Семантика лексемы *престиж* также только формируется в это время, не дифференцируясь от семантики близких по значению слов. Так, в некоторых контекстах *престиж* выступает фактически в качестве контекстного синонима слова *репутация*: *Я понял, что Пепко продал меня самым бессовестным образом и за мой счет вышел сух из воды. <...> Это бессовестное животное, кажется, рассчитывало на мой несчастный рубль, сохраняя за собой престиж любезного кавалера*⁸.

Преимущественная сфера приложения оценки *престиж* в этот период – это сфера власти, именно к ней относится абсолютное большинство употреблений данной лексемы. Как правило, речь идет о престиже институтов власти (престиж власти, монархии, папской власти, престиж официальных властей и проч.) и отдельных лиц или групп лиц, обладающих властью и высоким социальным статусом (например, престиж монарха, главы государства, императора Юлиана, Наполеона III, Бисмарка, генерал-губернатора, камергера, престиж господствующего класса, администрации, надзирателей, начальства и др.). Единственный пример употребления слова *престиж*, приведенный в словаре В.И. Даля, также относится именно к этой тематической сфере: *Это делается для охранения престижа власти*.

Для русского дискурса XIX в. прежде всего публицистического дискурса, характерны не только частотность применения понятия *престиж* по отношению к институтам власти и лицам, стоящим у власти, но и тесная связь самого этого понятия с понятием власти: *престиж*, по-видимому, содержит в своей семантике элемент ‘власть (влияние, способность повелевать)’, ср.: *Мне кажется, что Солонпе – не первоклассный, но хороший капельмейстер. Он должен быть очень добросовестен и трудолюбив, но в нем мало огня, во всей его фигуре нет того престижа, той*

*повелительности, которая поработает оркестр до того, что все они делаются как бы одной душой, одним колоссальным инструментом. В этом примере в семантике слова *престиж* актуализируется признак, который можно определить как ‘способность побуждать людей к каким-либо действиям, возможность влияния’. Понятие престижа пересекается также с представлениями о силе, могуществе, ср.: *Они не могут не трепетать за свое политическое могущество, с которым связано и их материальное благоденствие. <...> Ведь двухсотмиллионное население Индии только тем и сдерживается, что у Англии до сих пор был неотразимый престиж силы; Миних с русским войском первый показал миру пример, что возможно с военными силами вступить в пределы грозной Османской Империи и там одержать над нею победу. Мусульманская сила, до тех пор представлявшаяся ужасною и непобедимою, сразу лишилась своего всеустрашающего престижа*.*

Основным синонимом лексемы *престиж* во второй половине XIX в. выступает, безусловно, слово *авторитет*, ср.: *...все они направляли свои усилия главным образом на то, чтобы разрушить гордую, казавшуюся неодолимой крепость католицизма, чтобы подорвать могучий престиж папской власти, наложившей свои оковы на умы и совесть всех католиков. Усилия их увенчались успехом. Авторитет папства был поколеблен*.

Отдельные примеры позволяют говорить о том, что в этот период уже намечается осознание *престижа* как чего-то иллюзорного, основанного лишь на внешнем впечатлении, а не на реальных ценностях и заслугах; возникают смысловые оппозиции «престиж vs. функциональность», «престиж как иллюзорная ценность vs. реальные ценности», которые впоследствии станут определяющими в содержании концепта *престиж*, ср.: *...вы, конечно, согласитесь, что не истине делать уступки. И тут дело не в требованиях этикета: для законного авторитета уступка означала бы отказ от всякой власти, всякой активной роли, уступка была бы самоуничтожением. Вопрос тут не в поддержании престижа, не в каком-либо внешнем впечатлении. Всякий престиж навсегда утратил значение, и иллюзии отошли в вечность. Дело идет о самой реальной вещи...*

В современном дискурсе (конец XX – начало XXI в.) понятие *престиж* уже регулярно вступает в указанные смысловые оппозиции. Кроме того, появляются новые смысловые сближения и противопоставления, участником которых оказывается понятие *престиж*, обозначаются новые сферы применения этого понятия.

Так, в современном дискурсе соображения престижа зачастую противоречат утилитарным соображениям, возникает смысловая оппозиция «престиж vs. функциональность», например: *МЕЖДУ ПРЕСТИЖЕМ И УТИЛИТАРНОСТЬЮ* (заголовок статьи. – Н.К.); *...это не спортивный*



болид. Это скорее символ престижа, статусная вещь и супердорогая игрушка для взрослых мальчиков; ЛяПЕРИ – профессиональная косметика, есть шикарная клиника косметологическая в Швейцарии. Прекрасные результаты по борьбе со старением. Шанель – это косметика для «поддержания» социального статуса, не более. На мой взгляд, выброшенные на ветер престижа деньги.

Указанная оппозиция («престиж vs. функциональность, утилитарность») проявляется и в том, что престиж может осознаваться как ‘роскошь’, как нечто необязательное, противопоставленное чему-то жизненно важному: *Постепенно вопрос выхода на международные рынки перестает быть для российских банков вопросом престижа и превращается в вопрос жизни и смерти; В реальном же бою боец заботится не о своем престиже и количестве заработанных очков, а о том, чтобы выжить и победить любой ценой.*

Престиж может осознаваться как ложная ценность и, соответственно, противопоставляться настоящим ценностям, настоящим заслугам: *В этой партии люди, для которых важны не личное благополучие, не престиж и должность, а забота о каждом человеке; Одни стремятся называться операторами не потому, что создают свой продукт, а только ради престижа. В следующем примере показательно осмысление престижа как «неделового статуса»; таким образом, актуализируется понимание престижа как «необеспеченной» ценности – как оценки, не обоснованной реальными заслугами; отсутствие такой обоснованности, в свою очередь, приводит к тому, что престиж необходимо демонстрировать какими-либо внешними проявлениями, отсюда – «разбазаривание ресурсов»: *С точки зрения экономики это чистой воды разбазаривание ресурсов, это спираль престижей, явление, мягко говоря, уродливое. Какое отношение это имеет к делу? Выходит, что информационное образование подталкивает человека к повышению своего неделового статуса, своего престижа.**

Показательны контексты, в которых лексема престиж берется в кавычки: *Престижный синдром. Помните, в декабре прошлого года у побережья Испании разломился танкер «Престиж» с российской нефтью? Ущерб от этой катастрофы оценивается миллиардами долларов. <...> По Охотскому морю у нас ходят такие же «престижи» без двойной обшивки; Все остальные бизнес-центры, расположенные вне этого района, каким бы современным ни был их проект, какой бы «начинкой» ни обладали здания, автоматически попадают в более низкую категорию. Однако многим арендаторам сегодня такой «престиж» не так уж важен, тем более что «высшая категория», как оказалось, имеет свои минусы. В этих примерах причиной появления кавычек становится, по-видимому, то, что престиж в обоих случаях оказался свойством, не связанным с действительными преимуществами*

(т.е. не обоснованным). Таким образом, престиж выступает как стремящаяся к внутреннему обоснованию оценка, но зачастую таким обоснованием не обладающая.

Наличие этих смысловых оппозиций («престиж vs. функциональность» и «престиж vs. истинные ценности, реальные заслуги») сближает концепт престиж с понятием имиджа: стремление к созданию или поддержанию имиджа может заставить забыть об утилитарных соображениях (ср. известный рекламный слоган *имидж ничто – жажда все*) и нравственных ценностях.

В современном дискурсе наблюдается устойчивая связь понятия престиж с представлениями о материальном благосостоянии. В дискурсивном употреблении престиж и деньги могут быть членами одного перечислительного ряда, например: *У него нет больше нервов жить и бороться за престиж, власть и деньги; Никаких мыслей о престиже, зарабатывании денег.* Пересечение понятий престиж и богатство носит регулярный характер; престиж и материальное благосостояние сопутствуют друг другу, поскольку и то и другое связано с высокой социальной оценкой.

Другой аспект взаимосвязи престижа и «денежной» сферы состоит в том, что дорогие вещи являются символами, знаками престижа. Наличие знаков, символов – один из важных признаков понятия престиж, отличающих его от смежных понятий, прежде всего от понятия авторитет. По-видимому, это отчасти связано с тем, что для поддержания престижа важна эксклюзивность: престиж возникает вследствие обладания тем, чего нет и не может быть у всех, что выделяет тот или иной объект или лицо (ср.: *сами «блюнут» свою марку, заботясь о ее престиже и эксклюзивности*). Другое возможное объяснение такой актуальности для престижа материальных знаков его выражения состоит с тем, что престиж, в отличие от авторитета, не всегда основывается на реальных заслугах, поэтому он «окружает» себя знаками-подтверждениями.

Помимо изменения соотношения понятий престиж и авторитет и возникновения новых смысловых со- и противопоставлений, в которых участвует понятие престиж, с течением времени происходит и расширение сферы приложения оценки по параметру престижности. «Престиж власти» в современном русском общественном дискурсе и в русской культуре уже не является актуальной, обсуждаемой темой. Одновременно престиж становится намного более универсальным понятием, применимым к самым разнообразным сферам, объектам и явлениям. Приведем наиболее частотные типы контекстов, в которых применяется оценка по параметру престижности.

Так, одна из наиболее частых в современном дискурсе сфер приложения понятия престиж – сфера артефактов, которую можно обозначить и как сферу престижной собственности, поскольку



сам факт обладания некоторыми артефактами – такими как машины, часы, одежда дорогих марок и проч. – дает престиж, является знаком высокого социального статуса: *За что нам предлагают заплатить такие деньги? Есть, конечно, такое понятие, как престиж – то самое, что заставляет людей покупать 600-й «Мерседес» и часы от «Картье»; Например, бывает «презентационная свадьба», куда приходят, чтобы пообщаться с деловыми партнерами и «засветиться» в обществе. Здесь особенно важны элементы престижа – дорогие наряды и оформление, известные артисты, роскошный стол.* Заметным фактором престижности артефакта становится его исключительность, эксклюзивность, как в приведенном выше примере: чтобы оцениваться как «престижный», артефакт должен выделяться из ряда других подобных товаров, быть доступным не всем. Фактором престижности артефакта может быть и мода, популярность: *Наверное, просмотрев множество зарубежных журналов, даже домохозяйка сможет сказать, что сегодня в интерьере модно и какие коллекции мебели престижны.* Применение оценки по параметру престижности к артефактам распространяется и на фирмы, производящие эти артефакты или предоставляющие коммерческие услуги (например отели).

Очень часто оценка по шкале престижности применяется в отношении различных профессий и видов деятельности. «Престижная» работа, профессия означает, как правило, «высокооплачиваемая». Для престижа профессии важна относительно высокая зарплата, именно низкие зарплаты являются фактором падения престижа той или иной сферы деятельности: *зарплата убогая, престижа никакого, а о западных льготных кредитах для полицейских на жилье, машину и т.п. он слышал только в кино.* Вместе с тем связь престижа и денег по отношению к профессиям не столь однозначна, ср.: *Как выяснилось, российская молодежь называет самыми престижными профессиями госслужащего и деятеля шоу-бизнеса. А популярность адвокатов и нотариусов резко снизилась. Молодые специалисты по опросам 2007 года выбирают работу, исходя не только из оплаты, но и от ее престижности.* «Власть» – вот ключевое слово нынешнего престижа⁹. Таким образом, хороший доход не является, во всяком случае, единственным и достаточным условием престижа. Показательна и отраженная в последнем примере вариативность понятия престиж: для «нынешнего престижа» важно одно, завтра, возможно, будет важно другое. Для оценки профессии как престижной сохраняет значимость и то, насколько представители этой профессии вызывают уважение – своим профессионализмом, отношением к работе и проч., ср.: *Да и фильмы о «ментях» престижа не повышают: беспробудное пьянство, потеря оружия и т.д. Кто будет уважать такого милиционера и такую профессию?*

Частотны контексты, в которых речь идет о престиже государств и городов. Престиж государств связывается с различными факторами, среди которых, в частности, выдающиеся научно-технические и спортивные достижения. Источником престижа страны может быть обладание чем-то таким, чего нет у других стран. Престиж страны также определяется ее способностью обеспечить безопасность своих граждан и военной мощью, ее возможностью оказывать влияние на политику других стран: *К июню 1974 года деятельность Киссинджера по разъединению войск принесла Америке огромные дивиденды в смысле ее влияния и престижа во всем этом регионе.*

Высокая актуальность концепта *престиж* характерна и для сферы образования: оценку «престижный / непрестижный» получают учебные заведения, дипломы и специальности. Престижность образования тесно связана с его влиянием на будущую жизнь человека: престижное образование – такое, которое открывает путь к престижной работе и материальному благополучию. Вместе с тем оценка того или иного образования как престижного может быть связана просто с модой, популярностью, а не с качеством образования или карьерными перспективами, ср.: *... за последние пять лет Етоп ни разу не выходил в первую десятку независимого рейтинга частных колледжей – его престиж определяется исключительно тем обстоятельством, что именно здесь учились принцы.*

Следует отметить отсутствие в современном дискурсе устойчивой ассоциативной связи концептов *престиж* и *власть*, которая наблюдалась в русском общественно-публицистическом дискурсе в XIX в. Это проявляется в том, что, в отличие от других сфер применения концепта *престиж*, в данной сфере отсутствуют устойчивые преимущественные факторы престижа, т.е. основания для такой оценки (проанализированные контексты малочисленны и не содержат указаний на факторы престижа, свойственные исключительно или преимущественно данной сфере). В этом смысле показателен следующий пример, демонстрирующий рефлексию современного носителя языка по поводу связи престижа и власти, а также неустойчивость этой связи («какой-то» престиж, существующий «не для всех»): *И ФСБ / это миф власти или реальная власть / которая за этим человеком стоит. Он не только деньгами может распоряжаться / но и какой-то информацией / какими-то вещами. И мы / смертные этого не знаем / мы / люди со стороны. В этом смысле есть какой-то престиж. Я тоже сказал / что престижно / но для определенных людей / не для всех.*

Итак, в XIX в. понятие *престиж* имело очень ограниченную сферу приложения. Его семантика и текстовое употребление находились еще под значительным влиянием семантических и функциональных свойств исходного французского слова. Сфера употребления лексемы *престиж* в этот период



ограничена в основном официальным дискурсом; понятие *престиж* остается чуждым массовому сознанию, не распространяющему еще это понятие на какие-либо иные сферы социальной жизни.

Утверждая лингвокультурную направленность данного исследования, мы оперируем термином *понятие*, а не *концепт*, поскольку термин *концепт* применим, на наш взгляд, по отношению к тому или иному ментефакту как квалификация его состояния в определенный момент развития культуры. Можно сказать, что в процессе развития русской лингвокультуры произошло постепенное становление лингвокультурного концепта *престиж*. В современной русской лингвокультуре ментефакт *престиж* обладает обязательным признаком лингвокультурного концепта – наличием ценностного компонента. Основным измерением культурной ценности концепта являются, на наш взгляд, его обсуждаемость, частотность дискурсивной реализации, включенность в значимые для данной лингвокультуры ценностные сопоставления и оппозиции. В русской лингвокультуре XIX в. понятие *престиж* еще не обладало всеми свойствами лингвокультурного концепта; на протяжении XX в. происходит становление лингвокультурного концепта *престиж*, выражающееся в значительном увеличении частотности его дискурсивной реализации, повышении его актуальности (обсуждаемости носителями языка), расширении сфер возможного приложения оценки по параметру престижности.

УДК 808.5

РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ С ВТОРИЧНЫМИ ЭТИКЕТНЫМИ ФУНКЦИЯМИ В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ТОК-ШОУ

С.А. Рисинзон

Саратовский государственный технический университет,
кафедра культурологии
E-mail: rissin@yandex.ru

В этикетной рамке русских и английских аналитических ток-шоу ведущие используют информативные тактики с вторичными этикетными функциями: ориентирующая речь на адресата, эмоционально-модальная и регулирующая.

Ключевые слова: этикетные нормы, английская культура, русская культура, речевые тактики, речевое поведение, ток-шоу.

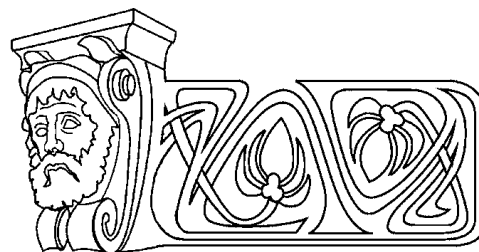
Speech Strategies with Secondary Politeness Functions in Russian and English Talk Shows

S.A. Risinzon

In the etiquette frame of Russian and English analytical talk shows, the hosts use some informative strategies with secondary politeness functions: directing speech towards listeners, emotional/modal, regulating.

Примечания

- ¹ Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград, 2007.
- ² См.: Иванова И.А. Концепт *любовь* и его концептосфера в истории русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006; Колмогоров И.В. Концепт Толерантность в диахроническом аспекте как пример исследования развития национального менталитета // Менталитет. Концепт. Гендер. Landau, 2000. Сер. Этногерменевтика и этнориторика. Вып. 7; Кругликова Е.А. Диахронные и синхронные описания концепта «надежда» в русском языке. АКД. Абакан, 2004; Терина С.В. Древнерусский концепт *честь* и его языковая репрезентация в летописи «Повесть временных лет»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007.
- ³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд., Под. ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб.; М., 1904–1909.
- ⁴ Le Petit Larousse. P., 2004.
- ⁵ Электронный словарь АBBY Lingvo 10.
- ⁶ <http://ruscorpora.ru/>
- ⁷ Источником этого и последующих примеров в статье является НКРЯ.
- ⁸ Здесь и далее авторство примеров не указывается, так как для данного исследования интерес представляет не индивидуально-авторское, а типичное употребление – то, как обычно об этом говорят носители языка в тот или иной период.
- ⁹ Использован пример, приведенный на веб-странице <http://edu.joblist.ru/mpb/jolnews.pl?nid=288>



Key words: etiquette norms, English culture, Russian culture, speech strategies, speech behavior, talk-show.

Телевизионная речь, по длительности восприятия не уступающая семейному и профессиональному общению, во многом формирует или корректирует нормы речевого поведения. В нашей стране исторически сложилось так, что речь в СМИ воспринимается населением как образец для подражания¹. Услышанное, замеченное зрителями в телевизионной речи часто воспроизводится и тиражируется. Это относится и к этикетным нормам речевого общения. В понимании речевого этикета (РЭ) мы исходим из того, что его основная функция состоит в удовлетворении коммуникативных потребностей партнера, связанных с его



ограничена в основном официальным дискурсом; понятие *престиж* остается чуждым массовому сознанию, не распространяющему еще это понятие на какие-либо иные сферы социальной жизни.

Утверждая лингвокультурную направленность данного исследования, мы оперируем термином *понятие*, а не *концепт*, поскольку термин *концепт* применим, на наш взгляд, по отношению к тому или иному ментефакту как квалификация его состояния в определенный момент развития культуры. Можно сказать, что в процессе развития русской лингвокультуры произошло постепенное становление лингвокультурного концепта *престиж*. В современной русской лингвокультуре ментефакт *престиж* обладает обязательным признаком лингвокультурного концепта – наличием ценностного компонента. Основным измерением культурной ценности концепта являются, на наш взгляд, его обсуждаемость, частотность дискурсивной реализации, включенность в значимые для данной лингвокультуры ценностные сопоставления и оппозиции. В русской лингвокультуре XIX в. понятие *престиж* еще не обладало всеми свойствами лингвокультурного концепта; на протяжении XX в. происходит становление лингвокультурного концепта *престиж*, выражающееся в значительном увеличении частотности его дискурсивной реализации, повышении его актуальности (обсуждаемости носителями языка), расширении сфер возможного приложения оценки по параметру престижности.

УДК 808.5

РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ С ВТОРИЧНЫМИ ЭТИКЕТНЫМИ ФУНКЦИЯМИ В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ТОК-ШОУ

С.А. Рисинзон

Саратовский государственный технический университет,
кафедра культурологии
E-mail: rissin@yandex.ru

В этикетной рамке русских и английских аналитических ток-шоу ведущие используют информативные тактики с вторичными этикетными функциями: ориентирующая речь на адресата, эмоционально-модальная и регулирующая.

Ключевые слова: этикетные нормы, английская культура, русская культура, речевые тактики, речевое поведение, ток-шоу.

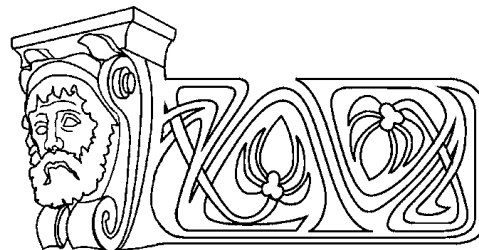
Speech Strategies with Secondary Politeness Functions in Russian and English Talk Shows

S.A. Risinzon

In the etiquette frame of Russian and English analytical talk shows, the hosts use some informative strategies with secondary politeness functions: directing speech towards listeners, emotional/modal, regulating.

Примечания

- ¹ Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград, 2007.
- ² См.: Иванова И.А. Концепт *любовь* и его концептосфера в истории русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006; Колмогоров И.В. Концепт Толерантность в диахроническом аспекте как пример исследования развития национального менталитета // Менталитет. Концепт. Гендер. Landau, 2000. Сер. Этногерменевтика и этнориторика. Вып. 7; Кругликова Е.А. Диахронные и синхронные описания концепта «надежда» в русском языке. АКД. Абакан, 2004; Терина С.В. Древнерусский концепт *честь* и его языковая репрезентация в летописи «Повесть временных лет»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007.
- ³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд., Под. ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб.; М., 1904–1909.
- ⁴ Le Petit Larousse. P., 2004.
- ⁵ Электронный словарь АBBY Lingvo 10.
- ⁶ <http://ruscorpora.ru/>
- ⁷ Источником этого и последующих примеров в статье является НКРЯ.
- ⁸ Здесь и далее авторство примеров не указывается, так как для данного исследования интерес представляет не индивидуально-авторское, а типичное употребление – то, как обычно об этом говорят носители языка в тот или иной период.
- ⁹ Использован пример, приведенный на веб-странице <http://edu.joblist.ru/mpb/jolnews.pl?nid=288>



Key words: etiquette norms, English culture, Russian culture, speech strategies, speech behavior, talk-show.

Телевизионная речь, по длительности восприятия не уступающая семейному и профессиональному общению, во многом формирует или корректирует нормы речевого поведения. В нашей стране исторически сложилось так, что речь в СМИ воспринимается населением как образец для подражания¹. Услышанное, замеченное зрителями в телевизионной речи часто воспроизводится и тиражируется. Это относится и к этикетным нормам речевого общения. В понимании речевого этикета (РЭ) мы исходим из того, что его основная функция состоит в удовлетворении коммуникативных потребностей партнера, связанных с его



социальной ролью и восприятием им собственного достоинства². Средства РЭ соответствуют социокультурным и прагматическим конвенциям речевого поведения³, они стереотипны.

Специализированные функции РЭ (контактоустанавливающая, ориентации на адресата, регулирующая, эмоционально-модальная)⁴ выполняются различными этикетными средствами. Некоторые функции реализуются в часто повторяющихся ситуациях общения, в используемых в них единицах этикетная роль стала главной, они специализированы на выражении этикетного значения. Изучение этикетной рамки ток-шоу показало, что «специализированные этикетные единицы» (термин В.Е. Гольдина⁵), выполняющие контактоустанавливающую функцию, характеризуются высокой степенью конвенциональности и могут быть универсальными или ситуативно ритуализованы⁶. Высказывание может сочетать несколько функций, их иерархическое соотношение определяет назначение и состав высказывания⁷. Поэтому некоторые этикетные функции бывают вторичными и выполняются речевыми средствами, не специализированными для выражения этикетного значения.

Мы рассматриваем функционирование в этикетной рамке русских и британских ток-шоу неспециализированных средств РЭ, степень их конвенциональности, ритуализации, а также характер этикетных функций, свойственный этим средствам. Материалом нашего исследования послужили программы «Времена» (Первый канал), «Воскресный вечер» (НТВ), «Что делать?» (Культура), «Белым по черному» (Россия), «Малахов+» (Первый канал), записанные автором в 2007 г.; «The Doha Debates», «The Politics Show», «Andrew Marr Show», «BBC Breakfast with Frost», «Panorama» (BBC One), использованы материалы 2007 г. сайта канала BBC.

Ведущий планирует свое речевое поведение в соответствии с характеристиками ситуации и видом общения, учитывая, что оно официальное, публичное, массовое, дистантное. Кроме непосредственных партнеров коммуникации этикетное поведение ведущих может быть предназначено и для студийной аудитории, но прежде всего оно адресовано телезрителям. Поэтому говорящие, стремясь к эффективному воздействию, учитывают, что речь предназначена для людей разного возраста, образования, разных профессий и интересов. Регулярная повторяемость ситуаций аналитических ток-шоу приводит к формированию стереотипов коммуникативного поведения как у ведущего, так и у адресатов телевизионного диалога, у которых есть фоновый опыт участия в телевизионном общении или его восприятия. На этом основывается последующее воспроизведение шаблонной ситуативно обусловленной модели речевого поведения.

Анализ речевого поведения ведущего ток-шоу показывает, что его желание улучшить для

зрителей «коммуникативные условия передачи/приема информации»⁸ реализуется при выполнении неспециализированными этикетными средствами трех функций РЭ: ориентации на адресата, эмоционально-модальной и регулирующей.

В этикетной рамке ток-шоу ориентация на адресата осуществляется (помимо специализированных единиц РЭ) с помощью информативных конструкций, реализующих две этикетные подфункции: риторическую и дискурсивную. Ведущий следует риторическим конвенциям диспозиции и типа речи (рассуждение). По нашим данным, в этикетной рамке они реализуются при введении темы, использовании структуры рассуждения и в соответствии с требованиями, принципами современной риторики.

В этикетной рамке ведущий выражает свое представление о ситуации общения, в том числе о предмете дискуссии, стремится координировать его с представлениями адресатов, сформировать у зрителей сходное понимание темы. Это дает нам основания отнести к этикетной рамке и введение, предваряющее основную часть передачи – рассуждение экспертов, которое, с одной стороны, создает общую информационную базу, настраивает зрителей на последующее восприятие информации, с другой – усиливает их внимание, закрепляет контакт. Рассмотрим, какие неспециализированные этикетные тактики выполняет риторическую подфункцию. Уделяя внимание подготовке зрителей к восприятию предлагаемой для обсуждения проблемы, ведущие чаще всего

– указывают сферу интересов передачи: *Обсуждаем по-прежнему в этой студии проклятые вопросы русской истории/ русской современности// («Что делать?»)*; в английских программах не зафиксировано;

– отмечают связь темы с предыдущими передачами и, возможно, общей темой: *<...> у нас было четыре передачи под названием «Что есть Россия»// <...> в самой последней передаче очень активно звучала мысль/ что одной из констант русской истории является насилие// («Что делать?»)*; *<...> welcome to the latest in our series of the Doha Debates//;*

– формулируют тему, часто в форме тезиса: *На мой взгляд/ главным событием этой недели было появление его величества везения// («Времена»)*; *<...> extremism takes many forms / and that's our issue for today // («The Doha Debates»)*;

– дают обоснование выбора темы конкретными событиями: *В итоге родилась новая общественная организация «Движение за Путина»// («Воскресный вечер»)*; в английском ток-шоу это наиболее распространенная тактика: *In the next couple of days hundreds of thousands of parents in England find out if they've got their child into the secondary school of their choice// («The Politics Show»)*;

– приводят авторитетное мнение, чаще всего высказывания известных политиков по обсуждаемой теме: *<...> я хотел бы обратить ваше*



внимание на его слова (В.В. Путина. – С.Р.) о том/ и дальше я цитирую/ что «Россия вернулась в первую десятку крупнейших экономик мира и это далеко не предел»// («Времена»); *Britain's Prime Minister Tony Blair called it a mark of separation// His Italian counterpart Romano Prodi told a news agency 'you can't cover your face/ you must be seen'// («The Doha Debates»);*

– подчеркивают многоаспектность, противоречивость проблемы: *Но все-таки это везение вообще говоря? Во-первых/ в чем причина этого везения и / во-вторых/ так ли это однозначно благополучно / скажем / или позитивно для России? («Времена»); But who can define extremism for the rest of the world? <...> who's going to listen to any pleas for calm or moderation? <...> So tonight we debate this highly controversial issue// («The Doha Debates»);*

– сравнивают или противопоставляют факты, мнения: *Что же получается/ что остальные граждане/ не влившиеся стройными рядами/ против? («Воскресный вечер»); President Bush says it's a war against terrorism// Its critics say there wasn't any/ at least in Iraq before he invaded// («The Doha Debates»).*

Кроме общих этикетных тактик, эффективных для введения темы телевизионной дискуссии, английские ведущие считают важным указать на место трансляции (записи) передачи и иногда его историю, связанную с темой обсуждения, поскольку некоторые британские ток-шоу проводятся в разных графствах, университетах и т.п.: *As you can see/ we've <...> come to the world-famous Cambridge Union founded almost 200 years ago// («The Doha Debates»).*

Конвенциональны ли такие способы подготовки дискуссии? Подобное введение следует риторическим принципам ориентации адресата в следующей информации. Основная цель ведущего в начале ток-шоу – заинтересовать зрителей, привлечь их внимание и расположить к себе. «Заинтересовать зрителей легче всего, связав обсуждаемую проблему с <...> жизненными интересами (принцип близости), а также придав этому вопросу конкретную форму (принцип конкретности)»⁹. Ведущие всех ток-шоу нашего материала в той или иной мере следуют этим риторическим принципам, организация этикетной рамки ток-шоу показывает их коммуникативную компетентность. Хотя нужно отметить, что специфика передачи проявляется и в этикетной рамке, например, в программе «Что делать», часто обсуждающей философские и исторические проблемы, В. Третьяков обосновывает выбор темы конкретными событиями не часто. Риторика также советует: зрителя/слушателя надо уважать и учитывать противоположные мнения, это означает соблюдать этику речевого общения, в частности ораторской речи¹⁰. По данным нашего материала, не все ведущие ток-шоу проявляют внимание к желанию зрителей получить точную и объективную

информацию и не всегда используют этикетные тактики, указывающие на источник информации и представляющие зрителям разные точки зрения на обсуждаемую проблему, хотя это снижает категоричность и субъективность получаемой зрителями информации, уменьшает давление на адресата, предоставляя ему возможность самому критически оценить мнение ведущего и сформировать свою точку зрения. В анализируемых программах употребление таких тактик в большей мере характерно для речевого поведения В. Познера. Таким образом, информативные тактики с вторичными этикетными функциями, ориентированные на ожидания зрителей аналитического ток-шоу, имеют ситуативно независимое пропозитивное значение, они не специализированы и не ритуализованы, но риторически целесообразны, определяются авторским замыслом и речевой компетенцией ведущего, поэтому имеют разную степень конвенциональности. По нашим данным, наиболее распространены этикетные тактики обоснования тезиса конкретными фактами и указания на противоречивость мнений об обсуждаемом вопросе. Видимо, у ведущих и зрителей сформировались конвенции их употребления и восприятия, поэтому эти тактики можно считать ситуативно высококонвенциональными.

Указанные этикетные тактики (тезис, его демонстрация, аргументация, пример, авторитетное мнение, сравнение, противопоставление) в риторике рассматриваются как «общие места», компоненты рассуждения. Они удовлетворяют сформированным у многих зрителей потребностям не только как отдельные речевые тактики, но и как их комбинация, способ организации содержания рассуждения. Поэтому, как нам кажется, мы можем говорить об этикетной функции не только отдельного речевого средства, но и модели речевого поведения, имеющей определенный их состав. Как показывает анализ телематериала, такая модель, допускающая неполную реализацию компонентов, имеет высокую степень конвенциональности.

Можно также предположить, что в ситуации информационной асимметрии, когда ведущий более подготовлен, компетентен в обсуждаемом вопросе, наполнение этой модели, выбор той или иной тактики регулирует отношения коммуникантов.

В этикетной рамке ток-шоу ориентацию речи на адресата ведущий осуществляет и с помощью дискурсивной подфункции речевых средств. Мы полагаем, что этикетные функции в ток-шоу выполняют (кроме специализированных единиц РЭ) не только проанализированные выше конструкции информативной речи, имеющие пропозитивное значение, но и дискурсивные слова, которые не имеют денотата, а употребляются для уточнения самого дискурса¹¹. Дискурсивные слова «участвуют <...> в оформлении передаваемой адресату информации в понятный для него дискурс, об-



легчают адресату его точное понимание»¹². Средства, ориентирующие зрителей в дискурсивном пространстве, делающие содержание речи ведущего, логику его рассуждения более доступной, «повышают коммуникативную роль адресата»¹³, следовательно, имеют этикетные функции. Этикетная рамка «Времен» (в большей степени, чем других русских программ) и английских ток-шоу содержит слова и конструкции, для которых дискурсивная функция является основной. При этом дискурсивные средства облегчают восприятие речи благодаря выполнению каждым из них своих особых функций, подчеркивающих:

– порядок следования мыслей, суждений говорящего: *Во-первых/ в чем причина этого везения/ и во-вторых так ли это однозначно благополучно/ скажем/ или позитивно для России?* («Времена»); *First that it was going to be a difficult year ahead economically quite a rough year// And secondly that we were well placed to withstand that//* («The Politics Show») – В. Познер и Jon Sopel с помощью дискурсивных слов сегментируют информацию, выделяют разные аспекты проблемы, указывают на некоторую их иерархию, приоритетность рассмотрения;

– противоречивость событий: *<...> сборная России по футболу прошла в финальную стадию Чемпионата Европы 2008 года несмотря на абсолютно обратительную игру против команды Андорры/<...>* – В. Познер облегчает адресатам сопоставление разных сообщений; в английском материале не отмечено.

Дискурсивные слова создают эффект разговорности речи: *Так что конечно же повезло нашей команде/ повезло России ну и конечно больше всего/ я думаю/ повезло тренеру нашей сборной Гусу Хиддинку//* («Времена») – эту функцию, как нам кажется, в данном дискурсе выполняют средства, имеющие значение категоричной достоверности. Данное утверждение опирается на три факта: первый – эти средства очень часто используются в разговорной речи, в диалоге, второй – отношение к В. Познеру как к человеку высокой культуры, который много лет жил и работал в США, где важным считается избегать категоричности в речи, третий – употребление в этом же высказывании авторизирующей конструкции, снижающей категоричность речи указанием на субъективность высказанного мнения. Повторное употребление этих дискурсивов сходно с диалогическими репликами, поэтому они гармонично сочетаются с типично разговорными единицами *так что* и *ну*. В английском ток-шоу с помощью дискурсивного слова Т. Себастьян подводит итог дискуссии, положительно оценивая ее результаты, и показывает переход к следующей части передачи, в данном случае – заключительной: *All right, we're running out of time<...>*.

Функцию создания эффекта разговорности выполняют в ток-шоу и риторические вопросы, которые в допустимых для аналитической про-

граммы рамках повышают низкую эмоциональность речи, оживляют обсуждение серьезной проблемы: *Ну и что? Надо ли говорить здесь о везении?* («Времена»); *Well you heard what Mr Robinson said there and about not for a generation will inclusivity include Sinn Fein/ what's your reaction to that?* («The Doha Debates»). Сообщение и анализ информации – основные речевые действия в аналитической программе – требуют напряженного внимания зрителей. Чтобы «ориентировать» свою речь на зрителей, облегчить им восприятие и критически оценить сообщенную информацию, ведущий использует риторические вопросы. Часто они способствуют и когерентности, связывая сообщенную информацию с темой дискуссии. Риторические вопросы воспринимаются как «живая речь», обращенная к зрителю, они активизируют внимание адресатов, создают впечатление, что зрители приглашаются к непосредственному участию в обсуждении.

Дискурсивные средства осуществляют персонализацию общения, характерную для разговорной речи, когда говорящий и адресат имеют общие фоновые знания: *Вы знаете/ что программа «Времена» выделяет или отбирает главные события недели/ <...>; Я/ разумеется/ имею в виду тот факт/ что сборная России по футболу прошла в финальную стадию Чемпионата Европы 2008 года/<...>*. То, о чем говорит В. Познер, очевидно и для большинства зрителей, общая информированность объединяет их как партнеров коммуникации. В английских ток-шоу нашего материала персонализация общения выражается с помощью дискурсивных конструкций с пропозитивным значением: *<...> as we've seen in the current controversy over the Danish cartoons/* («The Doha Debates») – ведущий подчеркивает общую для зрителей и ведущего осведомленность о содержании датских карикатур и последовавшей реакции в исламском мире (коммуниканты имеют общие фоновые знания, на которых можно основывать рассуждение).

Дискурсивы бывают маркерами самоинтерпретации речи, которая в этом фрагменте дискурса синтагматически обусловлена: *<...> многие обозреватели <...> называют в числе основных причин<...> невероятно благоприятную конъюнктуру мировых цен на энергоносители// Проще говоря/ указывают на те самые 100 долларов за баррель нефти/ о приближении которой говорят и пишут сегодня в общем-то говоря все//* («Времена»); *So does Britain merely follow where America leads or does it have an independent and useful role to play in the region/ in other words a key player or a rapidly fading star?* («The Doha Debates»). Первая дискурсивная конструкция используется как знак переключения на другой код общения – говорящий выражает свое суждение более простыми словами, понятными любому зрителю. Это перефразирование вызвано употреблением двух профессиональных терминов,



довольно распространенных в информационных и аналитических телепрограммах, но понятных только постоянным зрителям таких программ. Второе дискурсивное средство используется для снижения категоричности преувеличенного обобщения говорящим (*нишут все*). Ведущие заботятся о том, чтобы их речь была интересна и понятна людям разных интересов, разных типов культур¹⁴. В этих дискурсивных конструкциях ведущие проявляют рефлексию над собственной речью¹⁵, характеризуя выбранные конструкции с точки зрения их места в речевом потоке и облегчая восприятие сообщаемой информации. К этой группе дискурсивных средств можно отнести также конструкцию, поясняющую зрителям содержание предыдущего высказывания В. Познера: <...> *главным событием этой недели было появление его величества везения// Я <...> имею в виду тот факт/ что сборная России по футболу прошла в финальную стадию Чемпионата Европы 2008 года/ <...>* («Времена»). Это средство также синтагматически обусловлено употреблением абстрактного существительного. Чтобы понять, что ведущий называет *везением*, нужно продолжить смотреть передачу и узнать, к чему оно относится. Это ключевое слово ток-шоу уточняется не только в следующем высказывании, но и в течение всей передачи.

Итак, общая для всех указанных дискурсивных средств функция – облегчить адресату точное понимание речи, другими словами, проявить заботу об адресатах речи – имеет этикетный характер и позволяет считать их этикетными тактиками. Вероятно, следует говорить не о закреплённости дискурсивных средств за коммуникативной ситуацией (как этикетные формулы), а о типичности их для дискурса (рассуждение в сфере СМИ), соответствии прагматическим конвенциям.

Представленный выше анализ этикетных средств, использованных в этикетной рамке ток-шоу, показывает их стереотипность. Но ведущему важно повысить эмоциональный фон речи, «зацепить» внимание зрителей, сделать свою речь и передачу запоминающейся, для этого он использует «ловушки внимания»¹⁶, усилители или интенсификаторы¹⁷: <...> *почему такая небольшая территория и всё что с ней связано, вдруг оказалось в центре гигантского международного скандала?* («Воскресный вечер»); <...> *when the most powerful army in the world has so far failed!* («The Doha Debates»). Ведущий проявляет внимание к желанию зрителей воспринимать речь более интересную, разнообразную, эмоциональную (в нашем материале в рамках общепринятых норм официальной, публичной речи). Это облегчает восприятие речи и повышает коммуникативную роль адресата, значит, выполняет этикетную функцию, в данных примерах вторичную, которая реализуется как эмоционально-модальная подфункция этикетной роли. Кроме выражения субъективных

оценок с экспрессивной коннотацией, ведущие, по данным нашего материала, используют средства внутренней диалогичности: *Что же получается, что остальные граждане, не влившись в стройными рядами – против?* («Воскресный вечер»); <...> *who's going to listen to any pleas for calm or moderation?* и интенсификаторы признака: *На этой же неделе состоялась Всероссийский форум сторонников президента Путина/ на котором он выступил с весьма жесткой речью//* («Времена»); <...> *maybe this is very ambitious!* («The Doha Debates»).

Таким образом, не нарушая нейтральную тональность речи, многие ведущие аналитических ток-шоу используют речевые тактики, повышающие ее эмоциональный фон. Их можно назвать «подарками» зрителям. Поскольку в аналитическом ток-шоу экспрессивные коннотации не относятся к приоритетам, нельзя сказать, что в их отношении у зрителей существуют коммуникативные ожидания. При этом у ведущих, речь которых ориентирована на воздействие, этикетные тактики обладают высокой степенью конвенциональности.

Анализ русских и английских аналитических ток-шоу показывает, что для информативных тактик, при употреблении которых в этикетной рамке ведущие проявляют внимание к желаниям и потребностям зрителей, характерны вторичные этикетные функции. В рассматриваемом типе дискурса реализуются этикетные функции ориентации речи на адресата – эмоционально-модальная и регулирующая. Первая функция имеет риторическую подфункцию, обусловленную риторическими принципами и требованиями, которые реализуются как с помощью этикетных тактик разной степени конвенциональности, так и посредством высококонвенциональной модели рассуждения, и дискурсивную подфункцию, выполняемую этикетными средствами, которые соответствуют прагматическим конвенциям данного типа дискурса. Вторая функция реализуется этикетными средствами, имеющими разную степень конвенциональности для ведущих и зрителей: высокую степень конвенциональности они имеют только для ведущих.

Речевое поведение ведущего в этикетной рамке ток-шоу соответствует трем категориям Принципа кооперации П. Грайса¹⁸: коммуникативная роль ведущего, назначение этикетной рамки, временное ограничение вступительного монолога регулируют объем информации до минимально необходимого, обуславливают сообщение наиболее важного в понятной, доступной форме.

Сопоставительное изучение неспециализированных этикетных средств, использованных в этикетных рамках русских и английских ток-шоу, показывает, что их различие заключается только в регулярности употребления отдельных этикетных тактик.



Примечания

- ¹ См.: *Кормилицына М.А.* Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2008. № 8. С. 13.
- ² *Brown P., Levinson S.* Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge, 1987.
- ³ См.: *Колтунова М.В.* Конвенции как прагматический фактор делового диалогического общения. М., 2005.
- ⁴ См.: *Формановская Н.И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 1987.
- ⁵ См.: *Гольдин В.Е.* Обращение: теоретические проблемы. Саратов, 1987.
- ⁶ См.: *Рисинзон С.А.* Этикетная рамка русских и английских ток-шоу // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. М., 2008 (в печати).
- ⁷ См.: *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 198.
- ⁸ См.: *Формановская Н.И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998. С. 265.
- ⁹ *Михальская А.К.* Основы риторики: Мысль и слово. М., 1996. С. 80.

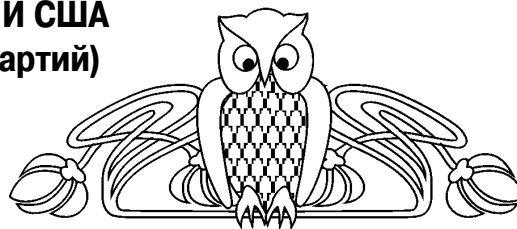
- ¹⁰ См.: Там же. С. 78.
- ¹¹ Дискурсивные слова: опыт контекстно-семантического описания. М., 1998.
- ¹² *Сиротинина О.Б.* Дискурсивные слова и их отношение к пунктуационной системе русского языка // Исследования по семантике. Уфа, 2008. С. 476.
- ¹³ См.: *Формановская Н.И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М., 2007. С. 418.
- ¹⁴ См.: *Сиротинина О.Б.* Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2003. № 2. С. 3.
- ¹⁵ *Вепрева И.Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002; *Кормилицына М.А.* Рефлексивы в речевой коммуникации // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000. С. 20.
- ¹⁶ *Костомаров В.Г.* Наш язык в действии. М., 2005.
- ¹⁷ *House J., Kasper G.* Politeness markers in English and German // Conversational routine. The Hague, 1981. P. 157; *Brown P., Levinson S.* Op. cit.
- ¹⁸ *Grice H.* Logic and conversation // Syntax and Semantics 3. Speech Acts. N.Y., 1975. P. 41.

УДК 811.161.1.272+811.111.272

ДИАЛОГ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В РОССИИ И США (на материале предвыборных программ партий)

Т.В. Харламова

Саратовский государственный университет,
кафедра английской филологии
E-mail: kharlamovtv@yandex.ru



Статья посвящена изучению функционирования вербальных средств, которые способствуют осуществлению диалога между властными структурами и обществом, и анализу сходств и различий в выборе средств взаимодействия и стратегий общения в российском и американском политическом дискурсах.

Ключевые слова: политический дискурс, текст, диалог, власть, общество, разговорность, стратегия близости.

The Society-Government Dialogue in Russia and the US (on the Materials of Political Parties' Election Programs)

T.V. Kharlamova

The article covers the issues of functioning of verbal means which contribute to further interaction between authorities and society and gives an overview of commonalities and differences in the means of interaction and communication strategies in Russian and American political discourse.

Key words: political discourse, text, dialogue, power, society, conversationalism, the strategy of closeness.

В каждом обществе власть стремится выстроить определенные отношения с социумом, устанавливая модель власти, механизмы взаимодействия, дистанцию общения, свое отношение

к народу и т.п. В задачи демократической власти входит установление диалога между институтами власти и обществом и его представителями. Власть декларирует прозрачность своих структур и намерений, доступность и открытость к взаимодействию с народом, заботу о населении и готовность прислушаться к общественному мнению.

В России отношение граждан к власти, структура и качество самой власти являются одними из центральных вопросов политического развития. Более того, взаимоотношения власти и общества складываются не просто и неоднозначно. По мнению Е.Б. Шестопаля, «главное отличие нынешней ситуации от ситуации, характерной для традиционной политической культуры России, состоит в том, что власть сегодня не может рассчитывать исключительно на силовые приемы. Сегодня власть хочет нравиться народу. С приходом новых коммуникационных технологий появились и новые требования к власти, новые технологии завоевания власти, и все они основаны на политико-психологических закономерностях восприятия власти гражданами»¹.

Проведенное исследование базируется на анализе текстов предвыборных программ 2007 г.



Примечания

- ¹ См.: *Кормилицына М.А.* Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2008. № 8. С. 13.
- ² *Brown P., Levinson S.* Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge, 1987.
- ³ См.: *Колтунова М.В.* Конвенции как прагматический фактор делового диалогического общения. М., 2005.
- ⁴ См.: *Формановская Н.И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 1987.
- ⁵ См.: *Гольдин В.Е.* Обращение: теоретические проблемы. Саратов, 1987.
- ⁶ См.: *Рисинзон С.А.* Этикетная рамка русских и английских ток-шоу // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. М., 2008 (в печати).
- ⁷ См.: *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 198.
- ⁸ См.: *Формановская Н.И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998. С. 265.
- ⁹ *Михальская А.К.* Основы риторики: Мысль и слово. М., 1996. С. 80.

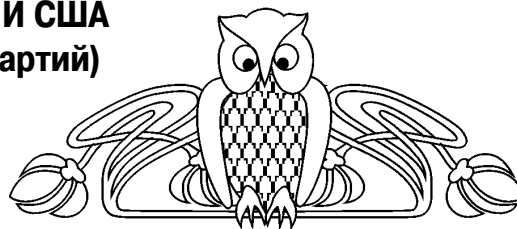
- ¹⁰ См.: Там же. С. 78.
- ¹¹ Дискурсивные слова: опыт контекстно-семантического описания. М., 1998.
- ¹² *Сиротинина О.Б.* Дискурсивные слова и их отношение к пунктуационной системе русского языка // Исследования по семантике. Уфа, 2008. С. 476.
- ¹³ См.: *Формановская Н.И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М., 2007. С. 418.
- ¹⁴ См.: *Сиротинина О.Б.* Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2003. № 2. С. 3.
- ¹⁵ *Вепрева И.Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002; *Кормилицына М.А.* Рефлексивы в речевой коммуникации // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000. С. 20.
- ¹⁶ *Костомаров В.Г.* Наш язык в действии. М., 2005.
- ¹⁷ *House J., Kasper G.* Politeness markers in English and German // Conversational routine. The Hague, 1981. P. 157; *Brown P., Levinson S.* Op. cit.
- ¹⁸ *Grice H.* Logic and conversation // Syntax and Semantics 3. Speech Acts. N.Y., 1975. P. 41.

УДК 811.161.1.272+811.111.272

ДИАЛОГ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В РОССИИ И США (на материале предвыборных программ партий)

Т.В. Харламова

Саратовский государственный университет,
кафедра английской филологии
E-mail: kharlamovaty@yandex.ru



Статья посвящена изучению функционирования вербальных средств, которые способствуют осуществлению диалога между властными структурами и обществом, и анализу сходств и различий в выборе средств взаимодействия и стратегий общения в российском и американском политическом дискурсах.

Ключевые слова: политический дискурс, текст, диалог, власть, общество, разговорность, стратегия близости.

The Society-Government Dialogue in Russia and the US (on the Materials of Political Parties' Election Programs)

T.V. Kharlamova

The article covers the issues of functioning of verbal means which contribute to further interaction between authorities and society and gives an overview of commonalities and differences in the means of interaction and communication strategies in Russian and American political discourse.

Key words: political discourse, text, dialogue, power, society, conversationalism, the strategy of closeness.

В каждом обществе власть стремится выстроить определенные отношения с социумом, устанавливая модель власти, механизмы взаимодействия, дистанцию общения, свое отношение

к народу и т.п. В задачи демократической власти входит установление диалога между институтами власти и обществом и его представителями. Власть декларирует прозрачность своих структур и намерений, доступность и открытость к взаимодействию с народом, заботу о населении и готовность прислушаться к общественному мнению.

В России отношение граждан к власти, структура и качество самой власти являются одними из центральных вопросов политического развития. Более того, взаимоотношения власти и общества складываются не просто и неоднозначно. По мнению Е.Б. Шестопаля, «главное отличие нынешней ситуации от ситуации, характерной для традиционной политической культуры России, состоит в том, что власть сегодня не может рассчитывать исключительно на силовые приемы. Сегодня власть хочет нравиться народу. С приходом новых коммуникационных технологий появились и новые требования к власти, новые технологии завоевания власти, и все они основаны на политико-психологических закономерностях восприятия власти гражданами»¹.

Проведенное исследование базируется на анализе текстов предвыборных программ 2007 г.



четырёх партий РФ («Единая Россия», ЛДПР, КПРФ, «Справедливая Россия»), вошедших в Государственную думу РФ, законодательный орган власти РФ, а также текстов предвыборной политической программы Республиканской и Демократической партий США 2008 г. В задачи исследования входит выделение прямых или косвенных средств, направленных на осуществление диалога между властью и обществом или интерпретацию взаимоотношений между их представителями.

Взаимодействие власти и общества может проявляться на разных уровнях, в том числе и на вербальном. В данной статье особое внимание уделяется средствам реализации диалогизации текста и их роли в осуществлении диалога между властью и обществом в современном политическом дискурсивном пространстве России и США, а также средствам самопрезентации.

По мнению Е.И. Шейгал и П. Канчани, противопоставление «свои – чужие» является базовой семиотической оппозицией политического дискурса. Данная оппозиция играет ведущую роль в формировании ориентационного пространства ПД и является средством идентификации и репрезентации агентов политики, а также интеграции «своих» и борьбы против «чужих» (агональности)². Так как основная функция политического дискурса – борьба за власть и ее удержание³, это предполагает непосредственное взаимодействие власти с обществом. Если речь идет о предвыборной программе партии, то особое значение приобретает налаживание контакта с электоратом и его убеждение в необходимости голосовать за данную партию и ее представителей.

Диалогизацию текста можно рассматривать в качестве категории, реализующей оппозицию «свои – чужие» и имеющей двусторонний характер (адресант – адресат). Двуначалие политической программы, которое может прослеживаться на коммуникативно-прагматической оси «партия – народ» или «партия – оппозиция», обнаруживается в одних программах достаточно ярко, в других – практически стирается. Причины этого следует искать в общественно-политической ситуации в стране, а также в характере типа взаимоотношений с обществом, который выбирается партией.

Среди средств диалогизации выделяют: вопросно-ответные комплексы; различные обращения к читателю; приобщение его к совместному размышлению, действию; различные формы выражения побуждения; способы выражения предписания, рекомендации, прямо направленные на читателя; экспликации предполагаемых реакций читателя на сообщаемое автором и др.⁴

Средства диалогизации подразделяются на адресатные и адресантные⁵. К основным адресатным синтаксическим средствам, реализующим диалогизацию текста, можно отнести: обращения, вопросно-ответные комплексы, риторические вопросы, побудительные предложения

высказывания, высказывания с местоимениями 2-го лица и глаголами 2-го лица, оценочные и эмоционально-оценочные адресатные высказывания, оценочные высказывания с адресатными элементами метатекста, высказывания с вводными словами в форме глаголов 2-го лица и вводными конструкциями, включающими глагол 2-го лица. Основными адресантными синтаксическими средствами являются: высказывания с личными местоимениями 1-го лица и глаголами 1-го лица, оценочные и эмоционально-оценочные адресантные высказывания, оценочные высказывания с адресантными элементами метатекста.

В ходе исследования было проанализировано, как средства диалогизации представлены в текстах предвыборных политических программ российских и американских партий.

При анализе предвыборной программы партии «Единая Россия» было выявлено, что прямые средства диалогизации текста встречаются в небольшом количестве.

Одно из средств диалогизации, к которому прибегают в программе, – это личное местоимение *мы*, которое используется:

1) для самоидентификации партии (*Мы будем и дальше укреплять экономические и правовые заградительные барьеры на пути неэффективного использования природных богатств России; Мы строим..., Мы добьемся..., Мы считаем..., Мы убеждены..., Мы будем и дальше развивать... и т.п.*). Местоимение *мы* в данном значении встречается на протяжении всего текста программы.

Как справедливо пишет О.Ю. Малинова, «официальные документы (равно как и выступления партийных лидеров и идеологов) могут быть прочитаны как тексты, которые не только сообщают о целях и задачах политической организации, но и несут прямую и косвенную информацию о различных качествах и характеристиках, присущих «нам» (лидерам, членам, сторонникам партии) и «им» (ее противникам и даже врагам)»⁶.

Интересен тот факт, что лидеры данной партии не ставят перед собой задачу создать круг «чужих», так как они чувствуют свою силу и свое численное превосходство над представителями какой-либо другой партии. В тексте отсутствуют противопоставления *мы – они*, конструкций типа «не..., а...» и синонимы и антонимы для описания своих достоинств и недостатков противников. Причина кроется в политической ситуации в стране данного периода, когда в предвыборной гонке фактически не было серьезного конкурента данной партии.

Такой перекокс подчеркивает «основную идею самоидентификации, вытекающей из новой программы «Единой России»: **“мы – те, кто поддерживает Путина”**. Мы – партия большинства, мы сильные, ответственные и знаем, как надо действовать». По мнению О.Ю. Малиновой, такая программа «хорошо решала бы задачу самопрезентации в однопартийной системе, где в прин-



ципе не возникает потребности позиционировать себя относительно «них» (внутри своей страны)»⁷.

Сходная ситуация наблюдается и при анализе предвыборной программы Республиканской партии США, когда партия полностью игнорирует своего оппонента Демократическую партию и стремится максимально полно представить свои достижения и успехи: *We respect..., We urge..., We believe..., We demand..., We support..., We oppose..., We call for...*

Можно сделать вывод, что это определенная стратегия, которой придерживается партия власти, – обозначить существование лишь своей партии на политическом пространстве страны, не оставив места для своих оппонентов;

2) для выражения общности интересов членов партии и народа (*Россия, которую мы выбираем* (подразумевается с вами), – это сильно демократическое, социально ориентированное государство.). Данное значение встречается крайне редко, но может реализовываться и другими средствами. Партия позиционирует себя как *общественная сила*, и данная номинация является еще одним косвенным маркером совместности, объединяя партию власти и общество в единое целое. Идея совместности реализуется с помощью и таких номинаций как *единый* (свод законов, Единая Россия), *объединенные* (интересы), *объединение* (граждан), *единство* (государства, культурного и информационного пространства России, страны).

Следует отметить, что программам всех партий (и российских, и американских) в целом присуща эксплицитная антропоцентричность (термин Н.И. Белуновой): в центре внимания – человек со своими нуждами и проблемами, партия же выступает в роли защитницы интересов граждан и гаранта их прав и свобод. Программа партии нацелена не только на массового, но и на единичного адресата, не только на разные слои населения, но и на отдельных их представителей.

Данная тенденция проявляется с помощью лексем, обозначающих:

– массового адресата (*общество, нынешнее и будущее поколения россиян, народ, население, избиратели, American people, American families, citizens* и т.п.);

– различные слои населения (*пенсионеры, люди с ограниченными возможностями, молодежь, педагогические и научно-педагогические работники*, т.п.);

– индивидуального адресата (*каждый гражданин РФ, каждый человек, каждый молодой человек, личный, every worker, every child, every American, everyone* и т.п.

Преобладание того или иного типа номинаций расставляет акцент в политической программе. Так, в программе Республиканской партии США основной акцент сделан на массового адресата (наиболее частотными являются номинации типа *Americans, American families, citizens*),

в программе Демократической партии США в центре внимания – индивидуальный адресат (в тексте программы данной партии номинация *every* употребляется 58 раз, тогда как у их оппонентов-республиканцев – лишь один раз).

Текстовые фрагменты могут быть построены не только на том или ином типе номинаций, но и на их сочетании, что создает эффект многомерности адресата: *Мы строим общество обеспеченных и уверенных в своем будущем людей, укореняем в нем психологию личного успеха и исторического успеха всего народа; Заработная плата ученого, учителя, врача, работника культуры обеспечит ему и его семье достойную жизнь; Мы не обещаем в одночасье осчастливить всех. Но мы создадим такие условия, при которых каждый гражданин страны сможет выстроить свою успешную судьбу, обеспечить благосостояние себе и своей семье* («Единая Россия»).

При анализе текста программы партии «Единая Россия» было выявлено, что использование прямых средств диалогизации сведено к минимуму. В тексте программы проводится четкая грань между партией (*мы*) и народом (*население, избиратели, граждане* и т.п.), сохраняется дистанция между партийными представителями и обществом, и лишь в завершение звучит призыв об объединении партии и граждан России, в котором функционирует лексема совместности (*вместе с нами*): *Мы призываем всех, кому дорого Отечество, быть вместе с нами в рядах тех, кто строит сильную, процветающую, великую Россию – страну исторического успеха!* Сходная тенденция наблюдается и в программе Республиканской партии США.

Анализ предвыборных программ партий «Справедливая Россия», КПРФ и ЛДПР при изучении данного аспекта привел к иным результатам.

Особое внимание в текстах программ данных партий уделяется реализации стратегии близости к адресату. Так, программа «Справедливой России» начинается с прямого обращения лидера партии С. Миронова к избирателям: *Дорогие сограждане!*, в котором также прослеживается значение совместности (приставка *со-*).

В тексте повышается доля местоимения *мы, наш* в значении совместности: *С нами вместе Предвыборную программу Партии «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ» создавали сотни тысяч наших граждан: рабочие, предприниматели, военнослужащие, учителя, врачи, инженеры, ученые, студенты, пенсионеры, труженики села и работники культуры; Великая культура России – наше общее национальное достояние; Ежегодно нас становится на 700 тысяч меньше; Наша страна сталкивается с серьезными внешними угрозами; Наши пенсионеры заслужили глубокое уважение и достаток в старости; Мы – единый народ!*, а также грамматических форм непрямого императива (1 л. мн.ч.) со значением включения в сферу его действия



говорящего: *Вернем российскому образованию славу лучшего в мире!*

Результаты показали, что в тексте программы Демократической партии США используются сходные средства: лексемы совместности, инклюзивное *we* как показатель единства с представителями партии или народа: *We come together at a defining moment in the history of our nation – the nation that led the 20th century, built a thriving middle class, defeated fascism and communism, and provided bountiful opportunity to many. We Democrats have a special commitment to this promise of America; Our economy is struggling. Our planet is in peril.*

Использование лозунгов – одна из доминантных характеристик текста программы «Справедливой России» и КПРФ. Программы наполнены призывами к избирателям внести коррективы в существующее положение дел: *Наша цель – сделать жизнь справедливой! Добьемся справедливых отношений на рынке труда! Работающий человек не должен быть бедным! Программы социального жилья – в жизнь! Сохраним культурное достояние нации и передадим его будущим поколениям!* («Справедливая Россия»); *За власть трудового народа!* (КПРФ).

Текст программы ЛДПР представляет собой непрерывающийся диалог с избирателем, отчетливо прослеживается разговорная тональность. Наряду с перечисленными выше средствами появляется местоимение 2 л. мн. ч.: *ЛДПР – единственная народная партия, созданная «снизу», самими гражданами – Вами!*

Стратегия близости к адресату приводит к активизации в тексте риторической категории разговорности не только в прессе, как справедливо указывает О.Б. Сиротинина⁸, но и в политических документах. Как и в СМИ, в текстах программ прослеживаются такие средства реализации данной тенденции, как вопросно-ответные единства, прием нанизывания вопросов, риторические вопросы, короткие предложения, вводные, вставные и парцеллированные конструкции и др.⁹

В тексте программы ЛДПР активно функционируют вопросно-ответные единства, которые вовлекают адресата в живой диалог: *Что мы видим сегодня? У парламента давно нет ни решительности, ни взвешенности, ни перспективного плана действий; Какое будущее они готовят для наших детей?.. Новые гражданские войны и кровопролитные революции; Какие законы они смогут внести? Какие решения примут? Только те, что продиктуют им сверху! Только те, что хотят люди, которые дороже заплатят!*

Нередко авторы прибегают к приему нанизывания вопросов, в тексте используется целый набор риторических вопросов: *Кого они победят? Сами себя? Как богачи могут написать законы против себя? Как они добровольно поделится с простыми людьми – теми, за чей счет они обогатились?; Но что толку? Почему население вымирает? Почему люди в большинстве регионов*

не живут, а выживают, с трудом сводя концы с концами?

Различного рода вопросы создают эффект публичного выступления, происходит имитация живого общения. Кроме того, это одно из эффективных средств воздействия на адресата.

Текст программ содержит значительное количество восклицательных предложений, которые также влияют на создание впечатление живого устного общения: *Именно молодым предстоит вывести Россию в число передовых стран мира! Мы будем добиваться неукоснительного исполнения закона, запрещающего совмещение бизнеса и государственной службы! Власть не должна стоять выше закона! Мы заставим власть работать на интересы граждан! Пенсия – не социальная подачка! Нельзя взваливать капитальный ремонт жилья на плечи граждан!* («Справедливая Россия»); *Партию делают личности, единомышленники, профессионалы, а не болтуны и перебежчики! Партию делают реальные дела, а не популистские лозунги!; В последнее время в нашей стране появилась новая «политическая мода» на объединение партий – как будто это изменит тех, кто объединяется! Сколько их было – фальшивых партийных слияний и фиктивных искусственных блоков!* (ЛДПР).

Среди синтаксических сигналов разговорности также встречаются короткие предложения и парцеллированные конструкции: *Отраслевая структура экономики устарела. Промышленная политика практически отсутствует* («Справедливая Россия»); *У России есть шанс для прорыва. Еще не весь экономический потенциал утрачен. Не все природные ресурсы вычерпаны. Не все научные школы свернуты. И есть главное – люди, способные мыслить и действовать, трудиться и побеждать. Люди, уставшие от безрадостной жизни. Жаждающие прорыва. Умеющие решать сложнейшие задачи. Готовые создавать новую процветающую Россию. Истинно единую и справедливую, а значит – социалистическую! Способные осознать, что величие и процветание Отечества возможно только на пути социалистического развития. Понять уже сейчас. Или чуть позже – на марше. Верша большие дела. Окунувшись в созидательный труд* (КПРФ), а также характерный для разговорной речи порядок слов: *Посмотрите последние рейтинги – приличные цифры только у партии власти и ЛДПР. Остальные набирают один процент, а часто и того меньше!* (ЛДПР).

В программе Демократической партии США отсутствуют такие синтаксические средства, как вопросно-ответные комплексы, риторические вопросы, восклицания, вводные и вставные конструкции, разные формы обращения к читателю. Эффект живого диалога с избирателем создается несколькими иными средствами. Например, многие положения программы иллюстрируются зарисовками, цитатами из речи избирателей. Причем эти



иллюстрации не прописаны в основном тексте, а оформлены отдельно, вне основного текста.

В текстах программ партий присутствуют и знаки ориентации, которые включают реализацию не только компонента «свои», но и компонента «чужие». Интересно, что последний компонент может быть по-разному представлен в тексте программы.

1. Существует лишь косвенное указание «на них», однако сам агент не получает вербального выражения: *Партия не позволит унижать людей низкими зарплатами и будет содействовать формированию цивилизованных отношений на рынке труда; «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ» требует прекратить обирать и унижать старшее поколение! По данным Роспатента, сегодня у нас в стране регистрируется изобретений в 10 раз меньше, чем в советский период, прежде всего из-за того, что интеллектуальная собственность в России защищена крайне слабо* («Справедливая Россия»).

2. В роли «обвиняемого» выступает:

– нынешнее правительство, государство и различные механизмы, существующие в нем: *Государство утратило контроль над соотношением стоимости медикаментов и платежеспособности населения, за оборотом и качеством лекарственных средств; Не мелочные подачки, а реальная поддержка – вот что нужно инвалидам от государства; Продолжается сокращение количества индивидуальных хозяйств, что свидетельствует о полном равнодушии государства к этой важнейшей форме сельского уклада жизни; Нынешнее пенсионное законодательство не справедливо и унижает человеческое достоинство; Но при нынешних механизмах решения жилищной проблемы 70% граждан никогда не смогут приобрести квартиру ни по льготной цене, ни по ипотеке* («Справедливая Россия»); *По Конституции власть в России принадлежит народу. На деле властвует союз «трех толстяков», «трех ненасытных глоток» – буржуя, бюрократа и бандита. Парламент, правительство и президент – лишь доверенные лица на службе этого союза* (КПРФ);

– другие партии, чужеродность которых подчеркивается местоимением *они*: *Потому что там главенствует безынициативная партия, которая привыкла ждать указаний «сверху». Они могут только поднимать руки на голосованиях, но сами не могут предложить ничего дельного; Самое опасное явление в парламенте – это оголтелая оппозиция, которая с пеной у рта оказывает сопротивление всем законопроектам, которые были внесены другими фракциями – даже хорошим, нужным и полезным* (ЛДПР);

– абстрактные понятия: *Бедность работающих людей и полное бесправие работников – вот что принес нам «дикий капитализм»* («Справедливая Россия»).

Нередко используются противопоставления, которые указывают на несправедливость суще-

ствующего порядка: *Земля должна объединять, а не разъединять людей; Государственный аппарат по-прежнему является закрытой корпорацией чиновников, озабоченных собственным благополучием, а не интересами людей* («Справедливая Россия»); *Правительство считает бедным каждого шестого жителя страны, международные организации – более половины населения* (КПРФ).

В программе Демократической партии США также четко очерчивается круг «своих» и «чужих». Основные упреки раздаются в адрес действующего президента и его администрации, к «чужим» причисляются: *our nation's leaders, this Administration, The Republican leadership, this President and his party* и др.

Анализ данных текстов показал, что в программе партии «Единая Россия» и Республиканской партии США широко представлены средства самопрезентации (которые реализуют первую часть оппозиции «свои – чужие»), тогда как знаки агональности, а именно средства для выражения второго компонента данной оппозиции, практически отсутствуют. Знаки интеграции, как правило, представлены незначительно.

В программах партий «Справедливая Россия», ЛДПР, КПРФ и Демократической партии США широко используются не только средства самопрезентации (которые реализуют первую часть оппозиции «свои – чужие»), но и знаки агональности, которые помогают адресату сориентироваться в современном политическом пространстве. Риторическая категория разговорности помогает интимизировать отношения с аудиторией и тем самым успешнее воздействовать на адресата.

Таким образом, можно сделать вывод, что партии, которые борются за власть (и в американском, и в российском политических дискурсах), активнее используют вербальные средства для установления диалога с избирателем, пытаются реализовать стратегию близости, создать эффект живого общения и установить непосредственный контакт с избирателем. Партия власти сконцентрирована на идее самопрезентации, уверена в своих силах и не намерена заигрывать с избирателем.

Работа выполнена при поддержке гранта 2.2.2.2/456 «Правящий класс в современной России: традиции, мифы и доктрины власти» ведомственной аналитической целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)».

Примечания

- 1 Психология восприятия власти / Под ред. Е.Б. Шестопал. Сер. Научные доклады. Вып. 1. М., 2002.
- 2 См.: Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004; Канчани П. Оппозиция «свои – чужие» как прагматическая доминанта политического дискурса: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
- 3 См.: Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учеб. пособие. М., 2006.



- ⁴ См.: Валгина Н.С. Теория текста: Учеб. пособие. М., 1998.
- ⁵ См.: Белунова Н.И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX вв. (Жанр и текст писем). СПб., 2000.
- ⁶ Малинова О.Ю. Программы как средство самопрезентации политических партий (на примере «Единства» и «Отечества») // Психология восприятия власти / Под ред. Е.Б. Шестопаля. Сер. Научные доклады. Вып. 1. М., 2002.
- ⁷ Там же.
- ⁸ См.: Сиротинина О.Б. Современный публицистический стиль русского языка // Русистика. 1999. № 1–2. С. 5–18.
- ⁹ См.: Кормилицына М.А. Разговорность как реализация стратегии близости к адресату в современной прессе // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина / Отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. М., 2007 (Studia philologica).

УДК 821.161.1–311.6.09:398.91 + 929 Полевой

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК В ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ Н.А. ПОЛЕВОГО «КЛЯТВА ПРИ ГРОБЕ ГОСПОДНЕМ»

М.А. Горбатов

Саратовский государственный университет
кафедра истории русской литературы и фольклора
E-mail: arctos@yandex.ru

Пословицы и поговорки в сконцентрированной форме выражают многовековую мудрость народа, его наблюдения над миром, окружающей природой и взаимоотношениями между людьми. Они запечатлели познавательный опыт народа, его морально-этические и нравственные идеалы. В статье представлено описание основных функций этих древнейших жанров фольклора в художественном пространстве исторического романа Н.А. Полевого.

Ключевые слова: пословицы, поговорки, фольклор, исторический роман, речевая характеристика.

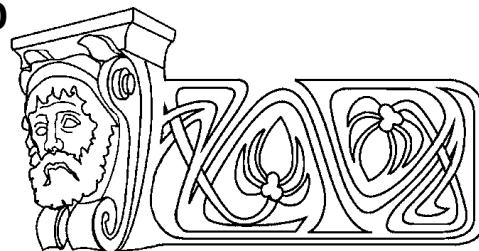
Proverbs' and Sayings' Functioning in the Historic Novel by N.A. Polevoi «The Oath at the Holy Sepulcher»

М.А. Gorbатов

Proverbs and sayings express in condensed form centuries-old popular wisdom, people's observations on visual environment, interpersonal relations. They store cognitive experience of a people, express people's mentality and moral norms. The article describes the functioning of these oldest folkloric genres in the historical novel by N.A. Polevoi.

Key words: proverbs and sayings, folklore, historical novel, speech characteristic.

Интерес к событиям прошлого, стремление понять современность на основе уроков и примеров истории во многом объясняют и определяют ведущую роль исторического романа в 1830-е гг. Для отечественной литературы была открыта поэзия национально-исторического повествования, в котором «голос народов и владык должен греметь из глубины минувшего»¹. Обращение к родной старине и воскрешение ее как предмета художественного отражения получили в новом литературном движении определяющее значение. Самое развитие литературы тогда начали связы-



вать с освоением национального материала. «Русская история, русская старина не только могут быть источником поэтических созданий и романов исторических, – писал Н. Полевой, – но, может быть, их должно почтить одним из богатейших источников для поэта и романиста»².

Внимание исследователей уделяется преимущественно оценке вклада Н. Полевого в развитие исторической науки³, его восприятию специфики исторического романа⁴. Однако фольклорные жанры в «Клятве при Гробе Господнем» до настоящего времени не становились объектом специального изучения, хотя в этом историческом романе они широко представлены: автор обращается к пословицам, поговоркам. В нем также присутствуют лирические песни, былины, сказки, поверья, суверия, слухи, легенды, предания. Писатель нередко цитирует почти целые тексты; иногда фольклорные мотивы и образы как бы «вплываются» в ткань авторского повествования. Элементы этих жанров создают особый колорит исторической эпохи, характеризуют национальную культуру.

Выделение пословиц и поговорок в качестве объекта исследования нам кажется целесообразным по нескольким причинам. Во-первых, это тот материал, который встречается на протяжении всего текста (около 100 случаев употребления). Во-вторых, пословицы и поговорки содержат житейскую мудрость, поэтому более непосредственно, чем другие проявления фольклорной традиции, определяют сознание персонажей, их нравственные ценности и жизненные позиции, мотивы их поступков. В данном случае важен тот факт, что «принимающим» текстом является исторический роман. Имеет значение и то, на каком уровне художественной структуры исторического повествования наиболее активно происходит



- 4 См.: *Валгина Н.С.* Теория текста: Учеб. пособие. М., 1998.
- 5 См.: *Белунова Н.И.* Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX вв. (Жанр и текст писем). СПб., 2000.
- 6 *Малинова О.Ю.* Программы как средство самопрезентации политических партий (на примере «Единства» и «Отечества») // Психология восприятия власти / Под ред. Е.Б. Шестопаля. Сер. Научные доклады. Вып. 1. М., 2002.
- 7 Там же.
- 8 См.: *Сиротинина О.Б.* Современный публицистический стиль русского языка // Русистика. 1999. № 1–2. С. 5–18.
- 9 См.: *Кормилицына М.А.* Разговорность как реализация стратегии близости к адресату в современной прессе // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина / Отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. М., 2007 (Studia philologica).

УДК 821.161.1–311.6.09:398.91 + 929 Полевой

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК В ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ Н.А. ПОЛЕВОГО «КЛЯТВА ПРИ ГРОБЕ ГОСПОДНЕМ»

М.А. Горбатов

Саратовский государственный университет
кафедра истории русской литературы и фольклора
E-mail: arctos@yandex.ru

Пословицы и поговорки в сконцентрированной форме выражают многовековую мудрость народа, его наблюдения над миром, окружающей природой и взаимоотношениями между людьми. Они запечатлели познавательный опыт народа, его морально-этические и нравственные идеалы. В статье представлено описание основных функций этих древнейших жанров фольклора в художественном пространстве исторического романа Н.А. Полевого.

Ключевые слова: пословицы, поговорки, фольклор, исторический роман, речевая характеристика.

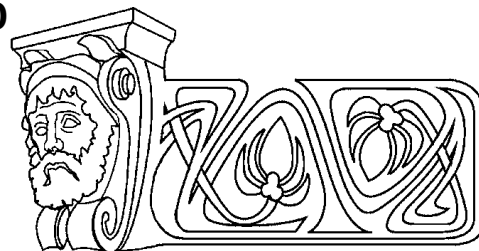
Proverbs' and Sayings' Functioning in the Historic Novel by N.A. Polevoi «The Oath at the Holy Sepulcher»

М.А. Gorbатов

Proverbs and sayings express in condensed form centuries-old popular wisdom, people's observations on visual environment, interpersonal relations. They store cognitive experience of a people, express people's mentality and moral norms. The article describes the functioning of these oldest folkloric genres in the historical novel by N.A. Polevoi.

Key words: proverbs and sayings, folklore, historical novel, speech characteristic.

Интерес к событиям прошлого, стремление понять современность на основе уроков и примеров истории во многом объясняют и определяют ведущую роль исторического романа в 1830-е гг. Для отечественной литературы была открыта поэзия национально-исторического повествования, в котором «голос народов и владык должен греметь из глубины минувшего»¹. Обращение к родной старине и воскрешение ее как предмета художественного отражения получили в новом литературном движении определяющее значение. Самое развитие литературы тогда начали связы-



вать с освоением национального материала. «Русская история, русская старина не только могут быть источником поэтических созданий и романов исторических, – писал Н. Полевой, – но, может быть, их должно почтить одним из богатейших источников для поэта и романиста»².

Внимание исследователей уделяется преимущественно оценке вклада Н. Полевого в развитие исторической науки³, его восприятию специфики исторического романа⁴. Однако фольклорные жанры в «Клятве при Гробе Господнем» до настоящего времени не становились объектом специального изучения, хотя в этом историческом романе они широко представлены: автор обращается к пословицам, поговоркам. В нем также присутствуют лирические песни, былины, сказки, поверья, суверия, слухи, легенды, предания. Писатель нередко цитирует почти целые тексты; иногда фольклорные мотивы и образы как бы «вплываются» в ткань авторского повествования. Элементы этих жанров создают особый колорит исторической эпохи, характеризуют национальную культуру.

Выделение пословиц и поговорок в качестве объекта исследования нам кажется целесообразным по нескольким причинам. Во-первых, это тот материал, который встречается на протяжении всего текста (около 100 случаев употребления). Во-вторых, пословицы и поговорки содержат житейскую мудрость, поэтому более непосредственно, чем другие проявления фольклорной традиции, определяют сознание персонажей, их нравственные ценности и жизненные позиции, мотивы их поступков. В данном случае важен тот факт, что «принимающим» текстом является исторический роман. Имеет значение и то, на каком уровне художественной структуры исторического повествования наиболее активно происходит



взаимодействие: на уровне сюжета, фабулы, об-разной или мотивной системы, характеристики персонажей, авторской оценки и т.д.

С пословицами и поговорками связана прежде всего речевая стихия романа. Они присутствуют в речи различных персонажей, и поэтому их первичная роль – речевая характеристика, создание образа. В то же время обилие пословиц и поговорок придает роману общий простонародный колорит, а их идейно-тематическое содержание помогает раскрытию авторского замысла. Можно также предположить, что среди пословиц и поговорок в романе существует определенная иерархия: некоторые вводятся в повествовательную ткань однажды и призваны прояснить какую-то конкретную ситуацию, другие приобретают более общий смысл.

Как известно, тенденция к слиянию живого разговорного языка с литературным воплотилась в творчестве многих писателей XIX в. Именно пословицы и поговорки запечатлели сложившийся народный опыт, проверенный веками: «пословица как малая художественная форма, значением некогда равная отдельному слову, появилась как способ смыслового сгущения мысли в поэтической речи»⁵.

Прежде чем перейти к рассмотрению функций пословиц и поговорок в романе Полевого, необходимо сделать несколько замечаний относительно природы рассматриваемых жанров. Дело в том, что до сих пор пословица и поговорка не имеют единых и четких определений (в романе имеются случаи неразличения Н. Полевым указанных жанров. – М.Г.). Если обратиться к истории их собирания и публикации, то можно проследить, как меняется определение (а отсюда – и основные функции, и композиционная сторона) пословиц и поговорок в предисловиях к крупнейшим сборникам и в исследовательских работах. Каждая эпоха, каждое научное направление вносило в определения коррективы, добавляя или исключая какие-то признаки⁶. Мы придерживаемся тех определений пословицы и поговорки, которые даны В.И. Далем в «Напутном» к своему сборнику пословиц⁷. Как представляется, здесь учтены все основные признаки этих жанров, а именно: для пословицы – краткость, обязательная иносказательность, оценочность, общепринятость и общеупотребительность, поучительность, возможность обобщенного выражения, а также форма полного предложения; для поговорки – краткость, иносказательность, но отсутствие поучения.

У Полевого народная оценка происходящего редко звучит из уст какого-либо конкретного персонажа: в романе присутствуют и взаимодействуют «разные точки зрения». В «Клятве при Гробе Господнем» ощутима среда, где создаются и живут произведения фольклора: это либо крестьянская семья с ее бытовым укладом, либо посадский люд, у которого всегда готово острое слово.

Народно-просторечная стихия охватывает весь роман, естественно и непринужденно вливаясь в авторскую речь или речь героев. При этом способы, которыми Н.А. Полевой пользуется, вводя пословицу или поговорку в повествовательную ткань своего романа, различны. Он может вводить их как прямую цитату⁸, сразу обозначая фольклорный жанр. Например, описывая предстоящий поход князя Юрия Дмитриевича против племянника, Н. Полевой употребляет поговорку, чтобы в яркой, образной форме передать весь ужас междоусобной войны: «*Война идет и метет – по старинной поговорке* (здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, курсив наш. – М.Г.). Правда, здесь еще не начиналась кровавая, свирепая война, но ужасы ее уже видны всюду. И тем страшнее были они, что война великая, между сильными врагами, не ведет за собой таких бедствий, какие необходимы при войне мелкой, и особенно – междоусобной!»⁹ (с. 479).

Иногда писатель несколько видоизменяет пословицу или поговорку, приспособив ее для своих творческих задач, сохраняя при этом связь с фольклорным источником, ее основной смысл и значение: «*Близ царя близ чести, близ царя близ смерти* – эта пословица дошла из старины до наших времен¹⁰. С удивительным равнодушием повторяли и забывали всегда эту пословицу царедворцы, не боясь близки и все теснясь ближе и ближе к Великому князю!» (с. 498). В собрании В.И. Даля эти две поговорки, согласно авторской логике расположения материала¹¹, даны параллельно как самостоятельные¹². В сборнике И. Снегирева значится вариант «*Близ царя близ смерти*»¹³. Объединяя их, Полевой тем самым как бы выводит собственную «сентенцию» взаимоотношений царедворцев, выстраивает некий кодекс поведения.

Описывая собственное понимание художественной специфики исторического произведения, Полевой делает это в русле народной традиции: «*Скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается*»¹⁴, – говорит старинная русская пословица. Между тем как повествование летит на крыльях, события влекутся на свинцовом костыле. *Не всякая песня до конца допеваётся*¹⁵ – есть еще русская пословица; мы перевернем ее по-своему и скажем: *не все высказывается в были и в повести, что в самом деле было <...>*» (с. 539). При помощи устойчивой формулы «*скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается*», которую (наравне со многими другими. – М.Г.) В. Даль определял как «приговорку»¹⁶, в романе Полевого осуществляется переход от одного эпизода к другому. Подобное явление обогащает структуру повествования, делая его изложение более динамичным.

Включая пословицу или поговорку в повествовательную ткань, писатель делает ее принадлежностью определенной среды. Употребление простым народом пословиц и поговорок, пословичных выражений в романе – вполне естественное явление: они отражают его взгляд



на «историческую действительность», характеризуют восприятие своего тяжелого положения. Описывая произвол, который чинят казенные обозы, в разговоре с ярославскими купцами хозяин постоялого двора замечает: « – И у нас не велено им озорничать; да где, дедушка, суда същешь? *До Бога высоко, до князя далеко!*¹⁷. Пробьешь лоб поклонами, пока добьешься до правды» (с. 308). Из ярославских торговцев рыбой, прибывших накануне великокняжеской свадьбы в Москву, дедушка Матвей выделен особо: «В суконном синем полукафтани своем, с широкой, седой, как лунь, бородою, плешивой головой, которую покрывало немного волосов, с светлым, красным, свежим лицом, оживленным добротою и умом, дедушка Матвей внушал невольное почтение окружающим» (с. 308). Этот персонаж не играет ключевой роли в развитии сюжета романа и встречается только в первых шести главах. Однако его речь, изобилующая пословицами, поговорками, книжными реминисценциями, обнаруживает в нем человека, умудренного жизненным опытом, набожного и благочестивого. Своих молодых спутников дедушка Матвей поучает в духе христианской морали: « – *Не осуждай, да не осужден будешь!*¹⁸, брат Гриша! Подумаем о своих грехах...» (с. 304); или: «*Не так живи, как хочешь, а как Бог велит!*¹⁹, – проворчал он <...>» (с. 329).

Пословицы, поговорки, пословичные выражения употребляют в своей речи и бояре, и князья, т.е. этот фольклорный материал не является в романе Н. Полевого показателем сословной принадлежности. Например, обоз дедушки Матвея добирается до Москвы вместе с таинственным Иваном Гудочником, который во время пути рассказывает старику о Демественном пении (стиль древнерусского церковного пения. – М.Г.), о своих путешествиях (в том числе и о паломничестве в Иерусалим) и многом другом. На Кучковом поле они расстаются:

« – Куда же ты? – сказал ему дедушка Матвей.

“Надобно поискать приюта!” – отвечал незнакомец, взваливая котомку на плечо. <...>

– Послушай, однако ж, – на прощание, приятель и товарищ, дозвожь узнать твое честное имя?

“На что же тебе знать имя мое? Христианин, русский, да и только”

– Нет! *гора с горою не сойдется, а человек с человеком столкнется!*²⁰ (с. 365). Иными словами, дедушка Матвей искренне надеется на счастливую встречу со столь интересным собеседником, как Гудочник. Схожую пословицу находим в речи боярина Иоанна при разговоре с Шемякой и Косым:

« – Не знаю, – сказал Косой, – не порадоваться ли мне этому несчастному случаю (для сыновей князя Юрия Дмитриевича встреча с боярином Иоанном, по вине которого они лишились права претендовать на великокняжеский престол, действительно несчастный случай. – М.Г.), когда

он дал нам средство увидеть тебя, боярин Иоанн Дмитриевич?

“И я тоже думаю, князь Василий Юрьевич. Почему же: несчастный случай? *В своей семье горшок с горшком столкнется.* Признаюсь тебе, князь – нечего сказать, а я рад, когда мог видеть именно тебя...”» (с. 330). Боярин, не ожидая встречи с князьями, в этой сцене вынужден прикинуться приветливым. Шемяка, чувствуя это, иронизирует по поводу сказанного Иоанном Дмитриевичем и трактует употребленную пословицу буквально: « – Я желал бы прежде всего знать: давно ли мы стали называться своей семьей, боярин? – сказал Шемяка, улыбаясь. – Мы прежде были горшки не из одной глины» (с. 330). Тем самым Шемяка недвусмысленно дает понять Иоанну, что не воспринимает его как равного.

Общеизвестно, что пословицы и поговорки являются универсальным средством характеристики персонажей. С их помощью герои характеризуют себя сами. Так, принимая в Угличе послов великого князя, Дмитрий Шемяка демонстрирует равнодушие к политическим делам: « – <...> князь Дмитрий Юрьевич <...> мы к тебе приехали, кроме спроса о твоём здоровье, по нашего Великого государя, князя Великого, делу. // По делу? Не веря пословице, что *дело не медведь, в лес не уйдет!*²¹, я люблю тотчас сбывать всякое дело с рук; скажите же поскорее, в чем это дело!”» (с. 592). В речи Шемяки пословицы и поговорки «мешаются» с книжными изречениями. Обращаясь к брату, Василию Косому, он не упускает случая напомнить боярину Иоанну о результатах его вмешательства в княжеские междоусобицы: «<...> Если тебе есть охота мешаться в чужие дела, то можешь спросить боярина, как бывает невыгодно <...> это говорю не я, а вся Русь православная, не говорит, кричит, что боярин Иоанн Дмитриевич не щадил ни забот, ни трудов, вмешиваясь в дела между дядею и племянником, хлопотал, трудился, чуть лба не пробил, кланяясь ханским прислужникам, а потом на себе узнал пословицу, что *когда свои собаки грызутся, чужая не вступайся!*²² (с. 331). Именно Шемяке принадлежит образная, емкая характеристика боярина Иоанна. Предупреждая брата не иметь дела с коварным честолюбцем, он так отзывается о нем: «<...> отступись от этого старика, оскорбителя князей: *на языке у него мед, под языком лед!*²³ Не хочешь? Гордость увлекает тебя? Знай же, что я *умываю руки!*²⁴ от твоих замыслов; *имейте меня отреченна!*²⁵ (с. 332–333). Слова Понтия Пилата, цитата из новозаветной притчи подтверждают стремление Полевого изобразить Шемяку, не заботясь об исторической истине, воплощением чести, справедливости и миролюбия: «До сих пор вам представляли Шемяку злодеем, каких мало и бывало на святой Руси, а Василия Темного таким тихим, что водой не замутит. У меня Шемяка показан вам иначе: лихой, удалый, горячая голова, с добрым сердцем и с несчастием на роду написанным» (с. 690).



Значимым является как сам выбор персонажем пословиц и поговорок, так и смысл, который он в них вкладывает, их индивидуальная интерпретация, а главное – пословицы и поговорки способствуют усилению разговорного элемента речи. Один из спутников Шемяки, князь Чарторийский, рассуждая о возможной свадьбе Димитрия Юрьевича с дочерью князя Заозерского, употребляет поговорку, ярко отражающую его жизненную позицию в условиях междоусобицы:

« – Его женят! – шепнул наконец Чарторийский.

“Да, его обалят! – промолвил также Сабуров, – и тогда плохо нам будет...”

– Не в добрый час пустились мы в эту дорогу – не тем она будь помянута!

“Ты любишь эту поговорку, князь?”

– Дедушкина. Только у меня и наследства, что добрый меч дедовский, да несколько поговорок, как, например, эта: *помути, Боже, народ, накорми воевод!*»²⁶ (с. 610). Таким образом, Чарторийский предстает в романе как честолюбивый военачальник, привыкший извлекать собственную выгоду в условиях междоусобицы.

Речь загадочного персонажа – Ивана Гудочника, о котором ходят самые разные слухи и который является ярким выразителем народной культуры, естественно, изобилует пословицами и поговорками. Порой Полевой усиливает смысл пословиц и поговорок, увязывая с сюжетной ситуацией, выявляя в разговоре жизненные позиции персонажей. Часто приводятся несколько пословиц или поговорок подряд, как бы дополняющих одна другую:

«<...> садись-ка, крестный батюшка, который благословил воевод московских в дураки, – примолвил Старков, указывая место Гудочнику, – садись и растолкуй, где пропал ты <...> Не слишком-то доверчив наш князь Великий, и не надивлюсь я, как умел ты попасть к нему в такую великую милость!

– Не всякий тот друг, кто с тобой брагу пьет; не всякий враг, кто на тебя с мечом идет. А сверх того, боярин, рыба ищет, где глубже, человек, где лучше»²⁷. Светило сегодняшнее солнце – мы на нем онучки сушили; засветит завтра другое – мы будем сушить на нем» (с. 622–623). Все это изобличает в Гудочнике хитрого, изворотливого человека, готового «служить двум богам» ради исполнения данной клятвы восстановить Суздальское княжество.

Подводя итоги, можно отметить следующее. В авторской речи, в речи героев романа всех сословий пословицы и поговорки составляют устойчивый и существенный пласт языка. Одним из свидетельств глубокой органичности и естественности включения фольклорного материала в ткань повествования является почти полная внешняя неприметность таких включений. Н. Полевой творчески использует на страницах романа фольклорный материал, художественно преобразуя его

в собственное писательское слово, либо, оставляя элементы устоявшейся формы как основу, придает им новое значение, новый оттенок, идущий от личности героя, ситуации.

Примечания

- ¹ Полевой Н.А. История русского народа. М., 1829. Т. 1. С. XXIII.
- ² [Полевой Н.А.] Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. Соч. М.Н. Загоскина // Московский телеграф. 1829. № 24. С. 463.
- ³ См., напр.: Шикло А.Е. Исторические взгляды Н.А. Полевого. М., 1981; Александрова Р.М. Н.А. Полевой и отечественная историография XIX–XX вв. М., 2002.
- ⁴ См.: Щелькин И.П. Н.А. Полевой о специфике художественного повествования в историческом романе // Литературные взгляды и творчество Н.А. Полевого. М., 2002. С. 101–108; Козаровицкая З.Н. Жанровое и сюжетно-композиционное своеобразие исторического романа Н.А. Полевого «Клятва при Гробе Господнем»: Деп. в ИНИОН АН СССР. № 45455 от 18.10.91.
- ⁵ Колесов В.В. Афористика Древней Руси // Мудрое слово Древней Руси (XI–XVII вв.): Сборник / Сост., вступ. ст., подгот. древнерус. текстов, пер. и коммент. В.В. Колесова. М., 1989. С. 9.
- ⁶ См., напр.: Снегирев И.М. Русские в своих пословицах: Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках: В 4 кн. М., 1831. Кн. 1. С. 134, 138, 139; Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М., 1865. Т. 1. С. 27; Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня, пословица, поговорка // Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М., 1990. С. 98, 99, 104–105; Ляцкий Е.А. Несколько замечаний к вопросу о пословицах и поговорках // Изв. отд-ния русского языка и словесности АН. 1897. Т. II, кн. 3. С. 745–782; Перетц В.Н. Из истории пословицы: Историко-литературные заметки и материалы. С приложением сборника польских пословиц по рукописи 1726 года. СПб., 1898; Иллюстров И.И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. Сборник русских пословиц и поговорок. СПб., 1910; Орлов Л.Г. Пословицы // Русское народное поэтическое творчество / Под ред. А.М. Новиковой. М., 1969. С. 137; Шахнович М.И. Краткая история собирания и изучения русских пословиц и поговорок // Советский фольклор. 1936. № 4/5. С. 299–368; Адрианова-Перетц В.П. Пословицы и поговорки // Избранные пословицы и поговорки русского народа / Сост. Н.П. Колпакова и др. М., 1957. С. 13, 14 и др.
- ⁷ Пословица – «коротенькая притча <...>; суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности. Пословица – обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми. <...> полная пословица состоит из двух частей: из обиняка, картины, общего суждения и из приложения, толкования, поучения <...>»; Поговорка – «окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суж-



- дения, заключения, применения» (Даль В.И. Напутное // Даль В.И. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., 1957. С. 13, 14).
- ⁸ Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция: Вопросы поэтики / Под ред. Б.Ф. Егорова. [Саратов], 1980. С. 118–119.
- ⁹ Здесь и далее роман цитируется по изданию: Полевой Н.А. Избранная историческая проза. М., 1990. Ссылки приводятся в тексте статьи в круглых скобках с указанием страницы.
- ¹⁰ «Древняя русская пословица: *близ царя, близ смерти*, родилась, думаю, тогда, как наше отечество носило цепи монголов. Князья ездили в Орду как на Страшный суд: счастлив, кто мог возвратиться с милостию царскою или по крайней мере с головою» (Карамзин Н.М. История государства Российского. 2-е изд., испр. СПб., 1819. Т. IV. С. 243).
- ¹¹ «<...> Итак, я расстриг десятки тысяч, собранных в течение десятков лет, пословиц, поговорок и тому подобных речений и, вынимая их из короба, как они попадались, обозначал на каждой одним словом значение, смысл, предмет, к коему каждая относится. Таким образом, составились сами собою, без всякого предварительного уместования, оглавки разрядов, около ста восьмидесяти, в кои вошло все, что было собрано по крохе. *Затем я принялся снова за каждый разряд и старался подобрать в нем пословицы в некоторой последовательности и связи, по тому же их значению*» (Даль В.И. Указ. соч. С. 28).
- ¹² Ср.: «Близ царя – близ смерти. Близ царя – близ чести» (Даль В.И. Указ. соч. С. 243). Надо отметить, что пословицы и поговорки в романе Н.А. Полевого не всегда совпадают с вариантами в собрании В.И. Даля.
- ¹³ Ср.: Снегирев И. Русские народные пословицы и притчи. М., 1995. С. 14. (Репринт. изд. 1848 г.).
- ¹⁴ Ср.: Снегирев И. Указ. соч. С. 372.
- ¹⁵ Ср.: Даль В.И. Указ. соч. С. 500; «Не всякая песенка до конца допеваётся» (Снегирев И. Указ. соч. С. 265).
- ¹⁶ Даль В.И. Указ. соч. С. 20.
- ¹⁷ Ср.: «До царя далеко, до бога высоко. До неба высоко, до царя далеко» (Там же. С. 245). Можно предположить, что Н. Полевой не случайно использует именно такой возможный вариант пословицы: как известно, употребление слова «царь» в качестве основного титула русских правителей относится к 1547 г. и связано с именем Ивана Грозного, который по достижении совершеннолетия короновался как царь. Таким образом, пословица «фиксирует» факт феодальной раздробленности Руси в период 1433–1441 гг., когда происходит действие романа.
- ¹⁸ Лк. 6:37 – «Не осуждайте, да не осуждены будете: оставьте и вставится вам, сказал Господь».
- ¹⁹ Ср.: Даль В.И. Указ. соч. С. 59; ср. также: Снегирев И. Указ. соч. С. 290.
- ²⁰ Ср.: «Гора с горой не сойдется, а человек с человеком (или: а горшок с горшком) столкнется. Гора с горой не сходится, а человек с человеком сходится» (Даль В.И. Указ. соч. С. 74); «Гора с горой не сойдется, а горшок с горшком сойтнется» (Снегирев И. Указ. соч. С. 73).
- ²¹ Ср.: Снегирев И. Указ. соч. С. 109.
- ²² Ср.: «Свои собаки дерутся, чужая не приставай!» (Там же. С. 363).
- ²³ Ср.: Даль В.И. Указ. соч. С. 660. Ср. также: *Песн. 4:11* «<...> мёд и молоко под языком твоим <...>»; *Притч. 26:23–25*: «Что нечистым серебром обложенный глиняный сосуд, то пламенные уста и сердце злобное. Устами своими притворяется враг, а в сердце своем замышляет коварство. Если он говорит и нежным голосом, не верь ему, потому что семь мерзостей в сердце его». «Ивритское выражение собрано из двух источников. <...> Эти слова о враге, который хотя и «делает нежным голос свой», но замышляет недоброе. Отсюда всё выражение говорит о человеке двуличном, сладком на словах, но мерзком в мыслях и делах. Обе части могут быть использованы самостоятельно, особенно первая». Подробнее об этом см.: В ногах ползает, а за пятку хватает. Мягко стелет, жёстко спать. На языке мёд, а под языком лёд. Сладко в рот, да горько вглот: [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://pitgamivri-rusi.blogspot.com/2007/05/blog-post_07.html. Загл. с экрана (25.09.2008). Ср. также: «Рифма *мед-лед* – одна из традиционных <...>. Так, мед издавна был символом красноречия, синонимами слова *мед* были: *сладость, красота, блаженство, мудрость, красноречие, наслаждение и удовлетворение, богатство*, т.е. слова с положительной оценочной коннотацией. Символика широко отразилась в языке: *медоречивый, медоязычный, сладкоглагольный, сладоречивый, сладкие и медоточные словеса*. Ассоциации символического и вербально-семантического планов лежат в основе семантического образования слова *мед* ‘сладкий’ (со сверхположительной оценкой). Напротив, слова *лед, мороз, холод* – своеобразные «артикли» сверхотрицательной оценки, генетически восходящие к символу *холод-печаль, забота, жестокость*. <...> Таким образом, противопоставление *мед-лед, медок-холодок* <...> – семантически закономерно, ибо выражает коннотативную антонимию. Данная оппозиция – пример выразительного семантико-стилистического средства создания антитезы, формирования смысла пословицы о лицемерии, другими вариантами которой являются паремии *Уста медоточивые, а сердце смолой кипит; Медовый язык, да каменное сердце*, также основанные на коннотативной антонимии (*медоточивый – смолой кипит, медовый – каменный*)» (Бочина Т.Г. Ключевые слова фольклорной картины мира в пословице-антитезе [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.ksu.ru/fil/kn7/index.php?sod=9>. Загл. с экрана (25.09.2008).
- ²⁴ *Мф. 27:24* – «Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки пред народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы». В то время умывание рук было ритуалом, означавшим непричастность человека к какому-либо неблагоприятному делу или его отказ в нем участвовать.
- ²⁵ *Лк. 14:18* – «И начали все, как бы сговорившись, извиняться. Первый сказал ему: “я купил землю, и мне нужно пойти посмотреть ее; прошу тебя, извини меня”». Ср. также: «И паки рече Иисус: “человек некий сотвори вечерю велию, и зва многи, и посла раб своих в год вечери рещи званным: грядите, яко же уже гото-



во суть вся. И начаша вкупе отрицатися вси. Первый рече: село купил и имам нужду изыти и видети, молю ти ся, имей мя отреченна» (Духовная грамота царя Ивана Васильевича (июнь-август 1572 г.) // Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печати Л.В. Черепнина. М.; Л., 1950. С. 431).

²⁶ Ср.: «Помутися народ, накорми воевод! Помути бог народ, накорми воевод!» (Даль В.И. Указ. соч. С. 227). Ср. также: «Помути, Бог, народ, да покорми воевод!» (Снегирев И. Указ. соч. С. 329).

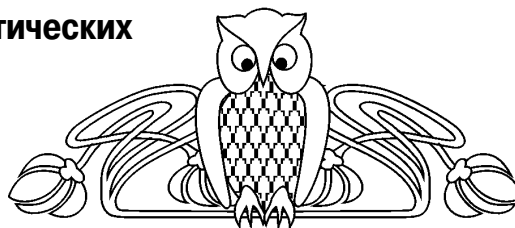
²⁷ Ср.: «Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше» (Снегирев И. Указ. соч. С. 357).

УДК 821.161.1.09-2+929 Островский

А.Н. ОСТРОВСКИЙ: РАЗРУШЕНИЕ МИЗАНСЦЕНЫ (к проблеме авторской ремарки в драматических произведениях)

А.Н. Зорин

Саратовский государственный университет,
кафедра общего литературоведения и журналистики
E-mail:art-zorin@yandex.ru



Ремарка драматургии Островского во многом отражает поиски автора в области новой драматургической формы. Им создана строгая система ремарочных обозначений, удобных для театра и ассоциативно насыщенных в контексте каждого произведения. Номинативные и афишные ремарки, как и ремарки «текста в тексте» и «театра в театре», значительно расширяют границы восприятия социально-философского и культурно-исторического подтекста его пьес.

Ключевые слова: драматургия, ремарки, «текст в тексте», афиша, подтекст.

A.N. Ostrovsky: Breaking Mise an Scene (Towards the Problem of Author's Directions in Drama)

A.N. Zorin

Author's directions in Ostrovsky reflects his search for a new form in drama. He created a consistent system of directions suitable for theatrical purposes and associatively productive within each work. Nominative and "billboard" remarks, as well as "text within text" and "theatre within theatre" remarks, significantly broaden the perception of social-philosophical and cultural-historical undercurrent of Ostrovsky's plays.

Key words: playwrighting, remarks, «text within text», billboard, underlying text.

«Я знаю тебя, Замоскворечье, я сам провёл несколько лет жизни в лоне твоём, имею за Москвой-рекой друзей и приятелей и теперь ещё брожу иногда по твоим улицам. Знаю тебя в праздники и в будни, в горе и в радости, знаю, что творится и делается в твоём широком улицам и мелким частым переулочкам»¹. О том, «что творится и делается», автор самых знаменитых «сцен» и «картин» из московской жизни впервые написал во «Введении» к «Очеркам Замоскворечья» в 1844 г. И это был прозаический текст. А двумя годами позже, в 1846-м, он прочёл Д.А. Гореву-Тарасенкову «Семейные сцены» – они были написаны уже в виде пьесы. Началом же своего

драматургического поприща Островский считал 14 февраля 1847 г.: в этот день на квартире профессора С.П. Шевырёва он читал в присутствии нескольких известных российских литераторов «Картины семейного счастья», которые сам называл потом «первыми литературными опытами в виде драматических сцен» (1, 499). По сути, это было первое законченное произведение, написанное им для театра.

Реакция слушавших была восторженной. Хозяин дома подошел к Островскому, взял его за руку и возвышенно произнес: «Поздравляю вас драматическим писателем» (1, 499). Аполлон Григорьев, бывший в числе слушателей, позже написал, что «Картины семейного счастья» отмечены печатью яркого таланта, выразившегося «1) в новости быта, выводимого автором и до него ещё не початого <...>, и 2) в новости отношений автора к изображаемому лицом, и 3) в новости манеры изображения, и 4) в новости языка – в его цветистости, особенности»².

Аполлон Григорьев практически сформулировал основы будущего театра Островского, предвосхитив его содержание и смыслы. «Новости быта, <...> до него ещё не початого»³, ожидаемы были на тогдашней сцене, переживавшей и драматургический, и постановочный кризисы.

Сомнительным и обветшалым называет репертуар российского театра середины XIX в. В. Лакшин⁴. Перелистывая, в частности, афиши Малого театра в сезон 1851/52 гг., он выстраивает репертуарный список: из драм – «Уголино» Полевого, «Денщик» Кукольника, «Смерть Ляпунова» С. Геденова, из комедий – «Божман» Тарновского, «Идеалы» Маркевича. Основное же место в репертуаре отдано водевилям – переводным и оригинальным, с такого рода «говорящими» названиями: «Белокурая брюнетка», «Вот так пилюля! Что в рот, то спасибо», «Кутерьма», «Любовь артиста», «Муж не муж, жена не жена», «Невесте 45 – при-



во суть вся. И начаша вкупе отрицатися вси. Первый рече: село купил и имам нужду изыти и видети, молю ти ся, имей мя отреченна» (Духовная грамота царя Ивана Васильевича (июнь-август 1572 г.) // Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печати Л.В. Черепнина. М.; Л., 1950. С. 431).

²⁶ Ср.: «Помутися народ, накорми воевод! Помути бог народ, накорми воевод!» (Даль В.И. Указ. соч. С. 227). Ср. также: «Помути, Бог, народ, да покорми воевод!» (Снегирев И. Указ. соч. С. 329).

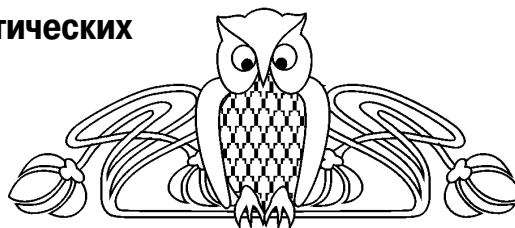
²⁷ Ср.: «Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше» (Снегирев И. Указ. соч. С. 357).

УДК 821.161.1.09-2+929 Островский

А.Н. ОСТРОВСКИЙ: РАЗРУШЕНИЕ МИЗАНСЦЕНЫ (к проблеме авторской ремарки в драматических произведениях)

А.Н. Зорин

Саратовский государственный университет,
кафедра общего литературоведения и журналистики
E-mail:art-zorin@yandex.ru



Ремарка драматургии Островского во многом отражает поиски автора в области новой драматургической формы. Им создана строгая система ремарочных обозначений, удобных для театра и ассоциативно насыщенных в контексте каждого произведения. Номинативные и афишные ремарки, как и ремарки «текста в тексте» и «театра в театре», значительно расширяют границы восприятия социально-философского и культурно-исторического подтекста его пьес.

Ключевые слова: драматургия, ремарки, «текст в тексте», афиша, подтекст.

A.N. Ostrovsky: Breaking Mise an Scene (Towards the Problem of Author's Directions in Drama)

A.N. Zorin

Author's directions in Ostrovsky reflects his search for a new form in drama. He created a consistent system of directions suitable for theatrical purposes and associatively productive within each work. Nominative and "billboard" remarks, as well as "text within text" and "theatre within theatre" remarks, significantly broaden the perception of social-philosophical and cultural-historical undercurrent of Ostrovsky's plays.

Key words: playwrighting, remarks, «text within text», billboard, underlying text.

«Я знаю тебя, Замоскворечье, я сам провёл несколько лет жизни в лоне твоём, имею за Москвой-рекой друзей и приятелей и теперь ещё брожу иногда по твоим улицам. Знаю тебя в праздники и в будни, в горе и в радости, знаю, что творится и делается в твоём широком улицам и мелким частым переулочкам»¹. О том, «что творится и делается», автор самых знаменитых «сцен» и «картин» из московской жизни впервые написал во «Введении» к «Очеркам Замоскворечья» в 1844 г. И это был прозаический текст. А двумя годами позже, в 1846-м, он прочёл Д.А. Гореву-Тарасенкову «Семейные сцены» – они были написаны уже в виде пьесы. Началом же своего

драматургического поприща Островский считал 14 февраля 1847 г.: в этот день на квартире профессора С.П. Шевырёва он читал в присутствии нескольких известных российских литераторов «Картины семейного счастья», которые сам называл потом «первыми литературными опытами в виде драматических сцен» (1, 499). По сути, это было первое законченное произведение, написанное им для театра.

Реакция слушавших была восторженной. Хозяин дома подошел к Островскому, взял его за руку и возвышенно произнес: «Поздравляю вас драматическим писателем» (1, 499). Аполлон Григорьев, бывший в числе слушателей, позже написал, что «Картины семейного счастья» отмечены печатью яркого таланта, выразившегося «1) в новости быта, выводимого автором и до него ещё не початого <...>, и 2) в новости отношений автора к изображаемому лицом, и 3) в новости манеры изображения, и 4) в новости языка – в его цветистости, особенности»².

Аполлон Григорьев практически сформулировал основы будущего театра Островского, предвосхитив его содержание и смыслы. «Новости быта, <...> до него ещё не початого»³, ожидаемы были на тогдашней сцене, переживавшей и драматургический, и постановочный кризисы.

Сомнительным и обветшалым называет репертуар российского театра середины XIX в. В. Лакшин⁴. Перелистывая, в частности, афиши Малого театра в сезон 1851/52 гг., он выстраивает репертуарный список: из драм – «Уголино» Полевого, «Денщик» Кукольника, «Смерть Ляпунова» С. Геденова, из комедий – «Божман» Тарновского, «Идеалы» Маркевича. Основное же место в репертуаре отдано водевилям – переводным и оригинальным, с такого рода «говорящими» названиями: «Белокурая брюнетка», «Вот так пиллюля! Что в рот, то спасибо», «Кутерьма», «Любовь артиста», «Муж не муж, жена не жена», «Невесте 45 – при-



даного 100 000», «Чертов колпак», «Я съел моего друга». (Похожие ассоциации возникают, когда читаешь афиши нынешней антрепризы – кичевый подход к выбору репертуара преобладает. Способ существования на сцене тоже напоминает эпоху «до Островского». Теперешние сторонники такого театра называют его «актёрским» – как альтернативу так называемому «режиссерскому» театру конца XX в., когда воля постановщика в формулировании сценического высказывания была определяющей. Характер этих спектаклей ограничивается простым «увеселением» публики или, наоборот, нагнетанием у неё мистических и мелодраматических «страхов». Итог – посмотрел, «навпечатлялся», вышел из театра и забыл.) Подобранный репертуар – предел мечтаний публики, для которой театр и спектакль – тот же товар, только не для физиологического употребления. «В этой публике, – пишет Островский, – нет собственного понимания, нет восприимчивости, нет движений, нет общности между ней и пьесой <...> Все сильное или неожиданное производит в этих зрителях что-то вроде беспокойства <...> Чему эта публика самостоятельно горячо сочувствует, так это пошлым намекам и остроумию самого низкого сорта» (10, 135). Новому театру, о котором он мечтал, нужна была другая публика, и ее тоже необходимо было растить и воспитывать.

Из серьёзных пьес в «доостровские» времена шли на сцене только «Ревизор» Гоголя и грибоедовское «Горе от ума», порезанное цензурой. Было ещё несколько романтических драм Н. Полевого, так называемых «патриотических» пьес Н. Кукольника и переводных мелодрам. Представительствовавшая тогда на российской сцене западная драматургия, несомненно, оказала влияние на Островского. Один из ранних его драматических этюдов «Неожиданный случай», по мнению В. Лакшина, написан «в духе французских пословиц, “провербов” Альфреда де Мюссе». Исследователь отмечает также несомненный интерес русского драматурга к Шекспиру, сравнивая Любима Торцова – героя пьесы Островского «Бедность не порок» – с шекспировским шутком. Торцов, так же как шут в «Короле Лире», «куралися и паясничая, <...> дерзко говорит правду»⁵.

Российский театр ждал нового драматурга. Меняющаяся обыденность рвалась на театральные подмошки. Ждали актёры, готовые уловить новые интонации, новые токи жизни. Островский своими пьесами, что называется, разрушил мизансцену. Во-первых, в сценическом смысле – до него мизансценирование спектаклей строилось вокруг находящегося в центре главного героя – в его пьесах главных героев стало несколько (порой они все были главными), значит, действие пришлось организовывать по-другому, со многими центрами или последовательно, монтажно. Этот принцип стал формообразующим в пьесах Островского. Во-вторых, разрушил он мизансцену в мировоззренческом смысле, побудив российский

театр существовать по новым, предложенным им правилам. Впрямую эти правила сформулированы в нескольких его работах о театре: «Обстоятельства, препятствующие развитию драматического искусства в России» (1863 г.), «Об актёрах по Сеченову» (1868 г.), «Записка о положении драматического искусства в России в настоящее время» (1882 г.), «Причины упадка драматического театра в Москве» (1884 г.) и множестве других записок, речей, статей и заметок.

Опосредованно эти же правила проступают в каждой строчке, в каждой ремарке его драматургических текстов, названных критикой «пьесами жизни».

Е.В. Седова, анализируя особенности театра Островского, говорит о традиционных драматургических жанрах и новом типе драматургии, возникшей в последние десятилетия XIX в. Одним из её создателей, безусловно, был Островский. В традиционной драматургии смысловой доминантой была конфликтная или иная исключительная ситуация в жизни героя, сложные перипетии его судьбы. Островский же в своих пьесах, наоборот, «пытался вынести на суд зрителей обыденную повседневность, в которой редко происходят события, выбивающиеся из привычного монотонного течения жизни. Именно сам ход жизни <...> становится объектом изображения»⁶. Вместе с тем меняется и характер драматургического конфликта. «В пьесах Островского лица предстают не по принципу “один против другого”, а по принципу “каждый против любого”⁷. Драматургия середины XIX в. постепенно приходит к пониманию того, что герой – «величина переменная» и во времени, и в глазах читателей/зрителей.

Выбор объектов изображения диктовал драматургу необходимость трансформации не только смысловой, но и формальной структуры пьес. Система авторских ремарок, начиная с названия, жанрового определения, списка действующих лиц, авторских пояснений внутри текста и заканчивая самостоятельными смыслопорождающими ремарками в виде ассоциативных вставок, использования стихов, песен и т.д., строилась по тем же требованиям – достоверности, подлинности, правды жизни. Анализ системы внутритекстовых авторских пояснений в пьесах Островского позволяет отметить особую тщательность драматурга в создании строгого, закрытого набора лексических средств, составляющего основной слой ремарок. По мнению В.П. Ходуса, «ремарки в драмах Островского характеризуются краткостью, строгой определенностью структуры и функциональной роли и не претерпевают заметных изменений на протяжении десятков лет»⁸. В то же время сформированная система препозитивных ремарок, афишных ремарок и ремарок заголовка в пьесах Островского порождает сложную семантическую структуру, передающую неоднородность драматургического проявления конфликта.



Первую авторскую ремарку – название пьесы – Островский использует в следующих вариантах:

– как морализаторскую сентенцию, предопределяющую последующее содержание и развязку, для чего Островский широко привлекает русские пословицы. Литературоведами и лингвистами хорошо исследован этот пласт его фразеологии: «Не все коту масленица», «Старый друг лучше новых двух», «Свои собаки грызутся – чужая не приставай», «Свои люди – сочтемся», «Не в свои сани не садись» «На всякого мудреца довольно простоты» и т.д. В этом смысле Островский следует приему французской драматургии, который использовали Мериме и Мюссе;

– как метафорическое обозначение определенных времени и места действия в проекции на качество жизни. Так, в заглавии «Утро молодого человека» сочетание слов «утро» и «молодого» говорит о том, что перипетии сюжета будут связаны с началом человеческой жизни, с первыми её открытиями и надеждами. Название «Трудовой хлеб» предопределяет, что речь будет идти об исконных основах человеческого существования. В пьесах «Тяжелые дни» и «Счастливый день» автор заранее провоцирует читательское и зрительское ожидание, оставляя себе возможность играть на их чувствах;

– как метафору, объединяющую бытовой, социальный, философский, сакральный уровень восприятия смыслов. «Гроза» – и как явление природы, и как трагический разлом в семейных отношениях, и как своего рода «момент истины» в судьбе героев, когда каждый получает по делам своим (подобно «Буре» Шекспира), как проекция на идею страшного суда. «Лес» – и местоположение усадьбы Гурмыжской, и предмет ценной собственности, и дремучие нравы местных обитателей. «Пучина» – и реальная опасность для человека запутаться в сложных обстоятельствах жизни, и метафора общественных отношений;

– как антитезу с отчетливой этической и социальной оценками: «Волки и овцы», «Таланты и поклонники», «Старое по-новому». Здесь тоже ощутимо влияние как европейской классики «Мещанина-дворянина» и «Коварства и любви», так и антитеза пушкинских «Маленьких трагедий»;

– как номинацию главных действующих лиц – нейтральную, ироническую, драматическую: «Воевода», «Снегурочка», «Воспитанница», «Шутники», «Красавец-мужчина», «Банкрот», «Невольницы».

Ремарки пьес Островского, определяющие их жанр, показывают стремление автора разработать собственную специфическую систему, которая давала бы возможность постановщикам наиболее объемно и полноценно представить на сцене не только сюжеты, но и характеры, и жизнь, и общественную среду, и новые для театра события, и новых героев. Театральные тексты Островского объединяют в себе 41 пьесу на социально-бытовые, 7 – на исторические темы,

1 сказку, 7 неоконченных пьес, 6 – написанных в соавторстве, 6 – переводных и 4 – переделанные на сюжеты западных авторов. Всего 72 драматических произведения. При этом практически все имеют жанровое определение. 35 помечены словом «комедия», неоконченный «Скоморох» обозначен как «набросок комедии», переделка французской пьесы «Добрый барин» названа близкой к комедии «шуткой в одном действии». Жанром «драма» Островский помечил 7 пьес, «Неожиданный случай» назвал «драматическим этюдом», «Не так живи, как хочется» – «народной драмой», 3 исторические пьесы – «Козьма Захарыч Минин-Сухорук», «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» и «Тушино», – подобно Шекспиру и Пушкину, – «драматическими хрониками». Названием-жанром выглядит неоконченный исторический «Фрагмент драмы, посвященной Ксении Годуновой». Поначалу не было официального жанрового определения у пьесы «Иван-царевич», но во втором варианте она помечена как «волшебная сказка в 5 действиях и 16 картинах». У переведенных с испанского «Интермедий Мигуэля Сервантеса Сааведра», состоящих из 10 коротких пьес, жанровых подзаголовков нет. Наибольший интерес для изучения новаторских принципов драматургии Островского представляют для исследователей пьесы, обозначенные жанрами «сцены» и «картины».

Е. Седова, рассматривая материал пьес Островского, выписывает хронологически произведения, имеющие то и другое жанровое определение, и прослеживает попытки критики понять генезис новых жанровых форм, предложенных драматургом. Долгое время Островского считали красочным бытописателем, с этой позиции относились и к введённым им жанрам, утверждая в частности, что он «тяготеет к жанру картин и сцен, в которых сюжетная канва ослаблена до последнего предела. Он мастерски дает картины быта и прекрасно рисует характеры, но он несравненно менее изобразительный мастер в области драматической сюжетки»⁹.

Используя более ранние материалы исследований А.М. Гаркави¹⁰, С.З. Агранович¹¹ и других, Е. Седова прослеживает жанровую трансформацию пьесы «Тяжелые дни» (1863). Вначале Островский определял её как «комедию в четырёх действиях», а потом назвал «сценами из московской жизни» – перенос действия из купеческого дома на улицу отразил не только перенос декораций, но и смену интереса драматурга от личности к «жизни толпы» к непрерывному жизненному течению. Жанры «сцен» и «картин» позволили ему сделать это адекватно самой жизни. Островского, так же как Пушкина в «Борисе Годунове», «интересует не конкретная ситуация, не судьба отдельно взятого персонажа, а жизнь общества с её многообразием и противоречивостью. Если в «Борисе Годунове» изображены явления исторического процесса, то в творчестве



А.Н. Островского новый жанр реализуется на материале современности»¹².

Новаторство Островского обнаруживается и в том, что он начинает свои пьесы с ответной реплики или с продолжения монолога и тем самым активизирует зрителя и читателя, заставляя его домысливать, додумывать происходящее, т.е. становится сотворцом. Таким образом, пьеса оказывается лишь кульминацией досюжетного эпизода, т.е. частью жизни, которая не здесь началась и не здесь закончится. В этом смысле и финалы – не развязка, а лишь приостановка перед следующим эпизодом жизни. По мнению английского исследователя Д. Ральсона, это не характерно для европейской драматургии. У Островского «драма развивается с простотой, равную которой можно встретить только на театре японском или китайском и от которой веет примитивным искусством. Сцены следуют одна за другой, как картины в панораме»¹³.

Монтажный принцип «картин в панораме» касается не только композиционной, но и смысловой структуры пьес, и её надтекстового содержания. Большинство драматических текстов Островского, обозначенных жанрами «сцены» и «картины», состоит из множества, на первый взгляд, не нужных, не важных эпизодов. Однако, в конечном итоге, почти каждый из них не только подтекстово развивает действие, но и становится развернутой авторской ремаркой к последующим событиям. В начале пьесы «Пучина», например, – Островский жанрово обозначил ее как «сцены» – герои обсуждают драму Виктора Дюканжа «Жизнь игрока», в которой персонаж по имени Жорж де Жермен «в уголовное дело попадает» (4, 374). Поначалу это кажется пустым разговором, но в общем контексте пьесы выясняется, что автор использовал эту историю в качестве развернутой предведомительной ремарки к судьбе собственного героя Кисельникова, который позже повторит печальную судьбу упоминавшегося в первой сцене француза. Монтажный способ построения текста даёт автору такую свободу и такую возможность.

Ремаркой не только по поводу водевиля Лисовского – одного из героев пьесы «Утро молодого человека» – становится напечатанная в журнале «Статья о театре»: Островский использует её и как принципиальную ремарку – озвученную ремарку о ремарке, – напоминающую о преобладавших тогда на русской сцене легковесных пьесках: «Лисовский (молча читает какой-то журнал). Что такое? Статья о театре! Посмотрим, посмотрим. (Читает). «Где найдёшь не знаешь, потеряешь, не ожидаешь, или не берись за гуж, если не дюж. Шутка в одном действии, а если бы не дверь на улицу, так была бы не шутка, а серьезное дело, водевиль Лисовского». (Читает про себя)... «Ни малейшего таланта». Ах, он мерзавец!» (1, 157). Принципиальность ремарки в том, что Остров-

ский, мастер тонкой многозначной ремарки, готов к сложной смысловой игре с читателем и зрителем, но он совершенно против «заигрывания» с ним в таких запутанных эпигонских формах. (Подобный мотив возникнет в рассказе Чехова «Драма», где злоупотребление героини ремаркой «пауза» – кстати, задолго до появления основных пьес самого Чехова – станет своего рода самопародией автора на свои ученические драматургические опыты.)

В комедии Островского «Не в свои сани не садись» второе действие начинается пением молодой героини Авдотьи Максимовны. Дочь богатого купца, она поёт русскую народную песню «Научить ли те, Ванюша». При этом автор приводит текст песни полностью – 8 строф. И, кроме эмоционального впечатления, безусловно, ремаркирует последующие события: в песне девушка учит возлюбленного Ванюшу, как к ней приходить, чтобы батюшка с матушкой не узнали: «Ты не улицей ходи – переулочком. Ты не голосом кричи – соловьем свищи». А сама она в это время скажет родителям, что ей «худо можется, нездоровится», и уйдёт из-за стола «ко милу дружку» (1, 295–296). Похожие события развернутся потом в пьесе. Аналогичный прием литературной и песенной метафорической ремарки использует Островский, «монтируя» комедию «Бедность не порок». В первом действии мальчик Егорушка читает «Бову Королевича», приказчик Митя декламирует: «Что на свете преежестокое? – Преежестокое есть любовь!» (1, 333), бедный племянник купца Яша Гуслин поёт: «Нет то злей, постылее/ Злой сиротской доли» (1, 334), молодая вдова Анна Ивановна запекает: «Уж и как это видно,/ Коли кто кого любит» (1, 339), молодой купчик, сын богатого отца Гриша Разлюляев предпочитает иносказание: «Москве хочется жениться – / Коломну взять» (1, 339). Во втором действии песенные и стихотворные ремарки встречаются почти на каждой странице, не только дополняя или поясняя сюжет, но и создавая мощный полифонический подтекст, ассоциирующий пьесу не только с живой жизнью, но и с культурно-эстетическими вызовами той эпохи: демократически настроенная часть общества выдвинула идею защиты национальной самобытности.

Общекультурную ремарку как метафору Островский использует и в более поздних пьесах, цитируя Шекспира в «Лесе», Расина в «Талантах и поклонниках», а в целом постоянно расширяя культурно-исторический контекст драматургических произведений за счет номинативных и внутритекстовых ремарок.

И сами его пьесы о театре, в конечном итоге, представляют собой развернутую затекстовую авторскую ремарку по поводу устройства тогдашнего театрального дела, по поводу пристрастий публики, по поводу драматургии, и, несомненно, по поводу всех общественно-культурных процессов современной ему России.



Примечания

- ¹ *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1973–1980. Т. 1. С. 495. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием тома и страниц в скобках.
- ² *Григорьев А.П.* После «Грозы» Островского // Григорьев А.П. Сочинения. Т. 1. СПб., 1876. С. 114.
- ³ Там же.
- ⁴ См.: *Лакишин В.* А.Н. Островский (1843–1854) // *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1973. Т. 1. С. 492.
- ⁵ Там же. С. 488.
- ⁶ *Седова Е.В.* «Сцены» и «Картины»: к постановке проблемы (на материале пьес А.Н. Островского) // *Драма и театр.* Тверь, 2002. Вып. 4. С. 40.
- ⁷ *Оснотин И.И.* *Драматургия Л.Н. Толстого.* М., 1982. С. 87.

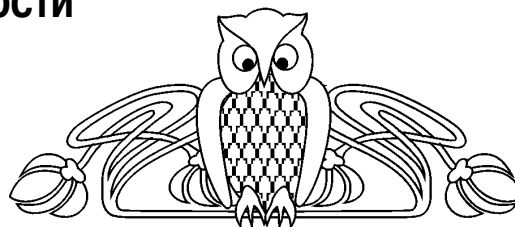
- ⁸ *Ходус В.П.* Ремавка в драматургическом тексте А.П. Чехова: стереотипичность и новые модели // *Изменяющийся языковой мир.* Пермь, 2001.
- ⁹ *Линин А.* Творчество А.Н. Островского. Ростов н/Д, 1937. С. 215.
- ¹⁰ См.: *Гаркави А.М.* А.Н. Островский – мастер сюжетосложения // *Жанр и композиция литературного произведения.* Калининград, 1974. С. 42–58.
- ¹¹ См.: *Агранович С.З.* Жанровое своеобразие «сцен» и «картин» в творчестве А.Н. Островского // *Проблемы истории и поэтики реализма.* Куйбышев, 1977. С. 108–118.
- ¹² *Седова Е.В.* Указ. соч. С. 43.
- ¹³ Цит. по: *Творчество А.Н. Островского.* М.; Л., 1923. С. 28.

УДК 821.111.09-4+929 Фаулз

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭССЕИСТИКЕ ДЖОНА ФАУЛЗА

С.А. Гарушьян

Саратовский государственный университет,
кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: garushyan@mail.ru



Эссеистика Джона Фаулза прямо выражает его взгляды на проблему английской национальной идентичности – стержневую тему для романов писателя. В статье сопоставляются два эссе – 1964 и 1982 г., рассматривается свойственная Фаулзу оппозиция английскости/британскости, то, как неприятие Британской империи поддерживает его критику викторианской Англии. Называя себя космополитом, Фаулз заявляет, что единственная сфера, где национализм органичен и уместен, – это искусство.

Ключевые слова: Джон Фаулз, национальная идентичность, эссеистика.

The Problem of National Identity in John Fowles' Essays

S.A. Garushyan

John Fowles's non-fiction is marked by openness and sincerity in expressing his standpoint on the problem of Englishness, touched upon in his major novels. Two essays, from 1964 and from 1982, are compared to explicate the evolution of author's views on Englishness/Britishness, his hatred of the British Empire strengthening his critique of Victorian England. Declaring himself a cosmopolitan, he states that Art is the only sphere where nationalism is natural and appropriate, for art is open, sincere and responsible.

Key words: John Fowles, national identity, essay writing.

В XX веке в философии, науке, искусстве происходит переосмысление концепции личности. Основное внимание уделяется постижению процесса самоидентификации личности. Трудность этого процесса заключается в том, что идентичность личности, т.е. «самоопределение личности по отношению к другим (другому), своим/

чужим»¹, не статична, находится в постоянном движении.

Идентичность имеет как постоянные характеристики (например, имя, половая принадлежность, родной язык, место рождения), так и изменяющиеся (гражданство, место жительства, профессия, религия). Существуют и коллективные идентичности: этнические, региональные, религиозные, половые и т.д. В зависимости от обстоятельств происходят изменения в структуре идентичности: смена преобладающих компонентов, возникновение новых, растворение старых.

Одной из разновидностей идентичности является национальная идентичность, понимаемая как совокупность «коллективных мнений, убеждений, настроений, которые характеризуют группу людей как нацию»². Именно это понятие приобретает особую актуальность в современном мире, находящемся под воздействием глобализационных процессов и противостоящего им антиглобализма.

Существует множество теорий наций и национальной идентичности. Этот вопрос изучался в рамках органицизма, модернизма, постмодернизма, этносимволизма, однако точка в этих исследованиях еще долго не будет поставлена – настолько предмет неоднозначен, обширен и сложен.

Национальная идентичность, как индивидуальная, так и коллективная, имеет иерархическую структуру: «верхний» слой – государственно-правовой, «нижний» – этнико-культурный. Выделяются также четыре аспекта национальной идентичности: исторический (нация имеет прошлое,



Примечания

- ¹ *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1973–1980. Т. 1. С. 495. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием тома и страниц в скобках.
- ² *Григорьев А.П.* После «Грозы» Островского // Григорьев А.П. Сочинения. Т. 1. СПб., 1876. С. 114.
- ³ Там же.
- ⁴ См.: *Лакшин В.* А.Н. Островский (1843–1854) // *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1973. Т. 1. С. 492.
- ⁵ Там же. С. 488.
- ⁶ *Седова Е.В.* «Сцены» и «Картины»: к постановке проблемы (на материале пьес А.Н. Островского) // *Драма и театр.* Тверь, 2002. Вып. 4. С. 40.
- ⁷ *Осннин И.И.* *Драматургия Л.Н. Толстого.* М., 1982. С. 87.

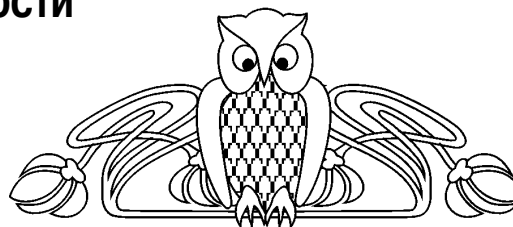
- ⁸ *Ходус В.П.* Ремавка в драматургическом тексте А.П. Чехова: стереотипичность и новые модели // *Изменяющийся языковой мир.* Пермь, 2001.
- ⁹ *Линин А.* Творчество А.Н. Островского. Ростов н/Д, 1937. С. 215.
- ¹⁰ См.: *Гаркави А.М.* А.Н. Островский – мастер сюжетосложения // *Жанр и композиция литературного произведения.* Калининград, 1974. С. 42–58.
- ¹¹ См.: *Агранович С.З.* Жанровое своеобразие «сцен» и «картин» в творчестве А.Н. Островского // *Проблемы истории и поэтики реализма.* Куйбышев, 1977. С. 108–118.
- ¹² *Седова Е.В.* Указ. соч. С. 43.
- ¹³ Цит. по: *Творчество А.Н. Островского.* М.; Л., 1923. С. 28.

УДК 821.111.09-4+929 Фаулз

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭССЕИСТИКЕ ДЖОНА ФАУЛЗА

С.А. Гарушьян

Саратовский государственный университет,
кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: garushyan@mail.ru



Эссеистика Джона Фаулза прямо выражает его взгляды на проблему английской национальной идентичности – стержневую тему для романов писателя. В статье сопоставляются два эссе – 1964 и 1982 г., рассматривается свойственная Фаулзу оппозиция английскости/британскости, то, как неприятие Британской империи поддерживает его критику викторианской Англии. Называя себя космополитом, Фаулз заявляет, что единственная сфера, где национализм органичен и уместен, – это искусство.

Ключевые слова: Джон Фаулз, национальная идентичность, эссеистика.

The Problem of National Identity in John Fowles' Essays

S.A. Garushyan

John Fowles's non-fiction is marked by openness and sincerity in expressing his standpoint on the problem of Englishness, touched upon in his major novels. Two essays, from 1964 and from 1982, are compared to explicate the evolution of author's views on Englishness/Britishness, his hatred of the British Empire strengthening his critique of Victorian England. Declaring himself a cosmopolitan, he states that Art is the only sphere where nationalism is natural and appropriate, for art is open, sincere and responsible.

Key words: John Fowles, national identity, essay writing.

В XX веке в философии, науке, искусстве происходит переосмысление концепции личности. Основное внимание уделяется постижению процесса самоидентификации личности. Трудность этого процесса заключается в том, что идентичность личности, т.е. «самоопределение личности по отношению к другим (другому), своим/

чужим»¹, не статична, находится в постоянном движении.

Идентичность имеет как постоянные характеристики (например, имя, половая принадлежность, родной язык, место рождения), так и изменяющиеся (гражданство, место жительства, профессия, религия). Существуют и коллективные идентичности: этнические, региональные, религиозные, половые и т.д. В зависимости от обстоятельств происходят изменения в структуре идентичности: смена преобладающих компонентов, возникновение новых, растворение старых.

Одной из разновидностей идентичности является национальная идентичность, понимаемая как совокупность «коллективных мнений, убеждений, настроений, которые характеризуют группу людей как нацию»². Именно это понятие приобретает особую актуальность в современном мире, находящемся под воздействием глобализационных процессов и противостоящего им антиглобализма.

Существует множество теорий наций и национальной идентичности. Этот вопрос изучался в рамках органицизма, модернизма, постмодернизма, этносимволизма, однако точка в этих исследованиях еще долго не будет поставлена – настолько предмет неоднозначен, обширен и сложен.

Национальная идентичность, как индивидуальная, так и коллективная, имеет иерархическую структуру: «верхний» слой – государственно-правовой, «нижний» – этнико-культурный. Выделяются также четыре аспекта национальной идентичности: исторический (нация имеет прошлое,



в котором происходили важные исторические события, нация также имеет будущее, перед которым несет ответственность); этический (люди, которые составляют нацию, разделяют некоторые черты, представления и принципы, которые отличают их от других); географический (данная группа людей прикрепляется к определенной географической местности) и культурный (общие ценности, вкусы, мироощущение). Совокупность всех этих факторов, а также то, как видят данную нацию другие народы, и составляет то, что, по словам М.К. Поповой, «в последние годы стали называть «английскость», «немецкость», «французскость», «русскость»³.

Большое значение для изучения национальной идентичности приобретает литература. Помимо того что литература используется как источник иллюстраций при исследованиях национальной идентичности политологами, культурологами и социологами, она фиксирует и формирует представления о национальной идентичности, и, разумеется, показателен сам выбор художественных средств, с помощью которых в литературе проявляется национальное начало. Категория же национальной идентичности, в свою очередь, служит способом понимания литературного процесса и отдельного произведения, категорией, все более востребованной в сегодняшней науке о литературе. В этом отношении представляется закономерным обращение к национальной проблематике в рамках изучения творчества английского писателя Джона Фаулза, тем более что тема национальной идентичности у него сквозная.

Сложность понимания национальной идентичности англичан заключается в сосуществовании двух феноменов: «британскости» и «английскости». Нетождественность этих понятий очевидна, однако трактовка их в значительной степени зависит от личности исследователя и от материала, с которым он работает. По мнению Пола Лэнгфорда, «поистине парадоксально то, что национальное государство, обладающее такой долгой историей и таким, по-видимому, обостренным чувством обособленности, могло быть настолько неуверенным относительно той нации или наций, которые составляют «Британию» <...> С точки зрения современной теории наций, вся эта риторика не более чем проявление английского империализма, создание централизованного государства на основе языка и образа британскости с тем, чтобы ослабить оппозиционные политические традиции и подавить национальные культуры»⁴. Сам исследователь так разграничивает эти два понятия: «Я намеренно не использую прилагательное «британский», описывая те характерные черты и особенности поведения, которые были преимущественно английскими, несмотря на то, что так поступали даже современники независимо от их национальной принадлежности. Причина этого проста. Трудно

найти какую-либо предположительно британскую особенность, которая на деле не совпадала бы с предположительно английской особенностью. Не менее трудно отыскать некую особенность, характерную для одной из так называемых кельтских наций, которая бы не являла собой полной противоположности английской особенностям. Английский характер был той движущей силой, которая подавляла кельтские претензии, когда надо было определить, что же делает Британию британской, точно так же, как англичане в свое время оттеснили самих так называемых кельтов к северной и западной окраинам Британских островов. Что же касается государственного устройства или правительственных институтов и обычаев, разделяемых представителями всех составных частей Британии или даже Британских островов, то здесь более уместно прилагательное «британский», даже если иные англичане неохотно пользуются им»⁵.

Обратим внимание на традиционное противопоставление кельтов и англосаксов, поскольку Фаулз, изучавший в Оксфорде французскую литературу и влюбленный во французскую культуру, часто использует «кельтскую» проблематику и образы в своих художественных произведениях, особенно в сборнике «Башня из черного дерева». Но делает он это в поисках истоков «английскости», именно к сути английского национального характера он ищет ключи в своих больших романах. Однако в его творчестве есть два эссе, которые посвящены исключительно проблематике национальной идентичности; рассмотрим эти прямые высказывания Фаулза о «британскости» и «английскости».

Как большинство писателей его поколения, на чьих глазах в середине XX в. происходил столь болезненный для национального самосознания процесс распада Британской империи, Джон Фаулз решительно противопоставляет «английскость» и «британскость». Более того, он стремится показать, что «британскость» не имеет никакого отношения к тому, что на самом деле составляет национальный английский характер. Как сказал писатель в одном из интервью, «я ненавижу Британскую империю, британский флаг, королеву. Но к англичанам у меня другое отношение. Англия для меня – это особый пейзаж, особый язык, особое поведение»⁶.

В своем понимании того, что значит быть англичанином, Фаулз исходит из собственной концепции личности, основанной на принципе свободы и суверенности при осознании необходимости «принять ограниченность собственной свободы, принять собственную изоляцию, принять эту ответственность и изучить свои собственные способности, а затем с их помощью сделать целое человечнее»⁷. И такие черты как одержимость личной свободой, обостренное чувство человеческого достоинства, нравственная щепетильность, нонконформизм, индивидуализм мышления и



поведения являются, по Фаулзу, константами английского национального характера.

Исследованию феномена «английскости» писатель посвятил свое эссе «Быть англичанином, а не британцем», опубликованное в 1964 г. на заре его литературной карьеры. В последующих своих произведениях Фаулз будет развивать идейные приоритеты, заявленные в этом эссе.

В эссе – два центральных образа: Зеленая Англия как квинтэссенция английскости и противостоящая ей Красно-сине-белая Британия как средоточие всего того, что английскости чуждо.

Зеленая Англия имеет две составляющие: географическую и мифологическую. Тот факт, что Англия по существу своему – остров, объясняет обособленность англичан, позволяет им быть наблюдателями в большей степени, чем участниками происходящего в мире. На эту особенность обращали внимание практически все исследователи английскости как у нас, так и за рубежом (например, М.В. Цветкова, М.К. Попова, Л. Колли, К. Уилсон)⁸. Еще в 1760 г. О. Голдсмит сказал: «Англичане не в меньшей степени отделены от остального мира окружающими их морями, чем отличаются от него своими манерами, нравами и стилем мышления»⁹.

Мифологическая составляющая основывается на легенде о Робин Гуде – «единственной национальной легенде, которую знали каждый англичанин и каждая англичанка, начиная по меньшей мере с 1400 года»¹⁰. Миф о Робин Гуде строится на принципе «сокрытия», бегства в метафорические зеленые леса. В представлении Фаулза здесь речь идет о таких английских поведенческих и психологических чертах, сущность которых может быть выражена известной формулой: «мой дом – моя крепость». Англичане предпочитают переживать свои эмоции, желания, излишества, экстазы вдали от чужих глаз, в убежище, открытое выражение чувств этой культурой не приветствуется. Отсюда их умение скрываться за маской, симулирующей согласие, когда они не согласны, улыбаться, когда они испытывают ненависть, говорить нечто абсолютно противоположное тому, что они на самом деле имеют в виду. И лишь в искусстве («наедине с собой – среди деревьев») проявляются «богатство воображения, чувство юмора, меланхоличность, холерический темперамент, чувство горечи, сентиментальность, собственнический инстинкт, искренность, чрезмерная и осложненная сексуальность, способность глубоко погружаться в личные переживания – все характерные черты, <...> нашедшие свое выражение в одном из самых откровенно английских документов – в сонетах Шекспира»¹¹.

Зеленая Англия так или иначе есть в творениях всех великих англичан – художников и музыкантов, писателей и поэтов. В произведениях Фаулза непременно присутствует некая «заповедная» территория (например, остров Фракос в «Маге», поместье Котминэ в «Башне из черного

дерева» и т.д.). Это уединенное место вдали от цивилизации, где воображение ничем не связано, не ограничено: здесь, в пространственной и временной изоляции от общества, герой постигает себя и смысл своей жизни.

Безграничная любовь, которой пропитано каждое слово Фаулза о Зеленой Англии, сменяется столь же безграничной ненавистью по отношению к военной, империалистической, ханжеской Красно-сине-белой Британии. Этот образ создавался на протяжении веков, а во время правления королевы Виктории прочно укрепился в литературе и сознании людей. Поэтому не удивительно, что «до сих пор наши представления о подлинно английском, о чертах национального характера основываются на тех стереотипах, которые окончательно сложились в эпоху викторианства: английская чопорность и сдержанность, образ настоящего английского джентльмена, верность традициям, консерватизм, четкая стратификация английского общества, нелюбовь к иностранцам»¹².

Фаулз ставит диагноз Британии: мания величия, мания справедливости, вялость этики, моральный ступор (нужно заметить, что такая характеристика будет поддержана и в последующих произведениях писателя, например, в романе «Женщина французского лейтенанта» он также поставит диагноз викторианской эпохе: «клаустрофилия» – боязнь всего открытого). Этим он показывает, насколько неоправдана лелеемая многими англичанами доныне ностальгия по утраченной империи.

Британия воспитывала своих граждан на мифе об исключительности и могуществе англичан, умело эксплуатируя при этом некоторые черты, изначально им присущие, в результате чего они приобрели прямо-таки гротескный вид. Так, английское стремление к справедливости стало оправданием стремления к силе и власти. Фаулз так говорит об этом: «...грязные английские средства всегда в конце концов получают отличную возможность очиститься изнутри, благодаря добродетельности английских целей. Вот это очищение и прямо-таки пуританская увлеченность идеей справедливости и есть для меня квинтэссенция английскости»¹³. Но это не та «английскость», в которую верит автор, оттого и говорит он о ней с большой долей иронии и даже неприязни. Отсюда и такие эпитеты для англичан периода империи: «так ужасающе, так фригидно справедливы», «высокомерно справедливы», «ханжи все до единого»¹⁴. Фаулз высмеивает эти «типично английские» черты, пусть ставшие общим местом и воспринимаемые как очевидные, однако, как он показывает, навязанные англичанам извне и коренным образом им чуждые. И потому в романе «Маг» главный герой Николас, «сто-процентный англичанин», обречен пройти через испытания, чтобы очиститься от всего наносного и ненастоящего для обретения себя подлинного.



Так ранний Фаулз решает «Великую Английскую Дилемму», которая долгое время являлась причиной глубокой неуверенности англичан относительно национальной идентичности после распада империи и образования на ее обломках Содружества наций.

Восемнадцать лет спустя он, уже давший в романах и прозе разностороннее исследование английского характера, вновь вынужден обратиться к жанру эссе для высказывания на эти темы. Война с Аргентиной за Фолклендские острова, «маленькая победная война», которой так гордились правительство М. Тэтчер и официальная пропаганда, заставляет писателя прибегнуть к оперативному публицистическому жанру. Результатом становится эссе Фаулза 1982 г. «Фолклендские острова, или Предсказанная смерть».

Несомненно, писатель был потрясен бессмысленностью и трагизмом событий на Фолклендских островах. Однако эти события вполне в духе времени. Причины произошедшего он видит, во-первых, в глобальной проблеме человечества – перенаселенности: «Перенаселенность, со всеми тревогами, какие она с собой несет, создает для властной элиты – правой или левой – прекрасную возможность найти любые оправдания, использовать любые рычаги управления. В экстремальных ситуациях она служит оправданием и терроризму, и введению чрезвычайного положения»¹⁵. Во-вторых, это невообразимо широкое распространение массовой медиа и гегемония рекламы, делающей внешний вид важнее качества продукта.

С помощью этих средств оказывается воздействие на самую древнюю сферу человеческого сознания, отвечающую за удовлетворение примитивных потребностей и за выживание («весь этот комплекс инстинктов и ощущений, которые мы получаем в наследство как от нашего доисторического, так и исторического прошлого, эту древнюю кладовку видового сознания, доверху забитую тотемами и фетишами, страхами и невежеством, эгоизмом и недомыслием»¹⁶). Фаулз называет ее «древняя душа». Ее легко активизировать – для чего требуются всего несколько националистических лозунгов, несколько фраз и образов, – потому что она работает на уровне инстинктов, которыми человек не может управлять – они ведут его. Вот так народ Британии (самой старой и многоопытной из всех демократий мира) «вдруг превратился в не что иное, как племя людей каменного века, в благоговейном ужасе взирающее на шамана»¹⁷.

XX век показал, насколько еще сильно в нас первобытное начало: власть ритуала и жажда власти, жажда новых территорий за чужой счет, стремление мстить врагам и инакомыслящим, самоназначенные «олигархии», ксенофобия. Миром управляет темное, злое, животное начало, и при этом всему человеческому, индивидуальному не остается шансов на выживание.

Более всего писателя тревожит положение в Британии. Принято считать, что после 1945 г. и распада империи родилось бесклассовое, открытое, «реалистическое общество». У Фаулза это утверждение вызывает лишь горькую иронию: если бы так было, то ситуация с Фолклендами была бы просто невозможна, как невозможно было бы и само правительство в стиле миссис Тэтчер. В качестве доказательства он упоминает о наличии в Великобритании всеми почитаемого «кланового тотема периода неолита» – института монархии. Правда, больше всего Фаулза удручает не само его наличие, а марионеточная роль монархии: «Беда конституционно укрощенной монархии в том, что ей приходится, согласно воле тех, в чьих руках реальная власть, по первому требованию становиться то жокаем шовинистической банды, то тамбур-мажором заселения страны, превратившегося в miles gloriosus¹⁸, то зарвавшимся воякой»¹⁹.

Писатель выносит приговор Британии. Если в раннем своем эссе он говорил лишь о том, что сам не желает быть британцем, то теперь сама Красно-бело-синяя имперская Британия не имеет права на существование. Она – дело истории, фикция: «Мы не можем вечно двигаться в будущее задом наперед: слишком высокую цену приходится платить за пустую видимость, хоть она и представляет собой весьма пышное зрелище»²⁰.

Национализму нет места на плечу человечества, иначе человечеству грозит небытие. Фаулз снова приходит к этой мысли через двадцать лет после того, как в «Аристосе» он написал: «Истинная сфера применения национализма – это не политика, а искусство и культура»²¹. Только настоящие художники в силу своей профессии могут в полной мере осознавать и предвидеть, какой мощью могут обладать слово и образ и как могут быть последствия, если использовать их мощь во зло.

Тема национального у Фаулза реализуется своеобразно, как бы от противного. Писатель идет по пути разрушения сложившихся в отношении англичан стереотипов. Даже представления англичан о самих себе он подвергает критике, а подчас даже осмеянию, обвиняя их в неспособности трезво и открыто взглянуть на положение дел. Свою позицию автор высказывает предельно открыто, без обиняков, что подчас звучит грубо, оттого, видимо, что предмет обсуждения чрезвычайно его тревожит. Фаулз не является политически нейтральным писателем, несмотря на его заверения о непринадлежности ни к одной из существующих партий, но и политизированность его произведений возрастает, как мы увидели на примере рассмотренных эссе. Если в первом эссе есть положительный образ Зеленой Англии, противопоставляемый «военной, империалистической» Британии и Европе «обжигающего, черного, циничского опыта»²², то во втором осуждается любой национализм как угроза существованию



человечества на земле. В то же время это вызывает подозрение об авторской игре с читателем. Например, отчаянно отстаивая в себе англичанина в рассмотренных нами эссе, он забывает о том, что практически одновременно, но в другом эссе утверждает, что он и англичанином-то быть не хочет, что он – мега-европеец (а это для него и Европа, и Америка, и Россия, и те страны, где, по существу, европейская культура²³). Так Фаулз всегда остается верен себе и никогда не может быть до конца понят – открыт – читателем, его тексты следует воспринимать в динамике пост-модернистского плюрализма.

Примечания

- ¹ Кабанова И.В. Теории национальной идентичности // Филологические записки: Вестн. литературоведения и языкознания. Вып. 24. Воронеж, 2006. С. 210.
- ² Там же.
- ³ Попова М.К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. Воронеж, 2004. С. 24.
- ⁴ Langford P. Englishness Identified: Manners and Character 1650 – 1850. Oxford, N.Y., 2000. P. 12–13.
- ⁵ Ibid.
- ⁶ Цит. по: Цехановская Л. Английский национальный характер в романе Джона Фаулза «Дэниел Мартин» // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1986. Вып. 727. С. 96.

- ⁷ Фаулз Дж. Аристос. М., 2002. С. 412.
- ⁸ См.: Национальная ментальность и национальные литературы в (пост) имперскую эпоху / М.К. Попова, П.А. Бороздина, Т.А. Тернова. Воронеж, 2006. С. 20.
- ⁹ Цит. по: Национальная ментальность... С. 21.
- ¹⁰ Фаулз Дж. Быть англичанином, а не британцем // Фаулз Дж. Кротовые норы. М., 2004. С. 150.
- ¹¹ Там же. С. 156.
- ¹² Фадеева С.А. Образ викторианской Англии и проблема национально-культурной идентичности в романе Р. Олдингтона «Дочь полковника» // Проблема национальной идентичности в литературе и гуманитарных науках XX в.: Лекции и материалы Зимней школы. Т. 2. Воронеж, 2000. С. 81.
- ¹³ Фаулз Дж. Быть англичанином... С. 145.
- ¹⁴ Там же. С. 146.
- ¹⁵ Фаулз Дж. Фолклендские острова, или Предсказанная смерть // Фаулз Дж. Кротовые норы. С. 180.
- ¹⁶ Там же. С. 181.
- ¹⁷ Там же. С. 184.
- ¹⁸ Славные воины (лат.).
- ¹⁹ Фаулз Дж. Фолклендские острова... С. 187.
- ²⁰ Там же. С. 188.
- ²¹ Фаулз Дж. Аристос. С. 284.
- ²² Фаулз Дж. Быть англичанином... С. 157.
- ²³ Фаулз Дж. Я пишу, следовательно, я существую // Фаулз Дж. Кротовые норы. С. 39.

УДК 821.161.1.09- 31+929 Пастернак

РОЛЬ ИМПРЕССИОНИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ В РОМАНЕ Б. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

Л.И. Ермолов

Саратовский государственный университет,
кафедра новейшей русской литературы
E-mail: lelik_star@inbox.ru

В статье рассматривается роль импрессионистических приемов в характеросложении, сюжете и композиции романа «Доктор Живаго»; значение импрессионистического стиля для создания художественной реальности произведения.

Ключевые слова: Пастернак, «Доктор Живаго», импрессионизм, субъективный, стиль, впечатление, изменчивые переживания, поэтика.

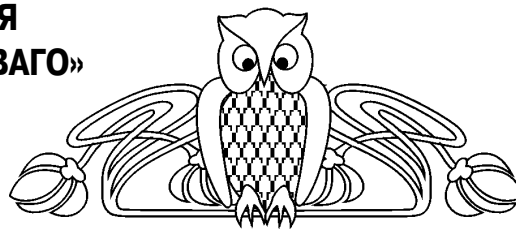
Impressionistic Style in B. Pasternak's Novel «Doctor Zhivago»

L.I. Ermolov

This article analyzes the role of impressionistic devices in making characters, plot and composition of the novel «Doctor Zhivago»; the importance of impressionistic style in creating the novel.

Key words: Pasternak, «Doctor Zhivago», impressionism, subjective, style, impression, changing emotions, poetics.

О влиянии импрессионистического стиля в художественных произведениях Б. Пастернака,



особенно в романе «Доктор Живаго», свидетельствуют замечания в статьях о литературе, письма разных лет. Вот как он говорит об этом в письме к Курту Вольфу: «то, что для французских импрессионистов значили воздух и свет, и то, как они писали увиденное, а не названное, – это для меня единый и всеобъемлющий принцип, или мое собственное устремление»¹. И далее: «сама жизнь охвачена стремительным движением» и в ней «все присутствует и совершается, будто это нескончаемое вдохновение, выбор и свобода. *Стиль моего письма, моя поэтика посвящены усилению и передаче этой стороны действительности, ее общего потока (курсив мой. – Л.Е.)*»².

«Импрессионизм (от фр. impression – впечатление) – одно из направлений в искусстве, основанное на принципе непосредственной фиксации художником своих субъективных наблюдений и впечатлений от действительности, изменчивых ощущений и переживаний»³. В этом определении



человечества на земле. В то же время это вызывает подозрение об авторской игре с читателем. Например, отчаянно отстаивая в себе англичанина в рассмотренных нами эссе, он забывает о том, что практически одновременно, но в другом эссе утверждает, что он и англичанином-то быть не хочет, что он – мега-европеец (а это для него и Европа, и Америка, и Россия, и те страны, где, по существу, европейская культура²³). Так Фаулз всегда остается верен себе и никогда не может быть до конца понят – открыт – читателем, его тексты следует воспринимать в динамике пост-модернистского плюрализма.

Примечания

- ¹ Кабанова И.В. Теории национальной идентичности // Филологические записки: Вестн. литературоведения и языкознания. Вып. 24. Воронеж, 2006. С. 210.
- ² Там же.
- ³ Попова М.К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. Воронеж, 2004. С. 24.
- ⁴ Langford P. Englishness Identified: Manners and Character 1650 – 1850. Oxford, N.Y., 2000. P. 12–13.
- ⁵ Ibid.
- ⁶ Цит. по: Цехановская Л. Английский национальный характер в романе Джона Фаулза «Дэниел Мартин» // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1986. Вып. 727. С. 96.

- ⁷ Фаулз Дж. Аристос. М., 2002. С. 412.
- ⁸ См.: Национальная ментальность и национальные литературы в (пост) имперскую эпоху / М.К. Попова, П.А. Бороздина, Т.А. Тернова. Воронеж, 2006. С. 20.
- ⁹ Цит. по: Национальная ментальность... С. 21.
- ¹⁰ Фаулз Дж. Быть англичанином, а не британцем // Фаулз Дж. Кротовые норы. М., 2004. С. 150.
- ¹¹ Там же. С. 156.
- ¹² Фадеева С.А. Образ викторианской Англии и проблема национально-культурной идентичности в романе Р. Олдингтона «Дочь полковника» // Проблема национальной идентичности в литературе и гуманитарных науках XX в.: Лекции и материалы Зимней школы. Т. 2. Воронеж, 2000. С. 81.
- ¹³ Фаулз Дж. Быть англичанином... С. 145.
- ¹⁴ Там же. С. 146.
- ¹⁵ Фаулз Дж. Фолклендские острова, или Предсказанная смерть // Фаулз Дж. Кротовые норы. С. 180.
- ¹⁶ Там же. С. 181.
- ¹⁷ Там же. С. 184.
- ¹⁸ Славные воины (лат.).
- ¹⁹ Фаулз Дж. Фолклендские острова... С. 187.
- ²⁰ Там же. С. 188.
- ²¹ Фаулз Дж. Аристос. С. 284.
- ²² Фаулз Дж. Быть англичанином... С. 157.
- ²³ Фаулз Дж. Я пишу, следовательно, я существую // Фаулз Дж. Кротовые норы. С. 39.

УДК 821.161.1.09- 31+929 Пастернак

РОЛЬ ИМПРЕССИОНИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ В РОМАНЕ Б. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

Л.И. Ермолов

Саратовский государственный университет,
кафедра новейшей русской литературы
E-mail: lelik_star@inbox.ru

В статье рассматривается роль импрессионистических приемов в характеросложении, сюжете и композиции романа «Доктор Живаго»; значение импрессионистического стиля для создания художественной реальности произведения.

Ключевые слова: Пастернак, «Доктор Живаго», импрессионизм, субъективный, стиль, впечатление, изменчивые переживания, поэтика.

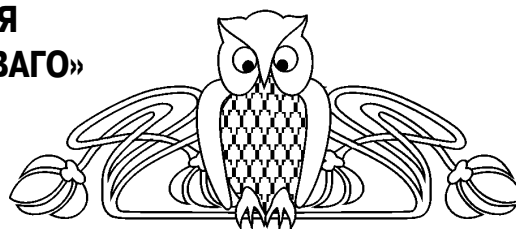
Impressionistic Style in B. Pasternak's Novel «Doctor Zhivago»

L.I. Ermolov

This article analyzes the role of impressionistic devices in making characters, plot and composition of the novel «Doctor Zhivago»; the importance of impressionistic style in creating the novel.

Key words: Pasternak, «Doctor Zhivago», impressionism, subjective, style, impression, changing emotions, poetics.

О влиянии импрессионистического стиля в художественных произведениях Б. Пастернака,



особенно в романе «Доктор Живаго», свидетельствуют замечания в статьях о литературе, письма разных лет. Вот как он говорит об этом в письме к Курту Вольфу: «то, что для французских импрессионистов значили воздух и свет, и то, как они писали увиденное, а не названное, – это для меня единый и всеобъемлющий принцип, или мое собственное устремление»¹. И далее: «сама жизнь охвачена стремительным движением» и в ней «все присутствует и совершается, будто это нескончаемое вдохновение, выбор и свобода. *Стиль моего письма, моя поэтика посвящены усилению и передаче этой стороны действительности, ее общего потока (курсив мой. – Л.Е.)*»².

«Импрессионизм (от фр. impression – впечатление) – одно из направлений в искусстве, основанное на принципе непосредственной фиксации художником своих субъективных наблюдений и впечатлений от действительности, изменчивых ощущений и переживаний»³. В этом определении



главную роль получают такие свойства искусства («непосредственность», «субъективность наблюдений и впечатлений», «изменчивость переживаний»), которые были особенно близки Б. Пастернаку.

В черновых набросках к «партизанским главам» «Доктора Живаго» Пастернак ставил цель дать «яркое, внешнее, пестро импрессионистическое изображение». Как же воплощается это желание писателя в эпизодах лесного пленения доктора? Доктор гуляет в лесу, около партизанского лагеря. Он смотрит на землю, усыпанную опавшими листьями, и ему представляется, что они «легли в клетку, шашками, на лужайку. Также ложились лучи солнца на их золотой ковер»⁴. Внезапно ощущение золотого, состоящего из шашечек лиственного ковра и играющего на нем солнца производит такой эффект в восприятии доктора: «В глазах рябило от этой двойной, скрепящейся пестроты» (341).

Стиль романа передает в этом эпизоде своеобразные, причудливые ассоциации, возникающие в сознании доктора Живаго. Импрессионистические зарисовки природы воспроизводят «субъективные», «изменчивые переживания».

А вот другой, более сложный пример. Слушая солдатку Кубариху, заговаривающую корову, Юрий Живаго сначала подозревает в ее словах «начальные места какой-то летописи», затем эта догадка переходит в размышления о судьбе Лары. От этого размышления его отрывает мысль о том, что он все еще в плену и далек от нее. И тут «у Юрия Андреевича стало мутиться в глазах и голове. Все *поплыло перед ним*. В это время вместо ожидаемого снега начал накрапывать дождь. *Как перекинутый над городской улицей от дома к дому плакат на большущем полотнище, протянулся в воздухе с одной стороны лесной прогалины на другую расплывчатый, во много раз увеличенный призрак одной удивительной боготворимой головы. И голова плакала, а усиливающийся дождь целовал и поливал ее* (курсив мой. – Л.Е.)» (363).

Сильное, бессознательное чувство любви и жажды увидеть любимую приводят героя к неожиданному видению, нарушающему привычное состояние действительности. Конечно, никто из партизан не видит этот образ, он возникает только перед глазами Юрия и показан через его сознание. Мы выделили в тексте то неожиданное смещение, которое происходит в воображении героя. Реалии окружающего мира – лесная прогалина, дождь, воздух – сливаются с видением, с «увеличенным во много раз призраком боготворимой головы». На образно-стилевым уровне происходит соединение реалий объективной действительности и субъективных представлений сознания героя, стиль совмещает «реалистический» и «импрессионистический», субъективный дискурсы.

Импрессионистическая составляющая романного стиля возникает, как правило, в тех случаях, когда изменяется привычное восприятие действи-

тельности персонажем, т.е. событие показывается «его глазами». Близкую и в то же время иную роль играет импрессионизм в стихотворениях Юрия Живаго. О том, как работал доктор над стихотворениями, повествуется в «Юрятинской главе», но еще раньше этот способ возник в сцене похорон Анны Громеко. Возвращаясь с кладбища, Живаго хочет написать стихотворение в память о покойнице, в которое «он вставит все, что ему к той минуте подвернется, все случайное, что ему подsunет жизнь: две-три лучших отличительных черты покойной; образ Тони в трауре; несколько уличных наблюдений по пути назад с кладбища; стираное белье на том месте, где давно когда-то ночью завывала вьюга и он плакал маленьким» (92).

В «Юрьевой тетради» это стихотворение отсутствует. Однако движение мотивов других стихотворений, образное их наполнение дает основание для сопоставления с «замыслом» поэта Живаго. В них входят впечатления доктора, реально пережитое в «смещенном виде». «Субъективность», «изменчивость переживаний» присуща и большинству стихотворений. Но, кроме того, многие произведения поэтической книги доктора напоминают работу над образами художников-импрессионистов: «Они начали писать <...> несмешанными красками и за счет техники отдельных мазков, располагая одну краску с другой, заставляли цвет посредством контрастности сочетаний сиять, добивались эффекта чисто живописного впечатления»⁵.

«Техника живописных мазков» присуща и поэтическому стилю Живаго. Вот, например, как изображается осенняя природа и состояние души поэта:

И вот я здесь с тобой в сторожке,
В лесу безлюдно и пустынно.
Как в песне, стежки и дорожки
Позаросли наполовину.
Еще пышней и бесшабашней
Шумите, осыпайтесь листья,
И чашу горечи вчерашней
Сегодняшней тоской превысьте (521).

Будто ложатся отдельные мазки: образы поэта и его любимой («я здесь с тобой»), состояние природы («в лесу безлюдно и пустынно»), состояние души героя («И чашу горечи вчерашней сегодняшней тоской превысьте»), состояние природы («Еще пышней и бесшабашней шумите, осыпайтесь листья»). Эти «мазки» «раздельны» и противопоставлены, «контрастны» друг другу. В лирическое целое их объединяет отрицательный параллелизм: герой «вместе» с героиней – в лесу «никого», «пустынно»; у героя на душе горечь и тоска – листья «равнодушны» к нему, живут своей жизнью – они «пышней и бесшабашней» осыпаются на землю.

Другой пример – стихотворение «Сказка». Чувство победившего Георгия и освобожденной им царевны передается поэтом так:



Но сердца их бьются,
То она, то он
Сияются очнуться
И впадают в сон (524).

Здесь интересно описание некоего «за-предельного» состояния, в котором находятся герои и сама жизнь вокруг них. Оно – предельно субъективное – дается «импрессионистической техникой» прерывистых и контрастных отдельных мазков:

Сомкнутые веки.
Выси. Облака.
Воды. Броды. Реки.
Годы и века (524).

Стилевое своеобразие отрывка состоит в том, что в нем образы соплагаются как короткие «мазки». Поэт совмещает такие разные, «несовместимые» на первый взгляд образы, как сон («сомкнутые веки»), небо («Выси. Облака»), земная природа («Воды. Броды. Реки»), время. Каждое слово – отдельный образ – контрастирует с соседним и в то же время входит в единую картину «огромности» и «протяженности», и за счет этих контрастов создается необычное ощущение «простора», «бесконечности» и необъяснимой грусти, поскольку в этих просторах пустынно, нет ни души.

Импрессионистичность свойственна не только образам человеческого сознания или поэтического преображения действительности, но и самой объективной действительности, изображенной в романе. Это проявляется в «авторских метафорах», соединяющих реалии романной действительности и авторские ассоциации. Например: «Солнце палило недожатые полосы, как полуобри-тые арестантские затылки» (10); «с неба оборот за оборотом бесконечными мотками падала на землю белая ткань, обвивая ее погребальными пеленами»

УДК 82.0–2

«Я НИЧЕГО ШЕДЕВРИАЛЬНОГО НЕ ЗАМЕТИЛ» (к проблеме зрительского высказывания как интерпретационной ремарки)

А.Н. Зорин

Саратовский государственный университет,
кафедра общего литературоведения и журналистики
E-mail: art-zorin@yandex.ru

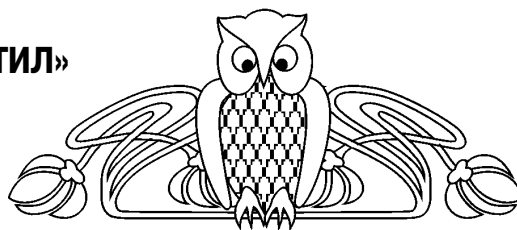
Теория драмы и театральная процесс с момента зарождения режиссерского театра тесно переплетены и взаимообусловлены. Интерпретационные открытия литературоведов и режиссеров находятся в отношениях взаимовлияния. Проблема восприятия (принятия/непринятия) аудиторией нового, стилистически и образно прорывного прочтения классики ставит вопрос об актуальности позиций российского искусства в мировой культурной ситуации. Анализ зрительских ремарок интернет-критики в адрес постановок классики одного из самых ярких российских театров

(8); «Склонив колосья, пшеница тянулась в струнку среди совершенного безветрия или высилась в крестцах далеко от дороги, где при долгом вглядывании принимала вид движущихся фигур, словно это ходили по краю горизонта землемеры и что-то записывали» (10). Кому принадлежат эти слова, кто создает эти метафоры – ведь действительность здесь не передается через сознание персонажей, не отражается в тексте в виде их восприятия? В данном случае «техника отдельных мазков», сопоставление разноприродных образов передает то, как эта действительность «пишется», т.е. то, как автор сочиняет произведение, работая над образами, стараясь более осязаемыми средствами передать состояние самой действительности.

Итак, можно выделить две функции, присутствующие импрессионистическому стилю в романе. На уровне персонажей он дает непосредственность, субъективность восприятия окружающего мира героями произведения, а на авторском уровне отражает процесс создания романа, вбирает немотивированные внутрисобытийным романским контекстом авторские ассоциации.

Примечания

- ¹ Пастернак Б. Из переписки с Куртом Вольфом // Знамя. 2004. № 9. С. 125–126.
- ² Там же.
- ³ Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М., 1966. Т. 3. С. 112.
- ⁴ Пастернак Б.Л. Собр. соч.: В 5 т. М., 1991. Т. 3. С. 341. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ⁵ Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина / Институт науч. информации по общественным наукам РАН. М., 2003. С. 297.



открывает картину истинных интерпретационных перспектив русской драмы, зависящей от потребительской аудитории.

Ключевые слова: теория драмы, проблема восприятия, зрительская ремарка, интернет-критика.

«Nothing Struck Me as Great» (Theatre-Goer's Opinion as Interpretational Remark)

A.N. Zorin

Drama theory and theatre from the beginnings of director's theatre have been in close contact and interdependence. Discoveries in the field of interpretation made by literary scholars and directors influ-



Но сердца их бьются,
То она, то он
Сияются очнуться
И впадают в сон (524).

Здесь интересно описание некоего «за-предельного» состояния, в котором находятся герои и сама жизнь вокруг них. Оно – предельно субъективное – дается «импрессионистической техникой» прерывистых и контрастных раздельных мазков:

Сомкнутые веки.
Выси. Облака.
Воды. Броды. Реки.
Годы и века (524).

Стилевое своеобразие отрывка состоит в том, что в нем образы соплагаются как короткие «мазки». Поэт совмещает такие разные, «несовместимые» на первый взгляд образы, как сон («сомкнутые веки»), небо («Выси. Облака»), земная природа («Воды. Броды. Реки»), время. Каждое слово – отдельный образ – контрастирует с соседним и в то же время входит в единую картину «огромности» и «протяженности», и за счет этих контрастов создается необычное ощущение «простора», «бесконечности» и необъяснимой грусти, поскольку в этих просторах пустынно, нет ни души.

Импрессионистичность свойственна не только образам человеческого сознания или поэтического преображения действительности, но и самой объективной действительности, изображенной в романе. Это проявляется в «авторских метафорах», соединяющих реалии романной действительности и авторские ассоциации. Например: «Солнце палило недожатые полосы, как полуобри-тые арестантские затылки» (10); «с неба оборот за оборотом бесконечными мотками падала на землю белая ткань, обвивая ее погребальными пеленами»

УДК 82.0–2

«Я НИЧЕГО ШЕДЕВРИАЛЬНОГО НЕ ЗАМЕТИЛ» (к проблеме зрительского высказывания как интерпретационной ремарки)

А.Н. Зорин

Саратовский государственный университет,
кафедра общего литературоведения и журналистики
E-mail: art-zorin@yandex.ru

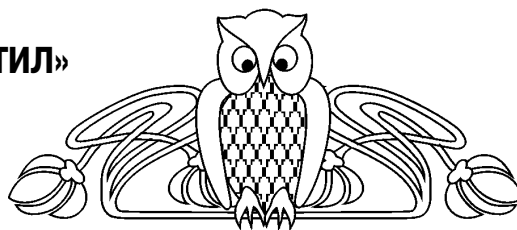
Теория драмы и театральные процессы с момента зарождения режиссерского театра тесно переплетены и взаимообусловлены. Интерпретационные открытия литературоведов и режиссеров находятся в отношениях взаимовлияния. Проблема восприятия (принятия/непринятия) аудиторией нового, стилистически и образно прорывного прочтения классики ставит вопрос об актуальности позиций российского искусства в мировой культурной ситуации. Анализ зрительских ремарок интернет-критики в адрес постановок классики одного из самых ярких российских театров

(8); «Склонив колосья, пшеница тянулась в струнку среди совершенного безветрия или высилась в крестцах далеко от дороги, где при долгом вглядывании принимала вид движущихся фигур, словно это ходили по краю горизонта землемеры и что-то записывали» (10). Кому принадлежат эти слова, кто создает эти метафоры – ведь действительность здесь не передается через сознание персонажей, не отражается в тексте в виде их восприятия? В данном случае «техника раздельных мазков», сопоставление разноприродных образов передает то, как эта действительность «пишется», т.е. то, как автор сочиняет произведение, работая над образами, стараясь более осязаемыми средствами передать состояние самой действительности.

Итак, можно выделить две функции, присутствующие импрессионистическому стилю в романе. На уровне персонажей он дает непосредственность, субъективность восприятия окружающего мира героями произведения, а на авторском уровне отражает процесс создания романа, вбирает немотивированные внутрисобытийным романским контекстом авторские ассоциации.

Примечания

- ¹ Пастернак Б. Из переписки с Куртом Вольфом // Знамя. 2004. № 9. С. 125–126.
- ² Там же.
- ³ Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М., 1966. Т. 3. С. 112.
- ⁴ Пастернак Б.Л. Собр. соч.: В 5 т. М., 1991. Т. 3. С. 341. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ⁵ Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина / Институт науч. информации по общественным наукам РАН. М., 2003. С. 297.



открывает картину истинных интерпретационных перспектив русской драмы, зависящей от потребительской аудитории.

Ключевые слова: теория драмы, проблема восприятия, зрительская ремарка, интернет-критика.

«Nothing Struck Me as Great» (Theatre-Goer's Opinion as Interpretational Remark)

A.N. Zorin

Drama theory and theatre from the beginnings of director's theatre have been in close contact and interdependence. Discoveries in the field of interpretation made by literary scholars and directors influ-



ence each other. The audiences' reception of new interpretations of classical drama posits the question of assessment of Russian theatre against the current global cultural background. Theatre-goers' assessments of classics staged in one of the leading Russian theatres and drawn from the Internet offers a new perspective on Russian drama in the situation of dependence on the audience of consumers.

Key words: drama theory, perception problem, theatre-goer's opinion, Internet-criticism.

Процесс обмена информацией между сценой и залом – Патрис Пави определяет его термином «театральная коммуникация»¹ – до недавнего времени, за исключением особых случаев хэппенинга, в качестве средств ответной реакции зала сцене располагал весьма малым арсеналом: аплодисментами, смехом и, в крайнем случае, свистом. Актеры старой школы поведение публики на спектакле способны были предугадать. В репетиционных тетрадах народного артиста России И.А. Слонова и заслуженных артистов России П.А. Карганова и Г.И. Сальникова (игравших в начале XX в. на сцене Саратовского театра драмы), как вспоминают их коллеги, встречаются пометки из двух букв – «ЧП», что означает «чапчики», проще говоря, аплодисменты. При этом паузные или иные ремарки, прописанные автором пьесы, редко совпадают с предполагаемой артистами зрительской реакцией – публика руководствуется какими-то иными предпочтениями. Известно, что реакция премьерной публики заставила Чехова внести поправки в «Чайку», а Гоголь «Ревизора» в этом смысле правил бесконечное множество раз.

Зрители прошлых веков оценивали спектакль не только непосредственно, в зале, но и публикациями в прессе или письмами, адресованными в театр. В XVIII–XIX в. уровень зрительской образованности ограничивался несколькими рядами партера, все публичные оценки спектаклей принадлежали профессионалам. В XX в. пресса подвергалась строгой цензуре, и критические высказывания касались, по большей части, идеологической стороны театрального произведения. XXI век дал возможность значительной части зрительского зала выражать свое отношение к сценическому произведению интерактивным способом – посредством Интернета. Обсуждение на сайтах и в блогах идет, как правило, сразу же после спектакля, не ограничено по времени, никем не цензурируется, возможно использование псевдонимов (различных ников), нередко представители театра или постановочной группы участвуют в таком обмене мнениями в режиме он-лайн.

И.М. Клейнер считал, что серьезное изучение драматургии любого автора возможно лишь в случае перенесения этого изучения в плоскость театра. «Только такое исследование драматических произведений, которое привлечет к себе одновременно с выяснением литературных достоинств и сценическую технику, технику актера, публику, театральное здание, – словом, все то, что обуславливает драматическое представление,

сумеет окончательно раскрыть и объяснить нам того или другого драматурга»².

Без попытки предугадать и тем самым учесть предполагаемые ожидания зрительского зала не может обойтись театральная практика. И в то же время «зрительское искусство» (термин Б. Брехта) изучено весьма поверхностно. Д. Марини, говоря об общих законах коммуникации, указывает, во-первых, на необходимость «физического присутствия передающего и реципиента», во-вторых, на «совпадение создания и коммуникации»³ (Брехт, постоянно предпринимавший попытки понять механизм восприятия сценического произведения, сделал вывод, что зритель не просто понимает ситуацию и смысл диалогов спектакля – через вымышленную историю на сцене он осознает свою собственную историю, оценивает ее на фоне вымысла и «возвращает» спектаклю в виде непосредственной реакции или опосредованно – через высказывание.) Тем самым, добавим мы, на уровне ремарок комментирует происходящее на сцене, естественно, ставя целью скорректировать режиссерскую интерпретацию сообразно собственным представлениям.

Для отечественного литературоведения проблема изучения обратной связи автора и читателя, адресата, реципиента давно уже вышла на первый план, но начата была еще работами А.И. Белецкого, Р. Ингардена, В. Изера, Р. Барта⁴ и др. Для современного отечественного театра история зрителя остается неисследованной. Риторическая методология советского периода уже не применима к живой театральной ситуации, а прямолинейные трактовки менеджментских исследований, скорее, увеличивают разрыв между необходимостью изучения зрительского сотворчества и воспитываемых вкусов и утверждающейся теорией удовлетворения массовой потребности в зрелище.

Употребляя термин «ремарка» по отношению к зрительскому высказыванию, мы имеем в виду, что сейчас это понятие используется, кроме уже широко известных, в другом его значении, которое становится все более устойчивым – «реплика». В современной речи ремарка приравнивается к замечанию в адрес говорящего или к отступлению от основного потока высказывания, когда один из собеседников вклинивается в речь другого, дает пояснение, делает замечание или комментирует высказанное мнение. Этот процесс пока подробно не осмыслен лингвистической наукой – мы фиксируем его лишь как устойчивое явление современной живой речи и зрительский комментарий к спектаклю характеризуем именно как ремарку к драматургическому тексту инсценированного автора, глобальному режиссерскому высказыванию и исполнительскому мастерству актеров.

С этой точки зрения интерес представляют зрительские высказывания как ремарки к постановке классики. Большинство классических пьес имеет богатую сценическую историю. И в



зрительском понимании есть некий канон, по которому классику надо ставить. При этом социум соответственно «размывает» в сознании зрителей границы канона. Каковы же ожидания нынешней публики, смотрящей в театре спектакли по знакомым ей, как правило, со школы произведениям русской классической литературы? И способны ли зрительские ремарки к спектаклям повлиять на формирование мнения вокруг постановки, а значит, опосредованно и на саму постановку, в частности, на игру актеров, имеющих возможность корректировать собственное исполнение в каждом следующем спектакле, и, наконец, на оценку степени современности или, наоборот, архаичности текста выбранного театром классика?

В последнее время резко меняются как способы и средства обратной связи с читателем и зрителем, так и формы художественной критики. Так, в оценке литературных произведений – главным образом, поэзии и прозы – все большую роль начинают играть отзывы в Интернете, в многочисленных литературных блогах как профессионалов, так и самих читателей. Подробно феномен этих кардинальных изменений рассмотрен в статьях Б. Менцель, А.И. Рейтблата, Б. Дубина, Е. Ракитиной⁵. Театральная ситуация отличается от литературной тем, что театр сохранил свою аудиторию практически в «советских» масштабах. Правда, театральная критика также сдала свои позиции, перейдя в глянцевые издания, в ежедневные газеты и, все чаще, в интернет-издания. Сайты, посвященные театральной критике, немногочисленны, но, что отрадно, с каждым годом их становится больше. Так, существует масштабный театральный раздел в культурном интернет-проекте www.openespace.ru. Но пока размер его аудитории невелик. Мнения зрителей в нескольких интернет-блогах и на страницах сайтов популярных театров, несомненно, отражают как специфику современного бытования текстов классики в массовом сознании, так и социальные приемлемые формы ее интерпретации современными деятелями культуры.

Проанализируем с этой точки зрения интернет-высказывания зрителей о классических постановках Московского театра под руководством Олега Табакова – одного из самых популярных современных театров России, на сцене которого ставят классику лучшие отечественные режиссеры разных поколений.

Контент-анализ за 2008 г. проведен на основе следующих сайтов: www.tabakov.ru, www.teatr.ru, www.livejournal.com и www.liveinternet.ru.

Общее количество откликов – 256.

Состав респондентов:

– гендерный (условно по никам) – 117 женских / 43 мужских ника;

– возрастной (достаточно условно, по ряду косвенных признаков – стиль, служебное и семейное положение, воспоминания о театральных впечатлениях прошлого и др.) – от 15 до 48, что подтверждают психологические и социологиче-

ские исследования аудитории интернет-форумов в целом)⁶.

В ремарках сохранена авторская орфография и пунктуация, что позволяет без пристального разбора судить о грамотности и образованности зрителей, а также об уровне эмоционального и интеллектуального восприятия ими увиденного спектакля.

К развернутым зрительским ремаркам (более подробно описанное впечатление, умение «прочитать» спектакль хотя бы приблизительно) можно отнести 8 материалов четырех интернет-пользователей:

1) пост lev_semerkin.livejournal.com о спектакле «Отцы и дети», поставленном режиссером Константином Богомоловым по его собственной инсценировке романа Тургенева (здесь и далее сохранены все особенности авторских текстов. – А.З.): «Не столько на отцов и детей разделяются персонажи спектакля, сколько на волков и овец, гордых и кротких. И гордые уступают. Умирает гордый человек Ев-ГЕНИЙ Васильевич Базаров, уезжает гордый человек Павел Петрович Кирсанов (куда уехал барин? в Америку Венецию?). И красавица ОДИН-цова одиноко плачет у разбитого корыта»;

2) материалы [daisy](http://daisy.livejournal.com) в Живом журнале и на сайте театра: «Мне как зрителю важны актеры – когда есть “движение брови”, игра, хорошая речь <...> А литературный театр – это не совсем мое, хотя мне нравится “Рассказ о семи повешенных”, особенно в той части, где есть именно игра, но там не успеваешь развернуться – уже конец <...>»;

3) lanolina-goro.livejournal.com: «Как ни странно, но мне проще рассказать о впечатлениях, чем «выстроить» их на бумаге в более-менее логичное повествование»; «Это стоит посмотреть. Крепкий ансамбль, интересные решения и, что для меня самое главное, – Мышкин – пронзительный, “цепляющий”, заставляющий заново переосмысливать роман. НАСТОЯЩИЙ Мышкин»;

4) xbbr.livejournal.com: «Образы помещиков обыграны очень интересно, у всех есть пороки которые оригинально обыгрываются. Сам Табаков играл Плюшкина. Сама роль вызывает двойные чувства, с одной стороны жалость к одиночеству старика, с другой презрение к его скупости».

В развернутых текстах авторы в основном подробно фиксируют собственные ощущения во время и после просмотра. Остальные материалы в Интернете – эмоциональные замечания, реплики, отклики на чье-то мнение. Рассмотрим их по каждому спектаклю конкретно, а потом попытаемся сделать общие выводы. В качестве театральной программки предположим аннотации к каждому спектаклю, сделанные театром.

А.Н. Островский. «НЕ ВСЕ КОТУ МАС-ЛЕНИЦА»

Постановка Авангарда Леонтьева. В ролях – Денис Никифоров, Луиза Хуснутдинова, Алексей Хлевинский, Надежда Тимохина, Наталья Журавлева.



Театральная аннотация: «Эта комедия Островского похожа на басню – здесь и сказка, и ложь, и намек, и мораль, которая выражена в самом названии пьесы. Деньги не все значат, и не только в них заключено человеческое счастье. Говоря нынешним языком, даже если ты олигарх, не всякая девушка полюбит тебя за твои несметные богатства. В театре справедливость торжествует, а честность вознаграждается сполна. Игривые обстоятельства не мешают стремительному развитию сюжета, при этом режиссер не упускает ни единой возможности дать публике от души посмеяться. Островский любит актеров, и режиссер спектакля Авангард Леонтьев позволяет артистам играть в собственное удовольствие».

«Месяц назад сходил в «Табакерку». На «Не всё коту масленица». Очень понравилось <...> и сам театр и спектакль <...> и актёры (=) Поразило как они в этих минималистических индустриальных декорациях несколькими штрихами/лёгкими волшебными пассажами легко создали нужную атмосферу». tofogo.livejournal.com/36947.html.

«НО ради чего НАДО идти на спектакль – ради Феоны (Наталья Журавлева) и Ермил Зотыча (Хлевинский). Особенно – Феоны... Стоит ловить последние отблески «заходящих светил». lanolina-goro.livejournal.com/225887.html.

А.П. Чехов. «ДЯДЯ ВАНЯ»

Постановка Миндаугаса Карбаускиса. В ролях – Борис Плотников, Олег Табаков, Марина Зудина, Дмитрий Назаров, Ирина Пегова, Ольга Барнет, Сергей Беляев и др.

Театральная аннотация: «Режиссер, не нарушая тончайшие нити взаимоотношений персонажей, тактично помогает раскрыться им с неожиданных сторон. Это по-настоящему чеховский спектакль».

«Прочитав пьесу “Дядя Ваня”, по свежим впечатлениям, решил сходить на спектакль. Мне очень понравилась постановка. Игра актеров хороша своей естественностью». **igor01**.

«Кто читал “Дядю Ваню” и кому около со-рока, рекомендую сходить». **Андрей**.

«Ушли с мужем в антракте. Ничего более скучного и нудного не видели». **Елена**.

«Гениально!!!! Я плакал всё второе отделение! Узнать бы что это за музыка использованна в спектакле. До сих пор иногда вспоминаю этот мотив и плачу...» **Антон**.

«Отличная классическая постановка, особенно хочется выделить игру Назарова и Пеговой. Хотя остальные тоже молодцы». **ДимаМ**.

«Спектакль очень понравился (десять баллов!)» **Дядя Юра**.

«5 баллов – всем создателям спектакля! Удивительно тонкий, милый и нежный спектакль, смотрится на одном дыхании». **Андрей**.

«Скучно, неинтересно и серовато ... Много ошибаются, зпинаются и т.д. В обще не сильная

работа, средний уровень и безумная продолжительность...». **Gerda**.

Леонид Андреев. «РАССКАЗ О СЕМИ ПОВЕШЕННЫХ»

Постановка Миндаугаса Карбаускиса. В ролях – Дмитрий Куличков, Александр Воробьев, Яна Сексте, Алексей Комашко, Ирина Денисова, Александр Скотников, Алексей Усольцев, Павел Ильин.

Театральная аннотация: «В России начала прошлого века раскрыт заговор совсем юных террористов-революционеров. Суд скор и безжалостен. Они оказываются в камере смертников. Истории судеб, умещенные в последние часы жизни, представлены постановщиками в современной форме классической трагедии. Мечты и отчаяние, жажда любви и вкус к жизни, бесстрашие, растерянность и нежность спрессованы в их последнем жизненном пространстве».

«Актеры, которых дома ждет горячий чай, сэндвичи и, вероятно, любимые люди, должны убедительно сыграть ночь перед повешением... Актеров семь и играют они потрясающе!» **une**. livejournal.com/187560.html.

«Чудо а не спектакль!!! будто бы дали подсмотреть через маленькую замочную скважину табакерки за последними часами жизни юных горячих сердец.. Энергетика настолько сильная, что бьет в лицо... от чего очень и очень жарко». **Дмитрий**.

«Скучно. Я, очень эмоциональный зритель, рыдающий от души на спектаклях Гингаса в ТЮЗе, с совершенно холодной головой посмотрела честно всё от начала до конца». **Ольга**.

«Спектакль очень неординарный, но просто великолепный!» **Мариалео**.

«Смотрели год назад ... выброшенные на ветер деньги, ну такая чушь!!!» **Елена**.

«Я ничего шедеврального не заметил... Шел на спектакль по причине восторженных воплей критиков во всех СМИ, и не понял, честно говоря, чему здесь шибко уж восторгаться. Да, великолепная игра молодых актеров, да, четкий рисунок работы режиссера, но вот чтобы – ах, который мы получили от “Когда я умирала”, такого не было... Поплакали, и то хорошо, полезно, говорят...» **Андрей**.

«Спектакль отличный. Конечно, сюжет довольно грустный...» **Елена**.

«Потрясающий спектакль. Комедия о приближении смерти». **Сергей**.

«На редкость бездарный спектакль нудный, бестолковый, не советую». **Дмитрий**.

«ПОХОЖДЕНИЕ, составленное по поэме Н.В. Гоголя «Мервые души».

Постановка Миндаугаса Карбаускиса. В ролях – Сергей Безруков, Алексей Усольцев, Борис Плотников, Олег Табаков, Дмитрий Куличков, Ольга Блок-Миримская, Ольга Барнет, Яна Сексте и др.



Театральная аннотация: «Гоголь в своей поэме стремился “показать хотя с одного боку всю Русь” и мечтал провести по ней своего главного героя, как Вергилий Данте – от ада к раю. Но завершенной осталась лишь первая часть замысла.

В прологе спектакля матушка с батюшкой дают маленькому Павлуше Чичикову блестящие калошки, чтобы он мог шлепать по беспросветной грязи под ногами, и – иди в люди.

Карбаускис ведет своего героя от помещика к помещику, от мнимой удачи к мнимой удаче. Раздвигаются облупившиеся стены, а за ними – у нового владельца – точно такие же. В финале гоголевской поэмы Чичиков лихо уносится вдаль на птице-тройке. А есть ли шанс у энергичного, артистичного Чичикова нашего времени вырваться из увядающего заколдованного пространства нынешней российской жизни?»

«На первых минутах мы увидели Безрукова и поняли, что нам понравится и не ошиблись! Удивительный спектакль... злободневный... классика... лучшие актеры... лучший театр :) Безруков – воплотил образ Чичикова на 100% и вообще все актеры как нельзя лучше гармонируют со своими героями. Всех школьников на этот спектакль!!!! Оценка спектаклю “5”». **Chia.**

«На этот спектакль ходили с дочерью в Санкт-Петербурге. Дочке 15 лет. Спектакль шел без антракта более 2-х часов. А теперь представьте, как должен был играть Безруков, чтобы такое сложнейшее произведение на сцене прошло по ощущениям как одно мгновение, а тем более для подростка 15 лет. Я считаю, что Безруков – один из самых талантливых современных актеров». **Анжела.**

«Спектакль очень не понравился. Безруков искривлялся весь как только мог». **Марина.**

«Спектакль сделан в стиле дель-арте и в этом ракурсе он смотрится прекрасно». **Margarita.**

«Спектакль бестолковый и рассчитан только, наверное, на фанатов Безрукова, кривляние которого смотреть просто невыносимо. Актеры играют как то серо, единственно кого хочется отметить так это роль Плюшкина (Табаков) и Коробочка (Блок-Миримская)». **Альгис.**

«Сказать, что спектакль плохой – это ничего не сказать! Спектакль просто отвратительный, нудный и скушный. И настолько затянутый и невнятный конец с повествованиями дамы с голосом Ренаты Литвиновой в старости, что слушать и смотреть уж совершенно невозможно!» **Дарья.**

«Спектакль отличный! Смотрится на одном дыхании! Все актеры играют превосходно. И конечно Безруков в роли Чичикова – это супер! А Табаков настоящий Плюшкин! Всем рекомендую сходить на этот спектакль». **Ирина.**

«Карабаускас – замечательный самобытный режиссер и как всегда весьма оригинально и остро поставил то, что он хотел поставить. Очень литовский, очень западный взгляд на утопающую в

грязи Русь-тройку. Она и не несется никуда, потому что спит, как засыпают в конце все персонажи. Очень понравился Табаков. Его Плюшкин – не банальный». **Андрей.**

«Отвратительный спектакль. Безруков сыграл бездарно и постоянно переигрывал. Его акробатические этюды весь спектакль навевали скуку. Сам спектакль безбожно затянут и последние минут 20 можно убрать ничего не потеряв». **Дмитрий.**

А.Н. Островский «ЖЕНИТЬБА БЕЛУГИНА»

Постановка Сергея Пускепалиса. В ролях – Евгений Миллер, Анна Чиповская / Лина Миримская, Владимир Краснов, Надежда Тимохина, Иван Шибанов, Марианна Шульц и др.

Театральная аннотация: «Комедия. Излюбленные Островским герои. Молодой купец-миллионер, влюбившийся в бедную красавицу. Циничный друг, готовый наставить приятелю рога и жить за его счет. Молодая девушка, выходящая замуж по расчету ради сладкой жизни. Крутая интрига, прописанная великим драматургом с тонким юмором и изяществом».

«Кто хочет провести приятно вечер или сводить свою девушку в театр – идите смело! Легко, приятно, весело! Играют замечательно!» **Анушка.**

«Неплохая постановка, но скучноватенький... Ушли с ощущением чего-то потерянного. Так что смотрите и решайте сами, но сходить можно». **Ирина.**

«Спектакль провинциальный и скучный. Напоминает работу народных театров. Интересно, а сам художественный руководитель театра это видел? Спектакль можно рекомендовать людям, неискушенным в театральном искусстве или потенциальным самоубийцам, решившим умереть от скуки». **Алиса.**

«Смеялись много. Впечатление крайне приятное. Прошла уже неделя с тех пор, как смотрела. Но настроение до сих пор преподнятое :)». **Катерина.**

«Спектакль великолепный. Особенно понравилась главная героиня, Катя, жаль, что губит свой талант съёмкой в бездарных фильмах. И сама постановка Островского, просто замечательна. Одним словом, молодцы». **ДимаМ.**

«Ходили на спектакль вчетвером. Понравился всем. Легкий, не скучный. Островский звучит всегда современно. Тема любовь и деньги вечна. Актеры играли хорошо, ярко. Особенно понравилась Белугин. Собираюсь сходить на “Не все коту масленица”». **Вероника.**

«Это потрясающе!!! Спасибо театру, спасибо Олегу Павловичу, спасибо Сергею Пускепалису!!! Мы плясали после зрелища, вышли на улицу и плясали. Низкий всем поклон за ТЕ – 2 часа 40 минут!!! С-П-А-С-И-Б-О!!!!!!!!!!!!!!!» **ЖАна Гуськова.**



Валерий Семеновский по роману Ф.М. Достоевского «Бедные люди». «ЛОВЕЛАС»

Постановка Александра Галибина. В ролях – Денис Никифоров, Ольга Красько, Сергей Угрюмов, Аркадий Киселев, Маргарита Горюнова. Театральная аннотация отсутствует.

«Играли просто замечательно. Именно Табакерка может поставить Достоевского так, что смотрится на едином дыхании. Прекрасный романс в исполнении Красько. Только дискотека в конце, на мой взгляд – это лишнее. Молодцы. Жаль, что зрители подкачали, несмотря на три предупреждения, народ умудрялся не выключить телефоны, что-то в темноте есть и шуршать пакетами... Табакерка с годами не теряет свой класс, а вот зритель обмельчал...» **ДимаМ.**

«Это, действительно, театральная шутка. Только шутка специфичная и авангардная. На любителя. Я не люблю такую гремучую смесь классики и авангарда. Иногда не было понятно, что именно хотел донести до зрителя постановщик этого спектакля. К тому же, некоторые шутки неуместны даже для авангардной постановки произведения Великого классика». **Алевтина.**

«Шикарно». **катюха.**

«Не могу не согласиться с предыдущим мнением. Действительно – шикарно. Получила огромное удовольствие. Очень рекомендую». **Юлиана.**

Андрей Платонов. «РАССКАЗ О СЧАСТЛИВОЙ МОСКВЕ»

Постановка Миндаугаса Карбаускаса. В ролях – Ирина Пегова, Александр Яценко, Дмитрий Куличков, Яна Сексте, Алексей Усольцев, Александр Воробьев.

Театральная аннотация: «Москва Ивановна Честнова потеряла родителей в Гражданскую войну. Имя получила в детском доме в честь города Москвы, фамилию – “в знак честности сердца, которое еще не успело стать бесчестным, хотя и было долго несчастным”. Ее молодость проходит в неясном, разрывающем душу и тело томлении. Она сияет от предошущаемого счастья и хочет объять им весь мир. Москва пренебрегает любимыми людьми и ищет высшее предназначение своей судьбы в потоке коммунистического строительства. Но выбранный идеал несбыточен. Сарториус, Самбикин, Божко – каждый по-своему любит Москву. Потеряв ее, пытается найти смысл жизни в работе, в науке, в отказе от самого себя. Но не находит нового счастья. Единственное, что в их силах, – дать покой и уют тому, кто оказался рядом. Пусть даже случайно».

«После просмотра спектакля ... поняла, что это лучшее, что я видела! Столько эмоций! страсти! восторга!» **Кира.**

«А меня спектакль не понравился. бесспорно, игра актёров безупречна, художественное решение – интересно и оригинально, но почему-то не трогает». **yodis.**

«Пошла на спектакль ради Ирины Пеговой. Но поразила не только игра самой Ирины, но

и всех актеров, особенно Александра Яценко и Дмитрия Куличкова. Bravo!» **Ольга.**

«Согласна, что спектакль на любителя. Мне показалось, что Миндаугас Карбаускас однотипен во всех своих постановках, даже художественное оформление из постановки в постановку повторяется». **Елена.**

«Спектакль – более юмористический (чем «Господа Головлевы». – А.З.), но вот зал был просто невыносим... Ну вообще классный спектакль, актёры думаю далеко пойдут, уж очень они талантливые...» **brutalforce.livejournal.com.**

И.С. Тургенев. «ОТЦЫ и ДЕТИ»

Режиссер – Константин Богомолов. В ролях – Андрей Смоляков, Евгений Миллер, Виталий Егоров, Эльвира Данилина / Олеся Ленская, Андрей Фомин, Яна Сексте и др.

Театральная аннотация: «В спектакле Константина Богомолова по хрестоматийному тургеневскому роману вечный вопрос о русских гамлетах и донкихотах звучит сколь иронично, столь и серьезно. Основа конфликта – не традиционная проблема поколений, а непримиримые социальные противоречия. Невостребованность молодого таланта, невозможность его полноценной реализации среди благополучия и снисходительного пренебрежения признанных отцов общества делает Базарова трагической фигурой шекспировского масштаба».

«Мне очень жаль, что старой гвардии Табакерки – Смолякову, Воробьеву и Усольцеву, которые играют в чудесных тонких спектаклях, приходится выходить на сцену в лишенной всяческого обаяния и абсолютно бездарной постановке Богомолова...»

Миллер играет вообще за гранью добра и зла. Ребята, ну зачем славной Табакерке не спорный – нет, не дискуссионный – о чем тут вообще говорить? -, а режиссерски халтурный спектакль???» **Maxima.**

«Траговка действительно спорная и смелая, но уж точно не бездарная и актеры и режиссер потрудились на славу и никакой беспомощности перед материалом я там не заметил. А что касается актерских работ, то они просто блистательны, особенно Александр Воробьев, он просто Мастер – БРАВО! Вообще я думаю, что этот спектакль можно либо принять сразу и пойти за режиссером давая ему право на создание своего мира и атмосферы на сцене, либо не принять и тогда все приемы и ходы будут казаться нелепыми и надуманными. Я принял, мне понравилось» **Caprinz** (золотые слова).

«Я в шоке! Мне не понравилось. Хотя, если нашли любители “Ловеласа”, то эта постановка где-то рядом и, конечно, найдёт своего зрителя». **Bright Crystal.**

«К. Богомолов поставил одновременно злой, циничный, и в то же время очень правильный, полный внутренних нюансов, спектакль: он по-



ставил именно буквального Тургенева, не того лирика, который сидит в печенках сознательных школьников, а того, который писал жестко и сатирически обличительно. Вот под этим углом сошелся мой пазл». НО: «Позиция “умирания в искусстве” с “Отцами и детьми” в “Табакерке” исчезает напрочь...» **Daisy**.

«Это не просто балаган – а Comedy club какой-то, ей-богу. Это, друзья мои, Ужассс, что такое... Базарова превратили в хама трамвайного, Кирсановы глумятся над своими персонажами, женские образы – как бы это сказать, чтоб никого не обидеть – в виде женщин легкого поведения... шутки ниже пояса... Странно и грустно». **Мю**.

«Конечно же смотреть это надо, потому что это! Зрелище! Интерпритация очень смелая местами дерзкая, но при этом не потерявшая смысла и глубины». **Катерина Измайлова**.

«Только пришла со спектакля. Осталось неоднозначное впечатление. В целом мне понравилось. И режиссерские находки в том числе. Мне кажется, что они были вполне к месту. И актеры были на высоте. Но вот есть ощущение какой-то недослаженности» **И.Н.**

«Режиссерские “находки” – это всегда на любителя и кто вообще не любит никаких отклонений от авторского замысла, тому, конечно, лучше ждать, пока “отцов” поставит Малый театр, а те, кто “находки” приемлет в пределах разумного, по-моему, уже дождались и могут смело идти смотреть “отцов” в Табакерку». **Ирина**.

«Спектакль откровенно слабый, все так называемые режиссерские находки вообще не к месту, юмор какой-то плоский, хотя и было пару неплохих моментов. Не поняла, зачем нужна была советская песня и кадры из фильма в конце спектакля...» **Ольга**.

Александр Вампилов. «СТАРШИЙ СЫН»

Постановка Константина Богомолова. В ролях – Сергей Сосновский, Юрий Чурсин, Евгений Миллер, Андрей Фомин, Яна Сексте, Светлана Колпакова и др.

Театральная аннотация: «Он играет на похоронах и танцах, его дочь – невеста перспективного молодого летчика, а сын рвется покорять просторы великой Страны Советов. И все несчастливы до появления в их доме обаятельных незнакомцев. Коротая время, они поменяют погоду в доме».

«Во-первых, пьеса чудесная. Прекрасный русский язык. Аккуратная проработка образов каждого из героев. Во-вторых, кастинг. В-третьих, то, что получается. А получается очень прилично. Вспоминаю каждую картину действия и улыбаюсь». **Daisy**.

«Кто-то нравится чуть больше, кто-то – чуть меньше, хотя это абсолютно субъективная оценка. Что касается актерских работ – все молодцы, каждый талантлив, интересен, ярко. Замечательный праздник вчера получился». **Ентос**.

«Я и не помню, когда получала ТАКОЕ количество радости сразу и вместе!)))»

«Это действительно праздник!!! Спасибо вам дорогие наши!!!» **Катерина Измайлова**.

«Спектакль – полный восторг! очень эмоционально, очень тонко, отличная игра актеров, отличная декорация, музыка. спасибо!» **Наташа**.

«Много хожу в театр, но за все театральные месяцы этого сезона “Старший сын” – самое сильное впечатление. Сосновский играет гениально! (я смотрела, наверное все спектакли с его участием после его переезда в Москву). ...И первый раз понравилась работа Богомолова... Спектакль будет одним из самых сильных в сезоне. Сохранился настрой того времени. Я думаю, молодежи этот спектакль тоже будет интересен». **Ольга Юрьевна**.

«В этом спектакле были моменты, в которых было неправдоподобное, неискреннее, где чувствовалось, что играют с маленькой буквы. Их было мало. В остальном был ПОТОК. Просто восхитительно!.. Для меня важно, когда я иду в кино или в театр, чтобы было чувство удовлетворения после просмотра. И я прислушиваюсь к друзьям, знакомым, к отзывам о спектаклях и кино. Так вот, этот спектакль посмотреть стоит! Рекомендую») nadale.livejournal.com/57533.html.

Анализ приведенных выше зрительских интернет-ремарок позволяет сделать следующие выводы.

Смерть Автора, зафиксированная когда-то Роланом Бартом, и в постпостмодернистскую эпоху остается ключевым фактом культуры. Что же касается читателя – или зрителя-Творца, то степень сотворчества присутствующих в Интернете характеризуется, в основном, эмоциональными, часто спонтанными репликами, авторы которых не способны или не всегда дают себе труд сформулировать их на уровне связного высказывания.

Зрители не ассоциируют сценическое произведение с автором пьесы или инсценировки, степень актуальности текстов тоже осознается весьма слабо.

Если вспомнить гоголевское «театр – кафе-дра...», то из приведенных интернет-ремарок ясно, что ни пьеса, ни спектакль не рассматриваются зрителями как возможность извлечь урок из сценической истории. Полезный опыт ограничивается, в основном, полученным или, наоборот, не состоявшимся удовольствием.

Стилистически и грамматически большинство ремарок говорит о недостаточной грамотности их авторов и нежелании следовать общепринятым нормам языка. Наличие большого числа восклицательных знаков сигнализирует о бедности индивидуального речевого запаса и, как следствие, о невозможности оценить особенности языка автора сценического произведения. Соответственно восприятие спектакля такими зрителями сводится лишь к освоению сюжетных



коллизий и эмоциональной оценке игры актеров.

О приоритетах эпохи рынка говорит факт оценки спектакля в цифровых показателях – баллах и процентах.

На уровне режиссерского высказывания (месседжа) спектакль более-менее точно способен оценить и понять единицы. Общее восприятие поверхностное, нецелостное, разорванное на отдельные эпизоды, позы, собственные эмоции по отношению к внешней манере поведения героев. Редки попытки разобраться в законах, самим художником над собой установленных.

Несколько рецензентов жалуются на низкий уровень культуры публики в зале («Кстати, очень оскорбило то, что достаточно много человек публики сидели, и во время спектакля пили шипучку и закусывали, как будто тинейджеры смотрели фильм в обычном кинотеатре... рассыпанные по полу чипсы и пустые пластиковые бутылки...»).

Если проанализировать эти ремарки с точки зрения лингвистической (опираясь на исследование психологов интернет-контента), создается ощущение, что подавляющее большинство реплик на разных сайтах написано 20–25 реальными людьми.

Определяя театральную коммуникацию, Патрис Пави ссылается на Альтосера, отмечая, что спектакль есть «становление, формирование нового зрительского сознания, незаконченного, как всякое сознание, но движимого этой самой незаконченностью, этой завоеванной дистанцией, этим неисчерпаемым трудом критики в действии»⁷. Формирование нового зрительского сознания в условиях тотальной массовой коммуникации, попытки вычленив из огромного информационного потока знания, могущие быть востребованными зрителем здесь и сейчас, заставляют современный театр обращаться к истокам – к подобию хора греческих трагедий, комментирующего происходящее, к глашатаю, олицетворяющему «трубный глас», к герою-резонеру, репликами и ремарками двигающему и поясняющему действие. Современный зритель все больше

нуждается в посредничестве между собственным восприятием и театральным высказыванием. И Автору-интерпретатору, как и Автору текста, судя по всему, предстоит очередное рождение.

Примечания

- ¹ Пави П. Словарь театра. М., 1991. С. 156.
- ² Клейнер И.М. У истоков драматургии. Л., 1924. С. 14–15.
- ³ Цит по: Пави П. Указ. соч. С. 155.
- ⁴ См.: Белецкий А.И. Об одной из очередных задач историко-литературной науки. Изучение истории читателя // Белецкий А.И. В мастерской художника слова. М., 1989; Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1991; Ингарден Р. Исследования по эстетике. М., 1962; Изер В. Изменение функций литературы. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория. Антология. М., 2004. С. 3–45.
- ⁵ См.: Менцель Б. Перемены в русской литературной критике. Взгляд через немецкий телескоп // Неприкосновенный запас. 2003. № 4; Рейтблат А. Российское литературоведение: современная ситуация (размышления по поводу издания литературоведческих книг в 2002 г.) // НЛЮ. 2004. № 69. С. 349–355; Дубин Б. Классическое, элитарное, массовое: начала дифференциации и механизмы внутренней динамики в системе литературы // Новое литературное обозрение. 2002. № 57. С. 7–24; Ракитина Е.Б. К проблеме авторской самоидентификации в интернет-поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1(1). Тамбов, 2008. С. 149–153.
- ⁶ В публикации А. Мышенковой дается такая оценка аудитории интернет-форумов на основе анкетирования данных: «На вопрос о своем возрасте ответило 104 человека. При этом средний возраст составил 23,6 лет. Минимальный возраст опрошенных – 15 лет, максимальный – 43». В целом полученные данные напоминают результаты других исследований Рунета // http://www.flogiston.ru/articles/social/int_gender.
- ⁷ Пави П. Указ. соч. С. 157.

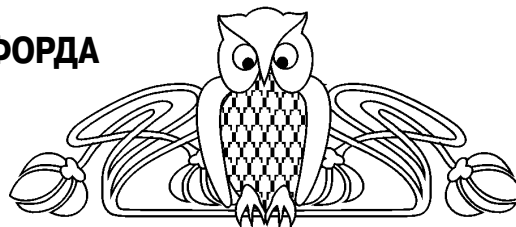
УДК 811.161.272

ИМИДЖ ПРЕЗИДЕНТА США ДЖЕРАЛЬДА ФОРДА В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ (на примере газеты «Правда»)

А.В. Багиев

Саратовский государственный университет,
кафедра общего литературоведения и журналистики
E-mail: art-bagiev@yandex.ru

В статье рассматривается технология создания советской газетой имиджа президента США Джеральда Форда. Примеры пу-



бликаций, приведенные в хронологическом порядке, позволяют проследить динамику образа 38-го президента Соединенных Штатов.

Ключевые слова: журналистика, имидж, советско-американские отношения, президент Дж. Р. Форд, газета «Правда».



коллизий и эмоциональной оценке игры актеров.

О приоритетах эпохи рынка говорит факт оценки спектакля в цифровых показателях – баллах и процентах.

На уровне режиссерского высказывания (месседжа) спектакль более-менее точно способен оценить и понять единицы. Общее восприятие поверхностное, нецелостное, разорванное на отдельные эпизоды, позы, собственные эмоции по отношению к внешней манере поведения героев. Редки попытки разобраться в законах, самим художником над собой установленных.

Несколько рецензентов жалуются на низкий уровень культуры публики в зале («Кстати, очень оскорбило то, что достаточно много человек публики сидели, и во время спектакля пили шипучку и закусывали, как будто тинейджеры смотрели фильм в обычном кинотеатре... рассыпанные по полу чипсы и пустые пластиковые бутылки...»).

Если проанализировать эти ремарки с точки зрения лингвистической (опираясь на исследование психологов интернет-контента), создается ощущение, что подавляющее большинство реплик на разных сайтах написано 20–25 реальными людьми.

Определяя театральную коммуникацию, Патрис Пави ссылается на Альтосера, отмечая, что спектакль есть «становление, формирование нового зрительского сознания, незаконченного, как всякое сознание, но движимого этой самой незаконченностью, этой завоеванной дистанцией, этим неисчерпаемым трудом критики в действии»⁷. Формирование нового зрительского сознания в условиях тотальной массовой коммуникации, попытки вычленив из огромного информационного потока знания, могущие быть востребованными зрителем здесь и сейчас, заставляют современный театр обращаться к истокам – к подобию хора греческих трагедий, комментирующего происходящее, к глашатаю, олицетворяющему «трубный глас», к герою-резонеру, репликами и ремарками двигающему и поясняющему действие. Современный зритель все больше

нуждается в посредничестве между собственным восприятием и театральным высказыванием. И Автору-интерпретатору, как и Автору текста, судя по всему, предстоит очередное рождение.

Примечания

- ¹ Пави П. Словарь театра. М., 1991. С. 156.
- ² Клейнер И.М. У истоков драматургии. Л., 1924. С. 14–15.
- ³ Цит по: Пави П. Указ. соч. С. 155.
- ⁴ См.: Белецкий А.И. Об одной из очередных задач историко-литературной науки. Изучение истории читателя // Белецкий А.И. В мастерской художника слова. М., 1989; Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1991; Ингарден Р. Исследования по эстетике. М., 1962; Изер В. Изменение функций литературы. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория. Антология. М., 2004. С. 3–45.
- ⁵ См.: Менцель Б. Перемены в русской литературной критике. Взгляд через немецкий телескоп // Неприкосновенный запас. 2003. № 4; Рейтблат А. Российское литературоведение: современная ситуация (размышления по поводу издания литературоведческих книг в 2002 г.) // НЛЮ. 2004. № 69. С. 349–355; Дубин Б. Классическое, элитарное, массовое: начала дифференциации и механизмы внутренней динамики в системе литературы // Новое литературное обозрение. 2002. № 57. С. 7–24; Ракитина Е.Б. К проблеме авторской самоидентификации в интернет-поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1(1). Тамбов, 2008. С. 149–153.
- ⁶ В публикации А. Мышенковой дается такая оценка аудитории интернет-форумов на основе анкетирования данных: «На вопрос о своем возрасте ответило 104 человека. При этом средний возраст составил 23,6 лет. Минимальный возраст опрошенных – 15 лет, максимальный – 43». В целом полученные данные напоминают результаты других исследований Рунета // http://www.flogiston.ru/articles/social/int_gender.
- ⁷ Пави П. Указ. соч. С. 157.

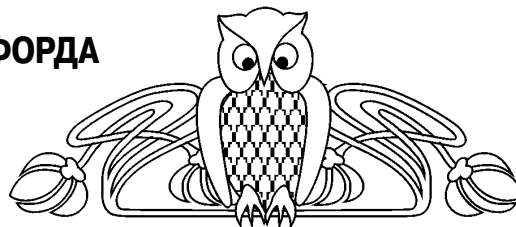
УДК 811.161.272

ИМИДЖ ПРЕЗИДЕНТА США ДЖЕРАЛЬДА ФОРДА В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ (на примере газеты «Правда»)

А.В. Багиев

Саратовский государственный университет,
кафедра общего литературоведения и журналистики
E-mail: art-bagiev@yandex.ru

В статье рассматривается технология создания советской газетой имиджа президента США Джеральда Форда. Примеры пу-



бликаций, приведенные в хронологическом порядке, позволяют проследить динамику образа 38-го президента Соединенных Штатов.

Ключевые слова: журналистика, имидж, советско-американские отношения, президент Дж. Р. Форд, газета «Правда».



The Image of the President of the United States Gerald Ford in the Soviet Press (Newspaper «Pravda»)

A.V. Bagiev

The article deals with technology of presenting the U.S. President Gerald Ford in the Soviet press. The examples of publications, listed in chronological order, enable retracing the dynamics in the Soviet image of the 38-th President of the United States.

Key words: journalism, image, Soviet-American relations, President Gerald R. Ford, newspaper «Pravda».

Политический имидж (англ. image от лат. imago – образ, вид, изображение) традиционно представляет собой сферу повышенного внимания власти. Объясняется это тем, что большинство граждан, не имея непосредственного контакта с руководителями страны, воспринимают их как некий образ, состоящий из набора заложенных в нем личностных и профессиональных характеристик.

Имидж – образ, основанный на стереотипах, преобладающих в обществе¹. Существование этого явления напрямую связано с устройством человеческого сознания, которое в своем стремлении к упорядочению постоянно меняющейся картины окружающего мира начинает воспринимать его в формате образов, т.е. сознание, как массовое, так и индивидуальное, изначально само предпочитает язык образа – имиджевую коммуникацию. Иными словами, личность живет в двух (а некоторые и в нескольких) реальностях, где различные образы переплетаются друг с другом. И если имидж – вещь естественная, то политический имидж – искусственный, имеющий своей целью стать частью реальности, потому над ним зачастую работают целые команды специалистов. Однако важнейшей частью эффективного имиджа остаются действительные характеристики, присущие его обладателю: манера поведения, моральные качества, привычки и т.д. Необходимые черты лишь должны быть выставлены на первый план, усилены. Образ нужно не только создать, но и внедрить в массы. Здесь на авансцену выходят средства массовой информации (СМИ). Именно массовый характер их распространения делает газеты, радио, телевидение столь привлекательными для внедрения в общество новых идей, пропагандистских посылов, образов. Это обуславливает давний, если не извечный конфликт власти и журналистики. Искусственное создание образа в журналистике, всецело подчиненной власти, представляет для нас исследовательский интерес. Потому мы обращаемся к такой чрезвычайно интересной проблеме, как создание имиджа американского президента на страницах советской газеты.

В СССР никогда не скрывали, что журналистика и СМИ выполняет прежде всего функции государственного пропагандиста, агитатора, организатора, о чем свидетельствуют многочисленные резолюции КПСС, касающиеся вопросов

организации и функционирования СМИ². Говоря об истории становления журналистики как науки в России, Я. Засурский пишет: «Изучение закономерностей функционирования печати привело к созданию концепции СМИ и пропаганды. И вот здесь важную роль сыграло тогдашнее (1950-е–1960-е годы) (курсив мой. – А.В.) понимание функции журналистики прежде всего как средства пропаганды, организации и агитации, но пропаганда была ведущим элементом в этой триаде. <...> С тогдашних позиций главное внимание уделялось трём основным функциям, как они определялись в советской концепции журналистики, – пропаганде, агитации и организации. На первом плане была пропаганда. Соответственно, журналистику заменило исследование СМПП – средства массовой информации и пропаганды. Именно пропагандистская сторона журналистики изучалась достаточно активно, и многое делалось для того, чтобы подготовить людей, владеющих навыками пропаганды»³. В этой связи предметом нашего исследования был выбран печатный орган ЦК КПСС «Правда» – главная газета страны, олицетворявшая советскую эпоху: миллионы читателей в СССР, постоянный интерес со стороны мирового сообщества. Советские люди черпали из «Правды» информацию о стране и мире. За рубежом «Правда» воспринималась как выразитель официальной позиции советского правительства по вопросам мировой политики. По представлениям советской журналистики, «Правда» – пропагандистский орган, обладавший монопольным правом на умы многомиллионной армии своих читателей.

Джеральд Форд, чей «газетный» образ стал объектом предлагаемого исследования, с точки зрения эпатажной известности фигура малозаметная, да и к числу выдающихся американских лидеров он едва ли может быть причислен. Президент, который так никогда и не был избран на свой пост, в течение двух положенных ему лет прерывался успешного внешнеполитического курса своего предшественника Р. Никсона вплоть до выборов, которые проиграл. Однако тем интереснее проследить, каким изображала Джеральда Форда, олицетворение конкурирующей идеологии, советская журналистика.

Было собрано и обработано 70 газетных публикаций, прямо или косвенно касающихся личности президента Соединенных Штатов Джеральда Форда, что дало возможность составить относительно объективную картину тенденционных черт образа, внедряемого в сознание советского массового читателя. Проблеме имиджа – как политического, так и коммерческого – на Западе посвящено большое количество исследований, многие из которых в качестве учебников по «связям с общественностью» присутствуют в России. В то же время практически отсутствует информация о советской технологии создания имиджей вообще и с помощью средств массовой



информации в частности. Для качественного анализа представляет сложность и большой объем собственно пропагандистской информации даже в учебниках по политической пропаганде. При наличии большого количества противоречащих друг другу утверждений советских и американских политиков, историков, теоретиков мы попытались провести свой анализ, основываясь на источнике – газетной статье.

Образ американского президента привязан прежде всего к образу его страны. Мифологизированные Соединенные Штаты неизменно предстают в «Правде» страной, где люди не могут чувствовать себя в безопасности, где огромные корпорации фактически являются хозяевами государства⁴. Неизменна эта риторика даже в период нормализации советско-американских отношений. Первая публикация «Правды» в 1974 г., озаглавленная «Год новый, тревоги старые», выглядит вполне тенденциозно: «Неуверенность и тревога – такие настроения характерны для миллионов американцев на пороге нового, 1974 года. Что ожидает нас в новом году? – задает вопрос газета “Вашингтон стар ньюс”». Ответ, пишет газета, – это продолжение инфляции, дальнейший рост стоимости жизни и падение реальной заработной платы. «Перспективы будущего роста выглядят для американцев плохими», – пишет «Нью-Йорк таймс». Газета предсказывает наступление в первой половине 1974 года спада в американской экономике. «На протяжении всего года, – указывает газета, – будет продолжаться рост безработицы, а проблема инфляции обострится еще больше». 1973 год, отмечает известный обозреватель К. Роузи, был для американцев мрачным годом. Наступающий 1974 год, по мнению обозревателя, принесет им «новые разочарования и затруднения»⁵. Газета дает массовому сознанию психологическую установку на негативное восприятие Соединенных Штатов, усиливая контраст идеалистскими картинками советской жизни.

Следует пояснить, что психологическая установка – это некая готовая модель реакции на события, сути которых человек может и не знать. Например, большинство установок человек получает в семье и в процессе социализации. Сверхзадача любой пропаганды – не только создавать новые установки, но и быть способной менять существующие⁶. В соответствии с установками каждый человек определяет себе степень добра и зла; каждый знает, что люди во всем мире желают мира, созидательного труда – что называется, простого человеческого счастья. Говоря языком социальной психологии, именно обращаясь к фундаментальным простым ценностям способно затронуть реципиента. Именно такими предстают на страницах «Правды» «простые американцы». В противовес американским трудящимся, по традиционной психологической модели «друг – враг», поставлены уже упоминаемые нами крупные финансовые институты, называемые

газетой «монополии». Причем, продолжая традиции большевистского агитационного плаката, «монополии» воплощаются в понятных советской аудитории карикатурных образах тучных буржуа в цилиндре и с мешками долларов.

Газетный образ президента США начинает складываться со своеобразного представления объекта читательской аудитории. В «Правде» появляются материалы о политических взглядах Джеральда Форда, в частности, его оценка советско-американских отношений. Издание в стиле подачи материала отдает предпочтение прямой речи: «Я имел возможность, – сказал Дж. Форд, – наблюдать внешнюю политику, которая на протяжении последних пяти лет оказалась особенно успешной в смысле обеспечения мира для всех нас и, надеюсь, для остального мира. Эта политика, как я полагаю, может обеспечить мир в предстоящие месяцы и годы. Позвольте мне без всяких колебаний и оговорок отметить, что эта политика, которая позволила достичь мира и заложить основы для мира в будущем, поскольку будет зависеть от меня, как президента Соединенных Штатов, будет продолжаться и впредь»⁷. Президент Форд наиболее выразительно характеризуется именно посредством прямой речи. Не газета, а он сам излагает свое видение ситуации и планы на будущее. Сообщение дополняет комментарий «американского» корреспондента «Правды» Бориса Стрельникова: «В своих комментариях здешние обозреватели касаются вопросов советско-американских отношений. При этом многие вспоминают, что в мае 1972 года Дж. Форд, тогдашний лидер республиканцев в палате представителей, активно выступал за одобрение Временного соглашения между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений.

Выступая в конгрессе в июне 1973 года, Дж. Форд заявил, что советско-американские переговоры на высшем уровне обеспечивают прогресс в упрочении международного мира. Отвечая на вопрос корреспондента “Правды” о значении советско-американского диалога на высшем уровне, Дж. Форд сказал:

– Я глубоко убежден, что встречи в Москве и Вашингтоне укрепляют основу для дальнейшего улучшения отношений между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом. Я убежден, что эти встречи играют важную роль в уменьшении напряженности во всем мире»⁸. Журналист подтверждает, что читатели могут верить словам президента. Его мнение вносит элемент человеческого общения, столь понятного многочисленной аудитории. Модель общения «журналист – читатели» более комфортна, она привносит в коммуникацию эффект непосредственного общения и доверия, а значит, более убедительна. «Преломленное в авторском сознании конкретное реальное проявление человеческого бытия, т.е. публицистический факт, может об-



ладать огромной убеждающей силой», – пишет в своей монографии М.И. Скуленко⁹. Черту под переданной обществу информацией подводит газета в еженедельном обзоре: «Советские люди положительно восприняли заявление Дж. Форда и других политических деятелей США, представителей деловых кругов о том, что они и впредь намерены продолжать миролюбивую политику в отношении СССР»¹⁰. В упомянутом уже исследовании М.И. Скуленко читаем, что констатация как прием в публицистике активизирует поведенческие нормы, заложенные в сознание человека¹¹. От себя добавим: заложенные государственной системой в советское общественное сознание. Эти же нормы пропагандирует и «Правда». Если взглянуть шире, прием констатации сродни лозунговости: в обоих случаях массы избавляются от необходимости мыслить, им дается готовая модель, которую следует принять. Массовое сознание, куда внедряется имидж, наряду со стремлением к упрощению, невнимательностью, автоматизмом реакций, избирательностью восприятия, характеризуется исследователями высокой степенью конформизма¹². И, видимо, неслучайно газета на протяжении многих лет широко использует именно так называемое «единое мнение» народа, «народов всего мира», «прогрессивного человечества». В любом из номеров «Правды» можно прочесть о том, как трудящиеся с восторгом воспринимают решения партии и правительства, берут на себя обязательства по перевыполнению рабочих планов.

В период нахождения в Белом доме Дж. Форда потепление в советско-американских отношениях, наконец, дало повод мировому сообществу говорить об окончании «холодной войны». Действительно, «разрядка», начавшаяся еще при администрации Р. Никсона, нужна была обоим государствам, обоим системам. В «Правде» отчетливо прослеживается пропагандистская кампания по популяризации мирного сосуществования государств с «различным социальным строем». Президент Форд, являясь последней инстанцией в американской власти, играет чрезвычайно значимую роль в продолжении политики разрядки. Логично, что и газетный образ для обеспечения своей актуальности должен быть привязан к этой важнейшей стороне политического процесса.

«Правда» скрупулезно освещает встречу Дж. Форда с Л.И. Брежневым во Владивостоке, где были согласованы основные параметры по ограничению стратегических вооружений. В публикациях нет оценочных суждений по поводу президента, но сам трогательно пафосный тон, заданный журналистами, заставляет читателя сопереживать: «Советский берег Тихого океана принял эстафету Тихоокеанского побережья США. В 1973 году Калифорния гостеприимно встречала Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Теперь здесь, в районе Владивостока, советское Приморье принимает Президента США

Дж. Форда, прибывшего для встречи с товарищем Л.И. Брежневым. Тем самым Великий океан как бы занимает самое достойное историческое место в величайшем процессе современности – процессе разрядки международной напряженности, утверждения принципов мирного сосуществования государств с разным строем, дальнейшего развития советско-американских отношений и сотрудничества. Теперь ни у кого нет сомнений в том, что люди доброй воли на Земле всем сердцем приняли эти позитивные процессы нашей эпохи, зарождению которых в огромной степени способствовали совещания в верхах между советскими и американскими руководителями, и связывают их с поступательным развитием надежды на дальнейшее укрепление мира и безопасности народов. Как нам довелось убедиться в этом в беседах с советскими людьми и американцами, политика дальнейшего углубления процесса разрядки, всестороннего развития отношений между СССР и США, усилия, направленные на то, чтобы сделать этот процесс необратимым, находят самую широкую поддержку общественности»¹³. Эмоции – то, что воспринимается читателем на уровне инстинктов. Именно в эмоциональном аспекте газета систематически эксплуатирует военную тему. Ведь после огромных потерь в Великой Отечественной войне главным приоритетом советского общества стал мир.

Имиджевая коммуникация вообще происходит на фоне простых и понятных каждому читателю вещей. Каждый человек хочет мира, спокойствия, порядка, и общество, безусловно, поддержит того, кто декларирует эти принципы. Эмоциональность как публицистическое средство убеждения используется «Правдой» в случаях, когда материал подразумевает живой отклик у читателей: «В моем послании, первом обращении к конгрессу Соединенных Штатов я обещал Советскому Союзу, что Америка будет впредь придерживаться курса, который она проводила в последние три года. Господин Генеральный секретарь! Сегодня я лично подтверждаю это заверение Вам»¹⁴. Эффективный имидж должен быть актуальным – привязанным к повседневным событиям, волнующими как массового, так и отдельно взятого читателя. Имидж Дж. Форда постоянно актуализируется в свете советско-американских отношений. Личные контакты с Л.И. Брежневым – один из примеров такой актуализации. «Атмосфера переговоров, – сказал Дж. Форд, – с самого начала была дружественной. Я убежден, что Советский Союз искренне хотел добиться соглашения. Это не означает, что советские участники переговоров хотели заключить невыгодное для них соглашение». Президент подчеркнул, что успех Владивостокской встречи во многом объясняется личным участием Л.И. Брежнева. Говоря о том, что встреча во Владивостоке дала возможность познакомиться с Л.И. Брежневым как руководителем и человеком, Дж. Форд отме-



тил: «Брежнев произвел на меня очень большое впечатление. Он человек, который может быть то общительным, приятным в общении, шутить, то быть серьезным и проявить исключительную твердость». Это сильная личность, продолжал Дж. Форд. Он проявлял твердость, добиваясь желаемого, но в то же время он мог понять и нашу точку зрения. Л.И. Брежнев, отметил далее Дж. Форд, на встрече во Владивостоке сразу же заявил, что на ее участниках лежит серьезная ответственность за то, чтобы достичь соглашения о стабилизации проблем в отношениях между двумя крупнейшими ядерными державами. При обсуждении вопросов он очень широко смотрел на вещи. Все это, по словам Дж. Форда, привело к успеху встречи во Владивостоке»¹⁵. Любопытно, что устами американского лидера в очередной раз повышалась привлекательность имиджа Генерального секретаря СССР. Политика устранения напряженности в советско-американских отношениях, безусловно, повлияла на тот положительный образ президента Соединенных Штатов, который вырисовывается на газетных полосах. Дж. Форд понятен нам, читателям, он искренне поддерживает добрые отношения между СССР и США, он симпатизирует советскому руководству и народу, он, наконец, борется у себя в стране с «реакционными кругами». Именно в тот период разрядки породила эйфорию в пацифистски настроенном мировом общественном мнении 1970-х гг. И все же крайне сложным делом оказалось преодоление недоверия, выработанного в политических элитах двух стран на протяжении нескольких десятилетий.

В связи с этим любопытен пример своеобразной полемики Дж. Форда с Конгрессом США, которую умело имитирует газета. Президент в качестве подтверждения доброй воли администрации вынес проект по предоставлению Советскому Союзу статуса наибольшего благоприятствования в торговле, который натолкнулся на противодействие влиятельного сенатора Джексона, внесшего в документ знаменитую ограничительную поправку. «Правда», живо реагируя на дебаты, противопоставляет президенту «реакционные круги», противящиеся разрядке: «Перейдя к той части законопроекта, которая предусматривает предоставление Советскому Союзу режима наибольшего благоприятствования в торговле, Дж. Форд сказал: Мы уже заложили в отношениях с Советским Союзом хорошее начало в политическом плане – добились сдвига в вопросе о контроле над новейшим ядерным оружием, сдвига в сторону мира. Давайте добьемся еще и сдвига в торговле, необходимого для разрядки.

Но Советский Союз, продолжал Президент, не станет вести с нами дела, если мы не примем мер к проведению взаимовыгодной экономической политики, включая ликвидацию дискриминации в отношении советских товаров, и не проявим готовности предоставить СССР соответствующие

кредиты. В странах Западной Европы и Японии Советский Союз пользуется широкими кредитами, тогда как кредиты, предоставляемые нами, ничтожно малы по сравнению с кредитами наших западных торговых партнеров.

Я бы считал непростительным – точно так же, как и многие члены конгресса и многие американцы, – подчеркнуть Дж. Форд, если бы в результате оттяжек этот законопроект был похоронен»¹⁶. Читателю вновь предлагается четкая схема деления на «друзей» и «врагов»: «Человечество все увереннее вглядывается в будущее, избавляясь от преследовавших его кошмаров ядерной катастрофы. Большую роль в этом сыграл, в частности, переход во взаимоотношениях между СССР и США от конфронтации к сотрудничеству по ряду важнейших проблем.

Президент США подписал закон о торговой реформе, касающейся, в частности, советско-американской торговли. Развитие торговли между СССР и США является одним из важнейших условий для дальнейшего улучшения взаимоотношений между нашими странами, включая сотрудничество в деле укрепления мира.

Однако нельзя не отметить, что противникам разрядки напряженности удалось при утверждении законопроекта внести ряд дискриминационных ограничений и мер, направленных против взаимовыгодной торговли между нашими странами. Уступкой противникам разрядки является и принятая к законопроекту поправка сенатора Джексона.

<...> Характерно, что президент Форд, подписывая закон, сделал оговорки “насчет мудрости его формулировок”, которые, по его словам, «другие суверенные государства могут считать предосудительными и дискриминационными. Закон содержит некоторые положения, против которых мы возражаем, и ряд других, которые несколько отличаются от формулировок, которые мы предпочли бы применить»¹⁷. Как видно из приведенных материалов, газета обращается к инстинктивным страхам массового читателя, после чего аргументированно разъясняет суть проблемы и приводит его к мысли о том, что враг не дремлет, несмотря ни на что.

Отдельной темой в «Правде» выступают публикации, осуждающие «американский империализм», выражающийся в поддержке «антинародных», «кровавых» режимов по всему миру. И здесь образ президента Соединенных Штатов обретает новые очертания.

Распространение геополитического влияния неизменно влекло за собой поддержку самых разных режимов в Южной Америке, Африке, Азии: «США продолжает оказывать помощь военной хунте в Чили, щедро отпуская миллионы долларов на поддержку реакционного режима Пиночета. Если в 1974-м финансовом году американская помощь Чили, как сообщает печать, составляла 20,2 миллиона долларов, то на 1975-й финансовый



год власти США запросили у конгресса на эти цели 86 млн долларов.

Обращает на себя внимание тот факт, что американские доллары потекли рекой в Чили после того, как там в сентябре 1973-го года был совершен переворот¹⁸. Перед зрителем вырисовывается картина, в которой на первый план выходят обладатели устойчиво негативного имиджа. В этой ситуации они – так называемые «лидеры мнения». Ведь имидж может быть как негативным, так и позитивным, и в этом смысле связь правительства США с персонифицированными злодеями вызывает достаточно сильные отрицательные эмоции. Сложившееся вследствие неудачной вьетнамской кампании антимилицаристское мышление американского общества, которое можно наблюдать и сегодня в свете войны в Ираке, послужило актуализации образа, говоря газетным языком, коварной «вашингтонской верхушки». Показателен пример использования пацифистских настроений американцев как внутренними оппонентами Дж. Форда, так и советской пропагандой: «Выступая по телевидению в программе «Лицом к стране», Г. Хемфри (сенатор. – А.Б.) подчеркнул, что продолжение, а тем более расширение военной помощи Пномпеню, приведут к еще большему кровопролитию, продлят агонию лонноловского режима и принесут новые страдания камбоджийскому населению. Американский народ, отметил он, как о том свидетельствуют результаты последних опросов общественного мнения, отвергает политику поддержки непопулярного правительства в Пномпене.

При таких обстоятельствах, по словам сенатора, «долг США состоит в том, чтобы помочь людям, погибающим от наших бомб, а также голодающим детям на улицах Пномпеня». Это возможно лишь при условии «ухода правительства Лон Нола, удерживающегося у власти исключительно благодаря военной помощи США», – подчеркнул сенатор¹⁹. Мотив народа используется и в более эффективной, с точки зрения убедительности, авторской статье многолетнего американского собкора «Правды» Бориса Стрельникова, в которой заголовок-лозунг создает необходимый читательский настрой: «Американцы говорят “хватит”»²⁰. Таким образом, локальная психологическая установка, созданная на почве неприятия общественным мнением войны, обеспечит однозначную реакцию на позицию американского руководства: «Правительство, заявил он (президент Дж. Форд. – А.Б.), будет и впредь добиваться предоставления 300 млн долларов на военную помощь, запрошенную у конгресса, и существует возможность запроса дополнительных ассигнований. Дж. Форд подчеркнул, что все его усилия направлены на то, чтобы не допустить падения нынешних режимов в Южном Вьетнаме и Камбодже»²¹. Выработке нужного мнения способствует также разъяснительная информация, что совершенно точно можно отнести в плоскость внешне-

политической пропаганды²². Это редакционный либо авторский комментарий, который, используя факты, логические выводы, оперируя цифрами, направляет читателя к нужному пропагандисту выводу: «Дж. Форд потребовал от конгресса для удержания у власти режима Тхиеу безотлагательного выделения 722 млн долларов для оказания военной “помощи” и еще 250 млн долларов на так называемую экономическую поддержку этого марионеточного режима.

Таким образом, это требование президента свидетельствует о намерении США продолжать политику дальнейшего вмешательства во внутренние дела Вьетнама, которая, по его собственным словам, привела уже к “колоссальным жертвам” со стороны Соединенных Штатов»²³.

Подводя итоги, определим методы создания имиджа на газетной полосе. В сравнении с более ранними публикациями времен Дж. Кеннеди и Н.С. Хрущева²⁴ уменьшается дисбаланс между информацией и сугубо пропагандистскими материалами, обращенными к человеческим эмоциям, содержащими лозунги, призывы, поясняющие комментарии, наглядную агитацию (карикатуры) и личностные оценки руководителей Соединенных Штатов. Однако стоит обратить внимание на то, как широко может трактоваться образ Дж. Форда: дружеские контакты с советским лидером, поддержанные американским народом, противостояние «противникам разрядки» в сенате, поддержка «реакционных» «кровавых» режимов в третьих странах, военные авантюры, безработица и бедность внутри США на фоне систематического увеличения оборонного бюджета. В результате вырисовывается целостный и вместе с тем неоднозначный имидж президента Соединенных Штатов, способный оперативно трансформироваться вместе с политической обстановкой и нуждами советского руководства.

В курсе лекций по журналистике, читавшемся для студентов журфака МГУ, С.И. Беглов, характеризуя создание образов как одну из ступеней «психопрограммирования в буржуазной пропаганде», говорит о том, что это понятие в наиболее эффективном своем варианте складывается из нескольких аспектов-образов: корпорация имеет хорошую репутацию, помогает людям, ведет себя как достойный «гражданин», ищет взаимопонимания, технически компетентна, помогает подъему общего благосостояния. Практика «имидж мейкинг», заключает он, получила большее распространение в буржуазной политике²⁵. Проведенный анализ представленного материала позволяет говорить о практике создания такого многогранного имиджа в советской газете. И все же существует один, по нашему мнению, любопытный нюанс, касающийся не методологии, но целесообразности создания столь быстро меняющегося образа. Возникает вопрос: перед нами манипулятивные технологии в действии, способные вызывать «пятиминутки» народной ненависти и



любви, которые можно наблюдать и в современной России? Или же это только журналистская информация, стремящаяся к объективности, но почему-то скрывающая определенные «неудобные» факты? Эти вопросы дают нам новую пищу для размышлений над методологией создания образа, и на них мы постараемся найти ответ в наших следующих работах, посвященных имиджу президентов Соединенных Штатов Америки на страницах «Правды».

Примечания

- 1 См.: Новейший философский словарь. Минск, 2003. С. 418. См. также [Электронный ресурс]: <http://slovari.yandex.ru/dict/psychlex4/article/PS4/ps4-0259.htm?text=имидж>
- 2 См.: КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М., 1979.
- 3 Засурский Я.Н. Социологические аспекты журналистской науки // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Журналистика. 2006. № 1. С. 3–4.
- 4 См. подр.: Багиев А.В. Имидж президентов США в интерпретации советской прессы (газеты «Правда» и «Известия») // Властные функции СМИ: литературно-журнальные традиции и современная масс-медийная практика. Саратов, 2006. С. 119–131.
- 5 Год новый, тревоги старые // Правда. 1974. 1 янв.
- 6 См. подр.: Войтасик Л. Психология политической пропаганды. М., 1981. С. 222–249.
- 7 Отставка президента США // Правда. 1974. 10 авг.
- 8 Стрельников Б. Корреспондент «Правды» сообщает из Вашингтона // Там же.
- 9 Скуленко М.И. Убеждающее воздействие публицистики. Киев, 1986. С. 44.
- 10 Международная неделя // Правда. 1974. 11 авг.
- 11 См.: Скуленко М.И. Указ. соч. С. 68.
- 12 См.: О массовом сознании подробнее см. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопр. философии. 1989. № 3. С. 119–154; № 4. С. 114–156; Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2003.
- 13 Гейвандов К., Мокеев Ю., Некрасов В. В интересах мира // Правда. 1974. 24 нояб.
- 14 В честь президента США // Правда. 1974. 25 нояб.
- 15 Дж. Форд о встрече с Л.И. Брежневым // Правда. 1974. 5 дек.
- 16 Выступление президента // Правда. 1974. 5 дек.
- 17 Правда. 1975. 5 янв.
- 18 Миллионы Пиночету // Правда. 1974. 26 дек.
- 19 Призыв сенатора // Правда. 1975. 11 марта.
- 20 Стрельников Б. Американцы говорят «хватит» // Правда. 1975. 9 марта.
- 21 Положение в Индокитае // Правда. 1975. 5 апр.
- 22 См.: Беглов С.И. Внешнеполитическая пропаганда. М., 1980. С. 255.
- 23 Выступление президента США // Правда. 1975. 13 апр.
- 24 См.: Багиев А.В. Имидж президентов США ... С. 119–131.
- 25 См.: Беглов С.И. Внешнеполитическая пропаганда. С. 89–92.

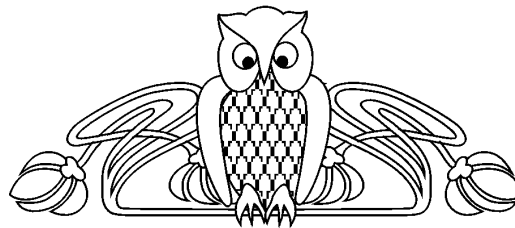


УДК 32:130.3

ЛОГИКА ГЕНЕЗИСА ИМПЕРСКИХ СТРУКТУР

Н.И. Шестов

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: nikshestov@mail.ru



Статья посвящена изложению одной из возможных логических схем, объясняющих происхождение имперского социально-политического порядка, объективные и политико-мифологические основания его динамики. Схема построена с учетом существования имперских структур, в разное историческое время прерывавших свою эволюцию.

Ключевые слова: империя, пассионарность этноса, политическое пространство, политическое время.

Logic of Empire Genesis Structures

N.I. Shestov

The article presents one of the possible logical schemes, explaining the origin of the empire-social order, as well as the objective and political-mythological foundations of its dynamics. The scheme has been built considering the existence of empire structures, the evolution of which was stopped during different historic epochs.

Key words: empire, passionarity of ethnos, political sphere/area, political time.

О каких бы проблемах, порожденных либеральным реформированием современной России, ни шла речь в публицистических сочинениях, проблемах внутренних или геополитических, почти всегда в рассуждениях проскальзывают ностальгические нотки: если бы нынешней России да ее бывшее имперское могущество, так все нынешние проблемы вмиг были бы решены. Имперское прошлое России живописуется как «утерянный рай» отечественной политики, необходимость вернуться в который очевидна для всякого, у кого есть разум и патриотическое чувство. Проблема в том, что эти публицистические суждения опираются на весьма «размытое», по сути своей мифологическое представление о смысле и логике перехода социально-политической системы в имперское качество. Империя предстает озарением, посетившим сознание того или иного народа или, в случае крушения империи, той «истиной», до понимания которой народ не дорос. В таком мифологическом отношении к имперской проблематике есть своя положительная сторона. Как и многое в историческом опыте конкретного социума, имперский опыт имеет свою иерархическую нишу, удерживаться в которой ему помогает эмоциональная поддержка со стороны массового сознания. Можно быть противником или сторонником имперской традиции в России, например, но сам по себе масштаб этой тради-

ции в любом случае будет вызывать удивление и желание приобщиться к знанию этой традиции.

Особую плоскость представляет собой научный опыт осмысления имперской проблематики. В структуре нашего современного научного знания об истории разных народов «империя» выглядит неким переломным моментом в развитии политических, экономических и культурных процессов. Таким моментом, до которого прогрессирование социальных структур и практик выглядит очевидным фактом, а после которого такое прогрессирование становится уже проблемой, подлежащей научному обсуждению. «Империя» мыслится как идеальная цель исторического развития, по достижении которой политическое сообщество как бы совершает и, в какой-то мере, завершает свою историческую миссию.

Сложность научной рефлексии в рамках имперской проблематики состоит в том, что имперские структуры в качестве предмета научного анализа с трудом поддаются локализации в географическом пространстве и физическом времени. В границах одного и того же пространства империи возникают, распадаются и возникают вновь с уже новыми качествами. Так что порой трудно сказать, все та же это империя или возникла совершенно новая. Политическое пространство империи наглядно демонстрирует иные характеристики, нежели характеристики географических пространств, к которым мы формально пытаемся их привязать. Та же картина наблюдается и в отношении времени. Процесс формирования имперской структуры может произойти почти мгновенно, в течение жизни одного поколения, а может растянуться на века. Империя может возникнуть в истории данного народа лишь раз, а может возвращаться в его историю периодически вслед за периодами экономического и политического разобщения. Что опять же предполагает возможность зарождения у исследователя сомнения: имеет ли он дело с этапами формирования одной социально-политической и территориальной системы или же с последовательной сменой нескольких систем, каждая из которых своим возникновением «отрицает» предшествующую. Основанием для такого сомнения часто служит наше знание особенностей имперской политической культуры, в которой обычно наблюдается тенденция к более-менее четкому осознанию и обозначению политического пространства империи, то есть пространства компетенции импер-



ской власти, но совершенно нечетко выражено понимание временных пределов. Имперским социально-политическим системам свойственно осознавать и презентовать себя в качестве «вечных». Империя, таким образом, исторически предстает инструментом взятия под контроль политического времени, что само по себе лишает исторические процессы «нормальной» динамики, и наблюдение такого нарушения подталкивает исследователей мыслить империю как отклонение от «исторической нормы».

Представляется, что именно эта трудность пространственно-временной локализации империй как предмета анализа побуждает исследователей временами выходить за границы суждений, основанных на исторических фактах, и оперировать понятиями «имперский дух», «имперская традиция», «имперское сознание». Понятиями, подчеркивающими то обстоятельство, что для исследователя привязка анализируемой исторической реальности к определенному пространственно-временному формату не является принципиально важной для понимания сути этого феномена.

В данном случае не имеет смысла включаться в почти двухсотлетнюю философскую дискуссию относительно того, является ли рождение и распад империй свидетельством прогресса или регресса, свидетельством «историчности» или «не историчности» разных народов, у каких обществ есть «имперский дух», а у каких нет. В пользу той и другой точки зрения можно подобрать достаточное количество аргументов и цитат из сочинений известных мыслителей. Есть, однако, факт, который нарушает стройность умозаключений, основанных на противопоставлении имперского и не имперского опыта развития социально-территориальных систем и который заставляет отнестись к функциональности упомянутых философских универсалий с некоторой критичностью.

Фактом является то, что империи не только рождаются и распадаются. Порой складывание империи начинается и даже успешно продвигается, но по каким-то причинам оказывается прерванным, полноценная (в нашем современном представлении) имперская структура не складывается, и социально-политическая система возвращается в прежнее, доимперское состояние. «Империя» остается, так сказать, нереализованным «проектом» развития данного политического сообщества.

Но при этом сама нереализованность такого «проекта» в истории почти всегда оборачивается сдвигами в развитии политических сообществ, не менее масштабными, чем те, которые могло бы вызвать появление «полноценной», по нашим представлениям, имперской структуры. Возникают новые политические и этнические сообщества, на качественно новый уровень выходят экономические и культурные коммуникации, появляются новые религиозные ориентации и

технические новации, родоплеменные структуры трансформируются в государственный порядок и на смену обычаю приходит право в зачаточных или относительно развитых формах. Эти сдвиги хорошо заметны и у тех обществ, которые поневоле становились участниками незавершенных имперских «проектов». Таких, начало которым было положено, например, завоеваниями Александра Великого в Азии, Аттилы или арабов в Европе, а также еще более ранними и малоизвестными масштабными социально-политическими конфликтами. Мы можем судить об этих конфликтах и последовавших за ними социально-политических трансформациях лишь на основании археологических данных. Но сами по себе масштаб и формат тех экономических, демографических культурно-технологических перемен, которые, например, были связаны с перемещениями племен «ямной», «катакомбной», «срубной», «андроновской» археологических культур эпохи камня, бронзы и «раннего» железа по территории Евразии, вполне сопоставимы с масштабом и форматом более поздних процессов имперогенеза. Возможно, что в этих самых ранних попытках организации контроля над политическим пространством и временем наиболее ярко и последовательно проявлялся момент незавершенности различных процессов и процедур, из которых складывается имперское строительство. И в то же время, в привычном нам масштабе всемирной истории, эти незавершенные структуры существовали достаточно долго, что косвенно служит основанием для предположения об их эффективности как определенных механизмов.

Эти сдвиги, возникающие по следам незавершенных процессов имперского строительства, дают основание предположить, что империя является не столько высшей целью, к которой устремлено историческое развитие политических сообществ, не столько рубежом, который должно преодолеть, чтобы продемонстрировать всему свету свою «историчность», сколько механизмом решения вполне конкретных проблем. Проблем, которые по-разному обнаруживают себя в жизни самых разных народов, но при этом имеют одну суть. С этим, вероятно, связано и то обстоятельство, отмеченное выше, что «империя» предстает перед исследователями и как весьма конкретная система, и как «вечная» идея или принцип социально-политической, экономической и культурной организации.

Что представляют собой эти конкретные проблемы, решение которых требует от человеческих сообществ, дотоле вполне самодостаточных и неозабоченных идеей пространственного и ресурсного роста за счет других народов, брать на себя миссию распространения своей культуры, своих правовых и политических представлений на другие земли и народы, брать на себя ответственность за судьбы тех, кто порой им чужд по общей динамике развития?



В свое время известный этнолог Л.Н. Гумилев связал рождение и угасание империй с динамикой пассионарности различных этносов. Хотя по ему одному, видимо, известной причине он мистифицировал ее происхождение, связав ее с действием неизвестных «космических лучей». Если исходить из внутренней логики рассуждений самого основателя отечественной этнологии, то сама идея связи пассионарных и персистентных состояний социума со свойствами его месторазвития уже содержит в себе предпосылку для построения более рациональных объяснений того, каков вероятный источник нарастания и угасания пассионарности или же ее полного отсутствия у этноса.

Человечество смогло выжить в последнюю ледниковую эпоху как биологический вид, дополнив природные механизмы регуляции социальными механизмами. Из этого синтеза в дальнейшем вырос обычай, как основа существования социальной системы в среде, ресурсный потенциал которой четко увязан с числом хозяйствующих субъектов и их технической вооруженностью. Поскольку и число людей и их техническая вооруженность являлись в этой формуле величинами переменными, то существовала постоянная почва для возникновения ситуаций, когда человек должен был выбирать: поступиться обычаем для достижения желаемого практического результата или хранить верность обычаю. Соответственно обычай нуждался во все более жестких порядках воспроизводства, вплоть до сакрализации. Сакрализация обычая выводила решение любой частной, технической, например, проблемы на уровень переживания ее как проблемы космической.

Устойчивый и совершенно земной источник для возникновения феномена пассионарности – конфликт обычая предков и текущей потребности выживания социума в меняющейся или же, напротив, исключительно устойчивой среде, загоняющей человеческие практики в слишком жесткие рамки. Перед человеком встает законный вопрос: стоит ли жертвовать стабильностью мироздания ради решения пусть важной, но частной текущей проблемы? Конфликт эмоционально переживается. Психологический кризис рождает пассионарный настрой у той части людей, которые так или иначе, в действиях или мыслях, движимые соображениями целесообразности или элементарного выживания в экстремальных условиях, отступили от обычая предков и для которых, соответственно, жизнь в ее привычных измерениях закончилась. А то биологическое существование, которое для них продолжается, должно быть, по определению, подчинено совсем иным правилам. Это должна быть жизнь в ином измерении. Возникает всплеск пассионарности индивидов с «активной жизненной позицией», отчасти дискредитирующий обычай предков в глазах тех, кто давно внутренне сомневался в его значимости и целесообразности, но не был готов

к роли лидера. Пассионарность начинает лавинообразно нарастать и приводит к конструированию новых механизмов и институтов социальной организации, выступающих уже не дополнением природных механизмов регуляции жизни человеческого сообществ, не воплощением «обычного» порядка жизнедеятельности, а отрицанием этого порядка. Масштабным историческим отрицанием «обычного» порядка в этом смысле является цивилизация как таковая, как особая внеприродная среда существования человека, созданная им самим в самых разных вариациях.

Возникает нестабильная социокультурная ситуация, в которой достаточность или, напротив, ограниченность ресурсов, обеспечиваемых этносу его месторазвитием и его технической вооруженностью, может с равной долей вероятности иметь два последствия. Достаточность или ограниченность ресурсов может послужить легитимации дела подавления и уничтожения пассионариев, как нарушителей миропорядка внутри самой социальной структуры. Тогда, как следствие, проявляется персистентность этноса, в совершенствовании мифов о сотворении мира и героических деяниях богов находящего творческую отдушину и оправдание «вечности» своих представлений о миропорядке.

Та же достаточность либо ограниченность ресурсов (в зависимости от того, как культурный контекст определяет понимание данной ситуации и обычай нормирует реакцию на нее) может в той же мере легитимировать вытеснение пассионариев за пределы устоявшихся социально-территориальных систем (изгнание на границы родо-племенных территорий, где они формируют автономные полиэтничные сообщества и супер-этносы). Или же их вытеснение из устоявшейся социальной структуры в самостоятельную корпорацию – военно-политическую (дружинную) элиту, чья жизнь подчинена уже не обычаю, а закрепленному в законах, ими для себя установленным, распорядку. В последнем случае разрыв прежних социальных связей также подкрепляется мифологически, созданием преданий о происхождении членов этой корпорации от иных предков (полубогов и героев), нежели земные предки большинства членов родо-племенного коллектива. Возможны и комбинированные варианты, когда, как это случилось на начальной стадии формирования древней Персидской державы или Монгольской империи, маргинальные пассионарные сообщества с периферии социально-территориальной системы перемещаются в ее центр, бывшие изгои становятся у руля верховной власти во вновь формирующейся государственной структуре, выполняют роль политической элиты. Возникает ситуация конкуренции обычая и потребности (экономической и политической) уже на уровне противостояния разных принципов, норм и форм социальной организации внутри этноса – родо-племенной и в современном смысле



политической, опирающейся на государственные институты и закон. Дефицитность или достаточность ресурсов имеет разные последствия в зависимости от того, каким образом эта ситуация социумом осознается в рамках свойственных ему мифологических представлений: как обычный или как необычный порядок вещей. Поэтому одни и те же народы демонстрируют разную динамику развития в разные эпохи, разное отношение к сходным проблемам в базовых практиках и, соответственно, разные уровни пассионарности. Многие в их судьбе решают факторы, внешне совсем, с современной точки зрения, для политики несущественные, вроде пророчеств и знамений, пресечений правящих династий, нашествий до толе неизвестных врагов.

Империя возникает по следам пассионарного всплеска, как результат такой конкуренции, разворачивающейся сразу по двум направлениям: между сообществами, возглавляемыми пассионариями и персистентными этносами, а также внутри самих пассионарных этносов, между политической элитой, живущей по установленным ей для самой себя законам, и большинством рядового населения, продолжающего придерживаться обычаев предков. Империя выглядит в этом ракурсе как стремление пассионариев расширить ресурсную базу своего существования и лидерства за счет персистентных структур. Как персистентных структур внутри самого этноса, мобилизованного для соучастия в имперской политике своих элит, для осуществления завоеваний и последующего административного и экономического контроля имперских территорий, так и за счет других социально-территориальных систем. Это, возможно, объясняет, почему в большинстве имперских практик так тесно переплетены моменты традиционализма во всех его проявлениях

и моменты политического, экономического и культурного новаторства. Это объясняет, почему идеологически и мифологически имперогенез обычно осмысливается в героическом русле, как некий «трудовой подвиг» военных и административных элит, создавших «новый мир из ничего». Уместно в качестве примера привести ту политическую мифологию, которой сопровождалось рождение Российской империи во времена Петра Великого, царя-труженика, покорителя природы и собственного косного народа, и которая в основных элементах продолжает жить сегодня.

Эта схема, при всей ее очевидной формальности, дает возможность понять причину, по которой в определенный момент формирование имперской системы может прерваться. Фактически, не принципиальным является тот набор качественных и институциональных характеристик и элементов (которые мы сегодня воспринимаем в качестве необходимого набора признаков «нормальной» империи), который обеспечит в конкурентной борьбе сторонников обычая и пассионариев последним контроль над жизненно необходимыми ресурсами внутри собственного социума и вне его. Империя может достаточно быстро распасться вследствие уверенности тех, кто ее создавал, или их ближайших потомков, что проблема контроля ресурсов, обеспечивающих существование политических элит за пределами обычая, раз и навсегда решена. Наличие в структуре самой имперской системы персистентных по своему качеству структур является постоянным гарантом возможности того, что доминирующие в массовой культуре приверженности обычаю и стремление сохранить в неприкосновенности миропорядок, унаследованный от предков, перевесят на весах истории и имперская система прервет свое развитие.

УДК 94(47)+929 Крамарж

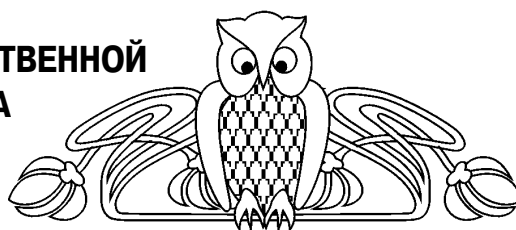
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. КРАМАРЖА

В.А. Митрохин

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: mitrokhinva@yandex.ru

В статье исследуются взгляды выдающегося общественного деятеля Чехословакии Карела Крамаржа в отношении Российского государства и радикальной модернизации, приведшей к массовой эмиграции из страны. Рассматриваются взаимоотношения К. Крамаржа с представителями разных политических течений российской эмиграции в 20-е годы XX века, а также общественная борьба, развернувшаяся как в самом эмигрантском сообществе, так и в среде чехословацкой политической элиты.

Ключевые слова: эмиграция, славянские народы, государственное строительство, балканская политика, большевизм, демократия.



Political experience of Russia in public and scientific activity of K. Kramarz

V. A. Mitrokhin

In article sights of the outstanding public figure of Czechoslovakia Karel Kramarz concerning the Russian state and the radical modernisation which have led to mass emigration from the country are investigated. K. Kramarz's mutual relations with representatives of different political trends of the Russian emigration in 20th years of the XX-th century, and also the public struggle developed both in the most



политической, опирающейся на государственные институты и закон. Дефицитность или достаточность ресурсов имеет разные последствия в зависимости от того, каким образом эта ситуация социумом осознается в рамках свойственных ему мифологических представлений: как обычный или как необычный порядок вещей. Поэтому одни и те же народы демонстрируют разную динамику развития в разные эпохи, разное отношение к сходным проблемам в базовых практиках и, соответственно, разные уровни пассионарности. Многие в их судьбе решают факторы, внешне совсем, с современной точки зрения, для политики несущественные, вроде пророчеств и знамений, пресечений правящих династий, нашествий до толе неизвестных врагов.

Империя возникает по следам пассионарного всплеска, как результат такой конкуренции, разворачивающейся сразу по двум направлениям: между сообществами, возглавляемыми пассионариями и персистентными этносами, а также внутри самих пассионарных этносов, между политической элитой, живущей по установленным ей для самой себя законам, и большинством рядового населения, продолжающего придерживаться обычаев предков. Империя выглядит в этом ракурсе как стремление пассионариев расширить ресурсную базу своего существования и лидерства за счет персистентных структур. Как персистентных структур внутри самого этноса, мобилизованного для соучастия в имперской политике своих элит, для осуществления завоеваний и последующего административного и экономического контроля имперских территорий, так и за счет других социально-территориальных систем. Это, возможно, объясняет, почему в большинстве имперских практик так тесно переплетены моменты традиционализма во всех его проявлениях

и моменты политического, экономического и культурного новаторства. Это объясняет, почему идеологически и мифологически имперогенез обычно осмысливается в героическом русле, как некий «трудовой подвиг» военных и административных элит, создавших «новый мир из ничего». Уместно в качестве примера привести ту политическую мифологию, которой сопровождалось рождение Российской империи во времена Петра Великого, царя-труженика, покорителя природы и собственного косного народа, и которая в основных элементах продолжает жить сегодня.

Эта схема, при всей ее очевидной формальности, дает возможность понять причину, по которой в определенный момент формирование имперской системы может прерваться. Фактически, не принципиальным является тот набор качественных и институциональных характеристик и элементов (которые мы сегодня воспринимаем в качестве необходимого набора признаков «нормальной» империи), который обеспечит в конкурентной борьбе сторонников обычая и пассионариев последним контроль над жизненно необходимыми ресурсами внутри собственного социума и вне его. Империя может достаточно быстро распаться вследствие уверенности тех, кто ее создавал, или их ближайших потомков, что проблема контроля ресурсов, обеспечивающих существование политических элит за пределами обычая, раз и навсегда решена. Наличие в структуре самой имперской системы персистентных по своему качеству структур является постоянным гарантом возможности того, что доминирующие в массовой культуре приверженности обычаю и стремление сохранить в неприкосновенности миропорядок, унаследованный от предков, перевесят на весах истории и имперская система прервет свое развитие.

УДК 94(47)+929 Крамарж

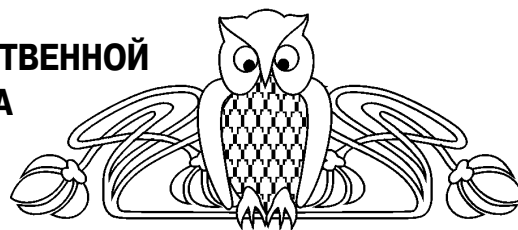
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. КРАМАРЖА

В.А. Митрохин

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: mitrokhinva@yandex.ru

В статье исследуются взгляды выдающегося общественного деятеля Чехословакии Карела Крамаржа в отношении Российского государства и радикальной модернизации, приведшей к массовой эмиграции из страны. Рассматриваются взаимоотношения К. Крамаржа с представителями разных политических течений российской эмиграции в 20-е годы XX века, а также общественная борьба, развернувшаяся как в самом эмигрантском сообществе, так и в среде чехословацкой политической элиты.

Ключевые слова: эмиграция, славянские народы, государственное строительство, балканская политика, большевизм, демократия.



Political experience of Russia in public and scientific activity of K. Kramarz

V. A. Mitrokhin

In article sights of the outstanding public figure of Czechoslovakia Karel Kramarz concerning the Russian state and the radical modernisation which have led to mass emigration from the country are investigated. K. Kramarz's mutual relations with representatives of different political trends of the Russian emigration in 20th years of the XX-th century, and also the public struggle developed both in the most



emigrant community, and in the environment of Czechoslovak political elite are considered.

Key words: emigration, the slavic peoples, the state building, the Balkan policy, the Bolshevism, democracy.

«Наш верный союзник» – так популярная эмигрантская газета «Россия и славянство» определила роль и участие в жизни российской диаспоры в 20-е гг. выдающегося чешского политика Карела Крамаржа¹.

Позиция газеты, издававшейся Петром Струве, разделялась значительной частью эмигрантского сообщества, несмотря на серьезные внутренние противоречия. Так, роль К. Крамаржа в поддержке русской эмиграции и поиске выхода из затянувшегося кризиса отмечалась в документах Национально-трудового союза нового поколения (НТСНП) уже на излете существования «Зарубежной России».

В историческом разделе курса национально-политической подготовки НТСНП К. Крамарж назван «истинным другом России» наряду с выдающимися деятелями эмиграции².

Следует отметить, что интерес к российской истории и действительности стал проявляться у К. Крамаржа еще на заре его политической карьеры, задолго до появления «Зарубежной России». В 1890 г. он впервые посетил нашу страну, познакомился и завязал контакты с лидерами общественных организаций, деятелями науки и культуры. Неоднократное в дальнейшем пребывание в России с посещением, помимо Петербурга и Москвы, Поволжья, Кавказа, многочисленных городов русской провинции не только вызвало бурную эмоциональную реакцию у будущего премьер-министра Чехословацкой Республики, но и оказало существенное влияние на формирование его политических взглядов. Будучи одним из лидеров движения реалистов, партии младочехов, а позже депутатом различных представительных органов (австрийский рейхсрат, чешский сейм), К. Крамарж вел активную борьбу с венским централизмом за славянское единение и союз Австро-Венгрии с Россией. Как сторонник «неославизма», Крамарж стремился строить отношения славянских народов на равноправной основе, выступая организатором всеславянских съездов в Праге (1908 г.) и Софии (1910 г.).

Именно пророссийская позиция чешского политика послужила для австро-венгерских властей в годы Первой мировой войны поводом для обвинения в шпионаже, аресте и вынесении приговора о смертной казни. Однако судьба распорядилась иначе. После распада империи и возникновения Чехословацкой Республики не кто иной, как Карел Петрович Крамарж станет первым председателем ее правительства, и именно он будет представлять интересы своей страны на Парижской мирной конференции в 1919 году.

Богатый опыт общественной борьбы, обретенный за десятилетия, пребывание в тюрьме,

наконец, трагические события Первой мировой войны, изменившие политический ландшафт Европы и мира, заставили К. Крамаржа по-новому взглянуть на политическое будущее Чехословакии и исторически связанной с ней России.

Неравнодушие к судьбе искалеченной революцией и гражданской войной России проявлялось у Карела Петровича как в области теоретического осмысления прошлого, настоящего и будущего Российской державы, так и в сфере практической политики.

Материалы архивных фондов эмигрантской периодики и литературы свидетельствуют об исключительно активной позиции, занятой чехословацким лидером в отношении русских беженцев. Карел Крамарж был связан многочисленными нитями с различными эмигрантскими группами и их лидерами: А.И. Деникиным, П.Н. Врангелем, В.Л. Бурцевым и другими. Это, в частности, подтверждают материалы фондов ГАРФ, где сохранилась переписка К. Крамаржа с известным общественным деятелем эмиграции В.Л. Бурцевым³. Архивные документы показывают, что чешского политика волновали вопросы преодоления раскола внутри российской эмиграции, поиска пути возвращения русских на Родину. Он также не был равнодушен к проблемам обустройства эмигрантов на чужбине. При активном участии К. Крамаржа в 20-е гг. в Чехословакии проводилась «русская акция», значительно облегчившая решение вопросов трудоустройства, образования, сохранения культурных ценностей для самых различных категорий выходцев из бывшей Российской империи⁴.

Несмотря на то, что деятельность К. Крамаржа была обращена к широким эмигрантским массам, по своим политическим предпочтениям он явно тяготел к правовому лагерю, при полном неприятии большевистской власти в России. Русская эмигрантская газета «Возрождение» в феврале 1927 г. опубликовала своеобразный отчет в связи с выступлением К. Крамаржа в чехословацком парламенте под названием «Крамарж против признания большевиков». Речь политика, судя по всему, носила обличительный характер и содержала резкую критику большевистского режима, в том числе в связи с массовой эмиграцией из России. Депутат также осудил в своем выступлении европейских лидеров, в первую очередь Англии, фактически и юридически признавших незаконную власть, призвал к недопущению сотрудничества с Советами. Опираясь на текст, оказавшимся в распоряжении редакции, «Возрождение» сделало акцент на фрагменте выступления, связанного с «моральной ответственностью» западных славян перед Россией⁵.

Правую ориентацию К. Крамаржа в отношении русской эмиграции подтверждают и архивные источники. В письме В.Л. Бурцеву вскоре после «Всемирного русского съезда» (1926 г.) К. Крамарж выражает симпатии и передает привет главе



РОВСа генералу Врангелю – «пусть он только остается твердым... против всякого зла»⁶.

Нельзя сказать, что непреклонная и последовательная позиция К. Крамаржа находила однозначную поддержку в разобщенной эмигрантской среде. В 1922 г. в Праге вышла брошюра В. Лебедева «Россия, славянство и интервенция» с подзаголовком – «по поводу русской политики доктора Крамаржа».

В ней автор, выражая мнение сторонников «демократических» взглядов, не скрывал своего раздражения по поводу активности К. Крамаржа – «плакальщика русской реакции»⁷. На страницах книги автор в достаточно резкой форме упрекает чешского политика в том, что тот «внушает совершенно безосновательные идеи русским черносотенцам и формулирует обвинения в адрес врага демократии... Крамарж обвиняется в поддержке интервенции и вмешательстве в русские дела»⁸. Апеллируя к примерам общественной деятельности, В. Лебедев подытоживает свои рассуждения категоричным выводом: «монархическая реакция бита... вместе с ней бита и русская политика Крамаржа»⁹.

Неприятие позиции К. Крамаржа проявлялось не только со стороны отдельных представителей разноликой российской диаспоры. Бурная полемика по вопросам русской истории, будущего славянского мира развернулась между бывшими соратниками по борьбе (в 20-е гг. по многим проблемам – оппонентами) К. Крамаржем, Т. Масариком, а позже и Э. Бенешем. Масарик в ряде газетных статей и книг весьма скептически оценивал будущность русского народа, находящегося под властью Советов¹⁰. При этом ответственность возлагалась автором не столько на большевизм, явившийся результатом «столкновения крайних западных идей с неподвижностью русского мирозерцания», сколько на царское правительство, «не приучившее народ к политическому и социальному управлению»¹¹. В связи с этим вопрос «возглавления» русскими славян, составивших, по подсчетам Т. Масарика, треть жителей Европы, снимался сам по себе: «От этой задачи Россия удалена на долгие годы, на целые поколения, вследствие своего нынешнего упадка»¹². Не меньшим критическим запалом в отношении России была преисполнена книга Э. Бенеша «Проблемы славянской политики», увидевшая свет в середине 20-х годов.

Не в пример своим соратникам, общественная и научная деятельность К. Крамаржа была преисполнена уверенностью в грядущем возрождении России и благодарностью за ее историческое подвижничество в отношении славянских народов. Свое видение русской истории Карел Крамарж настойчиво отстаивал в парламенте, на страницах чехословацкой прессы¹³.

Некоторые идеи, связанные с грядущим переустройством государства, складывались под влиянием бурных событий в большевистской России и нашли отражение в фундаментальных трудах К. Крамаржа. Наиболее известные из них –

«Русский кризис» (1921) и «В защиту славянской политики» (1927).

Многолетний опыт работы в австро-венгерском парламенте (рейхсрате) убедил К. Крамаржа в недопустимости игнорирования национального вопроса в многонациональных государствах. Будущая Россия в связи с этим виделась ему как федеративное государство, созданное на основе свободного волеизъявления граждан разных национальностей. Целостность такой государственной системы в первую очередь должна была осуществляться за счет грамотного разграничения полномочий «центра» и «периферии», а также поддержания единого экономического пространства. По мысли К. Крамаржа, в «центре» должны быть сосредоточены рычаги управления важнейшими областями (военной, экономической, дипломатической, культурной), «цементирующими» государство. В компетенцию областных правительств и автономий, в свою очередь, планировалось передать значительные законодательные функции (через областные думы) управления местными делами и финансами. Важная роль в разрешении возможных коллизий между «центром» и «автономиями» придавалась административному суду.

Карел Крамарж подчеркивал, что задача будущего государственного строительства в России «чрезвычайно сложна», и весьма скептически оценивал федералистские эксперименты большевиков. В частности, большие сомнения вызвала у него идея создания автономий по национальному принципу¹⁴.

Негативные последствия для России, с точки зрения К. Крамаржа, должна иметь и сверхцентрализация власти, которую на определенном этапе начали практиковать большевики. Именно такая организация власти и неизбежно связанная с ней централистская бюрократия сыграли, по мнению К. Крамаржа, трагическую роль в судьбе царской России.

Значительное место в научном творчестве К. Крамаржа занимали проблемы славянской истории. В работе «В защиту славянской политики» он обращается к вопросу влияния Российского государства на славянский мир, выступая страстным защитником общеславянских ценностей.

Исследуя знаковые для чехов события истории XIX века, автор подчеркивал исключительную роль России в европейских делах, «составлявшую важнейшую составную часть Европы и... мировой политики»¹⁵.

К. Крамарж признавал наличие у русских «мессианства», «религии, сердца и чувства» и считал их воздействие на славянский мир плодотворным, не искаженным постреформационным «кретинизмом Запада» или «капиталистическим индустриализмом»¹⁶.

В своей книге чешский политик решительно выступает против попыток ряда общественных деятелей (в частности Э. Бенеша) пересмотреть



русскую историю, а балканскую политику представить частью «территориальной экспансии» империи. Беспочвенное, по мнению К. Крамаржа, обвинение русской политики (включая события, предшествующие началу Первой мировой войны) являлось «скверной попыткой отнять всю моральную цену решения...», проявлением «болезненно-го демократизма» и ненависти к старой России¹⁷.

Главным мотивом и стимулом политики русских в отношении соседей, с точки зрения К. Крамаржа, являлось «сознание нравственного долга быть в критические минуты защитой малых славянских народов и выполнять, таким образом, великую миссию...»¹⁸.

Иное толкование прошедшей истории расценивалось им как «высокомерие» и «не свойственная чехам неблагодарность в отношении русской политики»¹⁹.

Многие вопросы политической жизни России и славянства, разрешение которых являлось предметом общественной активности Карела Крамаржа, сохраняют свою актуальность сегодня. Как человек, знавший и любивший Россию, К. Крамарж еще в 20-е гг. XX века сумел многое предсказать в ее будущем, предупредить о возможных последствиях ошибочных политических решений. Чешский политик, с присущей ему пронительностью осознавал взаимосвязь будущего государства с его историческим прошлым и, не смотря ни на что, сумел сохранить Веру в достойное будущее как Российского государства, так и славянского мира.

Своеобразным призывом к будущему поколению звучат строки из книги Карела Крамаржа: «Мы понесем в славянский мир нашу старую веру... Веру в победу сердца, добра и любви над холодным бесчувственным материализмом»²⁰.

Примечания

- 1 См.: Россия и славянство. 1930. № 109. 27 дек.
- 2 Национально-трудовой союз нового поколения. Исторический отдел. Белград, 1938. Ч. IV. С. 86.

- 3 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. 5802. Оп. 1. Ед. хр. 334.
- 4 См.: Митрохин В.А. Судьба русской эмиграции в Чехословакии // Проблемы политологии и политической истории. Саратов, 1998. Вып. 8. С. 3–8.
- 5 Возрождение. 1927. № 625. 17 фев.
- 6 ГАРФ. Ф. 5802. Оп. 1. Ед. хр. 334. Л. 4.
- 7 Лебедев В. Россия, славянство и интервенция. Прага, 1922. С. 19.
- 8 Там же. С. 20.
- 9 Там же. С. 21.
- 10 Масарик Т. О большевизме. Прага, 1921. С. 52.
- 11 Масарик Т. Славяне после войны. Прага, 1923. С. 14.
- 12 Там же. С. 18.
- 13 Деятельность чешского политика находила регулярное отражение в русской эмигрантской прессе. Так, «Возрождение» (№ 473 от 18 сент. 1926 г.) извещает своих читателей о публикации К. Крамаржем ряда статей в газете «Народные листы» под общим названием «В защиту славянской политики» с резкой критикой «гуманизма» Э. Бенеша.
- 14 Дальнейшая история подтвердила правоту позиции чешского политика. Развал союзного государства, созданного в 20-е гг. по национально-территориальному признаку, произошел в начале 90-х гг. XX в. как раз по «швам» национальных образований, механически включенных в федерацию.
- 15 Крамарж К. В защиту славянской политики. Прага; Париж, 1927. С. 9.
- 16 Там же. С. 9.
- 17 Там же. С. 70, 96. При всем критическом отношении к политике Николая II, К. Крамарж считал недопустимым делать предметом дебатов и политических спекуляций ситуацию, сложившуюся в семье императора в последние годы правления.
- 18 Крамарж К. Указ. соч. С. 72.
- 19 Там же. С. 7.
- 20 Там же. С. 146.

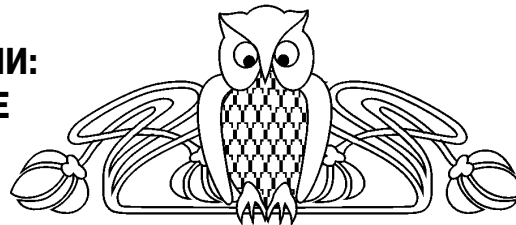
УДК 321.015

ПОПРАВКИ-2008 К КОНСТИТУЦИИ РОССИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

И.И. Кузнецов

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: politbum@mail.ru

В статье анализируется внесение поправок в Конституцию РФ. Исследуются мотивация предложенных Президентом РФ изменений, аргументы, выраженные в Послании к Федеральному Собранию РФ, тенденции и противоречия развития



политического процесса в России. Автор обозначает позиции основных политических сил, выразивших свое отношение к самому факту и процессу изменения Основного закона. Формулируется вывод о противоречивости результатов коррекции Конституции РФ.

Ключевые слова: государственная власть, Конституция РФ, поправки к Конституции, современные политические процессы в России, разделение властей.



русскую историю, а балканскую политику представить частью «территориальной экспансии» империи. Беспочвенное, по мнению К. Крамаржа, обвинение русской политики (включая события, предшествующие началу Первой мировой войны) являлось «скверной попыткой отнять всю моральную цену решения...», проявлением «болезненно-го демократизма» и ненависти к старой России¹⁷.

Главным мотивом и стимулом политики русских в отношении соседей, с точки зрения К. Крамаржа, являлось «сознание нравственного долга быть в критические минуты защитой малых славянских народов и выполнять, таким образом, великую миссию...»¹⁸.

Иное толкование прошедшей истории расценивалось им как «высокомерие» и «не свойственная чехам неблагодарность в отношении русской политики»¹⁹.

Многие вопросы политической жизни России и славянства, разрешение которых являлось предметом общественной активности Карела Крамаржа, сохраняют свою актуальность сегодня. Как человек, знавший и любивший Россию, К. Крамарж еще в 20-е гг. XX века сумел многое предсказать в ее будущем, предупредить о возможных последствиях ошибочных политических решений. Чешский политик, с присущей ему проницательностью осознавал взаимосвязь будущего государства с его историческим прошлым и, не смотря ни на что, сумел сохранить Веру в достойное будущее как Российского государства, так и славянского мира.

Своеобразным призывом к будущему поколению звучат строки из книги Карела Крамаржа: «Мы понесем в славянский мир нашу старую веру... Веру в победу сердца, добра и любви над холодным бесчувственным материализмом»²⁰.

Примечания

- 1 См.: Россия и славянство. 1930. № 109. 27 дек.
- 2 Национально-трудовой союз нового поколения. Исторический отдел. Белград, 1938. Ч. IV. С. 86.

- 3 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. 5802. Оп. 1. Ед. хр. 334.
- 4 См.: Митрохин В.А. Судьба русской эмиграции в Чехословакии // Проблемы политологии и политической истории. Саратов, 1998. Вып. 8. С. 3–8.
- 5 Возрождение. 1927. № 625. 17 фев.
- 6 ГАРФ. Ф. 5802. Оп. 1. Ед. хр. 334. Л. 4.
- 7 Лебедев В. Россия, славянство и интервенция. Прага, 1922. С. 19.
- 8 Там же. С. 20.
- 9 Там же. С. 21.
- 10 Масарик Т. О большевизме. Прага, 1921. С. 52.
- 11 Масарик Т. Славяне после войны. Прага, 1923. С. 14.
- 12 Там же. С. 18.
- 13 Деятельность чешского политика находила регулярное отражение в русской эмигрантской прессе. Так, «Возрождение» (№ 473 от 18 сент. 1926 г.) извещает своих читателей о публикации К. Крамаржем ряда статей в газете «Народные листы» под общим названием «В защиту славянской политики» с резкой критикой «гуманизма» Э. Бенеша.
- 14 Дальнейшая история подтвердила правоту позиции чешского политика. Развал союзного государства, созданного в 20-е гг. по национально-территориальному признаку, произошел в начале 90-х гг. XX в. как раз по «швам» национальных образований, механически включенных в федерацию.
- 15 Крамарж К. В защиту славянской политики. Прага; Париж, 1927. С. 9.
- 16 Там же. С. 9.
- 17 Там же. С. 70, 96. При всем критическом отношении к политике Николая II, К. Крамарж считал недопустимым делать предметом дебатов и политических спекуляций ситуацию, сложившуюся в семье императора в последние годы правления.
- 18 Крамарж К. Указ. соч. С. 72.
- 19 Там же. С. 7.
- 20 Там же. С. 146.

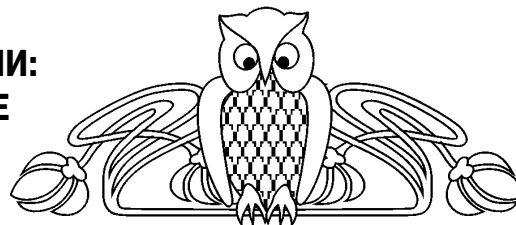
УДК 321.015

ПОПРАВКИ-2008 К КОНСТИТУЦИИ РОССИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

И.И. Кузнецов

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: politbum@mail.ru

В статье анализируется внесение поправок в Конституцию РФ. Исследуются мотивация предложенных Президентом РФ изменений, аргументы, выраженные в Послании к Федеральному Собранию РФ, тенденции и противоречия развития



политического процесса в России. Автор обозначает позиции основных политических сил, выразивших свое отношение к самому факту и процессу изменения Основного закона. Формулируется вывод о противоречивости результатов коррекции Конституции РФ.

Ключевые слова: государственная власть, Конституция РФ, поправки к Конституции, современные политические процессы в России, разделение властей.



Amendments-2008 to the Russian Constitution: Political Changes in the State Power System

I.I. Kuznetsov

The publication considers the amendments to the Constitution of the Russian Federation. We investigate the motives of the changes proposed by the RF President, the arguments expressed in his message to the Russian Federal Assembly and also the trends and contradictions of the political process in Russia. The author describes the position of the main political forces that have expressed their attitude to the fact and process of the basic law changes. The conclusions of the controversial results of the Russian Constitution correction have been drawn.

Key words: state power, RF Constitution, amendments to the Constitution, modern political processes in Russia, power dividing.

Предваряя обращение к проблеме развития российской конституционной модели власти, следует отметить, что торжества по случаю «круглой» даты отечественного Основного закона прошли как-то незаметно и формально в России (причина – инициатива Президента РФ об изменениях). Предыдущая дата – десятилетие – была серьезным поводом для научных споров, вызвала большой общественный резонанс в связи с актуальным на тот момент пониманием сущности российской политической системы, ее возможной трансформации¹. Однако на Западе общественно-политический интерес к пятнадцатилетней годовщине оказался значительно выше, например, в США была проведена масштабная научная конференция с участием американских и российских ученых². Является ли это внимание следствием озабоченности западного политического сообщества нынешним состоянием российской демократии, или в этом можно видеть пристальный интерес к возможному политическому будущему политической системы России, или это, может быть, стремление повлиять на отечественный политический процесс, используя в качестве «аргумента» свой более чем двухсотлетний конституционный опыт – вопрос открытый и во многом риторический.

Российская Конституция, дожив до своего пятнадцатилетнего возраста, впервые подверглась изменениям³. Сам факт появления новаций в Основном законе страны, причины данных «коррекций» (так официально определяется этот процесс российскими политиками на высоком уровне) и возможные политические последствия как в среднесрочной, так и в долгосрочной перспективе нуждаются в научном осмыслении. Целью данной публикации является анализ мотивации российского Президента, выраженной в его ежегодном Послании к Федеральному Собранию РФ, а также существующих оценок в научной и публицистической литературе относительно возможных дальнейших перспектив Конституции РФ и системы государственной власти в целом.

Вначале стоит отметить, что «техническая» правка Конституции стала, по-видимому, самым значительным политическим шагом Д.А. Медведева за первый год его президентского срока (если не считать отражение агрессии Грузии в Южной Осетии в августе 2008 г.).

Второй президент РФ В.В. Путин придерживался иной логики в отношении Основного закона страны, которая была хорошо известна и политическим элитам и обществу в целом. Признавая несовершенство Конституции, он неоднократно высказывался по поводу инициатив различных региональных законодательных собраний (например, Ивановской области или Чеченской Республики) о продлении срока полномочий главы государства: «Есть обстоятельства, которые не позволяют поддержать эту инициативу, – стремление к стабильности будет достигнуто за счет дестабилизации основ Конституции, которая является гарантом стабильного развития страны»⁴. Уверенность В.В. Путина в том, что необходимо во что бы то ни стало сохранить неприкосновенность Конституции РФ, была не только декларацией на словах – он их подкрепил делом – ушел с поста президента (во многом вопреки желанию своего окружения)⁵. Поддержка им инициативы третьего Президента России означает, что его взгляды на Конституцию изменились. Примечательно, что в СМИ постоянно подчеркивается, что инициатива о «корректировках» Конституции исходила от юриста «по первой профессии» (и, заметим, по полученной специальности) Президента РФ Д.А. Медведева. В то время как готовность Председателя Правительства РФ В.В. Путина их поддержать не отражалась оценками личной профессиональной биографии⁶.

Выступая 9 декабря 2008 г. на встрече с судьями Конституционного Суда (в данном случае выбор целевой аудитории для подробной правовой аргументации инициативы далеко не случаен), Д.А. Медведев подчеркнул, что не считает коррекцию отдельных статей Основного закона нарушением ее базовых принципов. Такой подход в чем-то оправдан. Действительно, в сам текст Основного закона вносятся «косметические изменения», затрагивающие всего несколько статей, связанных с организацией и функционированием государственной власти. Все три законопроекта, внесенные в Государственную думу, – федеральные конституционные законы (ФКЗ). Первый, «Об изменении срока полномочий Президента РФ и Госдумы», гласит, что поправки вносятся в статьи 81 и 96 Конституции. В этой части правка касается только цифр: 6 и 5 вместо 4. В тексте оговаривается, что закон о данной поправке применяется только в отношении президента и Госдумы, которые избраны после его вступления в силу⁷. Вторым законопроектом вводится обязанность правительства ежегодно отчитываться в Госдуме по итогам деятельности и «по вопросам, поставленным непосредственно парламентом».



Поправки вносятся в ч. 1 ст. 103 Конституции (описывает предмет ведения парламента) и в ч. 1 ст. 114 (перечень полномочий правительства)⁸. В пояснениях к документам объясняется, что такое исправление вносится с целью повышения «в государственной и общественной жизни страны роли демократических институтов, важнейшим из которых является российский парламент». Наконец, третий проект – о внесении изменений в статьи 13 и 28, а также в главу VI ФКЗ «О Правительстве РФ». Согласно законопроекту, правительство представляет Думе ежегодные отчеты о своей деятельности и по вопросам, поставленным парламентом. Эти отчеты предварительно рассматриваются на заседании кабинета министров, а их подготовка осуществляется в порядке, предусмотренном регламентом правительства. Указанные отчеты подлежат обязательному официальному опубликованию в «Российской газете» и «Парламентской газете». Отметим, поправки не содержат прямого указания на то, что отчет перед Госдумой несет Председатель Правительства РФ (поскольку действует норма, согласно которой в правительстве назначается уполномоченный за визит в парламент).

Какова же мотивация Президента РФ и поддержавшего его премьер-министра в таком неординарном политическом сюжете, как правка Конституции? Впервые озвучивая эту идею в своем ежегодном Послании к Федеральному Собранию (которое теперь уже именуют историческим – «конституционным»), Д.А. Медведев привел несколько аргументов. Разделим их условно на группы.

1. *Идеологические аргументы*, фиксирующие последовательную приверженность руководства страны либеральным (в доступном для них понимании) политическим принципам: «основу нашей политики должна составить идеология, в центре которой – человек», и далее – «Конституция предопределила путь обновления России как государства свободной нации»⁹. Эти доводы вполне традиционны для правящей политической элиты, поскольку демонстрируют преемственность всей постсоветской политической системы.

2. *Исторические аргументы* в основном связаны с декларацией верности основным принципам, заложенным российскими «отцами-основателями» в Конституции. Сам факт принятия Основного закона рассматривается как «беспрецедентное событие в истории российской нации», заслуживающее всеобщей благодарности «всех, кто участвовал в разработке и согласовании этого документа ... причем некоторые из них присутствуют и в этом зале». Для этого годится также и использование в качестве аргумента-символа исторической личности¹⁰: «хотел бы привести слова Петра Столыпина, который говорил: “Прежде всего, надлежит создать гражданина и когда задача эта будет осуществлена – гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданин,

а потом гражданственность. А у нас обыкновенно проповедают наоборот”»¹¹.

3. *Алармистские, предупреждающие*: «Тем, кто хотел бы нажать на глобальном экономическом кризисе “легкий” политический капитал, ... кто хотел бы дестабилизировать общество, чтобы удовлетворить личные амбиции – советуем прочесть Конституцию. Считаю своим долгом предостеречь тех, кто надеется спровоцировать обострение политической обстановки. Мы не позволим разжигать социальную и межнациональную рознь, обманывать людей и вовлекать их в противоправные действия. Конституционный порядок и впредь будет обеспечиваться всеми законными средствами». Здесь налицо попытка связать актуальный социально-политический фон, заданный кризисной риторикой СМИ и ожиданиями значительных изменений в мировой экономике и политике, с возможными (в логике российской власти) попытками политической дестабилизации в России.

4. *Технологические*: «Убежден, наше движение к свободе и демократии будет успешным и неуклонным лишь в том случае, если авторитет Президента и Государственной думы будет достаточно высок, основан не только на предвыборных обещаниях, но и на практических результатах деятельности, если у них будет достаточно времени, чтобы все заявленное провести в жизнь, и результаты своей работы реально показать народу, отчитаться за них перед избирателями, перед страной». Здесь, пожалуй, представлена наиболее лаконичная схема доводов – необходимо увеличить полномочия главы государства и Государственной думы в целях создания возможностей для реализации всего запланированного. Той же задаче служит совершенствование механизма отчетности Правительства РФ перед парламентом. По логике проводимых административных преобразований в России (так называемой «административной реформы») это в целом укладывается в теоретическую рамку построения «государства сервиса», где публичная власть ориентирована на оказание широких услуг населению и подотчетна ему посредством оценки качества этого самого сервиса.

Итак, Конституция России перестала быть «священной коровой» и теперь сложилась принципиально новая ситуация политического развития: следующая правка Основного закона (возможно, уже более значительная по объему и содержанию) становится вопросом времени. Как скоро это может произойти – отдельный вопрос, но есть предположения, что в обозримой перспективе¹². Скоротечность реализации инициативы президента вместе с определенными процедурными погрешностями¹³, на которые указали некоторые российские политики¹⁴, привели к тому, что в российском обществе отчетливо прозвучало недовольство таким подходом к Основному закону. Демонстрацией такого недовольства в сети Интернет стало создание специальной странички,



на которой собирались подписи противников изменения текста Основного закона страны, там же представлены аргументы против коррекции Конституции¹⁵. Тем не менее поправки уже реализованы и большинство парламентов субъектов РФ их поддержали (в каком-то смысле даже соревнуясь друг с другом в скорости рассмотрения этого вопроса).

Российские политики отнеслись к новациям весьма сдержанно, несмотря на то, что некоторые из них открыто выступили против инициативы президента и оставили свои подписи на ресурсе <http://popravkam.net/> (среди них – С. Митрохин, Г. Явлинский, С. Иваненко, Е. Бунимович, В. Шейнис, В. Новодворская, В. Милов, Б. Немцов, Л. Гозман, И. Яшин, Б. Надеждин, В. Лысенко и др.). Что касается парламентских фракций, то здесь практически была воспроизведена сложившаяся схема поддержки инициатив главы государства и исполнительной власти – «Единая Россия», «Справедливая Россия» и ЛДПР выступили «за», а КПРФ – «против». При этом позиция коммунистов аргументировалась так же как и российскими «правыми» политиками: негативный опыт политической монополизации, достаточность предусмотренных Конституцией сроков полномочий главы государства и парламента для реализации всех задач данных институтов, снижение уровня активного избирательного права граждан России за счет уменьшения их влияния на формирование высших государственных институтов РФ (более редкая процедура голосования). Особую критику со стороны российских оппозиционных политических сил вызывает сам подход к скорому изменению Конституции. А именно – отсутствие всенародного (и даже узкопрофессионального специального) обсуждения всех параметров поправок и оценки их возможных последствий. Кроме того, принятие такого важного для страны решения произошло во время нарастающих кризисных тенденций в российской экономике, на фоне ухудшающейся социально-экономической ситуации, которая чувствительно затронула большинство граждан. Все это дает основания полагать, что российская власть в большей степени заинтересована в снижении рисков неопределенности, связанных с регулярным проведением выборов главы государства и нижней палаты парламента. Сужая возможности граждан влиять на процесс трансляции государственной власти, увеличение сроков, власть делает одновременно и другой шаг – фиксирует конституционное требование ежегодной отчетности правительства перед Государственной думой. Кроме того, попутно вносятся изменения в законодательство о выборах, дающие некоторые послабления политическим партиям (снижение минимальной численности, предоставление минимальной возможности малым партиям провести своих кандидатов в парламента). Эти действия в конечном итоге призваны продемонстрировать символическую привержен-

ность власти либеральной демократии, готовность продолжать декларировать права и свободы граждан как высшую ценность. Однако изменение Основного закона, принятого пятнадцать лет назад «всенародным голосованием», пусть и законным путем, но все же в обход суверена, означает, что социальный контракт в определенной степени поставлен под сомнение.

Характерно, что в некоторых зарубежных публикациях о российской власти наблюдается подвижка оценок. Так, передача власти от В.В. Путина к Д.А. Медведеву в целом оценивалась как движение в русле демократического развития в духе уважения Основного закона. Немецкие политологи, в частности, констатировали наличие в российской Конституции ограничения президентских полномочий двумя четырехлетними сроками, определяя ее как одну из наиболее строгих систем¹⁶. Отмечалась готовность российских элит придерживаться конституционных правил¹⁷. Действительно, на фоне многих других постсоветских государств Россия выглядела весьма достойно, поскольку Основной закон не переписывался в угоду увеличению президентского срока или отмены ограничений на количество переизбраний поста главы государства. Если сравнить с Туркменией, где с 1999 г. в соответствии с законом президент получил возможность оставаться на посту пожизненно, или с Азербайджаном, где власть фактически перешла по наследству от отца к сыну, то российский вариант механизма преемничества выглядит весьма пристойно. Кроме того, в отличие от Украины, Грузии и Киргизии в нашей стране удалось избежать сценария революционной трансформации власти с широким участием народных масс в «уличной политике». Однако в дальнейшем как в зарубежных СМИ¹⁸, так и в научных изданиях стала звучать острая критика российской власти, осуществившей именно такой вариант собственной трансформации¹⁹.

Отдельно стоит указать на использование двух линий изменений в Конституции – увеличение срока полномочий двух важнейших государственных институтов, избираемых всенародными выборами, и введение ежегодной отчетности кабинета министров перед парламентом. Первое, на наш взгляд, идет вразрез с тенденциями демократических государств, где, как правило, по мере укрепления демократических институтов сроки полномочий избираемых органов остаются неизменными или даже снижаются. Пример современной Французской Республики наглядно подтверждает данный тезис²⁰. В то же время введение ежегодного отчета исполнительной власти играет на повышение шансов укрепления института разделения властей, формирование действительно ответственного правительства и движение в сторону большей прозрачности принятия и осуществления важнейших государственных решений.

Таким образом, принятые поправки в Конституцию России сформировали новую



политическую реальность. Во-первых, власть, инициировав данный процесс, предпочла вывести проблему конституционной реформы из актуальной повестки дня, ограничившись констатацией небольших и неизбежных «корректировок». Публичного обсуждения проекта изменений фактически не было, решение, вышедшее в узкой правящей группе, стало официальным фактом. Во-вторых, мнение оппозиции относительно содержания поправок, их необходимости и своевременности не было учтено (это касается и парламентской партии КПРФ и тех политических сил, которые не представлены в Государственной думе). Тем самым, несмотря на формальное соответствие конституционному законодательству, поправки не укрепили легитимность существующей власти, не упрочили авторитета самой Конституции, не позволили сформировать широкую политическую коалицию на основе общего понимания политических задач, стоящих перед страной. В-третьих, открыт путь к активному поиску путей дальнейшего реформирования конституционной структуры государственной власти. И если ранее написание проектов нового Основного закона было в основном уделом отдельных политизированных структур или профессиональных экспертов²¹, то теперь такое творчество может стать предметом государственной бюрократии, заинтересованной в сохранении своего влияния, ослаблении демократического контроля и прозрачности в процедурах принятия решений. Учитывая, что Федеральный конституционный закон «О Конституционном собрании» по-прежнему не принят (и пока власть не проявляет заметного интереса к такому политическому решению), то велика вероятность появления новых «корректировок» в Основном законе. Развитие этого процесса может привести даже в среднесрочной перспективе (3–5 лет) к резкому падению авторитета государственной власти в целом, активным проявлениям недовольства как со стороны отдельных политических групп элиты, так и с участием массового социального субъекта. Представляется, что важнейшим элементом построения демократической системы власти являются не просто декларации о приверженности конституционным ценностям и формальное следование традиционным процедурам выборов или имитация многопартийности, а то, как система организации государственной власти обеспечивает противовесы между различными институтами, гарантируя, с одной стороны, то или иное меньшинство от произвола любого большинства, а с другой – не давая меньшинству фактически шантажировать имеющееся большинство. Иначе говоря, демократическая система, ограничивая органы власти четкими процедурами, главным образом, должна обеспечивать постоянное согласование интересов различных групп граждан, достижение между ними компромисса и согласия.

Примечания

- ¹ См. цикл публикаций в научной периодике: *Филатов С.А.* Что значит для России Конституция 1993 года? // *Общественные науки и современность.* 2003. № 6. С. 21–28; *Шейнис В.Л.* Состязание проектов (к истории создания российской Конституции) // Там же. С. 5–20; *Чиркин В.Е.* Реформа российской Конституции: этапы и проблемы // Там же. 2000. № 5. С. 52–61; *Краснов М.А.* Конституция России: заповедная территория или среда обитания? // *Конституционное право. Восточно-европейское обозрение.* 1999. № 3; *Страшун Б.* Конституция России – среда обитания, требующая рационального использования // Там же. С. 138–148; *Медушевский А.Н.* Конституция Российской Федерации и большие циклы российского конституционализма / Там же. 2003. № 4(45). С. 37–59; *Снежко О.* Правовая природа конституционных ценностей современной России // *Сравнительное конституционное обозрение.* 2005. № 2(51). С. 13–20; *Мамут Л.* Российская Конституция в XXI веке // Там же. 2003. № 4(45). С. 59–65; *Рябов А.* Конституция 1993 года и некоторые особенности российской модели разделения властей // Там же. С. 107–112.
- ² 19 марта 2009 г. в вашингтонском Институте имени Дж. Кеннана прошла международная конференция «Российской Конституции 15 лет: оценка и очередные задачи российского законодательства». Главным инициатором был О.Г. Румянцев, один из «отцов» Конституции, а сейчас руководитель Фонда конституционных реформ. С американской стороны гостей приветствовал Виллиам Померанц, замдиректора Института Кеннана. Главной «звездой» был М.С. Горбачев, а главным спонсором А. Лебедев. Объясняя, почему юбилейная сессия происходит в Америке, Румянцев рассказал, что летом 1990 г. он целый месяц разрабатывал проект конституции в Библиотеке Конгресса США, в офисе ее директора и специалиста по России Джэймса Биллингтона. Недаром американцы называли Румянцева русским Томасом Джефферсоном. См.: *Краснов В.* Конституции РФ 15 лет: как юбилей отмечали в США. Репортаж, впечатления, размышления // <http://www.rfcr.ru/news/103/print/>
- ³ Здесь, конечно, нужно сделать оговорку. За последние восемь лет – «путинский период» – все же были изменения в 65-й главе, где перечислены названия субъектов Федерации – их число за эти годы в процессе укрупнения сократилось с 89 до 83. Но корректировка всякий раз производилась в строгом соответствии с нормами законодательства, так что эта тема даже у юридической общественности, всегда готовой поспорить о букве и духе очередного подпункта, не вызывала интереса.
- ⁴ Конституцию поправили. Самый важный шаг президента – правка Основного закона // *Независимая газета.* 2008. 12 дек.
- ⁵ Известный политолог, президент информационно-исследовательского центра «Панорама» В.В. Прибыловский отмечает, что «В. Путин на подхалимаж “клюет” (хотя вида и не подает), видимо, хорошо знают люди, давно с ним знакомые. И не забывают при случае этим воспользоваться. Давний соратник Пути-



- на по Санкт-Петербургу Сергей Миронов, как только был избран в декабре 2001 года по рекомендации президента председателем Совета Федерации, сразу же отметил: "...на всю жизнь запомнился стиль работы Путина с законодательным органом власти. Стиль просто замечательный, надо его рекомендовать всем на все времена". А через пару недель заявил, что считает необходимым увеличить срок полномочий президента с *четырёх лет до семи*. Цит. по: *Прибыловский В.В.* Путинославие: Хроника прославлений Путина Владимира Владимировича // Россия Путина. Пристрастный взгляд. М., 2003.
- ⁶ *«Медведев впервые выступил как юрист»*. Цит. по: «Конституционалисты» против Конституции? Первое Послание Президента не оставило юристов равнодушными // <http://www.liberty.ru/layout/set/print/themes/konstitucionalisty-protiv-konstitucii-pervoe-poslanie-prezidenta-ne-ostavilo-yuristov-ravnodushnymi>.
- ⁷ Федеральный закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» // Российская газета. 2008. 31 дек.
- ⁸ Здесь и далее приводится текст новой, «поправленной» Конституции РФ. См.: Конституция Российской Федерации от 25 декабря 1993 года, с изменениями от 30 декабря 2008 года // <http://www.rg.ru/2009/01/21/konstitucia-dok.html>. (Российская газета. 2009. 21 янв.)
- ⁹ Здесь и далее данный документ цитируется по он-лайн публикации на официальном сайте Президента РФ. Послание Президента РФ Федеральному Собранию. Полный текст // <http://www.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349>
- ¹⁰ Весьма примечателен выбор П.А. Столыпина в качестве референтного образа российского политика, которого использует глава государства в своей главной ежегодной публичной речи. В этой связи – второе место в национальном конкурсе «Имя России. Исторический выбор-2008», присужденное по его результатам (304 035 голосов) выглядит как символическая поддержка власти (официально «представлял» данного героя на конкурсе известный кинорежиссер Н.С. Михалков). См.: <http://www.nameofrussia.ru/person.html?id=100>
- ¹¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию. Полный текст // <http://www.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349>
- ¹² Эти предположения основаны на том, что в научной литературе все чаще стал обсуждаться вопрос возможных параметров конституционной реформы. См. например: *Киреев В.В.* К вопросу о понятии и методологии исследования конституционной реформы // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 4. Один из ведущих российских конституционалистов, профессор МГУ С.А. Авакьян утверждает, что «сложность или, попросту, недостаточная легитимность принятия данной Конституции в сочетании с ее внутренними недочетами, связанными с перекосом баланса властей в пользу президента, отсутствием полноценного регулирования федеративных отношений, неудачной моделью местного самоуправления, позволяют ставить глобальный вопрос о ее будущем ... считая данную Конституцию документом переходного периода, надо думать о ее замене новым Основным законом» (*Авакьян С.А.* Конституция Российской Федерации: нормы и действительность // Неприкосновенный запас. 2008. № 5(61). С. 69). Схожее мнение разделяют и некоторые российские политики. Член Совета Федерации РФ Александр Торшин предложил «на всякий пожарный случай написать несколько Конституций – про запас» (Конституцию поправили. Самый важный шаг президента – правка Основного закона // Независимая газета. 2008. 12 дек.).
- ¹³ *Веретенникова К., Рожкова Н.* Мистика Конституции. Основной закон России првят впервые за 15 лет // Время Новостей. 2008. № 231, 12 дек.
- ¹⁴ В официальном заявлении партии «Яблоко» говорится, что Совет Федерации нарушил сроки окончательного утверждения поправок: он должен был подвести итог голосованиям в регионах только в ноябре 2009 года. Статьей 9 Федерального закона № 33-ФЗ от 04.03.1998 г. «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» региональным парламентам установлен срок рассмотрения закона о поправке к Конституции в один год. Согласно статье 11 закона Совет Федерации подводит итоги голосования в региональных законодательных собраниях на своём первом заседании по истечении указанного срока. Закон не вводит исключения из этого правила даже в случае, если все региональные парламента рассмотрели поправки досрочно. Данная норма специально предусмотрена в законе для того, чтобы не позволить в спешке, без обсуждения принять поправки к Основному закону страны. Региональные парламента имеют возможность изменить в течение года своё решение. Это имеет особое значение в тех регионах, где в течение года запланированы выборы в парламента.
- ¹⁵ Сбор подписей против изменения Конституции РФ. На 01.04.2009 года собрано 17713 // <http://popravkam.net/>
- ¹⁶ См.: *Нуссбергер А.* Ограничения президентской власти в посткоммунистических странах // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 5(66) С. 60.
- ¹⁷ См.: *Mommsen M., Nussberger A.* Das System Putin: Gelenkte Demokratie und politische Justiz in Russland. Munchen: C.H. Beck, 2007. S. 75.
- ¹⁸ См., например, обзор публикаций европейских СМИ: *Балмасов С.* Иностранные СМИ: «Операция ручной Медведев» началась 13 декабря 2007, четверг // <http://www.newsinfo.ru/articles/2007-12-13/Medvedev/37118>
- ¹⁹ См.: *Ремингтон Т.* Патронаж и партия власти: взаимоотношения Государственной думы и Президента в современной России // Неприкосновенный запас. 2008. № 57.
- ²⁰ В сентябре 2000 г. во Франции на проведенном референдуме было принято решение о сокращении конституционного срока президентских полномочий с 7 до 5 лет, но не исключался третий срок президентства. В мае 2008 г. депутаты Национального собрания Республики Франция одобрили поправку к Конституции, согласно которой президенты Франции не будут занимать



высший государственный пост более двух пятилетних сроков подряд.

²¹ См., например, такие проекты, как: Ремизов М., Карев Р., Межуев Б., Белковский С. Смена власти-2008 и необходимость конституционной реформы в Рос-

сии // www.apn.ru/ 2007-04-12 ИНС; Русская доктрина (Сергиевский проект). М., 2008; Краснов М.А., Сатаров Г.А., Федотов М.А. Россия-2015: судьба конституционно-политического устройства // Доклад Фонда ИНДЕМ. М., 2001.

УДК 32.01

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТЕОРИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

М.В. Данилов

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: super9999@yandex.ru

В статье анализируется отражение политических процессов в различных теориях информационного общества. В центре внимания находится проблема политизации социальных отношений в постиндустриальном мире.

Ключевые слова: политика, политизация, политический процесс, информационное общество.

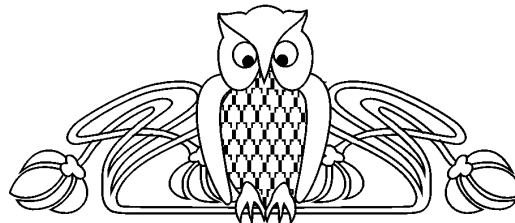
The Problem of Politicization of Social Relationships in Information Society Theories

M.V. Danilov

The article investigates the reflection of political processes in different theories of information society. It focuses on the problem of politicization of social relationships in the post-industrial world.

Key words: politics, politicization, political process, information society.

В современном мире наблюдается унификация формальных характеристик политики. Эта унификация происходит в процессе распространения стандартов западной демократии, в результате чего в практике закрепляются стандартные политические процедуры, исполняемые стандартными политическими субъектами. Стандартность политических систем сегодня выступает едва ли не основным критерием цивилизованности общества. Вместе с тем потеря политическими системами своей специфичности делает их потенциально уязвимыми в глобальной конкуренции за жизненное пространство. Для понимания специфики национальных демократий сегодня приобретают актуальность новые ракурсы политических исследований. Одним из них является исследование механизмов преобразования неполитических практик в политические. В условиях глобализации именно подобные трансформационные механизмы обеспечивают сохранение национальной специфики политических систем. Имеет место процесс политизации общественных отношений и обратный ему – процесс деполитизации. Политизация представляет собой процесс



перевода социальных отношений из режима подчиненности традициям в режим подчиненности властным интересам. Особенно актуализируется эта проблема в связи со становлением нового типа социума – информационного общества.

Рассматривать содержание и сущность политики и политизации в различных интерпретациях информационного общества необходимо, отталкиваясь от самих определений того, что есть информационное общество. Все дефиниции, так или иначе, строятся вокруг центрального термина – информации. Информация рассматривается как фактор, придающий новизну общественному устройству. В связи с этим логично предположить, что информация меняет, в том числе, и политическую сферу жизни общества. Однако имеющиеся в нашем распоряжении определения в качестве основного уделяют внимание одному из пяти параметров: технологическому; экономическому; трудовому; пространственному; культурному.

Как видим, в чистом виде политический параметр практически не выделяется. Тем интереснее проанализировать различные определения относительно очертания новых контуров политической сферы. Мы в своей работе будем исходить из понимания того, что количественное увеличение информации еще не создает информационного общества, а оно возникает тогда, когда информация принципиально меняет образ нашей жизни, в том числе и политической. Мы согласны с мнением В.М. Бондаренко, что данному технологическому укладу должны соответствовать адекватные социально-экономические, политические структуры и институты¹.

Технологии – признак рождения нового общества – информационного. Все они, так или иначе, связаны со способами распространения, получения, обработки информации. Социальное переустройство, связанное со становлением информационного общества, означает и изменение границ политической сферы. По крайней мере, эти границы становятся очень зыбкими и практически прозрачными². Важнейший аспект технологического развития – это интернет-технологии, которые многими современными теоретиками



высший государственный пост более двух пятилетних сроков подряд.

²¹ См., например, такие проекты, как: *Ремизов М., Карев Р., Межуев Б., Белковский С.* Смена власти-2008 и необходимость конституционной реформы в Рос-

сии // www.apn.ru/ 2007-04-12 ИНС; Русская доктрина (Сергиевский проект). М., 2008; *Краснов М.А., Сатаров Г.А., Федотов М.А.* Россия-2015: судьба конституционно-политического устройства // Доклад Фонда ИНДЕМ. М., 2001.

УДК 32.01

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТЕОРИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

М.В. Данилов

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: super9999@yandex.ru

В статье анализируется отражение политических процессов в различных теориях информационного общества. В центре внимания находится проблема политизации социальных отношений в постиндустриальном мире.

Ключевые слова: политика, политизация, политический процесс, информационное общество.

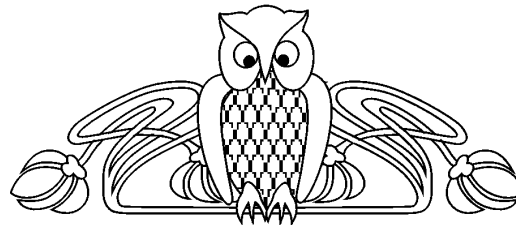
The Problem of Politicization of Social Relationships in Information Society Theories

M.V. Danilov

The article investigates the reflection of political processes in different theories of information society. It focuses on the problem of politicization of social relationships in the post-industrial world.

Key words: politics, politicization, political process, information society.

В современном мире наблюдается унификация формальных характеристик политики. Эта унификация происходит в процессе распространения стандартов западной демократии, в результате чего в практике закрепляются стандартные политические процедуры, исполняемые стандартными политическими субъектами. Стандартность политических систем сегодня выступает едва ли не основным критерием цивилизованности общества. Вместе с тем потеря политическими системами своей специфичности делает их потенциально уязвимыми в глобальной конкуренции за жизненное пространство. Для понимания специфики национальных демократий сегодня приобретают актуальность новые ракурсы политических исследований. Одним из них является исследование механизмов преобразования неполитических практик в политические. В условиях глобализации именно подобные трансформационные механизмы обеспечивают сохранение национальной специфики политических систем. Имеет место процесс политизации общественных отношений и обратный ему – процесс деполитизации. Политизация представляет собой процесс



перевода социальных отношений из режима подчиненности традициям в режим подчиненности властным интересам. Особенно актуализируется эта проблема в связи со становлением нового типа социума – информационного общества.

Рассматривать содержание и сущность политики и политизации в различных интерпретациях информационного общества необходимо, отталкиваясь от самих определений того, что есть информационное общество. Все дефиниции, так или иначе, строятся вокруг центрального термина – информации. Информация рассматривается как фактор, придающий новизну общественному устройству. В связи с этим логично предположить, что информация меняет, в том числе, и политическую сферу жизни общества. Однако имеющиеся в нашем распоряжении определения в качестве основного уделяют внимание одному из пяти параметров: технологическому; экономическому; трудовому; пространственному; культурному.

Как видим, в чистом виде политический параметр практически не выделяется. Тем интереснее проанализировать различные определения относительно очертания новых контуров политической сферы. Мы в своей работе будем исходить из понимания того, что количественное увеличение информации еще не создает информационного общества, а оно возникает тогда, когда информация принципиально меняет образ нашей жизни, в том числе и политической. Мы согласны с мнением В.М. Бондаренко, что данному технологическому укладу должны соответствовать адекватные социально-экономические, политические структуры и институты¹.

Технологии – признак рождения нового общества – информационного. Все они, так или иначе, связаны со способами распространения, получения, обработки информации. Социальное переустройство, связанное со становлением информационного общества, означает и изменение границ политической сферы. По крайней мере, эти границы становятся очень зыбкими и практически прозрачными². Важнейший аспект технологического развития – это интернет-технологии, которые многими современными теоретиками



информационной эры рассматриваются как инструмент обучения демократии³. Интернет фактически становится важным каналом политизации. С его помощью проблемы неполитические политизируются, привносятся в публичное политическое пространство. В идеале все активные интернет-пользователи могут рассматриваться как участники процесса политизации.

Слабость технологического критерия при определении информационного общества вообще и применительно к пониманию явлений политизации в частности состоит в том, что простое перечисление информационно-коммуникативных технологий не дает нам понимания сути их воздействия на политическое устройство. Очевидно, меняются технологии политического процесса, но как трансформируется политическая сфера, каким проблемным содержанием она наполнена – остается туманным. Отчетливо ясно, пожалуй, лишь одно – сами информационно-коммуникативные технологии становятся политической проблемой. Но вопрос в том, является ли это лишь одной из приходящих политических проблем, либо мы имеем дело с фундаментальным политическим явлением? Кроме того, технологии рассматриваются при таком подходе как нечто изолированное от политики. В качестве примера можно привести достаточно фундаментальную работу отечественного ученого И.С. Мелюхина, в которой информационное общество называется производным от информационной составляющей. И даже роль государства заключается лишь в том, чтобы обеспечивать наиболее благоприятные условия для развития информационных технологий⁴. Но именно в политической сфере принимаются решения о развитии тех или иных технологических направлений. В СССР это были космические и ядерные технологии, а в современной России – нанотехнологии.

Экономический критерий связан с увеличением доли информационного бизнеса в валовом национальном продукте. И если доля такого бизнеса превалирует над долями промышленности и сельского хозяйства, то общество может считаться информационным. В связи с этим обычно выделяют отрасли, принадлежащие к информационному сектору экономики (образование, право, СМИ, производство компьютеров)⁵. Этот подход может быть подвергнут критике, поскольку на практике чрезвычайно трудно отделить информационные отрасли от неинформационных. Скажем, какова доля информационной экономики в предприятиях нефтеперерабатывающей отрасли? Как оценить вклад отделов, связанных с внедрением информационных технологий, находящихся внутри промышленных предприятий, и т.д.⁶

Тем не менее экономический критерий позволяет акцентировать внимание на экономической подоплеке изменения границ политической сферы в информационную эпоху. Собственно, всегда экономика являлась основным «поставщиком»

новых политических проблем. Именно экономические проблемы чаще других политизируются. Информационная экономика предполагает появление целого ряда новых проблем. Эти проблемы не имели и не имеют в массе своей заготовленных решений в рамках традиционного права или администрирования. Скажем, развитие сотовой связи, «пластиковых» денег и пр. уже сегодня поставило политическую проблему о сужении границ личной свободы каждого отдельно взятого человека и всего общества. Следовательно, обсуждение и решение подобных проблем возможно главным образом в политической плоскости. Поэтому экономический критерий выделения информационного общества как стадии развития человечества представляется нам чрезвычайно важным.

Подход к пониманию информационного общества через анализ сферы занятости (трудовой критерий) является одним из самых распространенных и популярных. Эта парадигма тесно связана с работами Д. Белла⁷, который является крупнейшим теоретиком постиндустриального общества. Суть здесь достаточно проста. Общество становится информационным, когда большинство занятых работают в сфере услуг, поскольку сырьем для нефизического труда является информация.

Данный критерий предполагает и наличие изменений в политической сфере. По крайней мере, логично предположить, что если информация меняет социальную сферу, то она ведет и к изменению политической. Очевидны и новые политические проблемы, возникающие в связи с этим. Прежде всего, политизации подвергаются трудовые отношения, которые связаны с появлением новых профессиональных групп. Для нас представляет интерес такой аспект рассматриваемого критерия, как появление новых политических профессий, чья функция, по большому счету, заключается в исполнении роли агента политизации тех или иных проблем. Это разного рода эксперты, имиджмейкеры, политтехнологи, аналитики и пр. Некоторые авторы предполагают, что движущей силой современной экономики являются люди, чья профессия состоит в обработке, сборе, передаче или хранении политической информации и символов⁸.

При пространственном подходе первоочередное внимание уделяется тому, что в информационном обществе меняются традиционные пространственно-временные характеристики. Главный акцент делается на информационных сети, которые связывают различные места, а потому могут оказать глубокое воздействие на организацию времени и пространства. Появилась идея, что человечество втягивается в «информационную кольцевую магистраль»⁹. Действительно, физические расстояния более не являются существенным препятствием для получения информации. Мы практически в режиме реального времени наблюдаем за процессами, которые протекают на



других континентах и которые приобретают для нас политическую значимость. В политическом плане это имеет несколько последствий.

Первое связано с проблемами политического управления. Особенно это становится очевидным, когда мы сталкиваемся с такими гигантскими по размерам территории государствами, как Россия. Гипотетическому «доинформационному» чиновнику требовалось по нынешним меркам гигантское количество времени для получения информации о развитии отдаленных территорий или контактов с зарубежными странами. Ни о каком оперативном управлении в нынешнем понимании речи идти не могло.

Второе последствие связано с тем, что информационные сети резко расширяют пространство политизации. До этого политизироваться могли проблемы исключительно фундаментального, глобального (для данного социума) уровня. Иные, частные проблемы просто не имели шансов быть донесенными до политических центров. Информационное общество открывает возможность для политизации практически любой проблемы, даже самого частного уровня. Вопрос заключается в построении правильной информационной стратегии.

Культурный критерий демонстрирует то обстоятельство, что мы живем в медианатурженном обществе, где все самые обыденные вещи приобретают информационное значение. Современная жизнь значительно символизируется, возникает множество различных смыслов, существующих одновременно. Признание взрывного роста смыслов и является согласно культурному критерию свидетельством перехода к информационному обществу. Как писал Ж. Бодрийяр: «Информации становятся все больше, а смысла все меньше»¹⁰.

В политической сфере рост значения знаковых систем наиболее нагляден. В этой связи мы уверенно можем говорить о политизации через знаковые сигналы самых разных социальных отношений. Собственно, вся современная индустрия политического PRa, построения имиджей политиков фактически означает сознательную, целенаправленную политизацию тех или иных сторон реальности. В таких условиях существенно возрастает политическая роль СМИ, которые являются инструментами политических манипуляций. Как пишет Ф. Уэбстер: «Человек не испытывает потребности в правдивых знаках, поскольку он соглашается с тем, что никаких правд больше не существует, ... мы вошли в век “зрелищ”, когда человек отдает себе отчет в искусственности всех знаков, которые он может получить»¹¹.

Современная культура гораздо в большей степени зависит от информации, чем все предыдущие типы культур. Состояние современного социокультурного пространства, его динамика во многом определяются технологической коммуникационной средой (радио, телевидение, компьютеры, спутниковая связи и т.д.). Большинство со-

временных авторов, так или иначе исследующих изменения, приносимые технологиями в нашу жизнь, отмечают, что рост накопления знания и информации в XX и XXI веках носит экспоненциальный характер. Социокультурная среда информационного общества начала формироваться в недрах индустриального общества. Индустриальное общество с его массовым характером производства, по сути, подготовило наступление эры цифровых компьютерных технологий, позволяющих вести эффективный и стандартизированный учет огромных массивов данных¹².

Здесь уместно упомянуть о трансформации при переходе к информационному обществу такого, казалось бы, традиционного социально-экономического института, как реклама. Причем смысл изменений виден не на обычной – коммерческой – рекламе, но на рекламе, которая призвана обеспечить статусных и нестатусных субъектов социального управления: политической и социальной рекламе. Политическая и социальная реклама стала мощным инструментом политизации, реклама привносит в политическое пространство самые разные, порой экзотические проблемы. Именно бум политической и социальной рекламы является одной из самых характерных примет информационного общества. В качественно новой демократии, отвечающей информационному обществу, некогда монополярный субъект политической и социальной рекламы – правительство – теряет свою монополию ввиду появления не только негосударственных, но уже и нестатусных субъектов политической и социальной рекламы (тех же пользователей Интернета). Поэтому в обществе происходят также и глубокие социально-психологические сдвиги, связанные с изменением в субъекте, объекте и содержании политико-рекламной деятельности¹³.

При рассмотрении различных подходов к определению информационного общества и возможных способов интерпретации явления политизации в нем становится ясно, что все они недостаточно развернуты и обладают некоторыми недостатками. Сами по себе трактовки информационного общества практически не имеют политического содержания, его мы можем лишь домысливать исходя из общей парадигмальности того или иного подхода. Но важно другое, что мы можем довольно четко зафиксировать принципиально иные причины, механизмы и процедуры политизации общественных отношений, не свойственных ни аграрному, ни индустриальному обществам. Механизмы взаимовлияния различных сторон социальности на постиндустриальной стадии развития человечества принципиально отличаются от предшествующих эпох. По нашему глубокому убеждению, современное общество принципиально холично, то есть обладает целостностью. О холичности нашего мира свидетельствуют движения различных меньшинств и локальностей, которые как «антитела» сопротивляются доминирующим



процессам. В разобщенном обществе просто нет необходимости заявлять о миноритарных ценностях, напротив, в нем идет борьба за укрупнение, за создание целостности. Вся социальная эволюция свидетельствует о расширении границ политической сферы. Ныне политика в чистом виде не существует. Политизация, как фундаментальный процесс современности, размывает границы социальных сфер, а ее анализ расширяет арсенал методов решения возникающих проблем.

Примечания

- 1 См.: Бондаренко В.М. Информационное общество для всех – информационное общество для каждого человека в отдельности // Информационное общество. 2001. № 1. С. 34.
- 2 См., напр.: Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004; Он же. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2003.
- 3 См.: Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. М., 1999.
- 4 См.: Мелюхин И.С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М., 1999. С. 56–57.
- 5 См.: Machlup F. Knowledge: Its Creation. Distribution and Economic Significance. Vol. III: The Economics of Information and Human Capital. Princeton, 1984.

- 6 Подробную критику см.: Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004.
- 7 См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999; Он же. Социальные рамки информационного общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://NetHistory.Ru/biblio/1043172230.html>
- 8 См.: Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на западе: Антология. М., 1990.
- 9 См.: Barron I., Curnow R. The Future with Microelectronics: Forecasting the Effects of Information Technology. Pinter, 1979.
- 10 См.: Кимелев Ю.А. Бодрийяр Ж. Иллюзия конца, или Прекращение событий // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3. Философия. РЖ. 1998. № 3. С. 24–28.
- 11 Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С. 29.
- 12 См.: Соловьев А.В. Информационное общество как пост- и неогуманистическая социокультурная среда // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2007. № 9. С. 204.
- 13 См.: Али-Заде А.А. Кларк С. В защиту реализма «объективных условий» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8. Науковедение. РЖ. 2002. № 4. С. 60.

УДК 329.059470+571

ВОСПРИЯТИЕ ПАРТИЙ КАК НОСИТЕЛЕЙ ИДЕОЛОГИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В.И. Головченко

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: golovchenkoav@mail.ru



В статье, на основе материалов авторского социологического опроса, рассмотрены особенности восприятия населением основных российских партий как носителей идеологии, проанализированы причины расхождений между нормативными представлениями о партиях и их реальными оценками.

Ключевые слова: партии, партийные идеологии, восприятие партий, либерализм, консерватизм, социал-демократия.

Understanding Parties as Bearers of Ideology in Political Culture of Modern Russia

V.I. Golovchenko

In the article, on the basis of the sociological investigation fulfilled by the author, the peculiarities of understanding by the population the main Russian parties as the bearers of ideology. The reasons of different opinion concerning normative understanding of parties and their real estimation are analyzed.

Key words: parties, party ideology, understanding of parties, liberalism, conservatism, socio-democracy.

Общепризнанно, что природа современных политических партий содержит в себе идеоло-

гический элемент, несмотря на определенное снижение роли последнего в политической жизни. Однако у данной проблемы есть и обратная сторона, связанная с партийно-идеологическим воздействием на массовое сознание и эволюцию политической культуры. В этой связи нам представляется важным рассмотреть результаты такого воздействия и выявить восприятие политических партий в политической культуре современной России в контексте актуализации различных идеологий.

При этом важно учитывать одно методологическое обстоятельство, на которое в свое время указал Г. Голосов. Оно связано с тем, что, например, «КПРФ оказывается одновременно “ревизионистской”, “коммунистической”, “патриотической” и “консервативной” силой, “частью партии власти” и “радикальной оппозицией”. Каждая из этих характеристик латентно содержит в себе целостную, но принципиально отличающуюся от остальных картину всей совокупности политических диспозиций. Разумеется, различия дискурсивных стратегий в



процессам. В разобщенном обществе просто нет необходимости заявлять о миноритарных ценностях, напротив, в нем идет борьба за укрупнение, за создание целостности. Вся социальная эволюция свидетельствует о расширении границ политической сферы. Ныне политика в чистом виде не существует. Политизация, как фундаментальный процесс современности, размывает границы социальных сфер, а ее анализ расширяет арсенал методов решения возникающих проблем.

Примечания

- 1 См.: Бондаренко В.М. Информационное общество для всех – информационное общество для каждого человека в отдельности // Информационное общество. 2001. № 1. С. 34.
- 2 См., напр.: Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004; Он же. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2003.
- 3 См.: Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. М., 1999.
- 4 См.: Мелюхин И.С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М., 1999. С. 56–57.
- 5 См.: Machlup F. Knowledge: Its Creation. Distribution and Economic Significance. Vol. III: The Economics of Information and Human Capital. Princeton, 1984.

- 6 Подробную критику см.: Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004.
- 7 См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999; Он же. Социальные рамки информационного общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://NetHistory.Ru/biblio/1043172230.html>
- 8 См.: Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на западе: Антология. М., 1990.
- 9 См.: Barron I., Curnow R. The Future with Microelectronics: Forecasting the Effects of Information Technology. Pinter, 1979.
- 10 См.: Кимелев Ю.А. Бодрийяр Ж. Иллюзия конца, или Прекращение событий // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3. Философия. РЖ. 1998. № 3. С. 24–28.
- 11 Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С. 29.
- 12 См.: Соловьев А.В. Информационное общество как пост- и неогуманистическая социокультурная среда // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2007. № 9. С. 204.
- 13 См.: Али-Заде А.А. Кларк С. В защиту реализма «объективных условий» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8. Науковедение. РЖ. 2002. № 4. С. 60.

УДК 329.059470+571

ВОСПРИЯТИЕ ПАРТИЙ КАК НОСИТЕЛЕЙ ИДЕОЛОГИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В.И. Головченко

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: golovchenkoav@mail.ru



В статье, на основе материалов авторского социологического опроса, рассмотрены особенности восприятия населением основных российских партий как носителей идеологии, проанализированы причины расхождений между нормативными представлениями о партиях и их реальными оценками.

Ключевые слова: партии, партийные идеологии, восприятие партий, либерализм, консерватизм, социал-демократия.

Understanding Parties as Bearers of Ideology in Political Culture of Modern Russia

V.I. Golovchenko

In the article, on the basis of the sociological investigation fulfilled by the author, the peculiarities of understanding by the population the main Russian parties as the bearers of ideology. The reasons of different opinion concerning normative understanding of parties and their real estimation are analyzed.

Key words: parties, party ideology, understanding of parties, liberalism, conservatism, socio-democracy.

Общепризнанно, что природа современных политических партий содержит в себе идеоло-

гический элемент, несмотря на определенное снижение роли последнего в политической жизни. Однако у данной проблемы есть и обратная сторона, связанная с партийно-идеологическим воздействием на массовое сознание и эволюцию политической культуры. В этой связи нам представляется важным рассмотреть результаты такого воздействия и выявить восприятие политических партий в политической культуре современной России в контексте актуализации различных идеологий.

При этом важно учитывать одно методологическое обстоятельство, на которое в свое время указал Г. Голосов. Оно связано с тем, что, например, «КПРФ оказывается одновременно “ревизионистской”, “коммунистической”, “патриотической” и “консервативной” силой, “частью партии власти” и “радикальной оппозицией”. Каждая из этих характеристик латентно содержит в себе целостную, но принципиально отличающуюся от остальных картину всей совокупности политических диспозиций. Разумеется, различия дискурсивных стратегий в



той или иной мере свойственны любой демократии. Специфика российского случая, однако, в том, что отсутствует (или только начинает складываться) общее в восприятии всей политической элиты пространство конкуренции, по отношению к которому различия в самоописаниях отдельных партий носят вторичный характер»¹.

По мнению Г. Голосова, эта фундаментальная проблема поддается решению на основе подхода, при котором исходной точкой для реконструкции полей межпартийной конкуренции служат не манифестируемые установки партийных элит, а восприятие партий значительными сегментами электората².

Для анализа данной проблемы нами были использованы материалы авторского социологического исследования, проведенного с помощью лаборатории социально-политических исследований кафедры политических наук Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского в ноябре 2006 г. (количество опрошенных 731 человек) и в ноябре 2008 г. (количество опрошенных 376 человек) среди жителей г. Саратова.

Для того чтобы оценить степень актуализированности партийных программ, необходимо было прежде всего выявить идеологическую самоидентификацию населения (табл. 1).

Таблица 1

К кому Вы себя причисляете?

Варианты ответов	Количество ответов (2006 г.)	%	Количество ответов (2008 г.)	%
К коммунистам	58	7,9	49	13,0
К либералам	103	14,1	38	10,1
К консерваторам	19	2,6	24	6,4
К демократам	147	20,1	78	20,7
К социал-демократам	77	10,5	20	5,3
Ни к кому	299	40,9	161	42,8
Другое	13	1,8	3	0,3
Загруднились ответить			2	0,5
			376	100

Данные материалы, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что уровень актуализированности партийных идеологий в современной России довольно низок. Почти 41% респондентов выбрали отрицательный вариант ответа о своей идентификации, как сторонников какой-либо партийной идеологии. Объяснить это можно невысоким уровнем доверия к самим российским партиям, традиционно воспринимаемым в идеале как институт, который должен представлять и защищать интересы населения. Однако расхождение между нормативными образами, которые формируются с помощью институтов политической социализации, и деятельностью реальных российских партий приводит к отторжению и используемых ими идеологий.

Примечательно, что в совокупности демократические ценности (вместе с их либеральной и социал-демократической трактовкой) разделяют 44,7% респондентов. Как представляется, это свидетельствует о высоком нереализованном их потенциале в современной России. Значительная часть опрошенных понимают общее значение ценностей и принципов демократии, но одновременно не видят их конкретного партийно-идеологического воплощения. Особенно это касается либерализма, к сторонникам которого относят себя последователи и ЛДПР, и «Яблока», и СПС, и гражданской силы, и других мелких общественно-политических объединений. Более

того, многие опрошенные к главной либеральной партии современной России относят «Единую Россию».

Об отсутствии четких представлений об идеологической основе российских партий свидетельствуют материалы табл. 2.

52,7% респондентов отнесли к либеральной партии ЛДПР, очевидно, используя партийную самоидентификацию без ее критической самостоятельной оценки.

Высокий уровень либеральности «Единой России» в восприятии опрошенных можно объяснить не только наличием в ее программе либеральных ценностей, но и достаточно значительным использованием либеральных лозунгов в ее агитационно-программной деятельности.

СПС и «Яблоко», несмотря на их публичную самоидентификацию в качестве либеральных партий, отнесли к таковым лишь 21,5 и 25,7% респондентов. С одной стороны, это свидетельствует об очень невысоком уровне политической культуры большинства россиян в отношении либеральной идеологии (как, впрочем, и иных идеологий). Несмотря на активную индоктринацию идей либерализма с 1991 г. посредством партийной агитационно-пропагандистской деятельности, в результате политической социализации, активного внедрения с помощью средств массовой информации значительная часть населения просто не ориентируется в данных вопросах.



Таблица 2

**Какие из указанных политических партий Вы бы отнесли к либеральным?
(указать любое количество вариантов).**

Название партии	Количество ответов	%
Аграрная партия России	39	5,3
«Единая Россия»	230	31,5
КПРФ	53	7,3
ЛДПР	385	52,7
Народная партия Российской Федерации	49	6,7
«Родина»	86	11,8
Российская партия жизни	53	7,3
«Развитие предпринимательства»	55	7,5
Российская партия пенсионеров	46	6,3
Союз Правых Сил	157	21,5
«Яблоко»	188	25,7
Никакие	67	9,2
Другие (указать какие)	6	8

С другой стороны, нельзя сводить причины этого только к специфике политической культуры россиян, трудно поддающейся партийно-идеологической актуализации. Важнейшей причиной является также диверсификация самих классических идеологий и соответственно партийных программ. Заимствование ценностей, взаимопроникновение мировоззренческих основ идеологий приводит к тому, что границы между ними стираются и становятся расплывчатыми и трудно определяемыми даже для специалистов политологов, а не только для рядовых граждан Российской Федерации.

Например, низкий (по сравнению с итогами голосования на выборах в Государственную думу

2007 г.) уровень поддержки коммунистической идеологии объясняется, на наш взгляд, тем, что определенная часть электората КПРФ (прежде всего интеллигенция) осознают трансформацию данной партии в сторону социал-демократии (признание плюрализма собственности, прав и свобод граждан, ценностей демократии). Но сами лидеры КПРФ продолжают делать акцент на коммунистической составляющей своей идеологии, чтобы не разочаровать своих стабильных приверженцев, ориентирующихся на ценности советского прошлого.

Поэтому не случайно, что на вопрос о консервативных партиях были даны следующие ответы (табл. 3).

Таблица 3

**Какие из указанных политических партий Вы бы отнесли к консервативным?
(указать любое количество вариантов)**

Название партии	Количество ответов	%
Аграрная партия России	78	10,7
«Единая Россия»	77	10,5
КПРФ	421	57,6
ЛДПР	85	11,6
Народная партия Российской Федерации	56	7,7
«Родина»	74	10,1
Российская партия жизни	40	5,5
«Развитие предпринимательства»	32	4,4
Российская партия пенсионеров	105	14,4
Союз Правых Сил	64	8,8
«Яблоко»	60	8,2
Никакие	83	11,4
Другие (указать какие)	2	3



Думается, что преобладающие консервативные позиции у КПРФ, которые отметили 57,6% респондентов, свидетельствуют о том, что большинство населения воспринимает данную партию как политическую силу, стремящуюся сохранить существовавший социалистический строй. Кроме того, подобной идентификации КПРФ способ-

ствует акцентуализация партий патриотических ценностей. В 1990-е гг. коммунисты были ведущей политической силой, которая активно использовала патриотические настроения для привлечения своих сторонников.

Представляет интерес вопрос о восприятии партий с точки зрения их радикальности (табл. 4).

Таблица 4

**Какие из указанных политических партий Вы бы отнесли к радикальным?
(указать любое количество вариантов)**

Название партии	Количество ответов	%
Аграрная партия России	35	4.8
«Единая Россия»	86	11.8
КПРФ	78	10.7
ЛДПР	139	19
Народная партия Российской Федерации	64	8.8
«Родина»	89	12.2
Российская партия жизни	37	5.1
«Развитие предпринимательства»	52	7.1
Российская партия пенсионеров	20	2.7
Союз Правых Сил	61	8.3
«Яблоко»	63	8.6
Никакие	243	33.2
Другие (указать какие)	14	1.9

Примечательно, что КПРФ, несмотря на признаваемый большинством опрошенных «левый» характер ее идеологии, с точки зрения радикальности оценивается примерно на таком же уровне, что и «Единая Россия». На наш взгляд, это еще раз свидетельствует о том, что КПРФ все более воспринимается российским населением как системная оппозиция, признающая существующие конституционные «правила игры» во всех сферах общественной жизни и не призывающая к их радикальному изменению и обновлению.

Самые высокие позиции радикализма были отмечены у ЛДПР, что неудивительно с учетом специфического харизматического имиджа В.В. Жириновского. Несмотря на достаточно умеренный (с точки зрения оппозиционности) характер программы ЛДПР в целом, отдельные радикально-националистические инициативы и публичные заявления, афоризмы ее партийного лидера по различным аспектам внешней и внутренней политики («Последний бросок на юг», «Последний вагон на север», «Иван, запахни душу!», «ЛДПР русская власть!», «Не врать и не бояться!», «Хорошо русским – хорошо всем», «Мы за русских, мы за бедных!» и др.) создают радикальный имидж и партии в целом. При этом никто особенно не вникает, как голосовала и голосует фракция ЛДПР в Государственной думе по важнейшим вопросам общественно-политического развития России.

Не случайно, что 33,2% опрошенных считают, что в России нет партий, которые можно отнести к радикальным. С одной стороны, это свидетельствует о позитивном восприятии тех изменений в партийной системе, которые произошли в 2000-е гг., с другой – что российские граждане не воспринимают всерьез ту угрозу, которую представляют националистические и профашистские движения.

О роли идеологического фактора в мотивации политического выбора российских граждан свидетельствуют материалы табл. 5.

На идеологию в качестве главного мотива голосования за какую-либо политическую партию, указали всего 10,5% опрошенных. Это свидетельствует о том, что актуализация новых идеологических ценностей в их «чистом» виде реализована в постсоветский период очень слабо. Данный мотив голосования характерен, прежде всего, для сторонников коммунистической идеологии. Большинство избирателей либо не имеют осознанных идеологических предпочтений, либо ориентируются на их партийно-программное воплощение в виде конкретных предложений и обещаний. 23,8% респондентов на первый план выдвинули мотив голосования за партийного лидера. Это еще раз подтверждает, с одной стороны, персонифицированный характер российских партий, а с другой – склонность нашего населения к ориентации на личностный фактор в политике.



Таблица 5.

На выборах Вы обычно голосуете действительно за политическую партию и ее программу или все же за ее лидера? (указать один вариант)

Варианты ответов	Количество ответов (2006 г.)	%	Количество ответов (2008 г.)	%
За партию и ее программу	194	26,5	98	26,1
За лидера и его партию	174	23,8	130	34,6
За партию с определенной идеологией	77	10,5	35	9,3
Когда как	126	17,2	63	16,8
Вообще не хожу на выборы	148	20,2	46	12,2
Другое			2	0,5
Затруднились ответить			1	0,3
			376	100

Тот факт, что 17,2% опрошенных нами саратовцев не смогли определить устойчивых мотивов голосования, отметив, что они голосуют «когда как», свидетельствует о неустойчивости ценностного ядра в российской политической культуре и соответственно об отсутствии осознанных идейно-мировоззренческих позиций. С одной стороны, такое положение создает предпосылки для масштабного манипулирования массовым сознанием, для активного и эффективного использования разнообразных имиджевых информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих победу партиям, не имеющих четко очерченных идеологических позиций. С другой стороны, на перспективу такая ситуация не создает стабильного со-

циокультурного основания для политического развития, сохраняя потенциальные возможности для иного манипулирования, в том числе радикально оппозиционного. В условиях продолжающегося мирового финансового и социально-экономического кризиса, в который втянута и Россия, этот фактор становится особенно опасным.

Интересен материал о представительстве интересов населения конкретными партиями.

По данным западных исследователей, в 1997 г. политические партии как институт 22% населения России оценили негативно, 62 – дали нейтральную оценку и 16 – положительную³. Наши исследования 2006 и 2008 гг. дали следующие результаты по идентичному показателю (табл. 6).

Таблица 6

Какая политическая партия наиболее полно отражает Ваши интересы? (указать один вариант)

Название партии	Количество ответов (2006 г.)	%	Количество ответов (2008 г.)	%
Аграрная партия России	9	1,2		
«Единая Россия»	227	31,1	135	35,9
КПРФ	40	5,5	57	15,2
ЛДПР	80	10,9	30	8,0
Народная партия Российской Федерации	15	2,1		
«Родина» (в 2008 г. «Справедливая Россия»)	20	2,7	22	5,9
Российская партия жизни (в 2008 г. «Справедливая Россия»)	12	1,6		
«Развитие предпринимательства»	16	2,2		
Российская партия пенсионеров (в 2008 г. «Справедливая Россия»)	14	1,9		
Союз Правых Сил	13	1,8	3	0,8
«Яблоко»	14	1,9	9	2,4
Никакие	240	32,8	118	31,4
Другие (указать какие)	3	4	1	0,3
Затруднились ответить			1	0,3
			376	100

Данные материалы свидетельствуют о том, что и в 2006 и в 2008 гг. почти треть респондентов (32,8 и 31,4% соответственно) выбрали вариант

ответа, что ни одна из российских партий не отражает их интересов.

Доминируют в представительстве интересов



опрошенных «партии-фавориты». На первом месте и в 2006 и в 2008 гг. в ответах респондентов находится «Единая Россия» (31,1 и 35,9% соответственно). Определенный прирост сторонников «Единой России» в 2008 г. можно объяснить, как представляется, уменьшением количества партий в политическом пространстве России, реально претендующих на прохождение 7%-ного барьера в Государственную думу.

Количество сторонников ЛДПР достаточно стабильно и колеблется в районе 8%. Определенное увеличение сторонников КПРФ можно объяснить ситуацией начавшегося мирового финансового кризиса и соответствующим усилением оппозиционных настроений у части населения в связи с падением уровня жизни, с ростом безработицы и т.п. Относительно низкие показатели рейтинга «Справедливой России» в Саратовской области (по сравнению с результатами выборов 2007 г. в Государственную думу) обусловлены тем, что на региональном уровне отделение партии ведет себя после выборов достаточно пассивно и значительно уступает по харизматичности лидеров «Единой России».

В целом, подводя итог, следует констатировать, что, несмотря на противоречивый характер актуализации партийных идеологий в рассматриваемый период, нами выявлено наличие определенных нормативных демократических ценностей

в политической культуре россиян, внедренных в результате активной политической социализации в постсоветский период.

Низкий рейтинг конкретных российских партий и невысокий уровень доверия к ним свидетельствуют не об отрицании данного института в принципе, а о низкой функциональности реально существующих партий по сравнению с теми нормативными представлениями, которые сформированы у российских граждан в ходе актуализации партийных идеологий.

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что значение либеральной идеологии в качестве преобладающего фактора эволюции социокультурного основания российского общества в данный период значительно выше, чем ее политический и особенно экономический вклад в общественное развитие России.

Примечания

- ¹ *Голосов Г.* Идеологическое развитие партий и поля межпартийной конкуренции на думских выборах 1995 г. // *Мировая экономика и международные отношения.* 1999. № 3. С. 40–41.
- ² Там же.
- ³ *Миллер А., Рейсингер У., Хесли В.* Популярность лидеров и развитие партий в постсоветской России // *Новый исторический вестник.* 2002. № 8. С. 57–58.

УДК 32.01 – 053.81 (470+571)

ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ (постсоветский период)

Э.В. Чекмарев

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: chekmarev@nm.ru

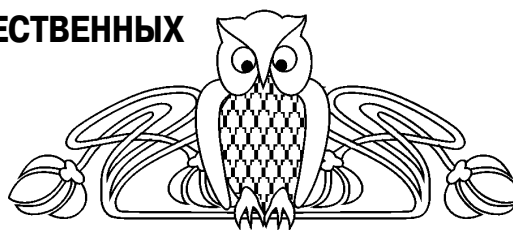
В статье анализируется взаимодействие органов власти и молодежных организаций регионального и муниципальных уровней, отмечается специфика регионального уровня, где начала складываться новая модель паритетных отношений, приводятся различные формы поддержки молодежных организаций органами власти, рассматривается социальная база молодежного движения в регионах.

Ключевые слова: региональные органы власти, молодежные общественные объединения, молодежь.

Models of Interaction Between Regional Bodies of Power and Youth Public Unities (Post Soviet Period)

E.V. Chekmarev

In the article interaction between bodies of power and youth organizations of federal, regional and local levels is analyzed, peculiarity of the regional level – where a new model of interaction



began to form – is marked, different forms of interaction between bodies of power and youth organizations are listed, social base of youth organizations is told about.

Key words: regional bodies of power, youth public unities, youth.

Взаимодействие органов власти и молодежных организаций имеет давнюю традицию, является цивилизационной особенностью России и ее регионов, которая состоит в преимущественной роли государства. Почти семьдесят пять лет (с 1917 по 1991 г.) это взаимодействие определяла идеология и структурные подразделения правящей партии страны. В 90-е гг. XX в., прежде всего на региональном уровне, начала складываться новая модель взаимодействия, носящая подчас весьма противоречивый характер. Сказывались как исторический опыт патернализма со стороны



опрошенных «партии-фавориты». На первом месте и в 2006 и в 2008 гг. в ответах респондентов находится «Единая Россия» (31,1 и 35,9% соответственно). Определенный прирост сторонников «Единой России» в 2008 г. можно объяснить, как представляется, уменьшением количества партий в политическом пространстве России, реально претендующих на прохождение 7%-ного барьера в Государственную думу.

Количество сторонников ЛДПР достаточно стабильно и колеблется в районе 8%. Определенное увеличение сторонников КПРФ можно объяснить ситуацией начавшегося мирового финансового кризиса и соответствующим усилением оппозиционных настроений у части населения в связи с падением уровня жизни, с ростом безработицы и т.п. Относительно низкие показатели рейтинга «Справедливой России» в Саратовской области (по сравнению с результатами выборов 2007 г. в Государственную думу) обусловлены тем, что на региональном уровне отделение партии ведет себя после выборов достаточно пассивно и значительно уступает по харизматичности лидеров «Единой России».

В целом, подводя итог, следует констатировать, что, несмотря на противоречивый характер актуализации партийных идеологий в рассматриваемый период, нами выявлено наличие определенных нормативных демократических ценностей

в политической культуре россиян, внедренных в результате активной политической социализации в постсоветский период.

Низкий рейтинг конкретных российских партий и невысокий уровень доверия к ним свидетельствуют не об отрицании данного института в принципе, а о низкой функциональности реально существующих партий по сравнению с теми нормативными представлениями, которые сформированы у российских граждан в ходе актуализации партийных идеологий.

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что значение либеральной идеологии в качестве преобладающего фактора эволюции социокультурного основания российского общества в данный период значительно выше, чем ее политический и особенно экономический вклад в общественное развитие России.

Примечания

- ¹ *Голосов Г.* Идеологическое развитие партий и поля межпартийной конкуренции на думских выборах 1995 г. // *Мировая экономика и международные отношения.* 1999. № 3. С. 40–41.
- ² Там же.
- ³ *Миллер А., Рейсингер У., Хесли В.* Популярность лидеров и развитие партий в постсоветской России // *Новый исторический вестник.* 2002. № 8. С. 57–58.

УДК 32.01 – 053.81 (470+571)

ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ (постсоветский период)

Э.В. Чекмарев

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: chekmarev@nm.ru

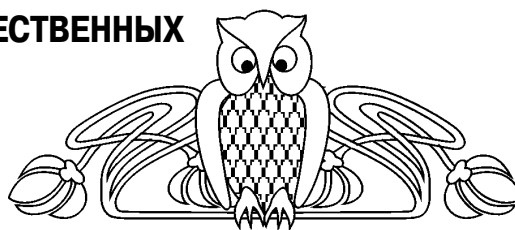
В статье анализируется взаимодействие органов власти и молодежных организаций регионального и муниципальных уровней, отмечается специфика регионального уровня, где начала складываться новая модель паритетных отношений, приводятся различные формы поддержки молодежных организаций органами власти, рассматривается социальная база молодежного движения в регионах.

Ключевые слова: региональные органы власти, молодежные общественные объединения, молодежь.

Models of Interaction Between Regional Bodies of Power and Youth Public Unities (Post Soviet Period)

E.V. Chekmarev

In the article interaction between bodies of power and youth organizations of federal, regional and local levels is analyzed, peculiarity of the regional level – where a new model of interaction



began to form – is marked, different forms of interaction between bodies of power and youth organizations are listed, social base of youth organizations is told about.

Key words: regional bodies of power, youth public unities, youth.

Взаимодействие органов власти и молодежных организаций имеет давнюю традицию, является цивилизационной особенностью России и ее регионов, которая состоит в преимущественной роли государства. Почти семьдесят пять лет (с 1917 по 1991 г.) это взаимодействие определяла идеология и структурные подразделения правящей партии страны. В 90-е гг. XX в., прежде всего на региональном уровне, начала складываться новая модель взаимодействия, носящая подчас весьма противоречивый характер. Сказывались как исторический опыт патернализма со стороны



государства, так и быстрый рост молодежных объединений, изначально заявлявших о своей свободе и независимости. Одновременно воссоздавались союзы молодежи, объединявшие прежних комсомольцев. Поддерживая самостоятельность, они, тем не менее, признавали необходимыми координирующую роль центра и взаимосвязь с органами власти на местах. Лидеры молодежных организаций начала 90-х гг. избрали тактику взаимодействия с местными органами власти и потому, что произошел распад центральных структур, курирующих молодежные организации, и потому, что, опираясь на местные органы власти, можно было оказать помощь молодым людям, оказавшимся в кризисной ситуации, защищать их права¹.

По мере выстраивания новых органов власти в стране шел процесс восстановления управленческих функций центральной власти в отношении молодежных организаций. За период с 1990 по 1996 гг. сформировалась новая система органов по делам молодежи, появились разнообразные молодежные учреждения и службы, которые влияли на молодежную среду, как бы замещая нехватку молодежных организаций, способных решать проблемы молодежи. К 1995 г. в Российской Федерации на федеральном и региональных уровнях действовали 4 министерства, 7 госкомитетов, 1 управление в составе министерства, 35 департаментов, учреждений, комитетов по делам молодежи, 8 советников глав администраций, 1 координационный совет по делам молодежи. На местном уровне действовали 1687 органов по делам молодежи².

В Саратовской области с 1992 г. стали действовать органы по делам молодежи в структуре органов государственной власти и местного самоуправления. В ведении министерства молодежной политики, спорта и туризма области находились четыре подведомственных учреждения, осуществляющих влияние на молодежные организации и молодежь в целом: государственное учреждение «Региональный центр социального обслуживания детей и молодежи», государственное учреждение дополнительного образования оздоровительный лагерь «Молодежный», государственное учреждение «Поволжский региональный информационно-аналитический центр молодежи», государственное учреждение дополнительного образования оздоровительный лагерь «Звездный».

Параллельно с выстраиванием государственных структур, призванных обеспечить влияние на молодежь, шел процесс создания общественных организаций самой молодежью. На 1 сентября 1999 г. министерством юстиции Саратовской области было зарегистрировано 88 молодежных и 491 детских общественно-политических объединений. Однако их взаимодействие как с молодежью области, так и с органами власти было минимальным. Реально действовали и были известны молодежной общественности лишь 45 организаций. Среди них наиболее известными, согласно социо-

логическим опросам, были: «Наш дом – Россия» (38,5% респондентов), Союз молодежи ЛДПР (29%), молодежная организация «Яблоко» (21,5%), Союз студентов Саратовской области (20,6%), Саратовский союз молодежи (9,8%)³.

Начали формироваться и организации, имеющие районный статус. Их отличительная черта состояла в массовости и приближенности к молодежи. Всего в области в 1999 г. они объединяли более 120 тысяч юношей и девушек. Приближенность к молодежи и муниципальным органам власти способствовала превращению многих из них в реальные механизмы участия юношей и девушек в общественно-политической жизни губернии.

Такие формы взаимодействия имели определенную позитивную направленность, но ни властные структуры, ни молодежные организации они полностью удовлетворить не могли, так как превращали властные структуры в вечных «доноров», а молодежные организации – в просителей финансовых средств.

Анализ форм взаимодействия районной муниципальной власти и общественных организаций позволяет выявить специфику такого взаимодействия в Саратовском регионе и сделать попытку их классификации по способам влияния. Специфика, на наш взгляд, состоит в переходе от системы властвования (примерно до 2005 г.) к формам управления. При этом под системой властвования подразумеваются способы реализации преобразовательных задач на основе доминирования субъекта (органов власти) над объектом (общественной организацией). Что же касается форм управления, то они представляются более приближенными к задачам модернизирующегося общества. Важным признаком новых отношений является приведение состояний объекта с идеально сформулированными в отношении его целями. Более того, в данном случае объект не является пассивным, а участвует в разработке проектов, программ, может практически рассчитывать свои возможности и корректировать программные задачи.

Наряду с этим, на наш взгляд, основополагающими формами взаимодействия власти и общественных молодежных организаций в практике Саратовской области использовались формы влияния, упорядочения, контроля и регулирования.

Формы влияния выразились в периодических или постоянных попытках корректировки деятельности общественных организаций. Упорядочение наблюдалось в частичном изменении деятельности общественных организаций под влиянием многосторонних контактов с властью и другими общественными организациями. Форма контроля предполагала наблюдение за использованием предоставленных ресурсов. Регулирование представляло собой форму упорядочения связей и отношений на основе подчинения объекта, но не по командному признаку, а согласно законам, общим нормам и правилам, ранее принятым документам.



Подтверждением данному выводу может служить конкретная практика взаимодействия власти и общественных структур. Как отмечалось выше, наибольшее распространение в условиях Саратовской области получили формы властвования. В основу такой формы взаимодействия было положено Соглашение между молодежными и детскими общественными объединениями и правительством Саратовской области от 31 марта 1997 года. Целью данного Соглашения явилось усиление участия молодежных объединений в делах области и управленческих структур.

Властный характер данного документа вытекает из предписаний молодежным организациям действовать в рамках «круглого стола», информировать правительство о своей деятельности, о планируемых крупных мероприятиях, обсуждать и обобщать мнения по всем проектам документов, связанных с реализацией молодежной политики, вносить свои предложения по программам и проектам и по финансированию⁴.

Таким образом, власть нашла важный рычаг взаимодействия с молодежными организациями в виде «круглого стола» молодежных и детских объединений Саратовской области. Несмотря на определенную консервативность такого решения, «круглый стол» сыграл свою положительную роль в интеграции молодежи в условиях становления демократических отношений. Он сплотил молодых лидеров вокруг решения таких важных проблем, как трудоустройство, политическая активность, досуг, учеба, студенческий быт, студенческие отряды, охрана общественного порядка. Создание «круглого стола» положило конец «разброду и шатанию» в молодежной среде, деятельности молодежных организаций, первоначально оформившихся с целью проведения досуга. Под влиянием «круглого стола» она была направлена в более широкое русло созидательной работы. Был выработан ряд предложений в адрес министерства по делам молодежи, спорту и туризму области по улучшению взаимодействия с молодежными объединениями. «Круглый стол» выступил с инициативой создания Саратовского молодежного парламента. Самое главное, молодежь, не замкнутая в многочисленных объединениях, расширила свой кругозор, приобрела политический и организационный опыт.

Вместе с тем специфика жизнедеятельности молодежных организаций в регионе состояла в том, что официально все проблемы молодежного движения могли быть разрешены только волеизъявлением губернатора области. Этим объясняется и тот факт, что молодежный парламент, по своему назначению как представительный орган, оказался под патронатом губернатора, а не законодательного собрания. По принципу маятника, как, впрочем, и в других регионах Российской Федерации⁵, в Саратовской области начался «откат» к волевым, командным методам в отношении молодежных организаций. Помимо молодежного парламента,

находился под патронатом губернатора и Совет по делам студентов и учащихся⁶.

Кульминационным моментом властного характера взаимодействия губернаторских структур управления и молодежных объединений явилось проведение в 2002 г. Года молодежи в Саратовской области. В плане мероприятий из 57 пунктов были четко расписаны задания и исполнители. В рамках намеченных мероприятий в Год молодежи были проведены 3 межведомственные областные конференции, обсудившие проблемы и формы совершенствования социальной работы с молодежью, проблемы общественного движения, основные направления развития межвузовской науки, совершенствования системы образования молодежи.

Опыт взаимодействия молодежных организаций и власти в Саратовской области показывает, что система властвования по отношению к молодежным организациям в переходный период при сочетании с харизмой регионального лидера способна давать положительные результаты. Молодежные организации конституировались, включилась в реализацию молодежной политики. Они прошли путь от монополизации к поиску новых решений молодежных проблем, выработали новые формы сотрудничества с властными структурами и аналогичными общественными объединениями, приобрели опыт защиты прав детей и молодежи. В то же время молодежь получила опыт самоуправления. Молодежные организации помогли сформировать молодежный отряд лидеров.

Вместе с тем реалии общественно-политической жизни страны и региона формировали у некоторой части молодежи мнение о политическом лидерстве, как о стратегии успешной самореализации и решения материальных и социальных проблем⁷. Многие общественные организации страдали корпоративной узостью, рекрутировали новых членов по клановому признаку.

Не способствовали повышению роли действительно позитивных общественных организаций и средства массовой информации. В погоне за «жареными» фактами они чаще всего давали информацию о «скинхедах», спортивных фанатах. В некотором роде даже способствовали насаждению пессимизма в молодежной среде. На наш взгляд, даже освещению событий Года молодежи газетам области можно было посвятить целый год, чтобы поднять энтузиазм молодых людей. Тем не менее, газета «Свободный Саратов» публикует статью под названием «Поклоние равнодушных», в которой корреспондент задает тон участникам диалога: «Мы не интересуемся политикой, потому что политика мало интересуется нами». Конечно, ей отвечают тем же. Студентка исторического факультета резюмирует: «Я не люблю политику, не интересуюсь ей и не знаю никаких партий». Но вот к мнению другой студентки, будущего политолога, стоит



прислушаться: «Надо поставить у власти тех людей, которые будут предлагать систему, приемлемую для страны и региона»⁸.

В этой фразе заложена важная мысль о смене методов взаимодействия власти с молодежью. Эта смена в Саратовской области произошла. Ее можно назвать, как отмечалось выше, управленческой системой.

Сделаем предположение, что поворот к управленческой системе отношений власти и молодежных организаций произошел под влиянием ряда факторов, при этом важнейшим является не столько перемена власти, сколько влияние времени и, прежде всего, молодежи на власть. Многие представители власти, несмотря на более солидный возраст, стали воспринимать жизнь, ориентируясь на молодежь. Сами же представители молодого поколения считают себя независимыми, раскованными, образованными и целеустремленными⁹.

Переход от системы властвования к системе управления связан и с упрочением законодательной базы, которая стимулировала развитие новых отношений и расширяла сферы влияния, способствовала укреплению молодежных организаций. Если в 1996 г. в области насчитывалось 67 детских и молодежных организаций, то в 2003 г. – 148. Из них 57 являлись городскими, а 91 – региональными, что свидетельствует об усилении территориального влияния молодежных организаций¹⁰. Наибольшее признание и поддержку получили объединения, раскрывающие лидерский потенциал молодежи, спортивные, патриотические организации, направленные на профилактику асоциальных явлений. В Саратове насчитывалось 113 объединений, в Энгельсе – 18, в Балакове – 8, в Саратовском районе – 3, Балашове и Вольске – по 2, в Красноармейске и Марксе – по одному объединению.

Существенно расширилась социальная база молодежного движения. В целом ряде муниципальных образований действовали более 300 общественных объединений, не имеющих формальной регистрации в областном министерстве юстиции (Аркадакский, Екатериновский, Озинский, Новоузенский, Ивантеевский и другие). Как правило, такие организации действовали при учебных заведениях. Несмотря на отсутствие официального статуса, эти организации служили своеобразными проводниками стратегии управления властных структур в широкие слои молодежи.

К 2003 г. взаимодействие органов власти и молодежных организаций осуществлялось на основе взаимно признанных принципов. Первый наиболее важный принцип символизировал переход к новой системе отношений не подчинения, а партнерства. Принцип «заказчик – исполнитель» предполагал, что органы власти, выступая в роли заказчика, исходят из общепризнанных конкретных программ по решению важных социальных проблем детей и молодежи. Так, органы власти

выступили заказчиками в подготовке проекта областного закона о молодежной политике. И молодежные организации внесли более 350 правок и дополнений. В свою очередь органы власти, учитывая предложения молодых людей, составили перспективный план работы по решению социальных задач, развитию спорта и финансовой поддержке молодежных организаций.

Второй принцип взаимодействия органов власти и молодежных организаций положил конец стихийному перераспределению финансовых средств. Практика показала, что внедрение конкурсного финансирования детских и молодежных общественных объединений способствовало стимулированию творческой активности молодежных организаций в решении наиболее значимых задач.

Переход к управленческой системе взаимодействия был для Саратовской области непростым. В силу разного рода причин, прежде всего субъективного характера, в ноябре 2005 г. постановлением губернатора П.Л. Ипатова был упразднен молодежный парламент, созданный его предшественником Д.Ф. Аяцковым в октябре 2000 года. Таким образом, накопленный опыт реализации законных прав и интересов молодежи, участие в выработке решений органов государственной власти и местного самоуправления, формировании правовой культуры и активной гражданской позиции молодых людей был отброшен волевым решением. И хотя взамен был создан молодежный совет, молодежь Саратовской области тяготела к прежнему, привычному объединению. Этому способствовало и повышение значимости молодежного парламентаризма в стране. Так, на II Всероссийском форуме молодых парламентариев в феврале 2005 г. председатель Совета Федерации С.М. Миронов подчеркнул: «Молодежное парламентское движение является одной из самых эффективных форм взаимодействия молодежи и органов государственной власти. Оно помогает молодым людям приобрести в парламентской деятельности опыт гражданской инициативы, развивать свои гражданские и патриотические качества, дает возможность активно участвовать в управлении нашего государства». На региональном уровне значимость молодежного парламентаризма высоко оценена министром образования Российской Федерации А.А. Фурсенко, который отметил, что «молодежное парламентское движение доказало свою состоятельность и необходимость... в регионах они несут в себе мощный инновационный потенциал перспективных молодых лидеров, новых методов работы с молодежью и форм взаимодействия с ней государства и общества»¹¹.

Столь высокая оценка региональных молодежных парламентов со стороны законодательной и исполнительной властей, ознакомление молодых саратовских лидеров с материалами II Всероссийского форума молодых парламентариев



тариев побудили наиболее активных юношей и девушек обратиться к председателю областной думы П.В. Большеданову с просьбой воссоздания молодежного парламента. Примечательно, что в год 100-летия парламентаризма в России молодежный парламент был восстановлен постановлением Саратовской областной думы от 22 февраля 2006 года. Таким образом, молодежь не только повлияла на власть в вопросах самоорганизации, но и способствовала установлению более рациональных способов взаимосвязи с властью. Его представительские функции за счет взаимосвязи не с губернатором, а с областной думой расширились. В новом качестве молодежный парламент стал связующим звеном не только с властными структурами, но и политическими партиями, средствами массовой информации.

Одновременная деятельность и молодежного парламента и молодежного общественного совета области не была исключением в российском молодежном движении. Аналогичный опыт имелся в Ульяновской области, которая, на наш взгляд, пошла дальше Саратовской. Там, кроме названных структур, действует и молодежное правительство.

В целом благодаря новым формам взаимодействия органов власти и общественных организаций на принципах партнерства стали изживаться такие негативные моменты, как недоверие к власти, неуверенность в собственных силах, апатия, абсентеизм. Принятие и выполнение научно обоснованных программ «Молодежь Саратовской области на 2006–2008 годы», «Молодежь Саратовской области на 2009–2011 годы» способствовали снятию остроты определенного противоречия, связанного с политикой государства и социальным положением молодежи.

Анализ форм взаимодействия органов власти и молодежных организаций показывает, что в 90-е гг. преобладали факторы влияния и упорядочения, поскольку молодежные организации на первом этапе своего становления нуждались в опеке. В современных условиях наиболее распространенными являются формы регулирующего свойства. Причем, как было отмечено выше, регулирование наблюдалось обоюдное: и власти регулировали действия и формы организации молодежи, и молодежные организации заставляли органы власти менять свою позицию.

В то же время, как свидетельствуют источники, на протяжении всего рассматриваемого периода стабильно сохранились формы контроля со стороны власти над деятельностью молодежных организаций. Многие из них являются правомерными с точки зрения безопасности общества. Контроль необходим во избежание криминогенности, роста экстремизма и асоциального поведения. Еще Платон в свое время утверждал, что государство, постоянно не занимающееся своей молодежью, обречено на гибель. Вместе с тем, по нашему твердому убеждению, функции контроля

со стороны органов власти не должны подавлять самостоятельности, инициативы и творчества молодых граждан.

Таким образом, развитие партнерских отношений органов власти с молодежными организациями дает свои положительные результаты. Как показывает опыт Саратовской области, разрозненные усилия часто оказываются малоэффективными и, наоборот, объединение усилий власти и общественности способствует успеху. Атмосфера диалога, согласование интересов и позиций различных общественно-политических групп являются особо ценным общественным достоянием последних лет. Главное достижение во взаимодействии органов власти и общественных объединений состоит в переходе от обособленности к согласованным действиям. А это означает, что созидание гражданского общества в России имеет тенденцию формирования его фундамента «снизу вверх». Именно в этом залог необратимости модернизации, действительно отражающей интересы многонационального народа.

В целом рассмотрение проблемы взаимодействия органов власти и молодежных организаций Саратовской области в условиях модернизации позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, динамика модернизации в регионе не была столь скачкообразной, как в целом по стране. Во-вторых, достаточно стабильное состояние региона обусловлено сравнительно быстрым переходом органов власти к методам и формам управления, построенным на принципах партнерства и диалога. В-третьих, молодежные организации смогли в сравнительно короткий срок пройти дистанцию подчинения власти и создать необходимые институты влияния и самовыражения, к числу которых следует отнести молодежный парламент и молодежный совет. В-четвертых, молодежные организации Саратовской области достаточно быстро преодолели досуговую мотивацию в своей деятельности и перешли к творческой, созидательной работе общественно-политического характера. В-пятых, органы власти и молодежные организации выработали ряд действенных мер в сохранении традиций межнационального общения, обеспечивающих толерантность и взаимопонимание среди молодых представителей многонационального региона страны.

Примечания

- 1 См.: Советская молодежь. 1991. 13 дек.
- 2 См.: Молодежная политика: Информ. бюл. 1996. № 107–109. С. 75.
- 3 См.: Архив министерства по делам молодежи, спорту и туризму Саратовской области. 1999 г.
- 4 См.: Соглашение между молодежными и детскими общественными объединениями и правительством Саратовской области. 1997 г.



- ⁵ См.: Молодежь и политика. Библиотека либерального чтения. М., 2006. № 17. С. 203.
- ⁶ См.: Архив министерства образования Саратовской области. 1999 г.
- ⁷ См.: Шатилов А.Б. Динамика политико-культурных предпочтений россиян и трансформация партийной системы Российской Федерации в 90-е годы. Образцы власти в политической культуре России / МОНФ. М., 2000. С. 54.
- ⁸ Свободный Саратов. 2003. 31 окт.
- ⁹ См.: Науменко Т.В. Массовое сознание и его роль в массово-коммуникативном процессе // Вестн. МГУ. Сер. 12. 2004. № 1. С. 147.
- ¹⁰ См.: Информационные материалы министерства молодежной политики, спорта и туризма Саратовской области. 2003 г.
- ¹¹ II Всероссийский форум молодых парламентариев: Материалы для участников форума. 24–25 февр. 2005 г. Рязань, 2005. С. 6.

УДК 32.130.3

ДЕТЕРМИНИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ КРИТИКИ ДЕМОКРАТИИ

Н.Н. Филатов

Саратовский государственный университет,
кафедра истории и теории государства и права
E-mail: FilatovNN@info/sgu.ru

В статье рассматривается проблема источников критического настроения современного массового сознания в отношении перспектив демократического развития России.

Ключевые слова: критика демократии, массовое сознание, научная критика, демократический транзит.

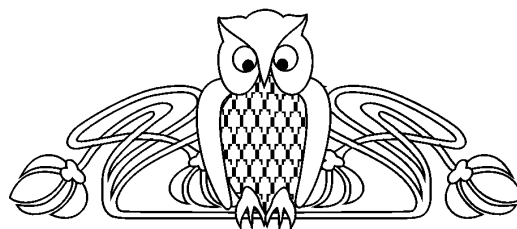
The Determining Function of Russian Democracy Critique

N.N. Filatov

This article considers the problem of the reasons for critical spirit in the modern mass consciousness concerning the prospect of democratic development in Russia.

Key words: democracy critique, mass consciousness, academic critique, democratic transit

Часто говорят, что история не терпит сослагательного наклонения, что неуместно рассуждать о том, что было бы, если бы условия развития того или иного процесса сложились бы по-другому. У политической науки в этом смысле есть большое преимущество перед исторической наукой: она изучает те процессы, которые сегодня еще не пришли к завершению, которые, возможно, будут иметь свое продолжение завтра, а потому эти процессы в любой момент могут изменить траекторию своего развития. В том числе такое изменение может произойти и происходит под влиянием научных оценок. Собственно, весь практический смысл существования политической науки, как представляется, в том и состоит, чтобы своими оценками и суждениями изменять в нужную обществу и элитам сторону ход политических процессов. Другое дело, что сами политологи очень редко обращают внимание на то, к каким практическим последствиям приводят их идеи, вброшенные в пространство массовых коммуникаций. Чаще всего они повторяют жалобу, что власть ученых не слышит, а значит и результативности научной критики политической сферы нет.



Политическая наука должна критически относиться к характеристике тех политических явлений и процессов, которые являются предметом ее внимания, – это факт. Точнее было бы сказать – это апробированная зарубежным и отечественным исследовательским опытом традиция. Однако, чтя эту традицию, не следует забывать, что критические рассуждения о политике, решая задачу самоопределения научного сообщества, выполняют еще одну функцию применительно к самоопределению в политике общества и его политических элит. Критические высказывания заставляют людей усомниться в истинности многих вещей и идей. А поскольку пространство политической культуры не терпит пустоты, это часто побуждает людей некритически принимать на веру истинность других ориентиров развития и других ценностей. Критика, таким образом, в значительной степени детерминирует политический выбор людей, особенно тогда, когда эти люди по тем или иным причинам экономического и культурного порядка (недоверие ко всему, что связано с политикой государства, например) склонны прислушиваться к этой критике. Порой детерминирующее влияние критики проявляется настолько сильно, что этот выбор приобретает характер метания массового сознания от, как имеет место в России, например, абсолютизации ценностей советской демократии к превознесению ценностей демократии либеральной, и от этих ценностей к ценностям национализма и государственничества.

Метания, которое порой так удивляет аналитиков, атрибутируется ими как проявление неких свойств современной ментальности, склонности ее к радикализму политических оценок. «Во всяком случае, положение, при котором вера в идеалы демократии, – пишет один из современных отечественных исследователей, – сочетается со скепсисом в отношении ее способности ответить



- ⁵ См.: Молодежь и политика. Библиотека либерального чтения. М., 2006. № 17. С. 203.
- ⁶ См.: Архив министерства образования Саратовской области. 1999 г.
- ⁷ См.: Шатилов А.Б. Динамика политико-культурных предпочтений россиян и трансформация партийной системы Российской Федерации в 90-е годы. Образцы власти в политической культуре России / МОНФ. М., 2000. С. 54.
- ⁸ Свободный Саратов. 2003. 31 окт.
- ⁹ См.: Науменко Т.В. Массовое сознание и его роль в массово-коммуникативном процессе // Вестн. МГУ. Сер. 12. 2004. № 1. С. 147.
- ¹⁰ См.: Информационные материалы министерства молодежной политики, спорта и туризма Саратовской области. 2003 г.
- ¹¹ II Всероссийский форум молодых парламентариев: Материалы для участников форума. 24–25 февр. 2005 г. Рязань, 2005. С. 6.

УДК 32.130.3

ДЕТЕРМИНИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ КРИТИКИ ДЕМОКРАТИИ

Н.Н. Филатов

Саратовский государственный университет,
кафедра истории и теории государства и права
E-mail: FilatovNN@info/sgu.ru

В статье рассматривается проблема источников критического настроения современного массового сознания в отношении перспектив демократического развития России.

Ключевые слова: критика демократии, массовое сознание, научная критика, демократический транзит.

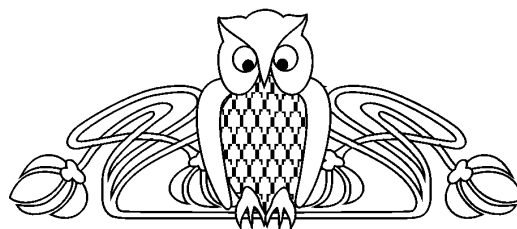
The Determining Function of Russian Democracy Critique

N.N. Filatov

This article considers the problem of the reasons for critical spirit in the modern mass consciousness concerning the prospect of democratic development in Russia.

Key words: democracy critique, mass consciousness, academic critique, democratic transit

Часто говорят, что история не терпит сослагательного наклонения, что неуместно рассуждать о том, что было бы, если бы условия развития того или иного процесса сложились бы по-другому. У политической науки в этом смысле есть большое преимущество перед исторической наукой: она изучает те процессы, которые сегодня еще не пришли к завершению, которые, возможно, будут иметь свое продолжение завтра, а потому эти процессы в любой момент могут изменить траекторию своего развития. В том числе такое изменение может произойти и происходит под влиянием научных оценок. Собственно, весь практический смысл существования политической науки, как представляется, в том и состоит, чтобы своими оценками и суждениями изменять в нужную обществу и элитам сторону ход политических процессов. Другое дело, что сами политологи очень редко обращают внимание на то, к каким практическим последствиям приводят их идеи, вброшенные в пространство массовых коммуникаций. Чаще всего они повторяют жалобу, что власть ученых не слышит, а значит и результативности научной критики политической сферы нет.



Политическая наука должна критически относиться к характеристике тех политических явлений и процессов, которые являются предметом ее внимания, – это факт. Точнее было бы сказать – это апробированная зарубежным и отечественным исследовательским опытом традиция. Однако, чтя эту традицию, не следует забывать, что критические рассуждения о политике, решая задачу самоопределения научного сообщества, выполняют еще одну функцию применительно к самоопределению в политике общества и его политических элит. Критические высказывания заставляют людей усомниться в истинности многих вещей и идей. А поскольку пространство политической культуры не терпит пустоты, это часто побуждает людей некритически принимать на веру истинность других ориентиров развития и других ценностей. Критика, таким образом, в значительной степени детерминирует политический выбор людей, особенно тогда, когда эти люди по тем или иным причинам экономического и культурного порядка (недоверие ко всему, что связано с политикой государства, например) склонны прислушиваться к этой критике. Порой детерминирующее влияние критики проявляется настолько сильно, что этот выбор приобретает характер метания массового сознания от, как имеет место в России, например, абсолютизации ценностей советской демократии к превознесению ценностей демократии либеральной, и от этих ценностей к ценностям национализма и государственничества.

Метания, которое порой так удивляет аналитиков, атрибутируется ими как проявление неких свойств современной ментальности, склонности ее к радикализму политических оценок. «Во всяком случае, положение, при котором вера в идеалы демократии, – пишет один из современных отечественных исследователей, – сочетается со скепсисом в отношении ее способности ответить



на новые вызовы времени, характерно сегодня и для Запада, и для России»¹. Хотя в гораздо большей степени, как представляется, этот радикализм общественных умонастроений рождает радикальные оценки политической реальности, которые формулируются политической наукой и публицистикой и становятся элементом массовых коммуникаций. Если смысл политической науки и политической публицистики в том и проявляется, чтобы доступными им средствами влияния на структуры массового сознания программировать развитие политических процессов, то этими же средствами осуществляется внесение в это программирование и хаотического начала.

Логика этой связи внешне вполне очевидна. Но она обыкновенно игнорируется аналитиками тогда, когда речь заходит о влиянии информации на политическое поведение людей: влияющие научной информации априорно и независимо от его характера признаются конструктивным для людей, осуществляющих выбор в политическом мышлении и поведении. Логика становится примерно такой: чем больше информации самого разного качества получает человек, чем более средствами науки и публицистики этой информации сообщается критичности, тем более определенным и предсказуемым становится мышление и поведение людей в политике. Так, например, В.А. Дубовцев и Н.С. Розов, подводя итог своему исследованию проблем укоренения демократии на российской почве, утверждают: «“Русская власть” – это вполне реальная историческая субстанция, и ныне мы вновь вкушаем ее плоды. Следует признать потрясающую живучесть данного феномена, его способность возрождаться и набирать силу. Однако разве не может (и не должен!) наметившийся “метафизический” пиетет перед этим идолом-мутантом смениться концептуализацией, критическим обсуждением, выдвижением и проверкой гипотез, широкими сравнительными исследованиями – и все это ради получения ответа на вопрос: при каких условиях “русская власть” сменится в России на нечто более приемлемое?»².

По самому характеру ключевого вопроса, поставленного этими исследователями, видно, что он имеет вид заявки на перепрограммирование направленности политического процесса, всего порядка взаимодействия общества и государства в политике. Когда в результате усиления критичности и разнообразия информации массовое сознание начинает метаться от одних идей и ценностей к противоположным и обратно, то так же обычно звучат обвинения в адрес науки и политической публицистики в том смысле, что они не справились со своей задачей по определению вектора политического развития, что они нанесли этому развитию вред и т.д. Правильнее было бы сказать, что в том критическом формате, который объективно был задан, наука и публицистика со своей задачей справились, разуверив общество в том, во что оно прежде верило, детерминировав

те ценностные метания массового сознания, о которых говорилось выше.

Опыт современного российского демократического транзита наглядно демонстрирует масштаб этой результативности. В современных исследованиях понятие «демократический транзит» часто критикуется, как неприложимое к определению того, что происходило в России в последние два с половиной десятилетия. Но в данном случае это понятие представляется уместным в том смысле, что оно создает удобные аналитические рамки для поиска ответов на вопросы: почему два десятилетия усилий по демократизации российской политики дали не те результаты, которые изначально планировались, почему сегодня перспектива демократического развития России остается обсуждаемой проблемой и какой вклад в это положение дел внесла наука своими критическими суждениями в адрес сначала советской, а затем и либеральной демократии?

Демократизация России планировалась именно как транзит от одной точки, определяемой понятием «советский строй», через промежуточные точки, определяемые понятиями «социализм с человеческим лицом» и «магистральная дорога прогресса современного человечества», к той точке, которую определяет понятие «либеральная демократия». Логике этого транзита соответствовали различные программы экономических, социально-политических и административно-правовых реформ, прошедших в нашей стране в 90-е гг. прошлого века. Все они отталкивались от критики недостатков советской экономической и социально-политической системы, усилиями научной и публицистической критики возводимых в абсолют. Советская демократия определялась как не-демократия в принципе, а советская экономическая система как не-система и не-экономическая в принципе.

Однако если проследить тот порядок, в котором наукой и публицистикой 90-х гг. составлялись идейные и ценностные «вешки» для движения российской социально-политической системы к либеральной демократии, то порядок этот будет выглядеть довольно хаотическим. Хаотическим содержательно и по организации.

Что касается организации, то в период «перестройки» критика советской демократии, сориентированная на непропорциональное сравнение ее преимуществ и недостатков, подчиненная намерению либерально настроенной интеллигенции максимально мобилизовать протестный потенциал массы советских граждан, накопившийся в «период застоя», приобрела весьма противоречивую структуру. Базовое противоречие состояло в том, что для дискредитации доктрины строительства социализма и для апологетики перспектив либеральной демократии в России использовались советская идеологическая риторика и терминология, логика построения теоретических суждений. Получалось так, что приводимых критических



аргументов объективно не хватало для решения первой, а апологетических – для решения второй задачи. Научная и публицистическая критика советской демократии и советской экономики, сориентированная на максимальное подчеркивание недостатков этой системы и игнорирование ее достоинств, объективно исключала возможность сопоставления для потребителей политической информации недостатков советского строя с недостатками либерально-демократической организации и достоинств ее с достоинствами либеральной модели. Таким образом, уже на уровне самой организации научной критики закладывались предпосылки для развития в массовом сознании представлений о том, что осуществляемый либерально настроенными политическими и интеллектуальными элитами демократический транзит России есть движение к светлому, но очень неопределенному будущему. Если говорить о содержательной стороне, то именно в «перестроечный» период под воздействием научной и публицистической критики начал формироваться эффект «зависания» массового сознания российских граждан между естественной для любого «исторического» народа приверженностью своему политическому прошлому во всем его многообразии, сомнениями в истинности социалистических идей и ценностей, порожденными их научной и публицистической критикой, желанием лучшей жизни и неуверенностью в либеральных и каких бы то ни было вообще перспективах ее достижения. Тех деятелей советской истории, кого одни критики советского опыта социалистического строительства определяли как жертв «сталинского» политического режима, другие критики определяли как главных виновников политических репрессий и организаторов внеэкономического принуждения в экономике. Те социальные группы, которых одни критики определяли как жертв социалистических экспериментов (крестьянство и интеллигенция, например), другие публицисты и ученые выдвигали на роль той среды, которая, собственно, и порождала всевозможные политические и экономические девиации в политической культуре советского общества и таким образом служила питательной почвой для антидемократических тенденций в развитии России³. Средних позиций, на которых могло бы сосредоточиться общественное внимание как на том основании, по которому можно было бы сравнивать недостатки и достоинства советской и либеральной моделей демократии, почти не прослеживалось. Они просто не вписывались в господствующее понимание детерминирующей функции научного анализа – как можно больше критичности.

В результате такой критической и хаотической «настройки» массового сознания выбор в пользу либеральной демократии и ответственности за него был переложен обществом на плечи политических и интеллектуальных элит⁴. Желание снять с себя эту ответственность породило

на рубеже веков в научной и публицистической среде ответную волну критики теперь уже самой либеральной демократии как недостаточно теоретически осмысленной цели развития, нарастание почвеннических и консервативных настроений в рядах интеллектуалов.

Тем самым был спроектирован новый парадокс в настроениях современных политических субъектов, в их отношении к демократизации России, когда все ценят демократию (как последнее, что осталось ценного из спектра нетрадиционных для российской политической культуры ценностей), но на практике, как показывают систематические исследования Института социологии РАН, предпочитают сильную и эффективно действующую административную власть непредсказуемости и затратности демократических процедур.

М.К. Горшков в уже упомянутом исследовании особенностей российской современной ментальности пишет: «...нельзя не видеть и того, что в российском обществе сложилось устойчивое мнение о том, что что российская версия демократии и рынка далека от совершенства. Упрочилось мнение о том, что процесс демократизации явно “застопорился” и попал в своеобразный замкнутый круг, когда новые демократические политические институты не могут стать достаточно эффективными, поскольку не пользуются необходимой поддержкой со стороны массовых и элитных групп общества, а получить поддержку и легитимность эти институты не могут, поскольку в глазах большинства населения не являются эффективными, способными помочь в решении возникающих перед обществом проблем, прежде всего, социальных»⁵.

Социологическое исследование не предполагает по своему характеру, что его автор должен «докапываться» до выяснения причин и истоков таких массовых умонастроений. Заметим, однако, что именно на слабой эффективности и затратности демократических институтов, на бессмысленности для общества связывать с ними свои надежды на изменения политики, экономики и культуры к лучшему (особенно это заметно по проблематике организации местного самоуправления, деятельности НКО и других структур в сфере публичной политики) делается акцент в современной критике опыта либеральной демократизации России⁶.

В свете этой тенденции можно с большим основанием утверждать, что нынешняя тенденция к усилению в российской политике административного начала есть не только и, может быть, даже не столько отражение корпоративной переориентации властвующих элит, сколько адекватная реакция этих элит на верно уловленные ими настроения массы российских граждан. Граждан, адекватно подготовленных к такому взаимодействию с властными элитами тем, что им научно было растолковано, что либеральная демократия, все эти концепты гражданского общества, право-



вого государства и свободы личности на практике себя не оправдали, а в ближайшей перспективе в России для их внедрения и эффективного функционирования предпосылок не сложится. И вообще: двигаясь вслед за Западом по одной с ним дороге демократического развития, России Запад в принципе не догнать и тем более не обогнать. Надо искать «суверенный» путь, хотя и в границах принципов и ценностей демократии.

Возможно предположить, что если бы общество и власть больше, как это было в советскую эпоху, ориентировались на идеологические императивы и меньше прислушивались к критическим замечаниям исследователей и публицистов, то, как это происходило в советскую эпоху, политическое развитие шло бы более плавно и стабильно. Проблема в том, что в период демократического транзита отечественные политическая наука и публицистика оказались в плане выполнения детерминирующей политической функции силой более влиятельной, чем они сами себе это сегодня могут представить. Это проблема ответственности научного и публицистического сообщества за тот вектор отношения к политике и участия в ней, который они задают обществу. Эта проблема нуждается в разработке, в точно таком же критическом исследовании, потому что не трудно спрогнозировать (политический процесс не остановить), что вслед за переживающей организационный и идейный кризис российской либеральной демократией точно такой же, не вполне сообразованной с пониманием последствий, критике подвергнется новая модель

организации социально-политической системы и массовое сознание опять будет вынуждено выбирать между тем, чем оно недоволено, и тем, смысл чего ему непонятен. Теоретически неорганизованная, неструктурированная по направлениям и проблемам, то, что называют «огульная» критика либеральной демократии, как нетрудно предположить, в недалеком будущем детерминирует и сохранение несистемности в политическом поведении и мышлении российского социума, которую мы опять будем списывать на особенности национального менталитета и т.д.

Примечания

- 1 Горшков М.К. Российский менталитет в социологическом измерении // Социс. 2008. № 6. С. 112.
- 2 Дубовцев В.А., Розов Н.С. Природа «русской власти»: от метафор – к концепции // Полис. 2007. № 2. С. 23.
- 3 См.: Солнцева С.А. Формула советской истории (взгляд на развитие России в условиях тотального государственного капитализма) // Вопросы философии. 2008. № 6. С. 3–16.
- 4 См.: Элита в России // Вестник аналитики. 2006. № 1. С. 52–83; Грудцына Л.Ю. Частная собственность и гражданское общество в России // Государство и право. 2008. № 6. С. 33–40.
- 5 Горшков М.К. Указ. соч. С. 112.
- 6 См., напр.: Иванов В. Демократия – это вам не лобно кушать // PRO суверенную демократию. М., 2007. С. 63–72.

УДК 32:070:004:056

СУБЪЕКТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНФОРМАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА

А.В. Россошанский

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: vil57@yandex.ru

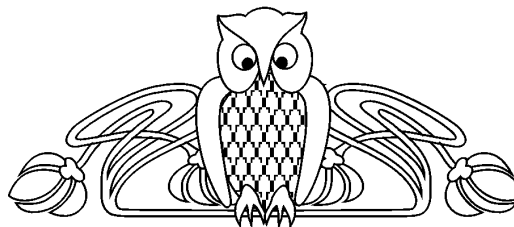
В статье рассмотрены изменения субъектных характеристик информационно-политического пространства региона в результате перехода на пропорциональную систему выборов депутатов Государственной думы и усиления функциональности политических партий.

Ключевые слова: СМИ, политическое пространство, информационно-коммуникационное пространство, субъектность информационно-коммуникационных отношений, партии как субъекты информационно-коммуникационных отношений.

Subjective Characteristics of Information and Political Space of a Region

A.V. Rossoshansky

The article considers the changes in subjective characteristics of information and political space of a region as the result of transition



to the proportional system of State Duma deputy election and the strengthening of political parties' functionality.

Key words: Mass-Media, political space, information and communication space, subjectivity of information and communication relationships, parties as subjects of information and communication relationships.

Одной из противоречивых и неоднозначно трактуемых теоретических проблем информационно-коммуникационных отношений является субъектность информационно-политического пространства общенационального и регионального уровня.

Чаще всего данная проблема рассматривается в контексте понимания субъект-объектных отношений в сфере политики в целом и является отражением специфики взаимодействия власти и общества. В этом случае понятие субъектности определяется в зависимости от различных тракто-



вого государства и свободы личности на практике себя не оправдали, а в ближайшей перспективе в России для их внедрения и эффективного функционирования предпосылок не сложится. И вообще: двигаясь вслед за Западом по одной с ним дороге демократического развития, России Запад в принципе не догнать и тем более не обогнать. Надо искать «суверенный» путь, хотя и в границах принципов и ценностей демократии.

Возможно предположить, что если бы общество и власть больше, как это было в советскую эпоху, ориентировались на идеологические императивы и меньше прислушивались к критическим замечаниям исследователей и публицистов, то, как это происходило в советскую эпоху, политическое развитие шло бы более плавно и стабильно. Проблема в том, что в период демократического транзита отечественные политическая наука и публицистика оказались в плане выполнения детерминирующей политической функции силой более влиятельной, чем они сами себе это сегодня могут представить. Это проблема ответственности научного и публицистического сообщества за тот вектор отношения к политике и участия в ней, который они задают обществу. Эта проблема нуждается в разработке, в точно таком же критическом исследовании, потому что не трудно спрогнозировать (политический процесс не остановить), что вслед за переживающей организационный и идейный кризис российской либеральной демократией точно такой же, не вполне сообразованной с пониманием последствий, критике подвергнется новая модель

организации социально-политической системы и массовое сознание опять будет вынуждено выбирать между тем, чем оно недоволено, и тем, смысл чего ему непонятен. Теоретически неорганизованная, неструктурированная по направлениям и проблемам, то, что называют «огульная» критика либеральной демократии, как нетрудно предположить, в недалеком будущем детерминирует и сохранение несистемности в политическом поведении и мышлении российского социума, которую мы опять будем списывать на особенности национального менталитета и т.д.

Примечания

- 1 Горшков М.К. Российский менталитет в социологическом измерении // Социс. 2008. № 6. С. 112.
- 2 Дубовцев В.А., Розов Н.С. Природа «русской власти»: от метафор – к концепции // Полис. 2007. № 2. С. 23.
- 3 См.: Солнцева С.А. Формула советской истории (взгляд на развитие России в условиях тотального государственного капитализма) // Вопросы философии. 2008. № 6. С. 3–16.
- 4 См.: Элита в России // Вестник аналитики. 2006. № 1. С. 52–83; Грудцына Л.Ю. Частная собственность и гражданское общество в России // Государство и право. 2008. № 6. С. 33–40.
- 5 Горшков М.К. Указ. соч. С. 112.
- 6 См., напр.: Иванов В. Демократия – это вам не лобно кушать // PRO суверенную демократию. М., 2007. С. 63–72.

УДК 32:070:004:056

СУБЪЕКТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНФОРМАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА

А.В. Россошанский

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: vil57@yandex.ru

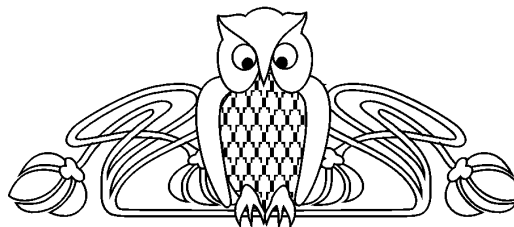
В статье рассмотрены изменения субъектных характеристик информационно-политического пространства региона в результате перехода на пропорциональную систему выборов депутатов Государственной думы и усиления функциональности политических партий.

Ключевые слова: СМИ, политическое пространство, информационно-коммуникационное пространство, субъектность информационно-коммуникационных отношений, партии как субъекты информационно-коммуникационных отношений.

Subjective Characteristics of Information and Political Space of a Region

A.V. Rossoshansky

The article considers the changes in subjective characteristics of information and political space of a region as the result of transition



to the proportional system of State Duma deputy election and the strengthening of political parties' functionality.

Key words: Mass-Media, political space, information and communication space, subjectivity of information and communication relationships, parties as subjects of information and communication relationships.

Одной из противоречивых и неоднозначно трактуемых теоретических проблем информационно-коммуникационных отношений является субъектность информационно-политического пространства общенационального и регионального уровня.

Чаще всего данная проблема рассматривается в контексте понимания субъект-объектных отношений в сфере политики в целом и является отражением специфики взаимодействия власти и общества. В этом случае понятие субъектности определяется в зависимости от различных тракто-



вок массовой коммуникации. Например, массовая коммуникация, понимаемая как «институционализированное производство и массовое распространение символических материалов посредством передачи и накопления информации»¹, приводит к акцентуализации институциональной субъектности информационно-коммуникационного пространства любого уровня.

Представители современных концепций демократии акцент делают на политической субъектности институтов гражданского общества и отдельных индивидов как полноправных участников формирования публичной «повестки дня» важнейших политических проблем, активно принимающих участие в обсуждении сильных и слабых сторон различных альтернатив их решения. СМИ в данном случае выступают как канал равноправных двусторонних взаимоотношений между органами власти, официальными субъектами политики и разнообразными неинституционализированными субъектами общественных отношений².

Однако само понятие неинституционализированной субъектности в рамках данного подхода также неоднозначно. Кроме позитивной трактовки, в контексте усиления институтов гражданского общества, широкое распространение имеет и понимание неформальной институционализации, как процесса вытеснения формальных институтов неформальными правилами³, который препятствует установлению верховенства права⁴. По мнению В.Я. Гельмана, «неформальная институционализация», скорее всего, окажется не временным «дефектом» (в смысле отклонения от «правильного» пути развития), а долгосрочной и принципиальной характеристикой российского политического режима⁵. В этом случае неформальные институты «землячества», «клановости», этнической принадлежности, корпоративности и т.д. могут рассматриваться и как действующие субъекты информационно-коммуникационного пространства, в котором они реализуют свои цели.

По мнению сторонников дискурсивного подхода, «антиредукционизм и антиэссенциализм», являющиеся отличительными чертами дискурса, «позволяют выйти за ограниченные пределы марксистской теории идеологии, жестко детерминированной экономическими структурами и классовыми отношениями. Однако если автономный и целостный субъект социального действия рассматривается современными теоретиками как идеологический суперструкт эпохи Просвещения, то идея деления общества на «властный блок» и противостоящие ему народные массы остается в полной неприкосновенности»⁶. На наш взгляд, разведение проблемы субъектности социально-политических и коммуникативных отношений может носить лишь условный характер в контексте взаимоотношений «политические элиты–массы». Внутри данных границ функционирует большое количество достаточно самостоятельных полити-

ческих субъектов, автономных в своем целеполагании и выборе форм и способов действия, в том числе и в информационно-коммуникационной сфере.

По мнению А.И. Соловьева, многообразные информационные потоки, постоянно циркулирующие в информационном пространстве, неизбежно начинают обретать некую упорядоченность и устойчивость по отношению к внешним факторам. Дальнейшее усиление устойчивости и сохранение целенаправленности возникающих коммуникаций ведет к появлению новых качеств полей, которые обеспечивают организованность потокам сообщений, закрепляют определенные способы информационных обменов между субъектами, регулируют объем потребляемой информации, задают скорость ее прохождения и т.д. Данные свойства информационного поля дают право определить его уже как информационно-коммуникационную систему⁷.

В этом случае субъектность информационно-коммуникационного пространства в значительной степени соотносится с общественно-политической субъектностью. Не случайно, что в период функционирования смешанной избирательной системы количественные характеристики и уровень конкурентности регионального информационно-коммуникационного пространства были намного выше. Это относится и к началу 2000-х гг., невзирая на то, что степень государственного воздействия на СМИ и контроля над ними уже значительно возросла. Объяснить данное обстоятельство можно тем, что наличие конкурентной борьбы в одномандатных округах объективно создавало плюралистическое пространство, в котором партийные и независимые кандидаты могли критиковать друг друга и представителей действующих органов власти. Тем самым даже ангажированные СМИ, в той или иной степени, выполняли функции институтов гражданского общества (например, предоставляя положенное по закону эфирное время, или газетные площади для представителей оппозиции, или кандидатам с иной идеологической и мировоззренческой ориентацией). Формально СМИ как бы утрачивали свою политическую субъектность, становясь нейтральными посредниками для передачи информации конкурирующих друг с другом партийных и независимых политических акторов.

Кроме того, наличие кандидатов-одномандатников дополняло субъектность регионального информационно-коммуникационного пространства (и соответственно его конкурентность) деятельностью соответствующего количества штабов и команд агитаторов (волонтеров, добровольцев). Данный «живой» канал коммуникации при хорошей организации и контроле со стороны менеджеров зачастую становился определяющим, так как уровень доверия к СМИ в период избирательных кампаний неизбежно падал⁸. Особенно эффективным по сравнению с традиционными



СМИ было наличие обратной связи в ходе непосредственного общения агитаторов с избирателями, когда последние могли высказать свои жалобы, обращения, предложения по решению конкретных региональных проблем. Даже с учетом манипуляционного начала кампании «от двери к двери» помогали кандидатам конкретизировать свои программы за счет формулирования и агрегирования реальных общественных потребностей.

С переходом на пропорциональную систему выборов депутатов Государственной думы значительно возросла функциональность в информационно-коммуникационной сфере таких субъектов политики, как партии. Значительное повышение формальных требований к их регистрации (не менее 50 тыс. членов, наличие крупных региональных отделений более чем в половине субъектов Российской Федерации, обязательность регулярного участия в избирательных кампаниях) соответственно вызвало существенное уменьшение их численности и соответственно субъектов информационно-коммуникационного пространства.

Какие последствия можно отметить в результате данного преобразования? С одной стороны, очевидно, что конкурентное поле информационно-коммуникационного пространства также значительно сузилось. Даже в период избирательных кампаний региональные СМИ передают политическую информацию, предоставленную парламентскими партиями («Единая Россия», «Справедливая Россия», ЛДПР и КПРФ⁹) и еще тремя-четырьмя зарегистрированными партиями.

Более того, выборы по смешанной системе в представительные органы субъектов Российской Федерации также проходят при доминирующей роли политических партий. Большинство кандидатов-одномандатников выступают как представители политических партий и в своих предвыборных платформах в обязательном порядке используют системообразующим элементом партийные программы, лишь дополняя их региональным материалом. Однозначно негативно оценивать такие изменения субъектности политического и соответствующего информационно-коммуникационного пространства, как это делает значительная часть либерально ориентированных политологов, на наш взгляд, не совсем верно. Уменьшение потенциала критики действительно очевидно. В то же время необходимо отметить уменьшение потенциальных возможностей «грязных» информационных технологий, которые ранее использовались практически повсеместно на выборах, прежде всего, по одномандатным округам. Партийные избирательные кампании гораздо в меньшей степени нуждаются в данных технологиях, так как партии зарабатывают политический капитал не столько за счет формирования позитивно воспринимаемых имиджей своих федеральных и региональных лидеров, сколько за

счет партийных брендов. Последние формируются намного медленнее и труднее, причем не только в период избирательных кампаний.

Для этого партии вынуждены усиливать свою функциональность, стремясь продемонстрировать себя как представителей и защитников интересов различных социальных групп, постоянно выступая с различными инициативами по решению разнообразных общественных проблем. Для этого используются партийный актив и рядовые члены партии (для «живой коммуникации» и налаживания канала обратной связи с обществом), партийные СМИ, а также возможности, которые предоставляются государственными и независимыми информационными каналами.

Таким образом, уменьшение количества субъектов политического и информационно-коммуникационного пространства усиливает предсказуемость политического процесса (и соответственно его стабильность), повышает роль идеологического фактора (соответственно уменьшает личностно-манипуляционную составляющую политического процесса), более четко структурирует социум по партийным трендам, уменьшает степень общественной конфликтности, позволяет создать основы для доминирования единой общегражданской идентичности на основе базовых фундаментальных ценностей.

Примечания

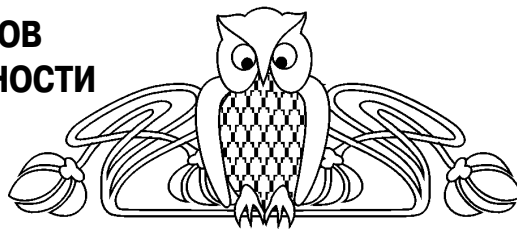
- 1 Назаров М.М. Массовая коммуникация и общество. М., 2004. С. 15.
- 2 См.: Мельвилль А. Демократические транзиты: теоретико-методологические и прикладные аспекты. М., 1999.
- 3 См.: Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. 2002. № 1–2. С. 20.
- 4 См.: Гельман В.Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Полис. 2003. № 4. С. 6.
- 5 Там же. С. 24.
- 6 Трахтенберг А.Д. Дискурсивный анализ массовой коммуникации как идеологический инструмент // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Политология. 2006. № 8. С. 85.
- 7 См.: Соловьев А.И. Политические коммуникации. М., 2004. С. 32.
- 8 Главной причиной являлось падение доверия к самому институту выборов и особенно к политической рекламе, в которой большинство граждан видели основу популизма и демагогии.
- 9 К реальной оппозиции многие исследователи относят лишь КПРФ, что само по себе снижает критический потенциал российской многопартийности в отношении действующих органов власти всех уровней. Лидеры «Другой России» отказывают в этом и КПРФ, считая только свое движение истинно оппозиционным (см.: Российская оппозиция: мифы и реальность // Новая газета. 2008. 3 апр. № 23).



Слово молодым политологам

УДК 321.011

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ВНЕШНИХ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ В «СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДО 2020 ГОДА»



Д.Н. Чуваткин

Вольское высшее военное училище тыла (военный институт),
факультет тыла внутренних войск МВД РФ
E-mail: yan@sgu.ru

В статье рассматривается механизм представления внешних угроз и вызовов безопасности России в ключевом документе «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». Автор анализирует теоретические основы данного документа, его возможное действие на различные целевые аудитории. Представлен также анализ основных критических замечаний в адрес данной стратегии.

Ключевые слова: стратегия национальной безопасности, внешние угрозы и вызовы, военные факторы политики, оборона, военное руководство, цели и приоритеты военной политики РФ.

Presentation of External Threats and Calls in «Strategy of National Safety of the Russian Federation 2020»

D.N. Chuvatkin

The article deals with a mechanism for external threats and challenges to Russia's security in a key document – «National Security Strategy of Russia until 2020». The author analyzes the main theoretical basis of the instrument, its possible effects on different target audiences. Presented as an analysis of the main criticisms of this strategy.

Key words: strategy of national safety, external threats and calls, military factors of a policy, defence, military management, the purposes and priorities of a military policy of the Russian Federation.

Современное государство, представляя существующие внешние угрозы и вызовы, реализует одну из основных своих функций – охранительную, направленную на гарантирование национального суверенитета, сохранение территориальной целостности и собственную стратегию развития. Как правило, эта функция реализуется одновременно и как идеологическое творчество, поскольку государство должно четко и последовательно сформулировать перечень наиболее острых сюжетов, влияющих на его развитие в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Основным источником по данной проблеме служат доктринальные документы страны – Конституция, Военная доктрина и стратегия национальной безопасности, в которых с большей или меньшей степенью детализации представле-

ны проблемные зоны: «друзья» и «враги», цели и средства нейтрализации угроз, уровень ресурсного обеспечения безопасности.

Целью данной публикации является анализ той части официального документа Российского государства – «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»¹, в которой представляются внешние угрозы и вызовы. Такой анализ позволяет определить основной декларируемый вектор развития оборонного блока государства, зафиксировать главные силовые линии внешней политики РФ на современном этапе, выявить центральные смыслообразующие сюжеты внешнего образа России как члена международного сообщества.

Стоит отметить, что такие документы, как рассматриваемая «Стратегия...», во все времена носили характер деклараций, имеющих своим адресатом как «внешние» аудитории (государства, политические элиты «союзников» и «противников», международные организации, ТНК и МНК²), так и внутреннюю аудиторию (с целью консолидации правящего класса, обеспечения более последовательной работы по целеполаганию, мотивации военного строительства, мобилизации соответствующих ресурсов). Можно предположить, что появление нового варианта такого документа в России продиктовано сразу комплексом причин, которые наиболее четко обозначены именно в последние несколько месяцев.

Во-первых, во время агрессии Грузии в Южной Осетии в августе 2008 г. стала очевидна готовность российского руководства последовательно отстаивать основные права российских граждан даже с применением военной силы (что, по-видимому, было неочевидно, по крайней мере, для грузинского руководства и ряда стран Европы и Америки). Неслучайно именно в этот «горячий» период новый российский Президент Д.А. Медведев в своих заявлениях для СМИ говорил о назревшей необходимости принятия новой «Стратегии национальной безопасности» (в силу неадекватности новым условиям «старой» доктрины образца 1997 г.). Во-вторых, кризисные тенденции в мировой экономике существенно изменили баланс отношений между государствами по основным глобальным проблемам современности. На первый



план выходит борьба за мировые энергетические ресурсы, которые, будучи по природе конечны, находятся в центре внимания всех индустриальных экономик и являются «рамочными» условиями, задающими основные параметры дальнейшего социально-экономического развития. В-третьих, современные условия развития РФ существенно усложняются в связи с сохранением и даже приращением опасных тенденций непосредственно вблизи российских границ (региональные конфликты в СНГ, развитие ядерной программы Ирана и Северной Кореи, эскалация противостояния в Афганистане и Пакистане, продвижение НАТО на восток и др.).

В рассматриваемом документе констатируется, что современное развитие неразрывно связано с глобализационными процессами. А они, в свою очередь, обостряют противоречия между государствами, которые выражаются в неравномерности развития, разрывах в уровне благосостояния, обострении борьбы за ресурсы и др. Кроме того, весьма значимым фактором является несовершенство глобальной и региональной архитектуры безопасности, ориентированной в Евро-Атлантическом регионе только на НАТО, несовершенство правовых инструментов обеспечения безопасности государств и гарантий пересмотра национальных границ³. В этом смысле авторы данного документа демонстрируют вполне современный научный подход, разделяемый большинством ученых-специалистов по безопасности в РФ и за рубежом. Так, например, авторы фундаментального труда, описывающего глобальные процессы, констатируют: «Военную глобализацию в первом приближении можно рассматривать как процесс территориального расширения и интенсификации военных столкновений между политическими единицами мировой системы... Исторически этот процесс пространственно-временного уплотнения привел центры военного могущества к тесному контакту и потенциальному конфликту, поскольку увеличилась возможность продемонстрировать колоссальную разрушительную мощь, несмотря на огромные расстояния. Вместе с тем время принятия военных решений и время на ответные действия сократилось, вследствие чего постоянно действующие военные структуры, непрерывно готовящиеся к войне, стали неотъемлемой частью современной военной жизни»⁴.

Если систематизировать представленные в тексте анализируемого документа внешние угрозы и вызовы безопасности РФ по их источникам и видам, то можно представить их таким образом.

1. *Собственно военные угрозы безопасности, исходящие от государств или негосударственных субъектов.* К их числу отнесены следующие вызовы (ст. 10, 12):

- вероятные рецидивы односторонних силовых подходов в международных отношениях,
- противоречия между основными участниками мировой политики, угроза распространения

оружия массового уничтожения и его попадания в руки террористов,

– совершенствование форм противоправной деятельности в кибернетической и биологической областях, в сфере высоких технологий;

– возрастание риска увеличения числа государств – обладателей ядерного оружия (ст.12).

Прямыми угрозами военной безопасности названы:

– политика ряда ведущих зарубежных стран, направленная на достижение преобладающего превосходства в военной сфере, прежде всего в стратегических ядерных силах, путем развития высокоточных, информационных и других высокотехнологичных средств ведения вооруженной борьбы, стратегических вооружений в неядерном оснащении, формирования в одностороннем порядке глобальной системы противоракетной обороны и милитаризации околоземного космического пространства, способных привести к новому витку гонки вооружений, а также на распространение ядерных, химических, биологических технологий, производство оружия массового уничтожения либо его компонентов и средств доставки;

– негативное воздействие на состояние военной безопасности Российской Федерации и ее союзников, усугубляемое отходом от международных договоренностей в области ограничения и сокращения вооружений, а также действиями, направленными на нарушение устойчивости систем государственного и военного управления, предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, функционирования стратегических ядерных сил, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной и химической промышленности, других потенциально опасных объектов (ст.30).

Кроме того, в документе отмечается ряд источников угроз национальной безопасности – разведывательная и иная деятельность спецслужб и организаций иностранных государств, направленная на нанесение ущерба безопасности РФ, террористическая деятельность, уничтожение военных и промышленных объектов, устрашение населения, деятельность транснациональных преступных организаций и группировок, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ. Отдельно упоминаются такие угрозы интересам и безопасности РФ, как возможная эскалация вооруженных конфликтов вблизи границ РФ, а также назавершенности оформления государственной границы с рядом стран (как в международно-правовом, так и в техническом отношении) (ст. 41).

2. *Экономические угрозы безопасности, связанные с возможными утратами РФ позиций в экономической сфере* (ст. 11). К числу данных угроз относятся, по мнению авторов «Стратегии...», следующие:



– последствия мировых финансово-экономических кризисов, сопоставимые по совокупному ущербу с масштабным применением военной силы;

– кризисы мировой и региональных финансово-банковских систем, усиление конкуренции в борьбе за дефицитные сырьевые, энергетические, водные и продовольственные ресурсы, отставание в развитии передовых технологических укладов, повышающие стратегические риски зависимости от изменения внешних факторов (ст. 47).

Авторы документа подчеркивают, что «главными стратегическими рисками и угрозами национальной безопасности в экономической сфере на долгосрочную перспективу являются сохранение экспортно-сырьевой модели развития национальной экономики, снижение конкурентоспособности и высокая зависимость ее важнейших сфер от внешнеэкономической конъюнктуры, потеря контроля над национальными ресурсами, ухудшение состояния сырьевой базы промышленности и энергетики, неравномерное развитие регионов и прогрессирующая труднедостаточность, низкая устойчивость и защищенность национальной финансовой системы, сохранение условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений, а также незаконной миграции» (ст. 55). Здесь мы видим понимание таких рисков и проблем, которые являются масштабными и весьма затратными по времени и ресурсам на их минимизацию. Видно также, что авторы понимают особенности России как континентального протяженного государства, где есть угрозы диспропорции развития отдельных регионов. Решать данный вопрос предлагается через «развертывание полномасштабной национальной инновационной системы за счет формирования перспективных территориально-промышленных районов в южных регионах и Поволжье, на Урале и в Сибири, на Дальнем Востоке и в других регионах Российской Федерации» (ст. 64).

3. Экологические вызовы безопасности страны.

В этой части констатируется тяжелое состояние национальной безопасности в сфере экологии. Здесь указывается что ситуация «усугубляется сохранением значительного количества опасных производств, деятельность которых ведет к нарушению экологического баланса, включая нарушение санитарно-эпидемиологических и (или) санитарно-гигиенических стандартов потребляемой населением страны питьевой воды, вне нормативного правового регулирования и надзора остаются радиоактивные отходы неядерного топливного цикла. Нарастает стратегический риск исчерпания запасов важнейших минерально-сырьевых ресурсов страны, падает добыча многих стратегически важных полезных ископаемых» (ст. 87).

Решение этих проблем видится в формировании условий для внедрения экологически чистых

производств, поиска перспективных источников энергии, создания стратегических запасов минерально-сырьевых ресурсов, достаточных для обеспечения мобилизационных нужд РФ и гарантированного удовлетворения потребностей населения в водных и биологических ресурсах (ст. 88). Стоит отметить, что авторы документа видят эту деятельность как взаимодействие государства с институтами гражданского общества (правда, при этом не поясняется какие именно институты имеются в виду).

4. *Социально-культурные вызовы, стоящие перед страной, и их возможная динамика на перспективу.* Здесь на первый план выходят такие угрозы, как националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм и насильственный экстремизм, в том числе под лозунгами религиозного радикализма. Констатируется обострение мировой демографической ситуации и проблем окружающей природной среды (ст. 10). Указывается, что возрастут угрозы, связанные с неконтролируемой и незаконной миграцией, наркоторговлей и торговлей людьми, другими формами транснациональной организованной преступности.

Одними из главных угроз национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации являются возникновение масштабных эпидемий и пандемий, массовое распространение ВИЧ-инфекции, туберкулеза, наркомании и алкоголизма, повышение доступности психоактивных и психотропных веществ (ст. 72).

Главными угрозами национальной безопасности в сфере культуры определены: засилие продукции массовой культуры, ориентированной на духовные потребности маргинальных слоев, а также противоправные посягательства на объекты культуры (ст. 80). Кроме того, в ст. 81 упоминается негативное воздействие на состояние национальной безопасности в сфере культуры, которое усиливают попытки пересмотра взглядов на историю России, ее роль и место в мировой истории, пропаганда образа жизни, в основе которого вседозволенность и насилие, расовая, национальная и религиозная нетерпимость.

Таким образом, нетрудно видеть, что собственно военные угрозы национальной безопасности России сформулированы достаточно широко, но при этом авторы «Стратегии...» не видели настоящей необходимости фиксации категорий «друг» и «враг» в лице конкретных государств или союзов. Это связано, на наш взгляд, с несколькими обстоятельствами. Во-первых, в конкретном плане Российская Федерация намерена решать вопрос о союзниках и противниках на тех же основах, что США и НАТО, а именно: исходить из того, что у нее нет прямых врагов, но сохраняются потенциальные угрозы или, следуя американской терминологии, «категории риска», которые непременно должны учитываться во всех стратегических расчетах и планах⁵. Во-вторых, хотя современная российская оборонная концеп-



ция базируется на тех же принципах, формулируется она в несколько иной форме: определяются те или иные конкретные кризисные ситуации, в которых военная опасность перерастает в непосредственную военную угрозу, что позволяет на этой основе те или иные страны относить к категории врага. Такая установка, безусловно, имеет политический смысл. Она соответствует оборонительной направленности военной стратегии России, ориентированной на отражение неспровоцированной агрессии. Но вместе с тем ее абстрактность не позволяет целеустремленно готовить к обороне страну и Вооруженные силы. По существу, из нее вытекает, что России нужно рассматривать в качестве своих вероятных противников все без исключения государства. Из этого следует, что оборону надо строить буквально по всем ракурсам и быть в готовности вести войну с любой коалицией враждебных сил, что, разумеется, не только непосильно, но и неразумно ни в политическом, ни в стратегическом плане. Иными словами, получается, что в перспективе почти каждую страну надлежит рассматривать и как врага, и как союзника. Причем в равной степени это относится не только к США, ФРГ, Англии, но и к Польше, Венгрии, Чехии, Румынии, ко всем государствам Балтии и даже к Украине, Казахстану, среднеазиатским республикам. Поэтому для России создается весьма парадоксальная ситуация: ей приходится готовить свою армию и разрабатывать стратегию в расчете на все случаи жизни.

Однако в числе угроз национальной безопасности, которые разбиты в документе по тематическим главам, значится усиление роли США в мире (Соединенные Штаты не названы прямо, они угадываются по характеристике «страна, разрабатывающая собственную систему глобальной противоракетной обороны»)⁶. Отмечено, кроме того, расширение НАТО как «продвижение военной инфраструктуры альянса к границам России», и придание ему глобальных функций является неприемлемым и идущим вразрез с нормами международного права. Стоит отдельно сказать о том, что в российской политической науке и теории международных отношений сегодня есть такие оценки, которые предполагают высокую вероятность прямого военного столкновения России и США⁷. По-видимому, авторы «Стратегии...» такого сценария не допускают в принципе, отмечая лишь вероятность угрозы для РФ военного доминирования США.

Документ также допускает возникновение военных конфликтов у границ РФ: «В условиях конкурентной борьбы за ресурсы не исключены решения возникающих проблем с применением военной силы – может быть нарушен сложившийся баланс сил вблизи границ Российской Федерации и границ ее союзников». Возникновение военных конфликтов вблизи границ РФ числится и среди угроз национальной безопасности, где

также обозначена и незавершенность оформления госграницы России.

Другие угрозы и вызовы национальной безопасности отмечены как вероятностные негативные сценарии политического развития, потенциально ведущие к появлению серьезных проблем у Российского государства и общества.

Если оценивать реакцию на данный документ в двух разных аудиториях – российской и зарубежной, то можно заметить ряд тенденций. Так, в российской прессе в основном обсуждался характер отличий данного документа от предшествующих аналогичных и делались выводы о горизонтах государственного планирования вообще⁸. Некоторые обозреватели, критически настроенные в отношении действующей российской власти, указывали на поверхностность данного документа, его формально-бюрократический характер⁹.

Среди зарубежных экспертов по безопасности и международным отношениям восприятие данного документа было сдержанным. Они отмечали, что такие документы, как правило, всегда носят расплывчатый характер и периодически обновляются (обновление обычно связывают с появлением у руководства страны новой администрации).

Профессор Уэслианского университета Питер Ратлэнд считает, что найти подходящий момент для принятия стратегических решений вряд ли возможно: «Аналогичная практика наблюдается и в США, когда с приходом новой администрации вносятся коррективы и пересматриваются концепции»¹⁰.

Схожего мнения придерживается и Николай Соков, аналитик Центра по проблемам нераспространения оружия массового поражения в Монтерейском институте международных исследований, который считает, что, хотя новый документ и представляет собой описание философии национальной безопасности, «... через несколько лет приоритеты и цели могут измениться, и тогда будут опять внесены коррективы. Концепция безопасности России от 2000 просто устарела. Этот документ дает нам понимание того, какой будет, по всей вероятности, политика России на ближайшие 4–5 лет»¹¹.

А вот по мнению ведущего эксперта Фонда «Наследие» Ариэля Коэна, новая стратегия наглядно демонстрирует многолетнюю конфронтацию России с США и их союзниками по НАТО¹².

В связи с этим американские эксперты указывают на следующее обстоятельство. В интервью секретаря Совета безопасности Николая Патрушева, который отвечал за разработку самого документа, напрямую даются ссылки на теоретические положения геополитических трудов британского географа начала XX в. Хэлфорда Маккиндера, который хорошо известен своими работами о геополитике Евразии¹³. «Геополитические построения, основанные на теории геополитики Хэлфорда Маккиндера, – это даже не вчерашний



день, – считает Соков. – Эти построения на самом деле уже давно устарели и постулируют неизбежность конфликта между континентальными державами, в данном случае – Россией, и морскими державами – США. Вызывает беспокойство, что один из ведущих российских руководителей придерживается взглядов, постулирующих неизбежность военного конфликта»¹⁴. Такие оценки связываются, прежде всего, с актуальными геополитическими сюжетами в сегодняшнем мире. Так, например, многие аналитики задают вопрос: не означает ли это, что Москва готова применить военную силу, например в Каспийском регионе, где она уже конкурирует с западными странами? По мнению Сокова, «если исходить из теории Маккиндера и его российского последователя Александра Дугина, то такой вариант действительно неизбежен, что если США направят в Каспийский регион военный контингент, то Россия сделает ответный шаг»¹⁵.

Подводя итог, можно отметить, что в новой стратегии в целом адекватно понимается нынешнее военно-политическое состояние России, целостно отражается существующий уровень и масштаб угроз. Однако в то же время текст документа свидетельствует о стремлении представить максимально возможный спектр угроз и вызовов, прагматически определяя стратегию страны, что ведет к распылению ресурсов и сил в их отражении и предупреждении.

Примечания

- 1 Здесь и далее текст документа приводится по изданию: «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // <http://www.rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html>
- 2 Принятые сокращения: ТНК – транснациональные корпорации, МНК – мультинациональные компании.
- 3 См.: «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».
- 4 Хелд Д. и др. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Пер. с англ. В.В. Сапова и др. М., 2004. С.104.
- 5 Суть этого термина была раскрыта в январе 1991 г. в декларации НАТО о новой стратегической концепции Североатлантического блока, в которой, в частности, указывалось: «В отличие от главной угрозы прошлого сохраняющийся риск для безопасности союзников многогранен по природе и имеет многие направления, что осложняет его прогнозирование и оценку. НАТО должно быть в состоянии отреагировать на такой “риск”, чтобы стабильность в Европе и безопасность членов Союза были сохранены...». Судя по оценке руководства НАТО, маловероятно, что «риск для безопасности союзников» будет результатом сознательной агрессии; «скорее всего он станет результатом неблагоприятных последствий той нестабильности, которая может возникнуть из-за серьезных экономических, социальных, политических трудностей, включая национальные конфликты и территориальные споры, с чем уже столкнулись многие страны в Центральной и Восточной Европе». Цит. по: Вопрос о союзниках и противниках // <http://voenstrategia.ru/249>.
- 6 Стремление США опираться на силовое решение многих международных проблем и конфликтов все чаще находит отрицательный отклик не только за пределами «сверхдержавы № 1», но и в самих США. Так, например, один из видных американских специалистов Сейм Браун – профессор Университета Брандейса, длительное время занимавшего высокие позиции в таких «фабриках мысли», как Корпорация РЭНД, Институт Брукинга и Фонд Карнеги, предостерегает против чрезмерного упования на военно-силовой ресурс. См.: *Brown S. The Illusion of Control. Force and Foreign Policy in the 21st Century.* Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2003. 187 p. (Браун С.. Иллюзия контроля. Фактор силы во внешней политике XXI века. Вашингтон: Изд-во Института Брукинга, 2003. 187 с.). Рецензия на книгу: *Троицкий М.* Безответственность силы и иллюзии власти. Наставление для политиков как аналитический жанр в США // <http://www.intertrends.ru/three/016.htm>
- 7 Так, например, известный специалист, зав. отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН Н.А. Косолапов утверждает: «Война между США и Россией ныне возможна не только технически, но и политико-психологически. Две страны исподволь приближаются к тому рубежу, на котором рискуют оказаться намного ближе к войне, чем к ней когда-либо подходили СССР и США». (Косолапов Н.А. Пороговый уровень и вероятность конфликта США с Россией // *Международные процессы.* 2008. Т. 6, № 3(18). С. 15–26.
- 8 *Баданин Р., Самигуллина А., Цветкова М.* Нацбезопасность в процентах ВВП // http://www.gazeta.ru/politics/2009/05/13_a_2985774.shtml
- 9 Так, например, П. Святенков отмечает: «Отчасти авторы стратегии попытались ответить на эти вопросы, но ответить так, чтобы никого не обидеть. В итоге в документе отдано должное и отношениям с США, и отношениям с Шанхайской организацией сотрудничества, с другими международными организациями и странами. Но, в общем и целом, документ производит впечатление не руководства к действию, а бюрократической конструкции (надо к такому-то числу принять такую-то бумагу – давайте, примем). Для того чтобы собственно стратегия национальной безопасности могла реально измениться, необходим некий план изменения этой стратегии, то есть, необходим прогноз угроз, с которыми Россия может столкнуться в ближайшем будущем. Под эти угрозы должна создаваться военная инфраструктура, инфраструктура военных союзов, и, соответственно, должен быть разработан план противостояния этим угрозам. Всего этого в “Стратегии национальной безопасности...”, на мой взгляд, нет». Цит. по: *Святенков П.* Бумага к такому-то числу // www.apn.ru 2009-05-26/; другой известный российский политик, в прошлом военный – В. Алкснис заявляет: «Подписание Медведевым “Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года” сделано больше»



“для галочки”, поскольку продуманной стратегии национальной безопасности у России как не было последние двадцать лет, так нет и в настоящее время. А поскольку “без бумажки мы букашки”, то было дано поручение составить такую стратегию. Но документ этот создавался на базе конъюнктурных установок и вряд ли отражает реальное положение дел». (Алкнис В. Не было и нет. // www.apn.ru 2009-05-26/).

¹⁰ Бадыкова Н. Стратегия национальной безопасности России: мнения экспертов («Voice of America News», США) // Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/249359.html> 26 мая 2009.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ В 1919 г., сразу после окончания Первой мировой войны, выходит второй труд – «Демократические идеалы и реальность», где он сформулировал свою максимум следующую образом: «Кто контролирует Восточную Европу, тот командует Хартлендом; Кто контролирует Хартленд, тот командует Мировым островом (то есть Евразией и Африкой); Кто контролирует Мировой остров, тот командует миром». В журнале «Полис» опубликован перевод части одной из его работ – *Маккиндер Х.Дж. The Scope and Methods of Geography and the Geographical Pivot of History. L., 1951. P. 30–44. См.: Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4.*

¹⁴ Бадыкова Н. Указ. соч.

¹⁵ Там же.

УДК 321.022

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ

Ю.А. Королев

Саратовский юридический институт МВД РФ,
кафедра гражданского права и процесса
E-mail: king7574@yandex.ru

В статье рассматриваются возможность использования концепции информационного противоборства для анализа регионального политического процесса, манипулятивные и маркетинговые технологии информационного противоборства как источник угроз безопасности. Предлагаются возможные меры для снижения негативных последствий информационного противоборства.

Ключевые слова: информационное противоборство, региональный политический процесс, угрозы безопасности, политические манипуляции.

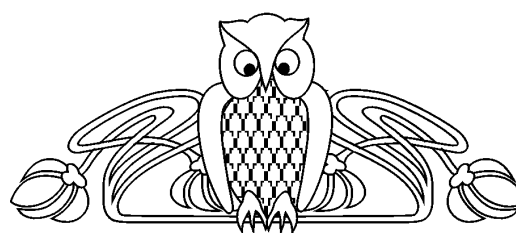
Information Conflict in Regional Policy as a Security Threat

Y.A. Korolev

This article discusses the use of the information for the analysis of regional conflict political process. The author considers the manipulative marketing and information technology as a source of security threats. The paper suggests possible measures to reduce the negative effects of information conflict.

Key words: information conflict, regional political process, security threat, political manipulations.

Проблема информационного противоборства в настоящее время пристально изучается представителями общественных наук. Это связано с тем, что в рамках парадигмы конфликта (предполагающей именно такое рассмотрение политического процесса, при котором существует интенсивное взаимодействие политических акторов по линии «друг – враг») все большую роль играет фактор информации. Информация, а также средства ее



получения, распространения и обработки рассматриваются как постоянно действующий элемент политики, существенно усиливающий властное воздействие и определяющий характер развития политической системы¹.

В политической науке сложилось так, что информационное противоборство рассматривается в основном специалистами по военно-политической проблематике и международным отношениям, поскольку оно является одним из элементов взаимодействия государств в рамках вооруженной борьбы или дипломатического взаимодействия². Целью данной публикации является обоснование нового ракурса использования концепции информационного противоборства – применительно к региональному политическому процессу. Наша гипотеза состоит в том, что информационное противоборство является одной из качественных характеристик регионального политического процесса в условиях демократии. С такой позиции можно предположить, что, наметив основные параметры интенсивности информационного противоборства, возможно прогнозировать развитие региональных политических процессов, оценивать эффективность информационных политических кампаний отдельных политических субъектов.

Развитие информационного противоборства происходило благодаря появлению и массовому распространению новых, более эффективных по сравнению с ранее существовавшими, носителей и средств доставки информации. При осмыслении этого процесса специалисты выделяют следующие стадии информационного противоборства: вербальную, бумажную, техническую



“для галочки”, поскольку продуманной стратегии национальной безопасности у России как не было последние двадцать лет, так нет и в настоящее время. А поскольку “без бумажки мы букашки”, то было дано поручение составить такую стратегию. Но документ этот создавался на базе конъюнктурных установок и вряд ли отражает реальное положение дел». (*Алкснис В.* Не было и нет. // www.apn.ru 2009-05-26/).

¹⁰ *Бадыкова Н.* Стратегия национальной безопасности России: мнения экспертов («Voice of America News», США) // Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/249359.html> 26 мая 2009.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ В 1919 г., сразу после окончания Первой мировой войны, выходит второй труд – «Демократические идеалы и реальность», где он сформулировал свою максимум следующую образом: «Кто контролирует Восточную Европу, тот командует Хартлендом; Кто контролирует Хартленд, тот командует Мировым островом (то есть Евразией и Африкой); Кто контролирует Мировой остров, тот командует миром». В журнале «Полис» опубликован перевод части одной из его работ – *Маккиндер Х.Дж.* The Scope and Methods of Geography and the Geographical Pivot of History. L., 1951. P. 30–44. См.: *Маккиндер Х.Дж.* Географическая ось истории // *Полис*. 1995. № 4.

¹⁴ *Бадыкова Н.* Указ. соч.

¹⁵ Там же.

УДК 321.022

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ

Ю.А. Королев

Саратовский юридический институт МВД РФ,
кафедра гражданского права и процесса
E-mail: king7574@yandex.ru

В статье рассматриваются возможность использования концепции информационного противоборства для анализа регионального политического процесса, манипулятивные и маркетинговые технологии информационного противоборства как источник угроз безопасности. Предлагаются возможные меры для снижения негативных последствий информационного противоборства.

Ключевые слова: информационное противоборство, региональный политический процесс, угрозы безопасности, политические манипуляции.

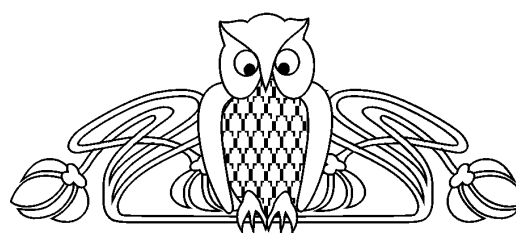
Information Conflict in Regional Policy as a Security Threat

Y.A. Korolev

This article discusses the use of the information for the analysis of regional conflict political process. The author considers the manipulative marketing and information technology as a source of security threats. The paper suggests possible measures to reduce the negative effects of information conflict.

Key words: information conflict, regional political process, security threat, political manipulations.

Проблема информационного противоборства в настоящее время пристально изучается представителями общественных наук. Это связано с тем, что в рамках парадигмы конфликта (предполагающей именно такое рассмотрение политического процесса, при котором существует интенсивное взаимодействие политических акторов по линии «друг – враг») все большую роль играет фактор информации. Информация, а также средства ее



получения, распространения и обработки рассматриваются как постоянно действующий элемент политики, существенно усиливающий властное воздействие и определяющий характер развития политической системы¹.

В политической науке сложилось так, что информационное противоборство рассматривается в основном специалистами по военно-политической проблематике и международным отношениям, поскольку оно является одним из элементов взаимодействия государств в рамках вооруженной борьбы или дипломатического взаимодействия². Целью данной публикации является обоснование нового ракурса использования концепции информационного противоборства – применительно к региональному политическому процессу. Наша гипотеза состоит в том, что информационное противоборство является одной из качественных характеристик регионального политического процесса в условиях демократии. С такой позиции можно предположить, что, наметив основные параметры интенсивности информационного противоборства, возможно прогнозировать развитие региональных политических процессов, оценивать эффективность информационных политических кампаний отдельных политических субъектов.

Развитие информационного противоборства происходило благодаря появлению и массовому распространению новых, более эффективных по сравнению с ранее существовавшими, носителей и средств доставки информации. При осмыслении этого процесса специалисты выделяют следующие стадии информационного противоборства: вербальную, бумажную, техническую



и информационно-коммуникационную. Причем каждый последующий этап вбирал в себя средства и методы предыдущего³.

Если определить в самом общем виде, то *информационное противоборство в политике* является конкурентным взаимодействием субъектов политики, при котором они стремятся нанести ущерб друг другу преимущественно с помощью информационных средств и способов воздействия при одновременном стремлении защитить объекты собственной информационной инфраструктуры и информационного пространства. Таким образом, в региональном политическом процессе информационным противоборством можно назвать *публичное противостояние* различных политических субъектов по поводу власти, защиты собственных экономических и политических интересов, развернутое на основных каналах масс-медиа – печать, ТВ, радио и Интернет.

Существенным обстоятельством, на наш взгляд, является фиксация именно *публичности* данного взаимодействия. Это связано с тем, что целевыми группами в таком контакте выступают как отдельные социальные группы (политические элиты региона и федерального центра, аудитории соответствующих СМИ), так и массовый социальный субъект (население региона в целом). В связи с этим в региональном информационном противоборстве наиболее ярко проявляется использование сильных выразительных средств, технологических приемов, направленных на повышение внимания аудитории, удержания уровня популярности.

Информационное противоборство в региональной политике предполагает использование разнообразных информационно-технических и информационно-психологических технологий воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание. Первые предполагают набор конкретных технологий, которые позволяют существенно усилить собственные шансы на победу и минимизировать возможности противника путем технического воздействия (блокирование коммуникаций противника, подрыв ресурсной базы, разрушение инфраструктуры обработки информации и т.п.)⁴. Вторая группа технологий (информационно-психологические) работает в большей степени с содержанием (контентом) информации, методами ее подачи и управления эффектами ее распространения.

В рамках данной публикации остановимся лишь на второй группе технологий, поскольку именно они в решающей степени воздействуют на интенсивность регионального политического процесса, будучи используемы в информационных кампаниях различного уровня. Если рассматривать современную практику информационного политического противоборства, то нетрудно заметить, что существуют и активно применяются два основных вида таких технологий: *манипулятивные* и *маркетинговые*. И те и другие, по сви-

детельству многих отечественных политологов, занимавшихся электоральными процессами, являются основной практикой проведения избирательных кампаний, базой формирования конкретных политических стратегий (медиапланирование, позиционирование кандидата, работа с оппонентами и целевыми группами и др.).

Манипулятивные технологии являются таким средством, которое позволяет осуществлять контроль над сознанием и поведением людей путем скрытого управления, чтобы принудить их действовать или бездействовать вопреки собственным политическим интересам. Среди таких технологий в региональных информационных кампаниях часто используется создание и распространение выгодных для заказчиков медиасообщений образов, «мнимый выбор», индокринация и др. В свою очередь, данные технологии включают в себя следующие методы и приемы: «приклеивание ярлыков»; замалчивание, предвзятый отбор и подтасовка фактов, обобщающий вывод при неполной их совокупности; «игра» с цифрами и деталями; упор на критику позиции противника, избегание собственных конструктивных предложений по конфликтным вопросам; приемы трансформации (ослабление или гиперболизация) позиций, аргументов противника; подмена предмета спора, обсуждения; осмеяние; метод отрицательных групп отнесения; повторение лозунгов или шаблонных фраз; эмоциональная подстройка; ссылка на авторитет или продвижение через медиаторов; использование слухов; использование дезинформации или «техника большой лжи»; «утечка» секретной информации и др.⁵

Маркетинговые технологии обычно определяют как технологии информирования соответствующих аудиторий (целевых групп), политической рекламы, «паблик рилейшнз». В самом общем виде технологии информирования призваны обеспечить реализацию конституционного права граждан на информацию. Следовательно, их главной целью является доведение до населения через каналы массовых коммуникаций актуальной и объективной информации преимущественно в форме данных и фактов в целях повышения осведомления населения о текущих событиях в жизни общества и деятельности государства. Однако особенностью политического информирования является то, что оно осуществляется, как правило, в виде официальных сообщений, носит организованный и регламентированный характер. В условиях жесткого информационного противоборства, которое практикуется всегда характеризует имеющиеся политические конфликты региональной правящей элиты, объективного информирования, как правило, не происходит: все заинтересованные стороны стараются максимально полно реализовать собственные интересы и минимизировать возможности противника.

Технологии политической рекламы предполагают осуществление однонаправленного и



неличного обращения через СМИ и другие информационные каналы для стимулирования участия граждан в каких-либо политических процессах, к тому или иному типу политического поведения. Коммуникативная сущность технологий политической рекламы заключается в установлении контакта между носителями власти или претендентами на нее и массами путем создания направленной адресной связи между ними, с использованием предельно доступной для восприятия и адекватной им знаковой системы – идей, образов, символов, мифов. Технологии политической рекламы в информационном противоборстве, как правило, направлены на выделение собственного объекта в информационном пространстве из числа других и удержание повышенного внимания к нему. Поэтому следует говорить об их ярко выраженной социально ориентированной функции.

В настоящее время огромное значение придается технологиям публик рилейшнз, представляющим собой профессионально организованную информационно-управленческую деятельность, основным принципом которой является обеспечение реализации целей организации на основе честного и уважительного отношения к реципиенту. Главная идея «публик рилейшнз» в информационном противоборстве заключается в том, что политические акторы достигают своих целей не путем подавления, дезинформации, обмана, диктата, а с помощью презентации своих идей и программ в общественном мнении, завоевания репутации. В этом смысле «публик рилейшнз» выступает как технология противодействия негативному информационному влиянию через выявление зон совмещения и создание условий для согласования интересов государства, общества, политических партий, бизнеса и др. Вместе с тем PR-технологии становятся тем инструментом, с помощью которого различного рода деструктивные силы способны создать конфликтную ситуацию, способствовать эскалации конфликта с целью достижения в ходе него своих корпоративных целей. Применительно к региональной политике стоит отметить, что в настоящее время использование квалифицированных PR-подходов в информационном противоборстве остается большой проблемой: востребованы в основном те из них, которые ориентированы именно на деструктивное влияние, нанесение максимального вреда сопернику, получение конъюнктурного преимущества.

Таким образом, информационное противоборство в региональной политике оснащено значительным арсеналом технологий и методов информационно-психологического воздействия, который постоянно обновляется и совершенствуется. Однако эти широкие возможности используются в настоящее время преимущественно неконструктивно. СМИ, ангажированные соперничающими политическими силами или выполняющие заказ власти, дезинтегриру-

ют общество, повышают степень социально-политической неопределенности. Функционально претендуя на роль «четвертой власти», как это вытекает из привычной практики западных демократий, российские СМИ забывают о своей материально-финансовой, организационной и политической зависимости – от органов власти или воли хозяев-акционеров. Ситуация на современном российском информационном и политическом рынке складывается таким образом, что в условиях активных политических кампаний возникают уникальные предпосылки для получения материальной, финансовой или иной выгоды для различных СМИ. Информационный ресурс может быть успешно реализован, поскольку возникает институализированный спрос на соответствующим образом оформленную информацию, удовлетворить который способны в значительной степени именно средства массовой информации. Происходит формирование монополии различных изданий на коммерциализированную общественно-политическую информацию.

В таких условиях информационное противоборство начинает серьезно угрожать безопасности политической системы как региона, так и государства в целом. Отсутствие социально приемлемого баланса между свободой слова и распространения информации и неотъемлемым правом каждого гражданина получать объективную политическую информацию о происходящем в регионе, стране и мире ведет к резкому падению рациональности политики вообще. Общество становится статистом в информационных войнах, будучи лишенным реальной возможности как влиять на политический процесс, так и просто его понимать. Кроме того, российская ситуация идеологического плюрализма (гарантированного Конституцией) позволяет манипуляторам в СМИ ставить под сомнение традиционные российские ценности, разрывать смысловые связи в массовом сознании, насаждать неприемлемые идеологемы шовинизма, расизма, других радикальных воззрений. Особо стоит отметить стремление некоторых политических сил России и за ее пределами, которые стремятся «переписать историю» России, формируя соответствующий образ национальным символам и героям. Такая угроза безопасности страны в должной мере пока, к сожалению, не блокирована. Все это ведет к делегитимации государственной власти, фрагментации и маргинализации общества, утрате авторитета демократических институтов.

Для снижения негативного воздействия эффектов информационного противоборства были бы весьма востребованы следующие меры:

повышение коммуникативной компетентности политиков, государственных служащих, российских граждан в целом для формирования условий рационального отбора и использования



информации для реализации собственных политических функций, для реального противодействия негативному информационному влиянию, снижения эффекта манипуляций;

совершенствование взаимодействия органов государственной власти и управления со СМИ, что предполагает необходимость иметь высокоподготовленных специалистов в государственных структурах по связям с общественностью, способных к использованию современных коммуникативных технологий;

формирование новой модели политической журналистики, ориентированной на высокую социальную ответственность за перспективы развития страны. Формируя общественное мнение, СМИ должны в решающей степени учитывать нацеленность общества на демократическое развитие страны и модернизацию в интересах большинства граждан.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Модестов С.А.* Информационное противоборство как фактор геополитической конкуренции. М., 1999; *Панарин И.Н.* Информационная война и Россия. М., 2000; *Воронцова Л.В., Фролов Д.Б.* История и современность информационного противоборства. М., 2004.
- ² Среди новых работ в данной области см.: *Ивашев А.А.* Американская стратегия психологической войны против СССР на начальном этапе холодной войны (1946–1953 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2007; *Иванников О.В.* Комплексный характер информационной войны в современном обществе. Ростов н/Д, 2008; *Литвиненко А.В.* Специальные информационные операции и пропагандистские кампании. Киев, 2000; *Вирилио П.* Информационная бомба.

Стратегия обмана. М., 2002; *Шафрански Р.* Теория информационного оружия // <http://psyfactor.org/infowar3.htm>

- ³ См.: *Фролов Д.Б., Воронцова Л.В.* История информационного противоборства. М., 2003. С. 37.
- ⁴ См.: *Манойло А.В.* Государственная информационная политика в особых условиях. М., 2003. С. 243–245. Кроме того, стоит отметить, что в 1997 г. Комитет начальников штабов Министерства обороны США добавил к объектам нападения и обороны в информационной войне компьютерные сети, видимо, в силу их значительного распространения к этому времени и повышенной уязвимости. В тот же период американские военные специалисты пришли к выводу, что информационная война может стать преобладающим и даже решающим видом военного противоборства. Вооруженные силы смогут со временем одерживать победу над противником без оккупации его территории. Апробация таких способов ведения войны происходит в современных локальных вооруженных конфликтах. См.: *Жуков В.* Взгляды военного руководства США на ведение информационной войны // Зарубежное военное обозрение. 2001. № 1. С. 2–9.
- ⁵ Обзор конкретных примеров из политической жизни Саратовской области см.: *Свешиников А.* Политическая цензура в саратовских СМИ // Богатей. 2005. № 11(290). 24 марта; Деньги, иски и политика // Богатей. 2007. № 1(381). 11 янв.; *Крутов А.* Дело Макеенко: отмедведили, отматросили, посадили и бросили // Общественное мнение. 2009. № 2(113). Февр. С. 42; *Бочарова С.* Ипатов никого не смог примирить. Саратовскую область продолжают сотрясать политические скандалы // Независимая газета. 2005. 30 сент.; *Она же.* Саратовские медведи съели беспартийного градоначальника. Конфликт мэра областного центра с депутатским корпусом окончился его отставкой // Независимая газета. 2005. 15 дек.

УДК 32.01–053.81(470+571)

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ МОЛОДЕЖИ: УЧЕТ ЕЕ ИНТЕРЕСА К ПОЛИТИКЕ И ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА

С.Ф. Некрасов

Сибирская академия государственной службы
E-mail: bondar4455@rambler.ru

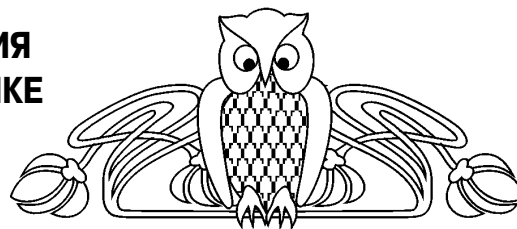
В статье рассматриваются интерес молодежи к политике и ее политический интерес в качестве основы для формирования общественного мнения.

Ключевые слова: политический интерес, общественное мнение, молодежь, информационные каналы.

Forming of Public Opinion of the Young: Considering Their Interest to Politics and Political Interest

S.F. Nekrasov

The article is dealing with the interest of the young to politics and their political interest as the basis for forming public opinion.



Key words: political interest, public opinion, youth, information channels.

Сторонник процессной трактовки развития общественного мнения А.В. Гарник отмечал, что общественное мнение предполагает «процесс осуществления совместной оценочной деятельности масс, детерминируемый определенным общественным интересом и находящий свое результативное выражение в коллективно выработанных и широко распространенных суждениях, а также в практи-



информации для реализации собственных политических функций, для реального противодействия негативному информационному влиянию, снижения эффекта манипуляций;

совершенствование взаимодействия органов государственной власти и управления со СМИ, что предполагает необходимость иметь высокоподготовленных специалистов в государственных структурах по связям с общественностью, способных к использованию современных коммуникативных технологий;

формирование новой модели политической журналистики, ориентированной на высокую социальную ответственность за перспективы развития страны. Формируя общественное мнение, СМИ должны в решающей степени учитывать нацеленность общества на демократическое развитие страны и модернизацию в интересах большинства граждан.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Модестов С.А.* Информационное противоборство как фактор геополитической конкуренции. М., 1999; *Панарин И.Н.* Информационная война и Россия. М., 2000; *Воронцова Л.В., Фролов Д.Б.* История и современность информационного противоборства. М., 2004.
- ² Среди новых работ в данной области см.: *Ивашев А.А.* Американская стратегия психологической войны против СССР на начальном этапе холодной войны (1946–1953 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2007; *Иванников О.В.* Комплексный характер информационной войны в современном обществе. Ростов н/Д, 2008; *Литвиненко А.В.* Специальные информационные операции и пропагандистские кампании. Киев, 2000; *Вирилио П.* Информационная бомба.

Стратегия обмана. М., 2002; *Шафрански Р.* Теория информационного оружия // <http://psyfactor.org/infowar3.htm>

- ³ См.: *Фролов Д.Б., Воронцова Л.В.* История информационного противоборства. М., 2003. С. 37.
- ⁴ См.: *Манойло А.В.* Государственная информационная политика в особых условиях. М., 2003. С. 243–245. Кроме того, стоит отметить, что в 1997 г. Комитет начальников штабов Министерства обороны США добавил к объектам нападения и обороны в информационной войне компьютерные сети, видимо, в силу их значительного распространения к этому времени и повышенной уязвимости. В тот же период американские военные специалисты пришли к выводу, что информационная война может стать преобладающим и даже решающим видом военного противоборства. Вооруженные силы смогут со временем одерживать победу над противником без оккупации его территории. Апробация таких способов ведения войны происходит в современных локальных вооруженных конфликтах. См.: *Жуков В.* Взгляды военного руководства США на ведение информационной войны // Зарубежное военное обозрение. 2001. № 1. С. 2–9.
- ⁵ Обзор конкретных примеров из политической жизни Саратовской области см.: *Свешиников А.* Политическая цензура в саратовских СМИ // Богатей. 2005. № 11(290). 24 марта; Деньги, иски и политика // Богатей. 2007. № 1(381). 11 янв.; *Крутов А.* Дело Макеенко: отмедведили, отматросили, посадили и бросили // Общественное мнение. 2009. № 2(113). Февр. С. 42; *Бочарова С.* Ипатов никого не смог примирить. Саратовскую область продолжают сотрясать политические скандалы // Независимая газета. 2005. 30 сент.; *Она же.* Саратовские медведи съели беспартийного градоначальника. Конфликт мэра областного центра с депутатским корпусом окончился его отставкой // Независимая газета. 2005. 15 дек.

УДК 32.01–053.81(470+571)

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ МОЛОДЕЖИ: УЧЕТ ЕЕ ИНТЕРЕСА К ПОЛИТИКЕ И ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА

С.Ф. Некрасов

Сибирская академия государственной службы
E-mail: bondar4455@rambler.ru

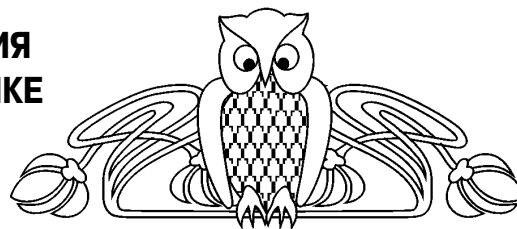
В статье рассматриваются интерес молодежи к политике и ее политический интерес в качестве основы для формирования общественного мнения.

Ключевые слова: политический интерес, общественное мнение, молодежь, информационные каналы.

Forming of Public Opinion of the Young: Considering Their Interest to Politics and Political Interest

S.F. Nekrasov

The article is dealing with the interest of the young to politics and their political interest as the basis for forming public opinion.



Key words: political interest, public opinion, youth, information channels.

Сторонник процессной трактовки развития общественного мнения А.В. Гарник отмечал, что общественное мнение предполагает «процесс осуществления совместной оценочной деятельности масс, детерминируемый определенным общественным интересом и находящий свое результативное выражение в коллективно выработанных и широко распространенных суждениях, а также в практи-



ческих действиях и поведенческих актах людей»¹. В свою очередь, В.К. Падерин подчеркивал, что «общественное мнение – сложный феномен, пронизывающий все сферы общественной жизни, но наиболее тесно он связан с политической областью жизнедеятельности людей»². В наиболее общем виде объектом общественного мнения является вся сфера общественно-политической жизни общества или, другими словами, вся система политических отношений. Безусловно, на политические отношения оказывает существенное влияние вся гамма общественных отношений – правовых, экономических, идеологических, национальных и др.

В качестве одного из носителей общественного мнения можно выделить молодежь. Сознание молодежи легко поддается влиянию политических, экономических и социальных факторов. Под воздействием этих факторов происходит консолидация интересов молодых людей и формирование общественного мнения. При этих условиях молодежь становится влиятельной политической силой.

Общественное мнение весьма избирательно в своем выборе объектов окружающего мира. То, что может вызвать появление мнения у одного молодого человека и даже у группы молодых людей, совсем не обязательно заденет за живое всю молодежь. Общественное мнение устанавливает свои связи с действительностью методом отбора, используя в этих целях достаточно жесткие критерии. Главным критерием отбора объектов общественного мнения выступают интересы молодежи. Лишь те явления действительности, которые вызывают познавательный интерес всех или большинства молодых людей, могут рассчитывать на пристальное внимание к себе со стороны общественности. Кроме того, из всего бесконечного ряда явлений действительности, вызывающих интерес, объектом рассмотрения становятся только те, которые предполагают различия в оценках, суждениях, характеристиках, т.е. заключают в себе больший или меньший момент спорности, дискуссионности.

Что же интересует современную молодежь, каков ее спектр интересов к общественной жизни? В результате социологического обследования в Новосибирском государственном педагогическом университете, проведенного группой исследователей под руководством доктора социологических наук Л.Г. Борисовой, была получена возможность ранжировать сферы общественной жизни, которые вызывают наибольший интерес студентов-старшекурсников. Анализ полученных ответов дает информацию двоякого рода, он показывает: 1) что именно интересно, каково содержание общественно значимых явлений, привлекающих внимание большинства молодых людей; 2) насколько сильно это внимание, какова мера заинтересованности в тех или иных сферах общественной жизни. Ранжирование ответов по числу активно интересующихся с учетом величи-

ны индифферентных, не проявляющих интереса, позволяет распределить все сферы общественной жизни на четыре группы интересов:

– первая группа – образование, культура, искусство. Эти сферы пользуются самой высокой популярностью, здесь больше всех интересующихся и меньше безразличных;

– вторая группа – спорт, зарубежная жизнь, Интернет, наука. К этим сферам жизни проявляют внимание многие, и примерно столько же не интересуются;

– третья группа – экономика, криминал, экология, политика. Эти сферы жизни можно назвать группой «средней заинтересованности», здесь, хотя и много интересующихся (около 20%), однако больше индифферентных (от 30 и более процентов);

– четвертая группа – техника, армия, религия. Эти сферы не вызывают заинтересованности, число тех, кто сказал «очень интересуюсь», оказалось довольно низким при большом количестве (от 50 и более процентов) индифферентных³.

Как видим, политика в качестве объекта познавательного интереса находится на периферии интересов молодежи. К аналогичному выводу приводят результаты исследования «Молодежь и медиа», проведенного И.В. Жилавской. Тематические приоритеты, как утверждает она, учащихся и студенческой молодежи выстраиваются следующим образом (по нисходящей): спорт, криминал, мода, политика, культура, звезды, эротика. Гораздо шире спектр интересов у молодых людей, которые занимаются созданием собственных информационных продуктов. Медиаобразованная молодежь выбирает темы в иной последовательности: политика, культура, мода, звезды, экономика, криминал, спорт. И добавляет к списку: новости из жизни мира, страны, своего края, молодежные организации, социальная жизнь, образование, высокие технологии, жизнь и взгляды творческих людей, электронная индустрия⁴.

Общий интерес к политике у молодежи вырабатывается в процессе взаимодействия и возникает лишь тогда, когда то или иное явление действительности становится объектом обостренного внимания одновременно всей молодежи, а связанный с этим явлением интерес преломляется в той или иной форме и мере через интересы отдельных индивидов. Не вызывает сомнения, что интерес к политике в большинстве случаев бывает осознанным. При этом не следует исключать случаи неосознанного влечения к политике. Этот вид интереса продиктован влиянием социальной позиции молодежи, уровнем ее политической культуры, принадлежностью к тому или иному классу как социальному слою.

Можно предполагать, что чем больше тот или иной объект интересует молодежь, тем быстрее формируется мнение, тем интенсивнее оно становится, тем быстрее в нем сформируются и эмоциональный, и рациональный, и поведенческий



компоненты. Фактор познавательного интереса к объекту оказывает влияние не только на скорость, интенсивность и полноту формирования мнения. Он особенно значим для распространения мнения во времени и социальном пространстве. Когда объект находится в центре внимания молодежи, тогда ее мнение складывается достаточно быстро и охватывает сразу всю социальную общность. Когда же объект располагается на периферии интересов, тогда мнение может складываться постепенно, и в нем не всегда формируются все его основные свойства и компоненты. Следует отметить, что удовлетворение интереса не ведет к его угасанию или исчезновению, а вызывает новые интересы, отвечающие более высокому уровню познавательной деятельности молодежи. Таким образом, познавательный интерес является своеобразной движущей силой формирования общественного мнения.

На то, что именно интересует молодежь в политике, в значительной степени влияет то, почему она интересуется политикой. Реальными причинами многих действий, поступков людей являются их политические интересы, формирующиеся у разных социальных групп в связи с их различиями по положению и роли в общественной жизни. Основой политических интересов молодежи является ее социальное положение в системе общественных отношений. Оно воспринимается молодыми людьми через жизненно важные факторы: характер и условия получения образования, престижную работу, социальную защищенность, обеспеченную семейную жизнь и т.д.

В политических интересах находят наиболее обобщенное выражение актуальные потребности молодежи. Эти интересы формируются на основе интересов всех членов сообщества. Молодые люди находятся в постоянном взаимодействии, и в процессе взаимодействия происходит выработка общего интереса, продиктованного реальными условиями социального положения молодежи. Политическим становится любой общественный интерес, когда обнаруживается, что он не может быть реализован имеющимися нравственными и административно-правовыми средствами. Это побуждает молодых людей искать пути его удовлетворения посредством повышения эффективности или даже изменения власти и управления обществом, заниматься политикой. Политический интерес можно определить как стремление молодежи сохранить или улучшить свои жизненные условия и свое положение в обществе с помощью политических средств – давлением на правительство, изменением государственной политики, участием в парламенте, поддержкой партий, лидеров и т.д. Стремление реализовать политические интересы, а также политические чувства и настроения является движущей пружиной политики, порождает и развивает политические проблемы, политические идеи и концепции,

общественно-политические институты и силы, государственную власть.

Конкретно политический интерес проявляется как стремление людей к определенным ценностям, нормам, к специфическому отношению к действительности. А.Д. Галюк отмечает следующие особенности формирования системы ценностей, а в конечном итоге, и политического интереса у современной молодежи. Во-первых, формирование системы ценностей происходит в условиях кризиса воспитательной функции родительского поколения. Значительная часть родителей неспособна передать молодому поколению ценности относительно достижения успеха в новой среде. Во-вторых, формирование системы ценностей молодежи происходит в условиях кризиса института образования, состоящего в отсутствии единой стратегии образования, отвечающей за формирование устойчивого, но вместе с тем гибкого мировоззрения молодого человека, «корректирующегося» в зависимости от требований среды. В-третьих, формирование системы ценностей молодежи происходит в условиях дегуманизации СМИ. В настоящий период средствами массовой информации демонстрируются противоречивые ценности относительно успеха: прежде всего, демонстрируется модель самоутверждения человека за счет подавления другого, в меньшей степени модель утверждения своего «Я» посредством личных усилий, направленных на созидание качественно нового предмета материальной или духовной культуры⁵.

Содержание политических интересов молодежи многообразно, так как оно зависит от самой молодежи, от конкретно-исторических условий, от взаимосвязи с другими субъектами политического процесса и т.п. Раскрыть подлинное содержание интересов молодежи – значит, показать возможности и способы реализации ее потребностей. Без учета истинных политических интересов невозможно эффективно вести формирование общественного мнения нового подрастающего поколения.

Примечания

- ¹ Гарник А.В. Взаимосвязь общественного мнения и социального опыта масс (методологический анализ). Л., 1988. С. 10.
- ² Падерин В.К. Общественное мнение в политической системе советского общества. М., 1988. С. 14.
- ³ См.: Специалист с высшим педагогическим образованием: качество подготовки и социальные ориентиры / Сост.: Р.М. Антропова, Л.Г. Борисова, А.Н. Валов, С.Ф. Некрасов и др. Новосибирск, 2002. С. 74–75.
- ⁴ См.: Жилавская И.В. Оптимизация взаимодействия СМИ и молодежной аудитории на основе медиаобразовательных стратегий и технологий. М., 2008. С. 22–23.
- ⁵ См.: Галюк А.Д. Особенности представлений молодежи о жизненном успехе в современной России. Екатеринбург, 2004. С. 15–16.

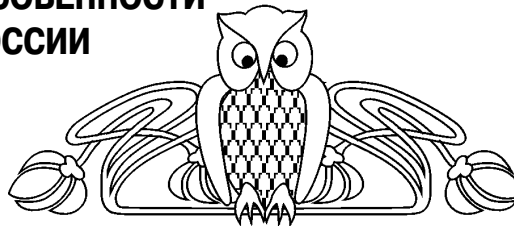


УДК 328

ГЕНЕЗИС ВЗГЛЯДОВ В.М. ГЕССЕНА НА ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИИ

О.В. Цветкова

Ульяновский государственный университет,
кафедра социологии и политологии
E-mail: tsvetkovaov@mail.ru



В статье анализируются взгляды В.М. Гессена на особенности становления парламентаризма в России, рассматриваются концепции субъективных публичных прав и институтов переходного периода.

Ключевые слова: В.М. Гессен, парламентаризм, абсолютизм, публичные права.

Genesis of the Conceptions of V.M. Gessen on the Specific of Parliamentarism Formation in Russia

O.V. Tsvetkova

This article gives the analyze of views of V.M. Gessen on the specifications of parliamentarism formation in Russia, and it gives the conceptions of subjective public rights and institutions of transition period.

Key words: V.M. Gessen, parliamentarism, absolutism, public rights.

В настоящий период сложность парламентаризма с институциональной точки зрения заключается в том, что он заимствован с западного образца европейских стран и проходит очень сложный путь адаптации к российской действительности. Парламентаризм в России составляет важную часть политической системы и политической культуры общества, сегодня необходимо изучать его проблематику с точки зрения науки (научного политического знания).

Для императорской России XIX и XX вв. было характерно осмысление политики с точки зрения традиционных наук – истории, юриспруденции, философии и социологии. Политическая наука как таковая, как в империи, так и советское время, отсутствовала.

На современном этапе особенно важно обратиться к истокам зарождения и развития народного представительства, поскольку и сейчас задача совершенствования государственного, в том числе законодательного механизма остается весьма актуальной, а практика осуществления многих уже проведенных преобразований наглядно свидетельствует о том, что игнорирование уроков прошлого ведет к просчетам и ошибкам.

Особенности российского парламентаризма в рамках истории политической мысли можно изучать с разных позиций, но мы попытаемся проследить генезис представлений русского юриста и видного политического деятеля Владимира

Матвеевича Гессена (1868–1920). В своих трудах Гессен опирался на обширный сравнительный материал своего времени и опыт практической деятельности в русском либеральном движении. Теоретический потенциал сделанных им выводов очень высок, многие из предложенных им формул сохраняют свое значение и сегодня.

Цель данной статьи – исследование генезиса взглядов В.М. Гессена на особенности становления российского парламентаризма.

Россия не была первопроходцем в деле создания представительных институтов, но процесс этот имел характерные особенности, присущие только российскому политическому процессу. Попытаемся определить наиболее характерные из них.

Во-первых, политические реформы и создание первого учреждения парламентского типа начались со значительным временным отрывом от большинства европейских государств. Это имело свои плюсы и минусы. Положительная составляющая заключалась в том, что представители русской политической мысли имели возможность изучить мировую парламентскую практику.

Гессен рассматривал в качестве образца английскую модель парламентарной монархии, а затем французскую модель парламентарского режима. В то же время ученый отмечал, что парламентаризм, кроме Англии, существовал также в большинстве других европейских государств – в Италии, Испании, Бельгии, Франции, Голландии, Венгрии и т. д. Для того чтобы говорить о парламентаризме в России и вообще, необходимо иметь в виду не только Англию, но и все другие государства, в которых парламентаризм, как особый политический принцип, так или иначе осуществлен.

Политический мыслитель утверждал, что до настоящего времени парламент еще нигде не являлся в полной и безусловной мере действительным выразителем желаний и воли народного большинства. И именно этим объясняется кризис, переживаемый современным парламентаризмом во многих государствах Западной Европы¹.

Гессен опирался на идеи Ш.-Л. Монтескье, Б. Константа, Дж.Ст. Милля, И. Бентама, Г. Еллинека, стремясь применить их в России после Манифеста от 17 сентября 1905 г., даровавшего народу Конституцию.



Для интерпретации формы правления, установившейся в России после первой революции (1905), Гессен использовал понятие дуалистической формы правления. Он различал два типа конституционных монархий – дуалистическую и парламентарную, в зависимости от решения вопроса об ответственности правительства. В первом случае (в дуалистических государствах) министры остаются у власти до тех пор, пока они угодны монарху, во втором (в парламентарных государствах) – пока они угодны не только монарху, но и парламенту. Если в парламентарной системе вотум недоверия министрам автоматически влечет коллективную отставку правительства, то в дуалистической этого не происходит – для нее характерен перманентный конфликт между законодательной и исполнительной (исполнительной) властью (то, что мы назвали бы сейчас двойной легитимностью), между парламентом и главой государства. Этот конфликт может не найти разрешения и последовательно воспроизводится на новом уровне. В настоящее время с этой точки зрения закономерно было стремление Кремля для подавления конфликта между исполнительной и законодательной властью ввести подавляющее большинство представителей «Единой России» в Государственную думу. Большинство политических партий в мире создаются политиками для завоевания позиций в исполнительной власти посредством получения голосов избирателей. «Единая Россия», как и ее предшественники «Наш дом – Россия» и «Единство», была создана высшими чиновниками для максимизации своего контроля над политическим процессом. Это различие определило основные характеристики российской «партии власти» в трех ключевых аспектах – партийная организация, партийная идеология и роль партии в политическом управлении².

Другой трудностью дуалистической формы правления, по мнению Гессена, может стать перевес одной власти (исполнительной) над другой (законодательной) при сохранении формальных атрибутов правового дуализма. В этом случае возникает феномен квазипарламентаризма – ситуация, когда законодательная власть превращается в совещательный орган при главе государства.

Во-вторых, значительное отставание от мирового исторического процесса придавало ему догоняющий характер. К началу XX в. Россия сохраняла форму правления, присущую феодальным государствам (абсолютизм). Набор демократических свобод: слова, союзов, совести и т.д. – то, что вырабатывалось, апробировалось и приживалось в западных странах годами и десятилетиями, было обещано Манифестом 17 октября 1905 г.

Понимая это, Гессен при определении основных черт правового государства в своих работах ключевое значение отводил правовым гарантиям неприкосновенности личности и защиты субъективных прав.

Гессен был уверен в том, что концепция разграничения объективных (или публичных) прав, с одной стороны, и субъективных конституционных прав – с другой, играла принципиальную роль при переходе от абсолютизма к правовому государству в странах Европы рубежа XIX–XX веков.

Гессен вслед за теоретиком немецкой правовой мысли Г. Еллинеком выделял три категории субъективных публичных прав. Первая – это права свободы: правовое государство признает за индивидом определенную сферу свободы, за пределы которой вмешательство государства не может быть распространено. Вторая категория – положительные публичные права индивида, то есть все права индивида на положительное действие государства в его интересах. Это права на услуги со стороны государственной власти, например: право на судебную защиту; право на социальную защиту; право на образование. Третья категория – право на осуществление государственной власти, то есть на политическое участие в образовании государственной воли (прежде всего – избирательное право). Конечно, эти права зародились еще при абсолютизме (и фиксировались в подзаконных актах), однако полное их развитие и юридическое признание возможно только в правовом (конституционном) государстве³.

В-третьих, в представлениях Гессена можно отметить еще одну особенность становления российского парламентаризма. Появление представительных институтов произошло не в результате смены формы правления и радикального изменения системы управления, оно вызревало в рамках абсолютизма, было актом, дарованным верховной властью со строго определенной компетенцией обеих палат. Сопровождалось это острейшим внутренним кризисом, вылившимся в первую русскую революцию.

Гессен утверждал, что именно наличие представительных учреждений отличает конституционное государство от предшествующих форм абсолютизма (в которых все органы, за исключением монарха, имеют совещательный характер), а также от сословной монархии (где в осуществлении законодательной власти принимают участие отдельные сословия или чины государства). Гессен подчеркивал взаимосвязь трех параметров характеристики правового государства: подзаконность любой власти, представительный характер правления (разделение или «обособление» властей) и юридическое закрепление этих принципов в конституционном праве. В настоящее время согласно ст. 10 Конституции РФ: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную, и судебную. Органы законодательной, исполнительной, и судебной власти самостоятельны». Российская Конституция не только определяет основания властных полномочий ветвей власти, но и закладывает структурные причины для противоречивых от-



ношений между ними. И некоторые аналитики не без оснований усматривают даже определённые намерения в нечетком разделении прав и функций исполнительных и законодательных органов власти, запутывающие их властные отношения. По убеждению В.М. Гессена, господство законодательной власти, как власти верховной, является отличительным свойством правового государства.

В современной России действующий президент Д. Медведев вынес постановление (ноябрь 2008 г.) о том, что правительство раз в год должно отчитываться перед парламентом о проделанной работе. Наступает новый переходный период в современной российской государственности, который позволит законодательной власти осуществлять контроль над деятельностью исполнительной власти. Это позволит, по мнению Гессена, реализовать функцию контроля общества над администрацией и поставить парламент в привилегированное положение, которое необходимо для становления парламентаризма. Эта особенность проявляется сегодня в становлении парламентаризма наиболее ярко.

Другое направление деятельности Гессена периода 1905–1917 гг. – разработка концепции институтов переходного периода. Здесь Гессен уделяет внимание проблеме становления и функционирования представительной власти в России. Имеются в виду работы и выступления Гессена об Учредительном собрании в России и устройстве политической власти в будущем, которые составляли основу программы кадетской партии. В своих трудах по этой проблеме он различал два типа учредительных институтов. Первый из них представлен учредительными собраниями, которые пересматривают конституцию в порядке, ею же установленном. В данном случае разрыва правовой преемственности не происходит. Второй тип представлен учредительными собраниями революционного типа, когда новый основной закон принимается безотносительно к нормам прежней конституции. В таком случае правовой разрыв неизбежен.

Российская модель Учредительного собрания, несомненно, принадлежала ко второй категории – являлась не учрежденной, а учредительной властью в полном смысле слова. Эта революционная модель, по мнению Гессена, таила в себе источник опасности, так как режим революционного деспотизма – самый опасный из всех деспотических режимов⁴.

Гессен предполагал, что должно наступить время, когда избирательное право во всех, без исключения, конституционных государствах, в том числе и в России, станет реальным фактом политической жизни. И только тогда парламент станет действительным выразителем народной воли. В современной России нельзя не отметить то, что сложившийся характер взаимоотношений ветвей власти совпадает с достаточно негативным отношением российских граждан к представительным институтам, их пониманием как неполноценной власти. В глазах российского населения парламент вообще не олицетворяет власть. В общественном мнении он претендует не на статус независимой ветви власти, а составной части, элемента центральной власти или в лучшем случае механизма выражения общественного мнения. Российская массовая политическая культура лояльно относится к самому факту концентрации власти в руках исполнительной власти. В настоящее время имеет место взаимное отчуждение рядовых граждан и политических элит. Для современного парламентского процесса в России характерно отсутствие теоретической и практической альтернативы фактическому парламентаризму.

Исследовав генезис взглядов Гессена на особенности становления российского парламентаризма, мы приходим к выводу: российский парламентаризм был заимствован с западного образца, но при этом появление представительных институтов произошло не в результате смены формы правления, оно вызревало в рамках абсолютизма, сопровождавшегося внутренним кризисом.

Примечания

- 1 См.: Гессен В.М. О правовом государстве: к реформе государственного строя России. Л.: Изд. Н. Глаголева, 1954. Вып. 2. С. 59.
- 2 См.: Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции – к иерархии // Полис. 2008. № 3. С. 135–151.
- 3 См.: Гессен В.М. Основы конституционного права. 2-е изд. Пг.: Юрид. кн. скл. «Право», 1918. С. 57–58.
- 4 См.: Медушевский А.Н. Гессен В.М. и теория перехода: от авторитаризма к демократии и от демократии к авторитаризму // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 4. С. 176–188.